

Учмаққа Арстан мұзғармақ арманні Сайыс

Барчя

гордого

Наемная компания идет по свету. Откуда - неважно, куда - бог знает, капитан догадывается, а рядовым все равно. Тридцатилетнюю войну отслужили, ничего не выслужили а теперь берутся за любую работу. С кем воюют - а кто на пути попадетсся с тем и воюют. Им бы день прожить... и остаться людьми, что порой очень и очень не просто. Ибо ночь темна и полна ужасов а перед рассветом темнее всего.

Глава 1 - Нежданные новости

1-1

Новость

Осеннее серое небо озарялось огнями — трепещущими разноцветными огнями праздничного фейерверка. Забытое за долгих тридцать лет зрелище — люди, по привычке, ещё вжимали голову в плечи, думая, что летит бомба. но в небе плыла россыпь ярких, многоцветных огней. С островерхих колоколен церковей — святого Витта, святого Вацлава и прочих, которыми город в давние времена пытался дотянуться до неба, неся полузабытый за тридцать лет войны торжественный звон — Te Deum Laudam. «Тебе Бога хвалим». Горожанам было за что. Мирный конгресс, непрерывно заседавший девять лет подряд, подписал, наконец, последнюю бумагу. Война закончилась. Наступил мир.

Солдаты имперской армии — и шведские драгуны на другом берегу реки — ещё копали окопы. По привычке и чтобы вода не затопила вытертую ткань лагерных палаток.

— Мир... Кто-нибудь знает, что это такое? — спросила высокая женщина, закутанная на пронзительном осеннем ветру в добротный солдатский плащ с аккуратно споротыми гербами. Спросила растерянно, не зная кого, подняв глаза в низкое серое небо. Небо не ответило — должно быть, у него были другие дела. Лишь накидка соскользнула прочь с её головы, рассыпались по плечам длинные светлые волосы. Лагерь вокруг молчал.

Город вдаль бил во все колокола, созывая жителей на благодарственную молитву.

— Что это за мир такой ? Кто-нибудь знает ? — прошептала она ещё раз, оглядывая лагерь.

Кто-то ответил. Из-за спины и с опаской. Женщину в плаще без гербов звали Магдой, она была солдатской женой и бессменным капитаном отдельного капральства ротных kampfrau. Рука у неё была тяжёлая

— А так. Мир — это когда войны нету. Ни войны, ни солдат, ни армий

— Это как? — прошептала она, но неведомый доброхот исчез. Магда рванулась к офицерским палаткам — разбираться. Навстречу как раз шел капитан её роты — высокий широкоскулый офицер в плаще и потрепанной шляпе. Его Магда и спросила. Как у нее водится — в лоб, бесцеремонно ухватив за поблекший офицерский шарф. Капитан почесал затылок, припомнил читанные в детстве книги и разъяснил. Когда он родился, война уже шла вовсю, и знания на эту тему у него были сугубо теоретические.

— И как тогда жить прикажете? — прошептала солдатская жена, с трудом сдерживая слезы. Магда и эта война были ровесницами. И почти подругами, как шутила иногда,

отмахиваясь от мужа, временами выговаривавшего ей за излишнюю беспшабашность. Теперь война кончилась, а она... и что будет дальше? На этой мысли она окончательно разрыдалась. Сзади неслышно подошел Ганс Флайберг, солдат роты Лесли, ее муж — горбоносый, высокий, вечно хмурый человек с головы до ног рыжий от осенней грязи. Подошел, ласково обнял и повел прочь. Его руки осторожно придерживали жену за плечи, а холодные серые глаза — глаза лучшего стрелка роты — смотрели, прищурившись, ища взглядом, кого бы убить.

— Вы уж, придумайте что-нибудь... — прошептала она еще раз.

Муж пообещал:

— Обязательно.

Сдвинул на лоб широкополую шляпу, огляделся, почесал затылок. Прошептал, едва шевеля губами, привычную фразу. "Езус-Мария, покарай еретиков". Помогло слабо. Как и прочие молитвы, накрепко заученные солдатом, эта помогала стоять под пулями и брать прицел, но не думать.

А думать ... в голову Гансу ничего хорошего не приходило. Все мысли крутились вокруг проверенной жизнью идеи: "Раз жена плачет — надо кого-то пристрелить". Насчет "пристрелить" хмурый мушкетёр колебался редко, но вот кого? По уму выходило, что их величество императора Фердинанда. И не теперешнего, а прошлого, при котором началась вся эта заваруха. Но Ганс ещё не родился тогда. Да и вообще — одного короля он уже когда-то пристрелил. Помогло слабо. "Езус-Мария, покарай еретиков", — прошептал стрелок еще раз, сдвинул на лоб широкополую шляпу, успокоил жену и пошел искать ротного мастер-сержанта. Человек тот был опытный, знающий, может, подскажет что.

Ротный мастер-сержант, герр Пауль Мюллер нашёлся почти сразу. Сидел себе в центре лагеря на брошенной бочке, что-то считал и то и дело чиркал что-то в записной книжке. И он, и его книжка давно были армейской легендой. Невысокий, почти квадратный, заросший до глаз бородой дядька — ему было уже за пять десятков, но стариком его называли только те, кому жить не хотелось.

— Штальзунд, осада. Сколько мы там просидели? — бормотал старый волк мусоля карандашный огрызок, — три, пять месяцев? Не помню уже. Ладно, три пишем, плюс земляные. Потом Люцерн и Регентсбург... Регенсбург этот чертов кому писать? Не помню...

Сержант прошел войну от самого первого выстрела, успел повоевать на всех сторонах и под всеми знаменами. И жив до сих пор в отличие от некоторых.

— Берзах, месяц... —

— Ничего, что нас там разбили? Привет, сардж, — окликнул его Ганс, неслышно подойдя со спины.

— Какая разница. Привет, не мешай, — отмахнулся тот, подсчитал итог на пальцах, размашисто вывел цифру под чертой и длинно, забористо выругался. Было от чего. Их Величество Фердинанд, император Священной Римской Империи, король Римский, Богемский, Венгерский, эрцгерцог Австрии, Каринтии и прочих германских земель был должен сержанту за десять лет беспорочной службы. Их Величество Кристина, божьей милостью королева Швеции, герцогиня Финляндии, Лапландии и прочая, прочая, прочая — за пять лет и десять месяцев. Их величества ... Проще будет сказать, кто из коронованных владык не числился в книжке у старого вояки. Таких было всего два — во владения Великого Турка роту ещё не заносило, а царь Московский одну деликатную работу оплатил точно и в срок, чему сержант до сих пор удивлялся. Теперь же... если хоть один из королей выдаст

причитавшееся... Или хотя бы половину, сержант — богатый человек. Ну, хватит на таверну на перекрестке. Вот только таких чудес, как выданное жалование на этой войне ещё не видали. А уж в мирное время — и подавно.

Где-то далеко, в просторных, украшенных колоннами, капителями и резными портиками дворцах Вены, Стокгольма, Амстердама и Мадрида, в светлых парадных залах с картинами на душеспасительные сюжеты на стенах — посреди всего этого царственного великолепия короли, канцлеры, министры и секретари воюющих стран вели те же подсчеты. И описывали ситуацию теми же, что и старый солдат, словами. Конечно, с поправкой на куртуазную латынь. В государственной казне у всех уже-не-воюющих держав давно уже мышшь повесилась. Французский коллега кардинал Мазарини неудачно поднял налоги, поругался со своими добрыми парижанами и теперь стремительно удирает от них на чужом коне в сторону ближайшей границы. Кое-кто ему сейчас тихо завидовал — а что, у человека других бед, кроме возможной петли, не было.

Сержант почесал бороду, посмотрел ещё раз на книжку, потом на поникший под низким свинцовым небом лагерь, на всполох фейерверка над городом, хмыкнул и пробормотал под нос: "Помяните мое слово, добром это все не кончится".

— А ты помнишь времена до войны? — спросил Ганс. Щека у сержанта коротко дернулась.

— Забыл. Давно было, — отрезал он.

С городских стен брызнула искры в небо очередная шутиха. Сержант опять усмехнулся — криво, одними губами и сказал:

— Ладно, пошли капитана поищем. Не видел его?

— У себя, — неспешно ответил стрелок.

1-2

Пополнение

— Капитан Лесли? Наконец-то я Вас нашел! — голос из-за спины был столь бодр и жизнерадостен, что Яков чуть не попросил незнакомца потерять его обратно. Впрочем, капитан прибил это желание на месте, обернулся и, как мог вежливо, поздоровался с окликнувшим его человеком. Тот был совсем молодой, высокий, еще полный юношеской угловатости. И лучился такой жизнерадостной улыбкой, что капитану стало не по себе.

— С кем имею честь? — спросил Яков, рассматривая незнакомца. Высокий, с черными, упорно сопротивляющимися расческе волосами. Простое, круглое лицо со сверкавшими неподдельной радостью черными глазами. Изрядно потрепанный в пути долгополый серый камзол — похож на тот, что носят благородные господа, но сукно домотканное. И пшага на боку. "Странно, для пехотной — слишком длинная, для кавалерии — слишком короткая". Впрочем, на коллегу капитана юноша был никак не похож. Пока Яков довольно невежливо рассматривал незнакомца, тот заливался соловьем:

— Знаете, капитан, а я Вас уже целый год ищу. Вначале в Саксонии...

"Откуда мы вовремя унесли ноги", — думал про себя капитан, внимательно слушая незнакомца.

— ... Потом мне сказали, что вы стоите в северной Баварии — знаете, в чёрном лесу.

"Это над парнем кто-то подшутил и довольно гнусно. Я бы в тот лес за всё золото мира бы не сунулся"

— ...Тамошние крестьяне удивительно недружелюбны...

"Настолько, что все армии обходят тот лес десятой дорогой".

— ...И, наконец, нашёл Вас здесь, — почему-то парень искренне этому радовался.

— Очень рад, но с кем имею честь?

— Ой, извините, я не представился, — лицо у парня сменилось с радостного на огорчённое, — барон фон Ринген унд Лаис — а дальше пару ничего не говорящих капитану названий ... — ну, то есть сын барона. У меня...

Тут парень начал рыться по карманам и складкам одежды — долго, судорожно. Выражение лица пару раз прыгало от радости к отчаянию и обратно, по мере того, как очередной карман оказывался пуст. Капитан тем временем еще раз оглядел собеседника:

"Может быть, и настоящий барон. Со старой грудой камней, издалика похожей на замок, славным предком, ходившим еще в крестовые походы, и без гроша за душой. Я и сам такой".

Тут, наконец, был найден и торжественно извлечён на свет божий запечатанный конверт.

— Вот, пожалуйста.

Капитан внимательно рассмотрел печать, пощупал бумагу — венецианская, белая, очень дорогая, осторожно вскрыл — на бумаге четким бисерным почерком было аккуратно написано:

"Их Светлость, графиня Амалия фон... передает капитану привет и просьбу не забывать бедную вдову..."

Ничего себе. Эта бедная вдова наводила ужас на всех, включая их величество императора. Госпожа теща верховного главнокомандующего — главнокомандующие, правда, менялись, а неофициальный титул графиня держала цепко. Говорили что... В лагерях у костров про неё говорили много чего, шёпотом и оглядываясь. Якову хватало и того, что видел сам. С графиней они уже встречались пару раз. Первая встреча стоила Якову пол-роты убитыми и двух седых прядей в голове. Вторая, совсем случайная, заставила одного имперского князя сильно пожалеть насчёт измены кайзеру. А заодно и насчёт не выданного роте жалования.

Глаза капитана пробежали по тексту дальше:

"И просит оказать протекцию и предоставить место в роте многообещающему юноше из хорошей семьи..."

— Вы уверены, что это мне? С таким письмом Вас примут в любой из гвардейских полков в Вене. Да и худшего времени для поступления в армию, чем сейчас, не придумаешь. Сейчас мир, карьеры не сделаешь.

На лице у парня отразилось такое отчаянье, что капитан мгновенно передумал. Мало ли какие у человека обстоятельства. В любом случае, отказывать подателю такого письма себе дороже.

— Добро пожаловать в ряды... юнкер.

Паренёк просиял и вытянулся в струнку:

— Почту за честь...

Подошедшие на шум Мастер-сержант с Гансом старательно спрятали улыбки за широкой капитанской спиной.

Капитан сдал молодое пополнение им с рук на руки и пошел к полковнику — выяснять, на каком они свете. Впрочем, в этот день ничего нового не узнал. Полковник О`Рейли старательно лечил тоску настоящим ирландским виски, который его орлы гнали из ружейных стволов, в штабах тоже ничего серьезного, кроме "ждать указаний" не сказали.

Зато встретил старого приятеля — Свена, теперь премьер-майора шведской армии. Когда-то они с Лесли вместе начинали службу в одном полку под знаменами шведского Густава-Адольфа. Потом Свен попал в госпиталь, а Яков... А Яков в итоге оказался на другой стороне, под черными орлами империи. Поболтали, вспомнили старых знакомых, договорились на завтра — встретится да раздавить бутылку — другую. Но на завтра Свена принесли мертвым из ближайшего леса. Первые дни мира оказались на редкость кровавыми.

1-3

Мир

Крестьяне окрестных деревень отпраздновали приход мира обстоятельно, с выдумкой — развесив по разлапистым лесным елкам императорских сборщиков контрибуции. Они поспешили — конгресс подписал мир и, с чувством выполненного долга, разъехался. Сизифов труд по роспуску армий и поиску денег на выплату жалования достался какой-то специальной комиссии. Которая соберется — когда-нибудь.

"Вот как смелых найдут, так и соберется", — думал капитан, слушая в штабе генеральские разглагольствования.

А пока по-прежнему — войны уже нет, контрибуции, постои и прочие военные невзгоды еще есть, а армиям велено стоять под ружьём да ждать. У моря погоды, наверное.

Первым, что Яков услышал, вернувшись в роту, был бодрый сержантский рык — ветеран натаскивал молодое поколение.

— Кто наш враг?

— Французы, шведы и еретики герр Обервахтмайстер, — отвечал свежепринятый юнкер, полным энтузиазма голосом. Капитан усмехнулся.

— Во-первых — рота у нас наполовину островная, так что не вахтмейстер, а мастер-сержант. А во вторых — ответ неправильный. Французы и Шведы — это противник. Достойный и уважения к себе требующий. Еретики — добыча. А вот кавалерия — это враг, — тут старый волк попал на свою любимую тему и долго разглагольствовал об отдельных, слишком много о себе думающих, любителей лошадок с грязными голенищами. Потом перешёл на честь главнейшей из всех родов войск — непобедимой и легендарной имперской пехоты. И о необходимости эту честь защищать и поддерживать. Методом немедленного закапывания всех, кто... Молодое поколение перенимало опыт — внимательно, чуть не раскрыв рот. Капитан подумал, что при таких инструкторах парня прибьют ещё до заката, вмешался и напомнил, что дуэли в армии запрещены.

— А как же...

— Просто. Первым не задирайся, насмешек не спускай, бей сразу. И чтобы трупов мне не было.

— Это как? — недоумение у парня было таким искренним ...

— Пойдёмте, юноша, покажу.

Удар, выпад, ещё один. Укромное место на берегу реки за оградой лагеря давно облюбовали любители нарушать указы. Теперь и капитан обосновался тут, третий час со шпагой в руке гоняя пополнение. Всё равно полковник просил сидеть тихо и на глаза начальству не попадаться. На очередном выпаде юнкер пропустил весьма болезненный — не для шкуры, а для самолюбия — укол, глухо зарычал, сверкнул глазами и кинулся в очередную атаку. Совершенно безумную, на опытный капитанский взгляд. Яков чуть повернулся, в последний момент пропустил юношу мимо себя и сделал короткий,

неуловимый выпад. По идее клинок должен был несильно, но обидно шлёпнуть юнца по затылку плашмя. По идее — но сталь просвистела мимо, парень сумел с глухим рычанием уйти в перекат, развернулся и встал в позицию. Раздался одобрителный свист — с пикета в недалёком лесу скучающие часовые следили за учебной схваткой. Лесли бросил шпагу, улыбнулся и сказал:

— Хорошо, юноша, — парень еле переводил дух. Его чёрные волосы упрямо торчали во все стороны

Во всяком случае, сразу парня не убьют. Школа у него есть, а горячность уйдёт с годами. Если у него будут эти лета. Серое, нахмуренное небо ничего подобного не обещало.

В лагере глухо забил барабан.

— Обед, юнкер. Хватит на сегодня.

К лагерю, вверх по склону вела извилистая, раскисшая от дождей тропинка.

— Скажите, капитан, а... — юноша споткнулся о корень, покачнулся, но устоял на ногах. — А кто в армии лучший...

— Лучший боец? — Яков усмехнулся. — Если на шпагах — то какой-нибудь аристократ голубых кровей при шпабе командующего. Аристократам делать нечего, вот они и тренируются, учителей нанимают. А если просто так — то крестьянин с косой, когда поймает тебя на своём огороде.

На обед компания собралась в капитанской палатке — капитан, мастер-сержант, прапорщик Лоренцо — грустный и с исцарапанной мордой, стрелок Ганс, на правах исполняющего обязанности лейтенанта, Магда, присвоившая себе функции кашевара. Ну и новый юнкер, судорожно пытавшийся наесться кашей армейской обыкновенной. Магда, со всем её искусством, с трудом превратила её в съедобную. Едва-едва. Ветераны хмыкали, смотря на мучения молодого поколения.

— Привыкай, парень. Бывает и хуже.

— Да уж, окрестности армия подмела, как метлой, — бурчал мастер-сержант, работая челюстями. — На зимние квартиры пора. Ещё месяц на одном месте, и голодать будем.

А после обеда юнкер пропал. Вроде бы только что торчал здесь с удивлённым видом — и нет его. Явился через пару часов — взъерошенный, лохматый, но с улыбкой до ушей. Отловил Магду, протянул пару куриц и, отчаянно робея, попросил приготовить.

Как-бы случайно проходивший мимо мастер-сержант оскалился до ушей и одобрително хмыкнул:

— Ну ты даёшь, парень. А я уж думал, наши всю округу подмели. Прямо Рейнеке-лис какой-то.

И тут парень резко, на каблуках, развернулся к сержанту. Его рука метнулась к эфесу шпаги, глаза сверкнули неподдельной яростью.

— Я вам не лис... — голос его напоминал глухое звериное рычание.

"Чего это он", — проходивший мимо капитан рванулся наперехват — юнкер явно намеревался опробовать капитанскую науку на его же сержанте. На его же единственном, неповторимом и совершенно незаменимом мастер-сержанте. Рванулся, но не успел — сардж с шутливой усмешкой поднял руки, улыбнулся и сказал:

— Ну хорошо, парень. Хорошо. Не лис так не лис... Рейнеке-НеЛис. — Окружающие добродушно хохотнули. Странная вспышка прошла, парень тряхнул головой, отпустил шпагу и засмеялся вместе со всеми.

Так и стал парень в роте "не-Лисом". Или "Рейнеке Не-Лисом" — кличка к юнкеру

приклеилась намертво. По лагерю то и дело слышалось «Рейнеке, сегодня твоя очередь в караул» и так далее. Не-Лис освоился, стоял со всеми в караулах, осваивал хитрую науку прятаться от капитана, когда тот искал добровольцев поработать за писаря, бегал вместе с итальянцем Лоренцо в город. Даже пару дуэлей устроил, несмотря на строгий запрет. И куриц притаскивал ежедневно. Сержант, воспринявший это как вызов своему умению ставить караулы так, чтобы ни одна мышь не проскочила, пару дней гонял своих орлов в хвост и в гриву. Орлы клялись и божились, что мимо них мышь не проскакивала. А курицы были вкусные. В конце-концов, сержант плюнул, почесал бороду и пошел объяснять Рейнеке, что с начальством надо делиться. Объяснения были восприняты как должное, что несколько примирило старого вояку с вопиющим нарушением дисциплины. Так прошла пара недель. Капитан мотался то в штаб, то в город — выбивал жалование, зимнюю одежду, новости, приказы — хоть что-нибудь. Лужи по утру уже серебрились жалобно хрустевшим под сапогами ледком — шла зима, а ясности все не было. Полковник О`Рейли запил, заскучал и, в конце-концов, уволился из армии, заявив всем, что континент его достал, и он едет домой — в родную Дрогеду, в Ирландии. Розы выращивать. Его закадычный приятель и подполковник Джон Смит тоже остался один, плюнул и завербовался домой, в Англию — воевать за какой-то парламент. В островных делах Лесли мало что понимал, но от души помолился, чтобы друзья-приятели больше не встретились. Или хотя бы встретились на одной стороне. По лагерю шныряли какие-то подозрительные люди в штатских плащах, садились у костров, шептали прокуренными голосами заманчивые вещи. Один такой нарисовался в роте, присел к огоньку, заговорил вкрадчиво: "Не заскучали ли, господа?". Господин предлагал сбежать — во Фландрию, на испанскую службу. Там ещё воевали. "...Четыре талера, господа. И оплата регулярно, каждый месяц".

— Вот только месяцы там без команды из Мадрида не наступают, — хмыкнул мастер-сержант и показал Якову письмо от старого приятеля на испанской службе. Письмо, в шутку, было помечено пятьсот одиннадцатым января... Капитан всё понял правильно, вербовщик очень неудачно поскользнулся и начал обходить роту Лесли стороной.

Наконец, приказы пришли. Армию распускали — на зимние квартиры, поротно. Про жалование по-прежнему молчали, просто выдали бумагу с печатью — рота имеет право вольного постоя в... И послали с богом. Как всегда, как будто никакого мира и не было. Вот только — вот только местом постоя назначили один хорошо известный роте монастырь, в котором они уже однажды побывали.

— Да, — медленно, с расстановкой проговорил сержант, недоверчиво глядя на штабную бумагу. — Приятно, конечно, когда старые друзья тебя не забывают. Но всё-таки... — тут старый вояка задумался, огладил бороду и задумчиво глянул на серое небо — будто хотел прочитать что-то между тяжёлых дождевых туч.

Капитан мог только согласиться — за всем этим явно виделась чья-то лапа. То есть рука — изящная тонкая рука в надушенной кружевной перчатке. У "бедной вдовы" на роту явно были какие-то свои виды. Конечно, графине Амалии рота раньше оказывала более чем серьёзные услуги в кое-каких делах, о которых лучше не рассказывать к ночи. И, по логике, могла рассчитывать на благодарность. Вот только с благодарностью у аристократов всегда было плохо.

И даже к шведам не сбежишь — война некстати, но окончилась. В конце концов, капитан плюнул и положился на бога, судьбу и собственную удачу. Пора было выступать.

Марш

Тяжело, натужно бил барабан, солдаты, звеня сталью, скрипя кожей ремней и лениво ругаясь, строились в привычные колонны по четыре. Мушкетёры в широких обвисших шляпах с ружьями на плече и дымящимися фитилями вставляли в голове и хвосте колонны, пикинёры в тяжёлых сапогах, шлемах и колетах буйволиной кожи с длинными пиками — также привычно в середину. Жалобно скрипели колесами обозные повозки, покрытые шумной толпой солдатских жён, слуг, обозной челяди. Захлопало развёрнутое на холодном осеннем ветру ротное знамя в середине строя — чёрный имперский орел смотрел на людей с полотнища сверху вниз, презрительно, как генерал на толпу новобранцев. Лоренцо, ротный прапорщик, появился в последний момент, из ниоткуда, откозырял капитану рукой на бегу и занял привычное место — у древка знамени. Губы маленького итальянца что-то шептали, а глаза смотрели с такой задумчивостью, что капитан даже удивился.

Напоследок Яков оглядел колонну ещё раз — вроде порядок, обернулся — Рейнеке — юнкер торчал, как и приказывали, за капитанской спиной. Вид у паренька был довольно-таки ошарашенный. Взмах руки, барабаны забили частую дробь, и колонна двинулась, стремительно набирая привычный ветеранам темп. Хриплые голоса затянули старый пехотный марш. "Der grimming Tod mit seinen Pferd" . "Тот, кто шагал в этом строю до тебя — тоже пел, тот, кто встанет в строй вместо тебя — допоёт за тебя...". Капитан обернулся — юнкер шел рядом с потерянными глазами — немудрящая песня пробрала его до костей. Как Якова в своё время, когда он услышал её в первый раз. Когда... Тут капитан с удивлением понял, что и не помнит уже, сколько лет назад это было. За спиной колонны вспыхнуло рыжее пламя — кто-то бросил напоследок огонь в опустевшие лагерные шалаши.

— Зачем ? — прошептал юнкер

— Просто так. По привычке, — ответил ему Яков с грустной усмешкой. — Тридцать лет воевали.

Как будто и не менялось с тех пор ничего — мир там подписали или не мир...

Капитан посмотрел на небо — серые, свинцовые тучи давили вниз, к земле, обещая дождь. Холодный осенний дождь. "Пора бы уж осени закончиться", — подумал Яков и надвинул шляпу глубже на лоб, ожидая с неба противную холодную воду. И вдруг усмехнулся — на ладонь спланировала первая снежинка. Потом ещё и ещё. Припоздавшая в этом, 1648 году, зима шла по следам роты.

В первых двух деревнях на пути роты сходу обстреляли — не помогла ни генеральская бумага о праве на постой, ни сержантские таланты к разговорам. Капитан гнал людей вперёд, стремясь поскорее выйти подальше из выморочной долгим стоянием армий округи. Зима им здорово помогла, проморозив и покрыв первым снежком грязь на дорогах. Завеса туч прервалась, рота шла под голубым, кристально-чистым небом, шла, ускоряя и ускоряя шаг. Недоверчивое зимнее солнце смотрело на них с высоты. Капитан в сотый раз мысленно поблагодарил своего полковника, сумевшего перед отъездом проиграть Якову в карты полковой комплект зимней одежды — отставших и обмороженных пока не было. Пока. На ночёвку вставляли на поле, оградив палатки от ветра стеной из телег. Солдатские жёны, под прикрытием отдельного капральства мушкетёров собрали в недалеком лесу хворост. Вскоре запылали костры, забулькало в котелках нехитрое походное варево. Сержант расставлял посты, попутно объясняя молодому поколению все тонкости этого дела:

— Стража, парень, в армии бывает ординарная, нарочная, стоялая, круговая.

Ординарная — это на каждый день, в походе нарочная добавляется. Вот как сейчас. Стоялая — те, что на месте стоят, пути стерегут, круговая — те, что вокруг лагеря дозором ходят. Еще потерянная есть...

— Это как, потерянная? — спросил ошалевший от военной премудрости юнкер, приглаживая черные лохматые волосы на затылке.

— Это ближняя к неприятелю, — пояснил капитан. — Место опасное, но не слишком, если не зевать. Не пугайте парня раньше времени, сержант. Как-никак, потерянный пост — это бессменный пост нашего прапорщика. А Лоренцо наш пока теряться и не думает. Так что, юнкер, не пугайтесь раньше времени и наденьте шапку — не лето.

Юнкер откозырял, но шапку надеть не торопился. Мороз его не сильно пугал. Уходя, капитан услышал за спиной продолжение сержантской лекции: "Это тебе, юноша, не шпагой махать. Это целая наука".

А ночью юнкер традиционно исчез, чтобы под утро, так же традиционно притащить пару куриц. Сержант только хмыкнул и рукой махнул, даже не стал разбираться. Все равно его орлы ничего, кроме "никого постороннего не видели, ничего не слышали" по поводу отлучек юнкера сказать не могли. Юнкер, также традиционно ничего не отвечал, завтрак свой жевал равнодушно. Вид у парня был настолько задумчивый, что капитану захотелось вломить пару караулов, здоровья для — пусть и не в очередь.

Лагерь просыпался под стук барабана и крики обозных. Сердитое рыжее солнце карабкалось с востока на своё место, ночные звезды, мигая, сдавали караул. Капитан прошел с ежедневным обходом мимо палаток, костров, телег смотря во все глаза и слушая, от нечего делать, солдатские разговоры.

"...И сказал тогда природный и наследственный враг рода куриного и мужичьего..." — это Магда у костра рассказывала кому-то старинную сказку. Сидела, протянув руки к огню, спрятав светлые волосы под странной мужской шапкой с длинными, загибавшимися кверху ушами. Кто-то за спиной сухо, надрывно закашлялся. Яков чертыхнулся и положил себе зарок — на следующий привал любой ценой завалиться в деревню.

1-5

Деревня

Подходящая деревня нашлась как раз к закату. Сотня с лишним домов на косогоре, каменная церковь, высокая колокольня с покосившимся крестом — с неё, увидев в поле солдат на марше, проворно ударили в набат.

— Уважают, — улыбнулся в усы сержант, — глянь, ребята, колокольным звоном встречают, будто каких королей.

Рота меж тем спокойно разворачивалась из колонны в боевую линию. Проходы между деревенскими домами быстро закрывались самодельными баррикадами. От покосившихся заборов окраины в синее небо потянулись дымки фитилей.

— Ну точно как королей, — ответил Ганс в тон сержанту. — Сейчас салютацию делать будут. Из всех стволов, что зарядить сумели.

— А это наша деревня или чужая? — спросил юнкер. Если парень и волновался перед делом, то старательно не показывал этого. Зря. Капитан на его месте волновался бы.

— Вот поверь, парень. Ни нам, ни им никакой разницы, — сержант сплюнул и под барабанный бой ушёл вперёд — говорить.

Говорил он с деревенскими долго, обстоятельно. Развёрнутая в боевой порядок рота стыла на пронзительном зимнем ветру, держала строй, матеря вполголоса генералов,

припозднившихся с роспуском. Зимой, когда поля и огороды уже убраны, добывать квартиры было много труднее.

Сержант с деревенскими всё говорили. Когда капитан замерз настолько, что уже был готов скомандовать штурм — на поле ударили по рукам. Договорились.

— Угадайте, кто мы теперь, господин капитан, — с усмешкой сказал Якову сержант, когда рота обустроивалась в домах на окраине.

— Защитники империи?

— Не угадали. Отдельная команда по ловле бандитов и дезертиров. Посланы их величеством, лично, для очистки дорог, охраны покоя мирных обывателей и развития коммерции. У нас о том и бумага с печатью есть. Почти настоящая, хорошо хоть грамотных в этой глуши не нашлось.

Сержант на полном серьёзе показал внушительный белый листок. Яков глянул и от души, захохотал — заветной бумагой оказалось выданная сержанту полковой канцелярией справка о задолженности.

А ночью рота проснулась от грохота выстрелов. Первым делом Яков подумал, что юнкер опять пошел за курятиной и попался, но стреляли слишком много и часто. Ударил набат, звуки стрельбы смешались с сполошными криками крестьян и чьим-то боевым кличем. На улице творился полный хаос. Сарай на околице — к счастью, в противоположной от ротной стоянки стороне — горели, выбрасывая ревущие столбы пламени в чёрное ночное небо. В их свете неверными тенями метались люди, кони. На звоннице, чёрной тенью на огненно-рыжем фоне качались из стороны в сторону колокола. Солдаты Лесли выскакивали из домов, клинки наголо, метались, искали капралов. Лоренцо вытащил знамя, сержант пинками и руганью поднял заспанных барабанщиков. Забили сбор, люди сомкнулись — из толпы в строй. Ганс Флайберг без приказа развернул дежурное капральство поперек улицы навстречу нападавшим. Мушкетёры, прикрыв широкополыми шляпами дымящиеся фитили, встали наизготовку. Их граненые стволы выцеливали в ночь, ожидая сигнала. Яков обернулся, ища взглядом Рейнеке — если он опять отлучился, то мог и попасть в беду. Нет, вот он, спешит к капитану, одна рука на шпаге, другой пытается на ходу застегнуть камзол.

— Что происходит? — бросил НеЛис на ходу

— Застегнитесь, юнкер, не лето. Кто-то грабит деревню.

— Нашу деревню, — уточнил подошедший мастер-сержант, с видом, не предвещавшим налетчикам ничего хорошего.

Тут с противоположной стороны раздался громкий треск, и сразу — истошное блеянье. Похоже, налетчики дорвались до скотного двора.

— Эй, ребята, — крикнул сержант своим, да так, что все прочие звуки испуганно затихли на мгновение, — там какая-то сволочь хочет украсть наш обед. Люди за его спиной захохотали. Забил барабан.

— Рейнеке, держитесь меня. Выступаем, — скомандовал Яков, надвинул на лоб широкую шляпу и махнул рукой. Барабаны проббили частую дробь, рота, сомкнув ряды, пошла, следуя за белевшими в ночи перьями на капитанской шляпе. Яков повел людей не на улицы — в хаосе схватки никто не отличил бы своих от чужих. Вместо этого он вывел солдат в поле, во фланг атакующим. Вышли хорошо, скрытно — всадники в чёрных плащах так спешили ворваться в деревню, что разворачивавшуюся на засыпанных снегом огородах

пехоту сразу не заметили. Не заметили, пока люди Лесли не ударили залпом. Снопы пламени разом вырвались из длинных мушкетных стволов, фигуры нападавших — чёрные тени на фоне рыжего пламени — заметались, поворачивая коней навстречу. Первая линия мушкетёров шагнула назад, за спины второй. Вторая, угрюмо ворча, вскинула стволы наизготовку. Ещё залп — слитным, оглушающим рёвом. На той стороне металась и падали люди и кони — гротескные тени, под равнодушным светом луны.

— Вторая — заряжай, — прокричал Ганс. Стрелки отступили назад, срывая с перевязей берендейки с новым зарядом. До Якова донёсся глухой, размеренный стук шомполов.

— Третья — целься.

Мушкетёры третьей упёрли сошки в мёрзлую землю, наклонились, ловя черноту ночи на прицел. Очередное па в заученном танце пехотного боя. Все в роте знали его наизусть и могли станцевать и с закрытыми глазами — неважно, ночь сейчас или не ночь. На той стороне тоже были ветераны — земля под капитанскими сапогами ощутимо дрогнула. Попавшие под фланговый огонь нападавшие развернулись и, горяча коней, лавой пошли навстречу роте.

— Третья — залп, — граненые стволы плюнули огнем, сполох света выхватил у тьмы хрипящие конские морды, всадников в развевающихся подобно крыльям плащах, тускло блестящие клинки и усатые, искаженные яростью лица. Кто-то упал, перелетев через голову, истошно, жалобно заржала, заваливаясь набок, лошадь.

— Пики — к бою, — шестифутовые ясеневого древки задних рядов опустились. Забил барабан. На длинных, игольной остроты жалах хищно сверкнула луна. Всадники осадил коней, сверкнули короткие, злые вспышки пистолетных выстрелов. Под ухом у Якова неприятно просвистел, рванул за волосы холодный ветер. Яков озлился и махнул своим — вперёд. Пехота сделала шаг, древки качнулись. Всадники развернули коней и ускакали прочь — топот копыт растворился в ночи.

Огонь догорал, со стороны деревни ещё стреляли и слышался звук стали, но уже гораздо тише. Основная масса нападавших рассеялась в ночи, теперь селяне добивали тех, кто успел прорваться в деревню. Помощь им явно не требовалась.

— Ваша шляпа, герр Капитан, — окликнули Якова сзади. Кто-то из солдат протянул капитану пробитую в короткой перестрелке шляпу. Лесли и не заметил, как ее потерял.

— Спасибо, — ответил Яков, быстро осматривая ряды. Вроде все на месте. Ганс со своими мушкетерами сосредоточенно заряжает стволы. Сержант остался в деревне — прикрывать обоз. Рейнеке — где юнкер, мать его, — подумал капитан, не находя взглядом в рядах высокой, нескладной фигуры...

Юнкер обнаружился в деревне — растрёпанный, тяжело дышащий и с окровавленной шпагой наголо. За спиной у него сидел, привалившись к стене дома, сержант, держась руками за окровавленную голову. Пока рота выходила из домов в поле, юнец сумел потеряться. Метаться один по ночному полю парень, слава богу, не стал. Вместо этого вернулся обратно в деревню, к сержанту, оставленному сзади прикрывать обоз. Очень вовремя — пара десятков нападавших пыталась прорваться из ставшей ловушкой деревни через их баррикады. В короткой схватке сержант очень неудачно получил саблей по голове, люди Лесли на мгновение дрогнули. Но тут юнкер влез в бой со шпагой наголо. И сумел продержаться, один против многих, пока не пришла подмога. "Молодец", — подумал капитан, хотя, судя по виноватому лицу, юнкер явно считал иначе.

— Герр капитан, я... — но Яков прервал взмахом руки начавшийся было поток

извинений.

— Просто в следующий раз не теряйтесь, юнкер. Ночной бой — дело такое, тут генералы, бывало, и армии теряли. Хорошо, что догадались вернуться. И за сержанта спасибо.

Сержант меж тем при виде капитана собрался, встал и более-менее бодро отдал честь.

— Как Вы, сержант?

— В порядке, герр капитан, мозг не задет. Вот только шляпу мне в решето превратили, ироды. Как у Вас?

— Тоже в порядке. Нападавшие разбежались, кто успел. Интересно, только, кто они такие ?

— Какие-нибудь бедолаги, которым не повезло. Времена идут тяжёлые, решили накопить жирок перед долгим миром. Давайте посмотрим, — сержант осмотрел трупы нападавших — их, слава Рейнеке, валялось вокруг довольно — выбрал одного, одетого побогаче, и начал деловито обшаривать карманы.

Достал какую-то бумагу, поднёс к свету, прочитал — и, с хохотом протянул её капитану. Лист, украшенный витиеватой красной печатью, был выдан их светлостью герцогом баварским, графу де..., полковнику драгунского полка о выделении одного графа и его людей в отдельную команду по ловле бандитов, дезертиров и прочих нарушителей мира и спокойствия. В целях очистки дорог герцогства и безопасности коммерции.

Вообще-то офицеру и дворянину неприлично ржать, как лошадь. Тем более пехотному офицеру. Но именно так Лесли и заржал. Ирония судьбы. Сержант меж тем аккуратно соскоблил фамилию и спрятал бумагу себе в карман — пригодится.

Утром рота ушла из деревни. Строем, под барабан. Впереди красовался сержант, накрывший голову вместо потерянной шляпы огромным широкополым беретом времён кайзера Максимилиана. У кого он его забрал, и как такой столетний давности раритет вообще сохранился — история умалчивает. Но выглядел в нём старый, заросший до глаз бородой вояка внушительно — деревенские, на всякий случай, попрятались.

1-6

Без выхода

«Холодно. О господи, как же холодно. Надо двигаться, иначе замерзну...» — девушка с метлой в руках обходила комнату — единственную комнату небольшого деревенского дома. Закутанная в невообразимый кокон из тряпок — всех, что нашлись под рукой — человеческая фигура двигалась равномерно и как-то механически, не столько подметая, сколько опираясь на метлу. Абсолютно бессмысленная работа — дом был мёртв. Неровная груда кирпичей громоздилась там, где ещё недавно стояла печка. Дыра в потолке на месте рухнувшей трубы была кое-как заткнута — досками, соломой и чем попало.

Внезапно в дверь постучали. Грубо, требовательно. Заходил ходуном косяк, с тихим шелестом посыпалась известка. Девушка вздрогнула, затравленно обернулась на звук. Потом вздохнула, спрятала рыжую прядь глубже под косынку и поспешила открыть, пока очередной удар не вынес дверь с петель.

— Ну, что, девка, надумала? — вошедший, вместе с порывом пронзительно-холодного зимнего ветра мужик был высок, краснолиц и громогласен. Дверь, жалобно скрипнув, едва сумела вместить его широкие плечи и объемное, с трудом обтянутое длиннополой меховой курткой тело.

Девушка опустила глаза — сил смотреть на эти узкие глаза и поросший щетиной

двойной подбородок у неё не было.

— Зачем я Вам, господин... у вас же есть жена... — сказала она тихо. Как будто она не задавала этот вопрос день назад. Вошедший господин сельский трактирщик подробно, скаля белые зубы на каждом слове, объяснил тогда.

— Ну, я же тебя не в жёны зову... — опять ухмылка, аж жирные щеки ходуном заходили, — в подавальщицы при трактире.

Да. В служанки. Со всеми, прилагавшимися к такой работе обязанностями. Днём и ночью. День назад она попросила время — подумать. Господин трактирщик милостиво разрешил. А еще сломал в печке трубу. В два удара, заботливо приготовленной кувалдой. Чтобы лучше думалось — пояснил он тогда. Дом на отшибе, мама умерла — заступиться за неё некому. Уйти тоже — на дворе зима, пешком уйдешь разве что на кладбище.

"Надо соглашаться. Помру же", — подумала она, но ее губы, почти против воли ответили противоположное:

— Уйдите, господин. Уйдите, пожалуйста, — ей было странно слышать свой голос. Как будто со стороны.

— Замерзнешь, приходи, — господин вышел, напоследок хлопнув дверью так, что затряслись стены.

Девушка присела на скамью. Платок тихо сполз с её головы, сквозняки заиграли медно-рыжими волосами. Её карие глаза невидяще смотрели в окно. Да и нечего там было видеть — только зимний туман. "Пусть завтрашний день сам о себе позаботится", — так вроде бы говорил сельский пастор на проповеди. Хороший был человек, жаль только, что был, а не есть. Трактирщик его боялся и, хоть и сально заглядывался, но не трогал живущую на отшибе сироту. Но пастора убили проходившие мимо солдаты, и вот... Она вздрогнула. Сквозь стены и тусклую слюду окон ей почудился чей-то взгляд. В последние несколько дней она его часто чувствовала — вечерами, когда тени сгущались под заснеженными ёлками. Наверное, этого стоило испугаться. Наверное. Но измученный мозг упрямо пытался искать надежду даже там, где её отродясь не было. "Может, это ангел? — думала она иногда. — Пастор говорил, они так с небес смотрят за нами..."

Опять шум у двери. На этот раз не грубый стук, а осторожное, почти ласковое царапанье.

На пороге никого не было. Только вязанка хвороста валялась. Раньше ее здесь не было, трактирщик не побрезговал бы унести. И опять знакомое чувство — как будто кто-то смотрит в глаза. Она невольно улыбнулась ласково серому закатному небу.

"Ты всё напутал, милый ангел. Не поможет, печка — то сломана. Но всё равно спасибо", — подумала она, но вязанку в дом все-таки затащила. Осмотрела обломки печи — может, удастся сложить из них подобие очага. Топят же как-то и без трубы, далеко на востоке...

А господин трактирщик тем временем с нараставшей яростью смотрел на зимний лес. Выходил он из своего трактира за дровами, а в лесной домик забрёл по дороге. И вот тебе — там, где всего пару минут назад оставил добрую вязанку, её не оказалось. А ещё на пушистом раннем снегу не было ничьих следов, но этого трактирщик уже не заметил — красная ярость залила глаза, крепкая сучковатая палка сама прыгнула в руки.

— Ещё и воровка. Ну я ей... — прорычал он, разворачиваясь обратно.

На тропинке встала, загородив дорогу, серая неверная тень. Трактирщик, не сбавляя хода, замахнулся — и еще какое-то время не мог понять, почему он лежит, если только что стоял, куда делась из рук изломанная палка, что такое тёплое и густое течёт по груди и

руке... И чья кровь капает с кривых жёлтых клыков....

1-7

Мертвый дом

Небо над дорогой чернело, заволакиваясь тучами. Короткий злой ветер сдувал снег с поросших густым черным лесом холмов у дороги. Капитан Яков Лесли ругался. Ругался он виртуозно, со всем богатым армейским опытом — щедро мешая немецкие слова с английскими и удобряя изящной французской речью. Иногда в цветистых оборотах промежуточных слов мелькала и таинственная *kusma's mother*, подслушанная капитаном у шведских костров — эти ребята хорошо разглядели её у себя, в землях полуночных и обещали в Германии всем ее показать. Когда-нибудь, если сочтут немцев достойными. А теперь и Яков возносил ей хвалу, облегчая заодно командирскую душу. Было от чего — рота умудрилась сбиться с пути, потеряв тропу в этом поросшем скелетами деревьев лабиринте. Да еще обоза чуть не лишились — посланный поторопить задние ряды юнкер умудрился свернуть не туда и заблудиться. В итоге день марша псу под хвост и... Капитан с чувством проговорил последнюю фразу, старательно, как бы ни к кому не обращаясь, сплюнул и сказал, уже нормальным голосом:

— Придется ночевать в поле, делать нечего, — солдаты заметно погрузтели. Дело, конечно, привычное, но зимой и в непогоду — приятного мало. Юнкер, всю капитанскую речь простоявший столбом, встрепенулся, оглядел шевелящийся под ветром кроны деревьев и неуверенно сказал:

— Тут, вроде, в той стороне дом есть. Слышите, дымом пахнет...

Капитан ничего такого не слышал, но на всякий случай, приказал проверить.

В той стороне дом и вправду нашёлся. Крепкая деревянная, обложенная понизу тяжёлыми валунами постройка — то ли трактир придорожный, то ли чье-то небогатое поместье. Пара конюшен и каких-то сараев, высокий забор вокруг. Хороший дом, крепкий. Но мёртвый — не дымится на крыше труба, не горит свет в тёмных, забитых наглухо окнах. Сорванные с петель ворота сиротливо лежат на земле. И никого, хотя человеческих следов вокруг немало. Люди Лесли осторожно вошли внутрь, капитан дёрнул дверь — заперто. Огляделся, ударил в неё кулаком. В окне наверху с треском распахнулись ставни, в лицо Якову уставился мушкетный ствол и чей-то голос довольно грубо предупредил Якова, что место занято.

Яков упёр руки в бока и ответил, что такие аргументы и у него найдутся.

Вслед за стволом в окне показался и его владелец, настоящий гигант, мушкет казался в его руках детской игрушкой.

— Эй, господа, этот дом мы первые заняли, — голос у него был под стать росту.

— Имперская армия, рота капитана Якова Лесли. У меня сотня человек под ружьём и все замёрзли как котята. Именем императора открывайте, пока мы не начали греться, подпалив тут все к чертям.

— Подождите. — вмешался ещё один голос. Этот не грохотал литаврами, не рычал и не сыпал командами. Он лился тихо и вежливо — но так, что перебранка разом смолкла. Гигант в окне исчез, зазвенели засовы, и дубовая дверь распахнулась настежь перед капитанским носом.

— Прискорбное недоразумение, господа, — поприветствовали капитана на немецком — правильном, но с чётким французским акцентом.

Яков учтиво приподнял шляпу, поёжился — зимний мороз больно укусил за уши, и

внимательно рассмотрел человека перед собой. Невысокая, узкоплечая фигура, ладный и удобный, несмотря на портновские изыски кафтан, утончённое лицо, хоть и не первой молодости.

— Согласен, прискорбное. — ответил Яков. — С кем имею честь?

— Рене, Аббат Эрбле, к вашим услугам. Пользуясь миром путешествую по Германии. Мой спутник принял вас за грабителей.

— По нынешним временам — предосторожность разумная. — согласился капитан, кивнув для порядку.

— Я так понимаю, что грабить никто никого не собирается, так что заходите, господа.

— А где хозяин дома ? — спросил Яков, оглядывая еще раз темную в лучах закатного солнца громаду.

— Висел какой-то бедолага на воротах. Наверное, это был он.

— Довольно невежливо с его стороны, — прогрохотал громкий голос. Вниз спустился обладатель мушкета — высокий, широкоплечий, громогласный человек с немислимо закрученными усами. Яков чуть поморщился — в глаза ударил блеск золотого шитья на его перевязи.

Первый из французов сделал изящный жест в его сторону.

— Разрешите представить моего спутника — Исаак де Брасье, шевалье из Пикардии.

Капитан ещё раз приподнял шляпу, подставив морозу заочеченные уши.

— Очень приятно, — пробасил гигант.

— Так что с владельцем ? — спросил Яков еще раз.

— Мы его похоронили и, раз уж я духовное лицо пусть и без кафедры — прочитали молитву. Больше сделать для бедолаги мы все равно ничего не могли, а ночевать в лесу из-за этого глупо...

— Война, что поделаешь. — пожал плечами капитан.

Вообще-то уже мир, но бедолагу эти тонкости сейчас явно не волновали. Капитан обернулся и махнул своим — располагайтесь, мол. Его люди давно вошли и привычно, без лишней суеты разбрелись по двору, устраивая лагерь.

Последний, ярко-алый луч заходящего за ёлки солнца ударил капитану в глаза, заставил поморщиться. На арке ворот чёрной тенью сидел человек — кто-то из солдат залез срезать верёвку повешенного — на амулеты.

1-8

Непростой разговор

Все заботы о размещении роты капитан без зазрения совести свалил на сержанта. Пока тот, иногда порывая на подчинённых аки лев рыкающий на газелей, носился взад и вперёд, капитан засел в холле. Один невезучий сундук был мгновенно пущен на дрова, весело затрещал огонь в печке. Капитан придвинул стул поближе к поплывшему по зале приятному теплу. Французы расположились напротив, за длинным, изрядно истёртым столом тёмного дерева. Их было двое — гигант и его изящный спутник. И ещё десяток слуг, старший из которых — высокий полноватый парень с наглым лицом что-то долго говорил своему патрону по-французски, опасливо косясь на капитана. Впрочем, слуг француз сразу отослал прочь коротким жестом, велел подать вина, и не беспокоится попусту. Капитан в ответ приказал выставить на стол курицу из юнкерской добычи. Огонь трещал, отбрасывая мерцающие пятна жёлтого света на тёмные балки потолка и белёные стены. Постепенно подходили на огонёк люди капитана — Лоренцо, чернявый и обманчиво-мелкий итальянец,

ротный прапорщик, Мушкетер Ганс — этот встал у входа, подперев плечом дверь и глядя в никуда холодными серыми глазами. Потом подошёл погреться и разобравшийся с делами сержант.

Капитан отдыхал и немного бесцеремонно рассматривал французов, а они его — точнее его плащ, небрежно брошенный на один из стульев. Хороший, тёплый плащ, недлинный и с широкими рукавами — покроя, который на восток от Рейна называют мушкетёрским, а на запад — *a-la cossak*. Шведы привезли его в Германию, вместе с кузькиной матерью, из стран полуночных, а уж у них переняли покрой все, кому не лень. Капитан пару минут удивлялся такому интересу к заурядному, в общем то, предмету гардероба, потом кое-что вспомнил, кивнул на плащ и сказал одно слово:

— Нордлинген, — плащ был французский, трофейный, взятый на поле той, несчастливой для империи битвы. Чужие вензеля капитан спарывал сам и на редкость криво — латинская буква L была ясно видна даже в таком свете.

— Трофейный? Кому-то не повезло.

— Случайно, не Ваш, месье? — мягко усмехнулся капитан. Младший из французов ответил на улыбку улыбкой.

— Нет. Я лицо духовное...

Теперь пришёл черёд капитану удивляться. Француз конечно выглядел сугубо штатским человеком — тонкое, моложавое, очень правильное лицо, длинные, раскинутые по плечам волосы. Дорожный кафтан — неброский, ладный, одинаково годный и для бивачного костра и для дворцовой залы. Руки в перстнях, небрежно державшие отливающий рубином бокал. Изящные, немного женственные кисти рук. Но глаз у капитана был намётанный — шпагу эти тонкие пальцы держат куда уверенней, чем четки.

Француз заметил направление его взгляда и улыбнулся ещё раз — понимающе.

— Да, было время, и я шагал под барабанный бой. Но оставил службу после осады Ла-Рошели — молитвы и проповеди кормят лучше, чем марши и караулы.

— Воистину, — сказал капитан, откинувшись к стене, — что привело Вас в Германию?

— Были на мирном конгрессе, теперь путешествуем. Интересная страна. Интересные люди.

— Дикие, правда, — хохотнул гигантский шевалье.

— Суеверные, я бы сказал, — мягко поправил Эрбле своего спутника. — но интересные. Что нам только не рассказывали в дороге. Настоящий клад, для человека, склонного к сочинительству. Я, сударь, на досуге балуюсь пером, а иные истории, рассказанные в каком-нибудь трактире, стоят греческих трагедий. Например ... — тут француз коротким жестом поправил волосы и незаметно тронул пальцами мочку уха... — например, однажды мне рассказали историю о солдате, которого было невозможно убить.

В углу что-то глухо звякнуло. Отсвет пламени пробежал багровым по вину в стаканах и тяжёлым перстням на руке француза. Капитан усмехнулся и ответил коротко.

— Чего только люди не говорят.

— Как ни удивительно. Говорили, пули и клинки просто отскакивали от него, как от заколдованного.

— Не удивлён. Когда новобранец заряжает мушкет — он обязательно просыпет половину пороха на землю. Да и ветераны иногда грешат таким, чтобы не калечить плечо отдачей. А потом рассказывают сказки о заколдованных врагах. Кстати, сказка не говорила, что стало с тем солдатом?

— Умер, — коротко ответил француз. Де Брасье хохотнул и добавил

— Говорят, на него что-то упало.

— Значит, сказка врала, — ответил капитан равнодушным тоном, украдкой покосившись на сапоги.

— Да. — ответил француз мягко. И снова тронул пальцами мочку уха — чуть манерным и так неуместным здесь жестом.

— А Вам не жалко, капитан?

— Не жалко чего?

— Что сказка оказалась ложью?

«Наоборот», — подумал капитан, но не ответил. Не нравились ему эти французские сказки, ой не нравились.

А в этот момент, Магда, набиравшая во дворе воду в ведро заметила как кто-то со всех ног, опрометью бежит напрямик через двор. Лагерные костры плюнули в небо снопом искр, вспышка выхватила высокую, нескладную фигуру и чёрный ёжик волос. Юнкер. НеЛис бежал по двору — в одном сапоге, на ходу пытаясь попасть руками в рукава камзола. Рубашку Рейнеке тоже где-то потерял. Магда улыбнулась, напомнила себе, сколько лет она уже замужем и попыталась сообразить от кого из её подруг это чудо так стремительно убегает.

Что-либо ответить французам капитан Лесли не успел. Дубовая двустворчатая входная дверь с треском распахнулась. На пороге, вцепившись пальцами в доски косяка возник юнкер. Всклоченный, задыхающийся от быстрого бега. Плащ парень где-то потерял, камзол болтался на одном плече. И вид у него был самый отчаянный.

— Помогите, капитан, скорее. Они её сожгут...

При этих словах итальянец Лоренцо вскочил с места — руки на эфесах клинков.

— Кого — её? Говорите толком, юнкер. — рывкнул Яков не сходя с места.

— Ведьму. Ну то есть не... — на этих словах юнкер сбился, потерял дыхание. Из дальнего угла донёлся хорошо знакомый глухой лязг — Мушкетер Ганс оскалился волком, вскинул мушкет и начал внимательно осматривать курок и полку.

— Подробнее — рывкнул капитан ещё раз. Рейнеке кое-как перевёл дыхание и рассказал.

Оказывается тут недалеко была деревня. Недалеко, милях в пяти к северу. «И как мы мимо неё прошли?» — подумал капитан мельком. Но сейчас это было не важно. Важно то, что местным почудилась ведьма и они решили её спалить. По всем правилам, будто к ним в лапы попала несчастная деревенская девка, а сам враг рода человеческого, лично.

— Пожалуйста, капитан, скорее. — проговорил юнкер под конец с самым умоляющим видом.

Через распахнутую настежь дверь в дом ворвался, ударил капитану в лицо холодный зимний ветер. Затрещал, плюнул искрами огонь в очаге.

«И почему все драки обязательно ночью, — подумал Яков, косясь на пламя, — опять не до сна»

А потом встал, нахлобучил на голову шляпу, и начал командовать.

— Лоренцо, вы со мной. Рейнеке, показывайте дорогу.

— В конюшнях были лошади, — бросил фразу из своего угла молчаливый мушкетёр Ганс.

— Наши лошади! — возмутился было французский шевалье.

— Конфискованы именем императора. — отрезал капитан. Ганс у стены невзначай качнул дулом в сторону гостей. Де Брасье хотел было возмутиться, но второй француз накрыл его руку своей, призывая к молчанию.

Ганс, берите дежурное капральство и за нами, — капитан развернулся, поймал глазами насмешливый взгляд спокойно сидевшего за столом сержанта и продолжил, — Сержант, какие-то деревенские увальни разинули пасть на нашего солдата. Подымайте людей, такое надо наказать, — тут старый вояка огладил бороду и одобрительно кивнул, — Рейнеке, объясните дорогу. И оденьтесь наконец, не лето.

Зала опустела вмиг только французы остались сидеть, где сидели.

— Наши лошади... — кипятился гигант, заслышав топот копыт на дворе.

— Не волнуйтесь попусту. Капитан — благородный человек, и ничего с нашими лошадьми не случится. А вот ведьма, — тут француз задумался. Его тонкие пальцы рассеяно пробежали по волосам, коснувшись мочки уха, — это может быть интересным...

1-9

Со всех ног

Французские кони домчали их вмиг, только свистнул в ушах ветер, да капитана пару раз больно хлестнули по лицу еловые ветки. Смирная серая кобылка от юнкера почему-то испуганно шарахнулась, пару раз получила по ушам и рванула так, будто хотела убежать из-под седока прочь. Остальные кони бешеным галопом рванули за подругой. Рейнеке каким-то чудом удержался. Капитан каким-то чудом не отстал. Вся тройка пульей проскакала через еловый лес и на полном ходу выскочила на поле, прямо в толпу крестьян — суровых деревенских мужиков и суетливых баб, сосредоточенно обкладывавших хворостом вкопанный в землю столб. Столб, к которому в десяток мотков верёвки привязана белая человеческая фигура.

«Как только дров не пожалели, сволочи», — подумал было капитан. Над головами пролетела огненная комета, глухо ударил взрыв — Лоренцо прямо с коня зашвырнул в толпу зажжённую петарду. Люди шарахнулись в стороны, кто-то уронил факел — в кучу хвороста. Столб пламени поднялся в небо. К счастью далеко от страшного столба. Юнкер и прапорщик буквально слетели с коней, развернулись, встали плечо к плечу, шпаги наголо, заградив жертву спинами. Толпа попятилась, опасливо косясь на хищно сверкнувшие в лунном свете клинки. На мгновение все затихло. Яков спрыгнул с коня, развернулся. Золото офицерского шарфа блеснуло, ударило людям в глаза. Толпа загудела, попятилась. Кто-то перекрестился в испуге, кто-то торопливо сорвал шапку с головы.

— Что здесь происходит? — размеренно произнёс Яков.

Глухой ропот в ответ. Толпа подалась назад. Ещё немного. Но не разошлась, даже сомкнулась плотнее. Яков привычно — за войну случалось унимать мятежи — пробежал взглядом по первым рядам, примечая вожаков.

— Эй, вы, трое, — ткнул он пальцем в тех, кто показался ему таковыми. Как и все, вислоусые, обветренные деревенские дядьки, но на вид побогаче остальных. Один из них шустро спрятался за спины соседей.

— А ну оба, ко мне... — двое оставшихся шагнули вперёд, сдёрнув с голов мохнатые шапки и опасливо косясь на капитана.

— Что здесь происходит? — ответить попытались все разом, да так что ничего не разобрать.

— Молчать, — рявкнул Яков опять, надсаживая горло. — Что здесь происходит, я вас

спрашиваю? — и ткнул пальцем ещё раз в самого толстого. Тот измял всю шапку, и начал говорить, трижды протитуловав капитана «вашей светлостью». На колени, правда не упал, и на том спасибо.

Говорил крестьянин долго, суетливо показывая пальцами то на небо, то на чёрный столб. Привязались, по его словам, к деревне несчастья да беды. С самого лета привязались, как раз когда деревня пыталась продать солдатам стоящий на полях урожай.

«Интересно, свой?» — подумал про себя капитан. Мужик, оказавшийся местным старостой, деловито рассказывал меж тем про беды и несчастья. Мало того, что какой-то бородатый сын дьявола безбожно обсчитал тогда крестьян на честно заработанные на урожае талеры, так и соседи, собравшись со всей округи крепко набили им морды. И все прочие части тела тоже. По колдовскому наущению, не иначе...

«Значит, не свой, раз побили», — подумал капитан мельком, пытаясь вспомнить — а не проходила ли рота осенью через эти края.

Крестьянин меж тем, все также махая руками рассказывал о кознях дьявольских, переполнивших чашу ... А кто виноват — понятно дело, ведьма. Давно уже на подозрении была. А уж когда вызванный из бездны зверь порвал господина трактирщика — оного господина капитану тут же предъявили на обозрение. Жалобно стонущего и перевязанного холстиной с ног до головы. Короче, терпение у крестьян кончилось и пошли они правосудие чинить. Как водится, не над теми, кто виноват, а над теми, до кого можно дотянуться.

Яков обвёл толпу глазами ещё раз и похолодел — давать крестьянам говорить было ошибкой. Толпа успокоилась, отошла от первого потрясения и начала накручивать себя — каждое слово старосты встречалось густым одобрительным гулом, криками «так» и «правильно». Староста уже не робко отчитывался перед офицером — орал, махал руками, накручивая толпу. Кольцо вокруг капитана постепенно сжималось — блеск стали и золото шитья на офицерском шарфе капитана ещё держали передние ряды поодаль. Но сзади не видели стали, там слышали только слова — и напирали вперёд, теснили передних. Кое-где над толпой сверкнули в лунном свете жуткие стальные полукружия. Лезвия кос, насаженные торчмя. Капитан уже видел их в деле и его передёрнуло.

Ещё один вдох.

— Назад, — крикнул Яков во всю силу лёгких, — самосуд чините, сволочи.

— Прощения просим, ваша светлость, — теперь староста, почуяв силу, говорил уверенно и даже нагло, — но никак нет. Наша воля...

— Колдовство — дело инквизиционного суда. Не ваше, мужичье дело, в таких материях разбираться ...

— Мы, ваша светлость, не католики чёрные, веры истинной держимся, евангелической. Нам инквизиция без надобности. Сами разберёмся, по всем правилам, люди просвещённые, ...

— Хорош болтать, жги, — заорал кто-то — молодой, да нетерпеливый, выскакивая из задних рядов и заносая над головой иззубренную косу.

Громом ударил мушкетный залп. Торопыга застыл, коса, перевернувшись, упала с перебитого древка. Парень в испуге шагнул назад, оступися и сел прямо в костёр. И тут же вскочил, убежал с диким криком. Яков обернулся — посреди леса, во тьме под еловыми ветками вспыхнула россыпь злых оранжевых точек — огоньки солдатских фитилей.

«Больно много, — машинально отметил себе капитан, — я приказал поднять одно капральство». На миг воцарилась тишина. Мёртвая, как в сердце бури. И вдруг толпа глухо

гудя, шарахнулась в стороны, давая дорогу кому-то.

Тишину разорвал скрип сапог — холодный, мерный звук, царапающий душу. В проход между людьми спокойно шёл человек. Не шёл — шествовал. Капитан его даже не сразу узнал — несуразный берет на голове, клочковатая борода торчком, короткое древко полупики небрежно лежит на плече. Ротный мастер-сержант, но вид у него был такой, что спрятаться захотелось не только крестьянам.

А сержант вышел в середину освещённого круга, остановился и небрежно бросил — Вольно, — уставная команда сопровождалась величественным взмахом руки. Достойным инога маршала. Яков не знал, что старый волк задумал, но, на всякий случай, решил подыграть.

— С кем имею честь? — спросил он сержанта — вежливо, с поклоном, как старшего по званию.

— Йорг фон Фрундсберг, к вашим услугам. Толпа испуганно зашумела, попятилась ...

— Но... но ваша.... — запинаясь, спросил кто-то из задних рядов...

— Зовите меня просто — герр оберст, — тем же тоном проговорил сержант.

— Герр оберст, но вы же умерли. — Знаменитый фон Фрундсберг, полковник ланскнехтов действительно умер добрых двести лет назад. Пугать его именем детей и шведов это пока никому не мешало.

— И что? — ответил сержант, лоя храбреца взглядом, — это повод оставлять полковое знамя? Тем более, что на нем изображены Христос, Богородица и все святые... А с таким знаменем, строем и под барабан — черти в аду закрыли все, что можно закрыть и спрятались перед нами. На всякий случай. Разумная, с их стороны предосторожность, я вам скажу. Вот и идём, по старой памяти обратно на землю. Без меня в Германии еретики расплодилось, говорят... — тут сержант обернулся, внимательно посмотрел на привязанную к столбу фигуру, хмыкнул в усы и сказал

— Что, уже искореняете? Правильно, так и надлежит поступать с врагами римско-католической веры... А больше лютеран здесь нет? Ну тогда можете идти по домам, я вас больше не задерживаю. — сержант сделал величественный, явно подсмотренный у архиепископа жест — отпускаю, мол.

Поле опустело вмиг, только пятки засверкали... Сержант задумчиво поглядел вслед убежавшим, пару раз пнул ногой потерянные в давке вещи, нагнулся, подобрал чью-то шляпу, повертел в руках. Оглядел поле ещё раз и глубокомысленно заметил:

— Да, капитан, такого быстрого бега я давно не видел. Надо будет наших орлов подучить...

— Только берет не потеряйте и наши себя ещё покажут... герр оберст... — страх ушёл, Якова почти против воли потянуло на веселье... тут он напомнил себе, что пехотному офицеру ржать как лошадь неприлично, отвернулся и пошёл к солдатам.

Спасённую Рейнеке попытался донести до лагеря сам, не доверяя никому такое дело. Итальянец Лоренцо сунулся было — то ли помочь, то ли посоветовать что-то весёлое. Сунулся и отлетел, как ошпаренный. Впрочем, голосу разума в лице увязавшейся за мужем Магды парень вскоре внял. Спасённую девушку — капитан заметил длинную прядь волос — уложили на сымпровизированные Гансом носилки. Дальше солдаты дошли без приключений. И ношу свою драгоценную донесли, даже не уронили ни разу.

Пока капитан сдавал лошадей, церемонно извинялся перед французами — гигант де Брасье извинения принял, пусть и с ворчанием — Магда бесцеремонно заставила юнкера

уложить его ношу на лавку и погнала за водой. Солдаты сгрудились вокруг, Яков подошёл тоже — интересно было посмотреть, из-за кого чуть не пришлось под крестьянскую косу подставляться.

Девушка. Совсем молодая, лицо — простое, круглое с россыпью ярко-рыжих веснушек. Довольно милое... Яков скосил глаза на Рейнеке и подумал, что вслух это говорить не стоит. Не типичное для этих мест лицо, капитану почему-то пришёл на ум полковник О'Рейли. Яков даже пытался вспомнить, а не проходил ли их полк в этих местах лет эдак пятнадцать — шестнадцать назад. Лицо бледное, щеки горят, глаза — закрыты.

«Если умрёт — будет обидно. Зря подставлялись» — подумал было капитан, но тут девушка на мгновение открыла глаза и прошептала пару слов. Капитан расслышал «Милый ангел», а дальше шёл совсем бред. И провалилась в беспамятство снова.

— Что с ней ? — спросил Рейнке сам не свой от волнения. Магда пощупала девушке лоб и от души выругалась.

— Да заморозили девчонку, природы деревенские. Вон, горит вся. Шутка ли мороз такой... простудилась...

Пристроившийся в углу у печки мастер-сержант на этих словах весело хмыкнул:

— Простудилась, бедная. На костре стоя. Ну точно, ведьма... Эй, Рейнеке, я же шучу... — поспешно добавил он, видя как юнкер тянется к кинжалу.

Капитан подумал, что теперь без него разберутся и ушёл наверх. Спать хотелось ужасно.

1-10

Решения

Комната Якову досталась маленькая, тёмная и довольно грязная. Но кровать в ней нашлась и даже стол с табуреткой. Капитан сел на тонкий матрас, огляделся — клопов вроде нету и подумал, стоит ли раздеваться или судьба подкинет ещё один аларм на ночь глядя. Потом решил, что на сегодня приключений достаточно и начал стаскивать с себя сапоги. Стащил один и тут в дверь постучали. Тихо, но настойчиво...

— Да, — прорычал Яков. Дверь распахнулась. На пороге статуей застыл Рейнеке. «Опять он, — подумал капитан, — но в этот раз, хотя-бы одет для разнообразия».

— Что случилось ?

— Герр Капитан, я ... я протестую.

— По поводу чего ?

— Вы говорили, про передачу нашей, — тут парень на миг замялся, — в инквизиционный суд.

Якову остро захотелось рассмеяться. А потом взять и загнать парня в самый дальний караул до скончания времён, чтобы не издевался на ночь глядя над офицерами. Но потом расхотелось. Очень уж серьёзно выглядел пацан. Очень уж прямо держался. Даже кафтан застегнул на все пуговицы. Поэтому капитан просто сплюнул и выругался.

— Рейнеке, мать твою, ты хоть один инквизиционный суд в империи видел ? Их и нет уже давно. Хочешь знать — последний закрыли, когда сержантский берет ещё был в моде. Да в этой глуши вообще ни одного суда нет, передавать некуда. Но если ты так волнуешься — бери бумагу, пиши.

Юнкер подчинился. Капитан сплюнул ещё раз и начал диктовать.

— Заседанием суда военного трибунала» — поставь дату...

— А какое сегодня ...

— Любую, не отвлекайся. В составе. Двоеточие. Как у тебя полное имя, парень ? С

титолом ?

— Барон фон Ринген унд Лессе цу...

— Значит в составе благородных и достославных вольных солдат императора нашего Фердинанда, господ Фон Рингена и Лессе. Рассмотрел дело, подданной императора ... имя потом впишешь. Подозреваемой в колдовстве. И вынес решение.

Юнкер вздрогнул, капитан усмехнулся и продолжил.

— А вот здесь пропусти пару строчек. И внизу напиши. Приговор окончательный пересмотру не подлежит. Все. Свободен. Печать у сержанта

— А ... герр капитан. Какое решение писать ?

— А какое хочешь... под твою ответственность теперь.

Надо было добавить пару фраз — предупредить парня, чтобы не увлекался, но Яков взглянул в юнкеру в глаза и решил — сойдёт и так. И попросил юнкера закрыть дверь с той стороны. Спать хочется всем, даже иногда и начальству. Вот Яков подумал и завалился — как есть, в одном сапоге. А то мало ли что...

Дом затих, только Магда крутилась вокруг спасённой девушки. Магда, да Рейнеке-юнкер, прогнать которого у Магды не получилось. Девушка то приходила в себя, то проваливалась обратно в беспамятство. В один из таких моментов Магда услышала вдруг, как юнкер, с совсем неуместной здесь церемонностью спрашивает у девушки её имя.

— Анна, — прошептала она и опять потеряла сознание.

«Замечательно, — подумала Магда, безжалостно отгоняя Рейнеке от больной подальше, — от кого же ты, красавец, бежал на ночь глядя, да ещё и в одном сапоге ? Сеновал теперь не повод для знакомства? Впрочем, кто бы говорил...»

Глава 2 - Марш в никуда

2-0

попутчик

Под утро выпал снег, укутал землю и еловые ветви в лесу блестящим, переливающимся искрами на солнце одеялом. Это было красиво — как отметил про себя Яков выйдя на двор. Отметил краем глаза, той частью головы, что не была наглухо забита ротными делами и бедами. Обоз, повозки, солдатская обувь, вся тысяча и одна мелочь требующая капитанского внимания. «Припозднилось начальство с роспуском на зимние квартиры, ой припозднилось» — вздохнул он тяжело, прикидывая про себя сколько бед несёт роте эта красота. Если бы вышли из лагеря на неделю-две раньше — шли бы спокойно по твёрдой земле. А сейчас — разлапистые зелёные ели за забором укрыли снежными шапками пушистые ветки, зимнее солнце пробилось из-за туч, светило вовсю, его лучи играли на снегу, пуская в глаза яркие разноцветные искры. Капитан поморщился. Белый, искрящийся снег лежал везде. Чистый, праздничный. Лесли представил себе пеший марш по такой красоте и от души выругался. И не идти нельзя — сейчас деревенские очухаются...

Внезапно под ухом закрипел снег, оторвав его от невесёлых мыслей. Яков обернулся. По двору перевалку шёл мастер-сержант, задумчиво почёсывая на ходу лохматую бороду.

— Доброе утро, герр капитан. — вежливо поздоровался тот.

— Доброе, сержант, доброе. — ответил Яков, смотря как парни из третьего капральства пытаются вытолкнуть обозную телегу за ворота. Колеса скользили по снегу и льду, застревали в ямах, оглобли выворачивались из рук. Люди ругались, кляня на чем свет стоит тяжёлую махину.

— Если конечно его можно так назвать.

— Почему же нельзя, можно. Утро, оно завсегда доброе. Когда не последнее. — усмехнулся сержант, откашлялся и продолжил:

— Тут такое дело, герр капитан. Вчера ночью на поле. Олухи то эти деревенские. Ой, скажу я вам, дров они хорошо натаскали, много. На пару талеров. Это по меньшей мере, а если с душой к этому подойти — Яков обернулся на каблуках и сердито посмотрел на улыбающегося в бороду сержанта. Знал он это сержантское «с душой» отлично знал.

С того стало бы продать деревенским их же собственные дрова. А потом ещё раз, их соседям. А потом дожидаться, когда все передерутся, торжественно разнять и снять со всех штраф за нарушение земского мира. В свой карман, разумеется — старый вояка проделывал такое не раз и не два на капитанской памяти. Только тогда шла война и жаловаться пострадавшим было некому.

— Дрова, говорите? Сжечь одного самозванного оберста ? Даже не думайте, мастер-сержант.

Сержант обиженно засопел, сверкнул на капитана злыми глазами.

— Вот я то, капитан, как раз и думаю. Я — думаю. — повторил он, упрямо, сквозь зубы выговаривая слова, — О том что идти нам на юг. Долго. Вначале пустошь, потом Эльба. И единственный мост — в Мюльберге, правильно?

— Да, другой дороги здесь нет. — подтвердил Яков, уже понимая к чему тот клонит.

— И в ящике денежном у нас, как всегда,мышь повесилась.

Опять нечего возразить.

— А в Мюльберг без денег ходить... Сами понимаете, капитан...

Яков понимал. Отлично понимал. И ему это совсем не нравилось.

— Перебьются. — холодно бросил он. Сержант вдруг улыбнулся

— Ну, я, положим, перебьюсь. — тут сержант улыбнулся ещё раз, будто вспомнил что-то приятное, — Вы пуританин. Ганс женат, Лоренцо, — последовал ещё один короткий смешок, — этот выкрутится. А остальные, — улыбка исчезла, — Остальные, капитан, пойдут брать штурмом веселые дома. Весело, с огоньком, держа наперевес справку о задолженности. И, по обычаю, будут в своем праве, только поди объясни это городским. Будет бунт. К гадалке не ходи, будет.

— Дисциплина в роте — ваша ответственность, сержант. Пока вы справлялись.

— Потому и справлялся до сих пор, что такие вещи наперед думаю.

— До Мюльберга далеко — успеем подумать, сержант...

Под ухом опять заскрипели сапоги и в разговор вмешался мягкий французский говор:

— Пусть завтрашний день сам позаботится о себе, — это подошёл младший из французов, аббат Эрбле. Нашёл место для библейской цитаты. Сержант только сплюнул на снег и ответил — сердито, сквозь зубы:

— У господ нашего апостолы под командой были. Числом двенадцать. А у меня уроды. Числом под сто. Поневоле приходится

— Сержант — оборвал его Яков, прежде чем старый волк до богохульства не договорился.

От ворот раздались удар, крики и сдавленный мат — на горке повозка вывернулась у людей из рук. Кто-то отпрыгнул, кто-то получил по ноге. Судя по отборным ругательствам серьезно никого не зацепило, но все-таки... Капитан устало махнул рукой. — Ладно, сержант, один день даю. Дневка. Все равно надо обоз перепаковать, перетянуть все, что можно. Переход будет долгий.

Сержант усмехнулся в бороду и пошёл

— Что-то старый волк сегодня не в духе, — заметил Эрбле, провожая взглядом уходящего вояку.

— Это не «не в духе», — ответил Яков, — это так, лёгкое раздражение. Вот когда он действительно не в духе... — тут капитан оборвал фразу, выругав сам себя в душе за глупость — о таком чужим не рассказывают. Тем более чужим французам. К счастью для него, аббат решил сменить тему:

— Кстати, а что это за Мюльберг такой, о котором он так беспокоился?.

— Весьма примечательное местечко. На юг отсюда.

— Вы идёте на юг?

— Да. Куда зимние квартиры назначили.

— Не возражаете, если мы с шевалье составим вам компанию? Нам как раз в ту сторону, а дороги в это время опасны.

Уходящий сержант внезапно развернулся, смерив французского шевалье долгим взглядом из-под кустистых бровей. Капитан посмотрел на него, потом на ворота конюшни и сказал

— Ничего не имею против.

2-1

поле

Рота покинула поместье на следующий день, прошла через лес, потом по полю неудавшейся казни. Капитан на всякий случай велел мушкетерам зажечь фитили. Но их серые дымки зря коптили небо — никому не было дела до идущих мимо солдат. Пресловутые дрова с поля давно убрали — сержант при виде пустого, вытопанного сапогами места только рукой махнул. Яков оглядел кромку леса вдаль, нахмурился и приказал ускорить шаг. Итальянец Лоренцо у знамени улыбнулся и засвистел такой неуместный в строю весёлый мотивчик. Немилосердно фальшивя при этом. Капитан обернулся, пробегая глазами шагающую по снегу колонну — нет ли отстающих. Вроде все на месте, но лучше проверить. Яков открыл было рот, послать Рейнеке назад, но обнаружил, что юнкера на положенном месте — за левым плечом капитана — нет. Вроде бы только что был.

«Куда он, мать его, провалился? — подумал капитан поворачивая коня, — хуже места не нашёл — отстать?»

Ан нет, вот он — Яков вздохнул с облегчением, увидев знакомый чёрный ёжик волос далеко с тыла, у самых обозных телег. Идёт себе пешком, ухватившись за высокий борт. Разговаривает с кем-то невидимым за высоким пологом. Тихо так разговаривает, вежливо, поминутно смущаясь и путая слова. И начальства, скотина эдакая, в упор не видит. Капитан постарался подкрасться как можно незаметнее и вежливо — как ему показалось — осведомился у Рейнеке, знает ли он, где ему положено быть. Застигнутый врасплох юнкер извинился. Впрочем, ему явно казалось, что он должен быть именно здесь, неважно, что на этот счёт говорят капитан и уставы. «Ну сейчас я ему, — подумал капитан, прикидывая, в какой бы караул парня загнать для вразумления, но тут из-под полога повозки на Якова сверкнули карие глаза и тихий голос вежливо произнёс:

— Не ругайте его господин офицер. Пожалуйста. Он хороший.

— Последний хороший человек в этой армии умер с голода ещё при Тилли, — машинально ответил Яков, а потом долго пытался сообразить: «а это кто?». Круглое веснушчатое лицо, рыжие волосы, упрямо пробивавшиеся на волю из под тяжёлой солдатской шапки. Потом вспомнил — спасённая из деревни. Очнулась. И как только юнкер умудрился устроить её в обоз ?

— Юнкер, займите своё место. И шапку наденьте, не лето. — устало бросил капитан. Рейнеке отдал честь и пошёл. Хотя последнюю фразу предпочёл не расслышать.

Яков развернулся и ещё немного проехал назад, в хвост колонны, Пропустил последние ряды мимо себя, огляделся — на глаз, все было в порядке. Потом обернулся и какое-то время с интересом следил за Рейнеке. Прямо живая иллюстрация к учебнику баллистики — тело

под воздействием разнонаправленных сил. Инерция капитанского окрика, притяжение карих глаз — в итоге юнкер, описав по полю сложную, но вполне подчиняющуюся формулам кривую вернулся к повозке. И шапку стервец так и не надел. Уж больно ладно она сидела на рыжей девичьей головке.

— Ну я ему... — подумал было капитан, готовя в голове слова для очередного разноса.

— Бесполезно капитан, — вдруг сказал ему горбоносый стрелок Ганс, шагавший в колонне замыкающим — если будет позволено обратиться...

— Да.

— Но если сейчас, к примеру, сюда явится их величество император и прикажет парню идти налево. А королева Швеции, к примеру, прикажет направо...

Яков попытался представить такую кучу королей с придворными в глуши, на запорошённом снегом поле. Картинка в голове нарисовалась совсем забавная — Яков даже улыбнулся. Ганс продолжил:

... то парень пойдёт, куда Анна скажет.

— Личный опыт, солдат?

— Вроде того, — улыбнулся стрелок и вдруг, с места вскинул к плечу тяжёлый мушкет.

— В лесу за нами, — бросил он коротко, — Движение.

Капитан пригляделся. Да, что-то шевелилось вдали, под чёрными еловыми ветками. Серые тени на тёмном.

— Волки, что ли ?

— Крестьяне. Поджидают отставших.

Все, как всегда. Деревенские прячутся при виде солдат в строю, и перекрывают дороги сразу за ними — ловят отставших и заблудившихся. Ой, и плохо же бывает попавшим в их руки.

— Совсем обнаглели. Разрешите подстрелить парочку ?

— У нас отставшие есть ? — спросил капитан.

— Нет. Точно нет, — тут Гансу можно было верить.

— Тогда бог с ними. Мы в эти края ещё не скоро вернёмся.

Ганс опустил ствол. Звякнула сталь — как капитану показалось, обиженно. Яков развернулся и послал коня назад, в голову колонны. Из-под частокола пик ветер донёс обрывки солдатского разговора «Веселей шагай, ребята, в Мюльберг идём», весёлый смех и

поток похабных шуток. «Тьфу, богомерзость» — сплюнул капитан и поспешил проехать дальше вперёд, поближе к знамени.

«А ведь сержант кругом прав, насчёт Мюльберга. — подумал он было. — Ладно, завтрашний день сам о себе позаботится». Ничего путного в голову всё равно не приходило.

2-2

трофей

Болела Анна недолго. Помогли Магдины травки или молодость — неизвестно, но уже через пару дней девушка встала на ноги. Точнее попыталась встать — повозку, в которой она ехала, изрядно трясло и встать в ней на ноги сразу не получилось. Упав пару раз, она присела, ухватилась руками за борт повозки и огляделась вокруг. И с трудом сдержала рванувшийся из груди крик ужаса. Было от чего.

В её деревне непослушных малышей не пугали бабайкой, а непутёвых отпрысков — Высокой женщиной или Ладиславом-королем. Вместо этого говорили — страшным, пробирающим до костей шёпотом — солдаты заберут. И все боялись. Знали — есть чего. Однажды в деревне пропал мальчишка-пастушок. Вместе с коровами. Староста оглядел поле тогда, посмотрел на землю, изрытую следами копыт — коровьих и лошадиных, плюнул и сказал одно слово — солдаты. Это слово, звучащее как ругательство, говорили в деревне ещё не раз и всякий раз — к беде и горю. Ещё была дочка священника — её потом нашли в лесу, истерзанную до неузнаваемости. "Солдаты. Просто шли мимо", — шептались соседи и Анна не знала, чего в этом шёпоте было больше — горя от того, что солдаты прошли или трусливой радости — что мимо.

Потом они пришли и в самую деревню. Летом, когда поля вокруг плавилась от жары. Мать спрятала Анну в подвал тогда. Просто схватила за воротник, и толкнула вниз, в тёмный лаз, велев напоследок сидеть тихо. Она и сидела, дорожа и вжавшись в стену и, с замиранием сердца, вслушивалась в каждый доносящийся сверху звук. Когда наверху загремела дверь, и мать сказала выходить — оказалось, прошёл целый день. Солдаты ушли. Их дом почти не тронули — почти, но вид у матери был от этого совсем нерадостный.

А теперь, получается, солдаты забрали её.

Первым делом Анна крепко зажмурилась — может быть, получится развидеть это. Не получилось. Зато в голову ударили совсем другие воспоминания — сломанная печь, разорванный, лежащий на снегу в лужи крови трактирщик, искажённые лица односельчан, крики «ведьма». И страшный столб с которого Анна почему-то вырвалась живой.

Девушка прошептала молитвы — все, какие знала. Вначале те, что учила мать, потом те, что бормотал пастор на воскресных проповедях. Потом вспомнила про Даниила и отроков, спасённых из пасти львиной. Или то была печь огненная? Анна грамоту знала, но в Библии была не сильна. Ещё вспомнилась вязанка дров и ласковый взгляд невидимого ангела. «С тобой ничего не случится. Не для того же спаслась с того жуткого столба...» — подумала она, открыла глаза ещё раз и огляделась вокруг уже с интересом.

Прошёл день, потом ещё один. Анну, к её удивлению, никто не съел. Рота шла по пустой, занесённой снегом равнине. Голой серой равнине под серым небом. На горизонте торчали одинокие столбы — не поймёшь деревья или виселицы. На ночь лагерь разбивали в оврагах или руинах сожжённых деревень — другого укрытия от ветра в этом краю не было. Повозкой, в которой ехала Анна управляла Магда — высокая светловолосая женщина лет тридцати. Она носила невыдуманный, для деревенских глаз, наряд, прятала под шапку длинные волосы только в мороз, всё знала и ничего не боялась. Будто всю жизнь здесь прожила. Однажды Анна набралась храбрости, спросила и, с огромным удивлением узнала, что так и есть — всю жизнь. Вначале за матерью, потом за мужем — высоким, горбоносимым стрелком по имени Ганс Флайберг. «Как такое может быть?» — думала она, трясясь на дне повозки. А рота шла и шла вперёд, делая по десятку миль в день по холодной, выморочной равнине.

Анна помогала Магде по немудрящему обозному хозяйству, молчала, да смотрела вокруг во все глаза. «Львы» были похожи друг на друга — грубые, звенящие сталью, пропахшие потом, порохом и оружейной смазкой люди. Оборванная одежда, невымытые волосы свитые в косу на затылке, грубый говор, с божбой и богохульствами через слово — да, таких можно было испугаться. Но и все разные — скоро Анна научилась их различать. Пешком шли рядовые, пехота — те самые грубые, сыпавшие через слово ругательствами ребята. Меньшинство — ветераны. У них были холодные, выцветшие глаза, усталые лица, движения их — скупы и расчётливы. На Анну они смотрели — как сквозь неё, не видя. Впрочем, только вначале, потом один из таких подвернул ногу, Магда, хозяйка повозки попросила помочь. Анна помогла, потом ещё раз. И ещё. Глаза у ветеранов не то что бы потеплели, но что-то в них дрогнуло. Будто взяли за шкурку и переложили из ранга «добыча» в «своя». Краем уха она слышала от них слово «ведьма» в свой адрес. Услышав такое в первый раз Анна невольно вздрогнула

— Ты погоди, ближе к делу амулеты просить придут, — скалилась в улыбке светловолосая Магда, — от старухи с косой. В нашем деле ничего не вредно...

— А как же? — спросила Анна, поёжившись — на память опять пришёл тот страшный столб.

— А так. Не бери в голову — живые скажут спасибо, а мёртвым будет все равно...

Анна выгнала из головы страшные воспоминания и принялась оглядываться дальше. Большинство же было безусыми новобранцами — эти матерились больше всех, бряцали оружием, при виде Анны задирали носы. На вид — обычные, деревенские парни, вроде сыновей мельника — те, вдали от отцовского глаза, так же смешно хорохорились. Анне они опасными вначале не показались. Вначале — пока тройка таких юнцов, дыша перегаром и матерясь, не попыталась зажать Анну, когда она неосторожно отошла от костра в лес. Тогда она даже не успела испугаться. Стрелок Ганс, муж Магды возник из ниоткуда, распугал сопляков — даже не движением, одним взглядом холодных серых глаз. Потом обернулся к Анне, хмыкнул и сказал

— Вы их извините. Им столько раз говорили, что они прокляты. Они поверили... — стрелок проводил убежавших юнцов холодным взглядом и добавил, — бедолаги.

Потом один из этих юнцов приполз в их повозку — днём. Лицо белое, глаза вытаращены от ужаса. Парень всего лишь сбил ноги, криво намотав обмотки. «Ничего же страшного, — думала Анна, привычно обрабатывая рану. Потом вслушалась — юнец боялся отстать и выпасть из строя. А за ротой будто-бы шли крестьяне, охотясь на отставших и заблудившихся. «Странно, — думала Анна, шепча парню что-то ободряющее, — а деревенские боятся солдат. Так же, до ужаса». Юнец вернулся в строй и приставать к Анне больше не пытался.

Ещё в роте были господа офицеры — эти носили шпаги и перевязи, полинявшие золотые шарфы через плечо, говорили вежливо, по делу и почти без божбы. Таких в роте было — капитан Лесли, высокий, скуластый, скупой на слова и жесты шотландец. Его у костров уважали, хоть и не говорили этого вслух. Был сержант Мюллер — невысокий, почти квадратный, заросший до глаз бородой ветеран. Анне вначале он показался смешным, но потом она с удивлением поняла, что старика у костров откровенно боялись. Ещё был прапорщик Лоренцо — этот иногда что-то пел, смешно фальшивя, и юнкер со странной то ли кличкой то ли именем — Рейнеке неЛис. Высокий, нескладный, слишком робкий для солдата паренёк. Совсем еще молодой, чёрный ёжик волос на вечно непокрытой голове. Магда говорила — это он вытащил её с того столба.

Да ещё и оплатил Магде перевозку и лечение. Впрочем, последнее проходило пока по графе — «не бойсь, лишнего не возьму, свои люди, красивый». Если бы это слышали другие — сержант посмеялся бы, а капитан предложил бы парню сдать ему на хранение всё более — менее ценное. Но они не слышали, а парень до срока не подозревал, на что влип. Он то и дело подходил к их повозке, что-то говорил, смущаясь так, что сложно было удержаться от улыбки. Анна и улыбалась, невольно. Парень от этого смущался ещё больше и вежливо называл её на «Вы».

Этому церемонному «Вы» Анна вначале очень удивлялась. Потом краем уха услышала — кто-то (как позже выяснилось капитан, которому совсем не нужны были лишние неприятности) пустил слух, что Анна — дочь их бывшего полковника. Что с этим делать было решительно непонятно, но не кидаться же было с разъяснениями к каждому костру. Да и отца своего она все равно не помнила.

В общем, пока все было хорошо. Если бы не...

2-3

два огня

— Глянь, твой идёт, — весело окликнула её Магда. Была ночь, они вдвоем сидели у лагерного костра. Трещал огонь, холодные ясные звезды смотрели на них с бескрайнего неба. Анна машинально оглянулась — действительно, к костру шёл Рейнеке, на пару с итальянцем Лоренцо. Оба хмурые и, неожиданно для них сосредоточенные.

— Злющий... — проговорила Магда протяжно, смотря на юнкера — в лицо, на упрямо сжатые скулы, — того и гляди, покусает кого...

— Чего это с ним? — спросила Анна.

— Не знаю. Твой мужик, ты и выясняй. — на этих словах Анну передёрнуло. Вот с чего вся рота уверилась, что они с юнкером муж и жена? Магда, по крайней мере, уже пару раз предлагала в свойственной ей грубовато-добродушной манере — уступить повозку, пока её Ганс в карауле. И очень удивлялась осторожным отказам. И что теперь ей с этим делать?

— Эй, ребята, вы чего удумали, — взволнованный голос Магды оторвал Анну от невесёлых размышлений. Та подняла глаза — и обомлела. Рейнеке с Лоренцо, не дойдя десятка шагов до их костра, свернули в сторону и остановились. Анна, с непонятным для себя волнением смотрела на них. Мужчины обменялись парой слов: Рейнеке — злых, итальянец — насмешливо — равнодушных. Потом оба синхронно сделали по шагу назад. Лунный свет хищно сверкнул на извлечённой из ножен стали.

Анна вдруг с удивлением поняла, что уже не сидит, а бежит — со всех ног, опрометью. Магда что-то крикнула ей сзади — что именно — она не разобрала. Два клинка — две полосы холодного лунного света впереди. Уже одна — шпага юнкера, звеня, скрестилась с длинной рапирой итальянца. Анна на бегу протянула руки, толкнула эту полосу вперёд, от себя, как толкают дверь или загораживающую путь толстую лесную ветку. Ладонь обожгло болью. Анна пролетела по инерции ещё пару шагов и остановилась, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

— Ребята, вы чего? — Спросила она, удивляясь, как дрожит её голос. Те не ответили — смотрели на неё и друг на друга. Юнкер — зло, Лоренцо — насмешливо.

— Ребята, не надо, — повторила она. Господи, как же беспомощно это прозвучало.

— Как будет угодно сеньоре. — Итальянец шутливо поклонился, кинул рапиру в ножны, повернулся и ушёл, насвистывая. Как Анне показалось — с облегчением. Юнкер ещё стоял на месте — шпага в руках, лицо злое. Потом с удивлением посмотрел на зажатый в руке клинок. Лицо его дрогнуло, злость ушла — как то вмиг и сразу. Он вроде бы хотел что-то сказать, но тут в круг ворвалась Магда, парень убрал клинок в ножны и тоже ушёл. В противоположную от итальянца сторону.

— Что это они? — прошептала Анна, до сих пор слабо веря в случившееся. Рейнеке — милый смешной паренёк. Да он и мухи не обидит. Да и Лоренцо. И вдруг как взбесились. Оба. То есть не то, чтобы оба — итальянец ушёл с поля чуть ли не радостно. Странно, он всегда казался Анне куда опаснее нескладного юнкера. А тут...

— Ладонь перевяжи, — окликнула её Магда. Анна посмотрела вниз и с удивлением заметила, что с ладони капает кровь. Должно быть, порезалась, разводя руками клинки. Девушка ойкнула, потянулась за тряпкой. Магда перехватила её за запястье, достала откуда-

то из складок юбки чистую тряпку, перевязала — туго, но аккуратно. Анна огляделась ещё раз

— Чего это они?

— Сейчас выясним. — решительно сказала Магда, развернулась и пошла назад, к лагерю. Анна, по прежнему ничего не понимая, пошла за ней. Ближе к кострам мушкетёрская жена остановилась, огляделась и властно окликнула проходящего мимо солдата:

— Эй, Майер. Иди — ка сюда.

— Да, Магда, чего тебе? — отозвался большелобый, рябой солдат. Вначале весело.

— Это ты в последний караул с Рейнеке ходил? На потерянную стражу?

— Ну, да — неуверенно ответил тот

— В что там было ?

— Да ничего. Стояли, трепались...

— А подробнее? — Магда напирала, солдат оглядывался, не зная, куда бежать, — чего тебе, Магда?

— Да о чем трепались, интересно знать ?

— Да, так, байки травили. За жизнь, за старые дела...

— За итальянца нашего ... — в тон ему ласково вставила Магда.

— Ага. — оскалился тот, выпятив вперёд тяжёлую челюсть. — Мюльберг впереди, настроение весёлое, сама понимаешь...

— И за Брезахскую тюрьму небось говорили ? —

— Ага...

— Свободен, — рявкнула Магда. Солдат исчез.

Магда проводила его взглядом, сплюнула и сказала сердито:

— Ещё и приврал небось половину. У самих язык без костей, а нас болтушками называют.

— А что с Брезахской тюрьмой? Лоренцо там сидел? — машинально спросила Анна,

ничего не понявшая в этом странном диалоге.

— Нет, его туда не пускали. — Магда встряхнула головой, огляделась, и сказала уже спокойнее

— Короче. Ясно, всё, с этими идиотами. Язык без костей, треплются — как мы, прости господи. Тока мы по делу, а они про нас. Наболтали юнкеру всего — и что было и что не было вперемежку, а он уши развесил, дурак. Репутация у нашего Лоренцо весёлая — тут и тюрьма Брезахская и ещё много чего... не удивлюсь, если олухи эти уже пари на французский манер устроили — когда у юнкера рога отрастут. Вот парень и взбеленился.

— И что же делать теперь ?

Магда набрала воздуха в грудь и расписала девушке подробно и в красках — куда ей юнкера брать и что там с ним делать. Пока вся дурь из парня не вытечёт. Выдохнула, полюбовалась на Анну, покрасневшую до корней волос и добавила: "успокойся, это не приказ".

— Пока, — добавила она, но тихо, так чтобы не услышали...

2-4

мечты

— Эй, Рейнеке, не спи на ходу.

Высокий, нескладный парень в ответ лишь улыбнулся. Улыбнулся, провёл рукой по чёрному ёжику волос. Хрустнула ветка под сапогом. Вокруг расстилалась равнина — все та же серая, занесённая снегом бескрайняя на вид пустошь. Справа непроходимой колючей стеной тянулся чёрный еловый лес. Слева — бело-серая ровная хмарь, иногда разрываемая пятнами тёмного — с такого расстояние не видно — деревья это, виселицы или трубы разбитых печей. Над головой — та же муть облаков. Не сразу поймёшь, где здесь заканчивается земля, и начинается небо.

— Эй, Рейнеке, — парень обернулся и махнул рукой. Нравилась ему его новое прозвище. Гораздо больше собственного имени. «Барон фон Ринген унд Лессе цу Пейпусзее».. — отец всегда требовал произносить это имя полностью, гордо. «Это славное имя. Мы должны ...» — Рейнеке поёжился вспоминая — вот они сидят дома. Отец, как всегда, когда не в отлучке, сидит во главе стола, говорит — не говорит, вещает, стуча кулаком по столу: «Мы должны испытывать гордость за...» . Мама подаёт на стол, стараясь держаться как можно незаметнее. Воеет ветер в прохудившейся крыше... Рейнеке поёжился ещё раз. «Барон фон Ринген унд Лессе цу Пейпус-зее» — половина из услышавших это имя сочувственно кивала. А другая ехидно спрашивала — а где этот Пейпус-зее вообще находится? Ах, в Ливонии? И что обладатель столь славного имени делает на другом краю земли? Ах, орды варваров? Неисчислимы, говорите? И ничего унести не удалось, совсем? — ехидно замечали соседи, намекая на то, что свою шкуру предки юнкера как раз унесли. А вот тут приходилось или молча глотать позор или ...

Кроваво-красный лунный круг в небе, шпага в руке — внезапно очень и очень тяжёлая. Багровый отсвет стекает по лезвию вниз... — ребром левой ладони по правой, наотмашь.

Руку на миг пронзила боль, непрощенные воспоминания сбежали.

Ведь позор и в самом деле позор, как отец этого не понимает? Впрочем, отец много чего не понимал. Или не хотел понимать. Например, почему мама плачет ночами в подушку, одна. В те дни, когда он был дома. Впрочем, дома старший барон бывал не часто. Иногда он пропадал на месяц, иногда на год, а потом возвращался. Никогда не рассказывал где был, просто садился за стол, требовал обед и начинал разглагольствовать. В последнее время он часто приезжал не один. Их дом изволила навещать их светлость. Или крестная, как она просила её называть. При этих словах мать кривилась, как на прошлогоднее мясо на рынке, но молчала. Крестная — пожилая, очень хорошо одетая. Царственного вида. Держалась она просто, говорила всегда тихо, вежливо и с улыбкой — но отец при ней сидел тише воды ниже травы. И даже починил крышу. А мама плакала в подушку — ночами, когда ей казалось, что её никто не слышит. У Рейнеке был острый слух. Иногда он жалел об этом.

— Эй, Рейнеке, заснул что ли, — окликнули его ещё раз. Юнкер потряс головой, разгоняя морок, и поспешил вперед — догонять отряд. Маленький отряд — десяток ветеранов, он, да прапорщик Лоренцо. Передовой дозор. День назад рота свернула с дороги — просека в лесу была завалена упавшими деревьями. Снежный буран или лихой человек — непонятно. Офицеры поспорили — Рейнеке с изумлением смотрел как спокойный и, обычно выдержанный капитан и старый сержант орут друг на друга. Переспорил, в итоге, капитан. Рота повеселела — прорубаться через завалы никому не хотелось — и повернула в обход. Странно, новая дорога была шире, хоть и гораздо запущенней. Ей явно давно не пользовались. Люди упорно ходили через лес напрямик, хотя по картам это сокращало путь совсем не на много. Странно. Шумели под ветром могучие чёрные ели, колючие снежинки слетали с высоких древесных крон вниз, под ноги солдатам. Настороженно скрипел под сапогами снег. Они шли — молча, сосредоточенно, оглядывая внимательными взглядами тьму леса и снежное поле вокруг. Налетел ветерок, резкий запах ударил в ноздри — Рейнеке машинально поморщился, и сразу-же бросил это занятие — не хватало ещё пехотинцу воротить нос от пронзительно-резкого запаха горящих фитилей.

— Не отставай, НеЛис, — окликнули его ещё раз. Юнкер снова поморщился. Уже не от запаха — эта кличка нравилась ему гораздо меньше. И как его дёрнуло вспылить тогда? Тоже позорище, если подумать. Надо держать себя в руках — тут отец прав. Он же не из каких-то низкородных. Рейнеке тряхнул головой, выгоняя из памяти продолжение отцовской сентенции и оглянулся. Дорога заворачивала влево. Лес заметно редел. Начинался подъём — впереди был холм, пологий, но длинный. Патруль шёл вперёд. Итальянец Лоренцо — во главе. Старательно делает вид, что ничего не случилось. А может и впрямь ничего ...

«И чего я взелся, — подумал юнкер еще раз, — мало ли что говорят. Даже если этот красавчик и впрямь вышел из Брезахской тюрьмы под руку с дочерью коменданта". "Даже если не врут — какая разница. Анна, она", — тут мысли Рейнеке совсем разлетелись, как снежинки на ветру, — вихрем сверкающих искр. Анна, она... гордо поднятая рыжая голова, тихий, всегда вежливый, говор, улыбка — даже когда рота шла по мёртвой равнине, повозки вязли по ось тяжелом и влажном снегу и падали без сил бывалые ветераны. Даже Рейнеке умотался тогда, шёл злой как черт и гадал — кого бы загрызть для поднятия настроения. А У

Анны находилось для всех доброе слово. И ласковая улыбка. И перевязка для сбивших ноги. Даже для таких, по кому петля плачет. Так ведут себя принцессы в сказках — старых сказках, что читала мама ночами. «И велела злая мачеха отнести корзину с ребёнком в лес...» .

"Может это и не сказка вовсе. — думал Рейнеке иногда, — Но капитан говорил, что Анна — дочь их старого полковника?" В этой фразе ещё были слова «похожа на», но их юнкер в упор не расслышал.

Солдат справа от него — долговязый веснушчатый ирландец остутился и замер как вкопанный. Юнкер вздрогнул, возвращаясь к реальности. Пологий холм под ногами оборвался внезапно. Впереди плавно спускалось широкое поле между двух лесных стен. А посередине тёмной громадой высилось... Рейнеке сморгнул, не веря своим глазам. Раз, другой. Первыми в глаза бросались две башни — два чёрных, волчьих клыка на фоне серого неба. Похоже на колокольни собора, но ... не сияли золотом кресты наверху, чернел острой пастью провал на месте двускатной крыши. Вокруг — высокий, толстый пояс камней. Как стены, но вместо аккуратных зубцов поверху — мешанина. Юнкер втянул ноздрями воздух и глухо ощерился — впереди, в этой каменной каше, была только смерть.

— Что это? — прошептал кто-то под ухом. Рейнеке услышал, как предательски дрожит чужой голос.

— Имперский вольный город Магдебург.

— Добро пожаловать, — сказал один из солдат, сплюнул и длинно, забористо выругался.

2-5

город

Лагерь разбили тут же, у кромки леса — офицерские палатки вверху, на холме, рядовые — внизу, прячась в тени еловых лап от холодного ветра. Пара часов ушло на неизбежную суету — развернуть в круг повозки, распрячь усталых коней, растянуть полинявшие крылья палаток. Сержант, по обычаю, ругался, расставляя посты. Пару капральств загнали в лес — рубить дрова для костров. С ними, по старой привычке увязались и солдатские жены — за хворостом и растопкой. И, среди них, Анна, старавшаяся не отходить от Магды далеко. Девушка шла, машинально уклоняясь от норовивших ткнутся колючей хвоей в лицо еловых веток. Недавняя стычка все никак не выходила у неё из головы. Рейнеке с Лоренцо — больше они сцепится не пытались, вроде. Просто делали вид, что другого здесь нет. Добром это не кончится — не нужно быть таким уж душеведом, чтобы понять это. И что теперь делать? — рывок и резкий звук раздираемой ткани оторвал её от этих мыслей. Подол длинной домотканной юбки зацепился за корень. Старая выцветшая ткань треснула и разошлась.

— И что же теперь делать? — прошептала она больше своим мыслям.

— Да обрежь ты её, — небрежно бросила в ответ стоящая неподалёку Магда, — как все здесь на ладонь. А то никаких ниток не хватит...

— Неприлично, — машинально ответила та, — люди подумают...

— Да тьфу на них — ответила Магда сердито — они много чего подумают и скажут, вот в город придём. Подробно и в красках, хорошо хоть шёпотом и за спиной. В глаза — то им страшно. А вот за глаза ... Почему-то горожане всегда точно знают, где мы, когда и с кем. Хотя чья бы корова мычала...

— Как же так... — прошептала Анна ещё раз, вставая на ноги.

— Ну и наплюй. В глаза сказать все равно побоятся. — сказала Магда, но Анна её уже не слышала. Ноги сами занесли её вперёд, в лес. Чёрные ветви плясали у девушки перед глазами в такт невесёлым мыслям. Что же делать теперь... Она вначале и не заметила, как лес перед глазами поредел. Впереди, между голыми ветвями подлеска черной громадой высилась нечто — чёрная громада в неярком закатном свете. Замок? Город? — Анна пригляделась и поняла, что видит высокий шпиль колокольни. Может это тот самый Мюльберг, о котором все говорят у костров? Но до него, говорили, ещё пара дней пути. Вроде. Или что-то другое? А если город — тут Анна подобралась и начала протискиваться сквозь ветви уже решительнее. Бросить все, найти работу и забыть как страшный сон этот зимний марш. Правда, — подумала она, уворачиваясь от длинной и тяжёлой ветки, — жизнь в городе — ещё одна вариация на тему господина трактирщика. Но и здесь оставаться нельзя — или юный Рейнеке придёт требовать то, что приписала ему молва, или они с Лоренцо просто поубивают друг друга... Что ее пугает больше — но эту мысль Анна додумать не успела — стена ветвей разорвалась и чёрная громада предстала перед её глазами.

Это и впрямь был город, но какой — при его виде сердце пропустило удар, а руки до боли стиснули еловую ветку. Над собором возносились в небо башни колоколен — но на их верху не сияли кресты, лишь скалила чёрную пасть пустая звонница. Кольцо мощных стен — но их щит был пробит в трёх местах и россыпь камней отмечала место, где были мост и ворота. И ни дыма из труб, ни огонька в окнах. Холодный ветер, разогнавшись по пустому полю, ударил Анну в лицо, закружил перед глазами метель, заставил поёжиться. За спиной заскрипел снег. Раз, другой. Треснула ветка под тяжёлыми сапогами. Анна обернулась — из леса выходил муж Магды, горбоносый мушкетёр Ганс. Высокий, прямой, неизменный мушкет на плече. Лицо — сердце Анны пропустило ещё удар — ничего не выражало. Его взгляд скользнул по Анне — равнодушно, не видя. Будто душа его где-то не здесь — отошла погулять на минутку.

— Иди назад, — коротко бросил он ей.

— А... А Вы куда? — спросила она, гадая как в груди хватило воздуха на три простых слова.

Ей почудилось или ветер в ушах сложился в одно короткое слово

— Домой. — Мушкетёр повернулся и ушёл — вперёд, на равнину, к мёртвому городу. Анна застыла на миг, провожая взглядом его высокую прямую фигуру. Холодный ветер ударил ещё раз, пробежал острыми когтями по хребту. Девушка поёжилась и повернула назад — к свету костров и теплу обозных палаток.

"Куда это он? И что же случилось с городом?" — думала она, раздвигая на пути тяжёлые еловые ветви.

2-6

разговор под прицелом

— И что же случилось с городом? — задумчиво бросил маленький шевалье, рассеянно касаясь рукой мочки уха. Перед ним стояла та же, что и перед Анной, картина — мёртвая груда камней в неярком свете заката. Офицеры роты молча смотрели на неё, стоя у костра, весело трещащего искрами. Они стояли на холме, поодаль от скучившегося у лесной опушки лагеря. Это было неправильно, но — мёртвый город невольно притягивал и мысли, и взгляды. Трещал огонь. Искры и языки пламени влетали в небо. Еловые ветви шептались под ветром о чем-то своём, неодобрительно косясь сверху вниз, на весёлое пламя.

Закутанный в плащ шевалье постоял, потербил мочку уха и задумчиво повторил;

— Что же случилось с городом ?

— Мы, — ответ прозвучал сухо, почти буднично. Шевалье обернулся — Капитан Яков Лесли смотрел на огонь, губы его шевелились. Француз удивлённо поднял бровь — не понял ответа. Яков поворошил палкой угли в костре и повторил. Его голос звучал глухо и размеренно.

— С городом случились мы. Я, мастер — сержант...

— Вас с нами не было тогда, капитан. — Вставил тот, покачав головой.

— Какая разница. Я, сержант, маршал Тилли, король Гюстав-Адольф. Война. Осада. Штурм, потом пожар... и все, что к этим делам обычно прилагается. Магдебург выгорел дотла. И не восстал с тех пор. Давно дело было.

— Вы участвовали в том штурме, капитан ?

— Нет, но какая разница. Сержант там точно был, Магда наша, как слышал, была — влезла в город чуть ли не обогнав штурмовую колонну. Ганс ... — на этих словах капитан огляделся, задумчиво почесав подбородок. — Кстати, а где он ?

— А вот не знаю, — неторопливо проговорил сержант со своего места поодаль. — не знаю. Пропал он.

— Как пропал? Найти, — бросил Яков раздражённо — дневной марш был тяжёл.

Старый вояка в ответ лишь зло сверкнул глазами и не двинулся с места

— А вот не пойду, господин капитан. Сам не пойду, и людей не пошлю. Говорил же я — не надо сюда, ходить, ой не надо. Ганс же местный, из этого города, вы что не знали ?

— Не знал.... — капитанский голос чуть дрогнул, сменился тон — с раздражённого на виноватый.

— И что теперь ? — это француз вставил недоумевающую реплику.

— Теперь — ждать. — пояснил капитан. — если Ганс в разуме — то он вернётся. Если нет ...— капитан невольно посмотрел вперёд, туда где чернели вдали мёртвые башни. Казалось, и город смотрит на них— беспросветной холодной тьмой мушкетного дула.

— Сидеть здесь из-за какого-то... — подал голос второй француз. Капитан оборвал его:

— В свое время Ганс застрелил генерала Намюра перед строем.

Все замерли... Яков машинально смерил расстояние до башен вдали. Сержант с места проследил его взгляд, оскалился, хмыкнул в бороду и подтвердил :

— Добьёт, герр капитан. Даже не сомневайтесь.

Рука Якова машинально скользнула вверх, к сердцу — инстинктивный защитный жест. Нелепый сейчас... пальцы укололись о что-то колючее. Офицерский шарф, выцветший и полинявший. Позолота почти сошла, но то, что осталось — давало хороший отблеск в предательском свете.

— Сняли бы вы его, капитан, — Яков оглянулся на сержанта — старый волк сидел чуть поодаль, в тени. И точно посередине, между двумя шевалье. «Умно. — скользнула холодная мысль. — первый выстрел — всегда командиру. То есть самому пёстроу. Или одному из французов — а они стоят как ни в чем не бывало. Ещё не поняли ничего, или храбры до безумия. То ли...» — тут позолота шарфа опять уколола руку.

— Снимите его, капитан, — повторил сержант, чуть отодвигаясь ещё глубже в тень. Впереди, на равнине Яков поймал взглядом какое-то движение. Сердце не успело ни испугаться ни понадеяться — глаз разглядел широкую юбку и длинные светлые волосы... По равнине шла Магда, мушкетёрская жена. Одна. «Куда она собралась ? Впрочем, понятно.»

— Капитан...

— Я не для того этот шарф десять лет зарабатывал, — отрезал Яков и шагнул вперёд. Первый шаг дался тяжело, второй — чуть легче. Мёртвый город смотрел на него сверху вниз холодными пустыми глазами звонниц и выбитых окон. Скрипел под ногами серый слежавшийся снег. Картинки из памяти плясали в голове. Годы назад — вот бешеный Мероде вылетает на полном скаку из седла. Вот атака крылатых гусар, едва не стоптавшая роту — ревущая стальная волна, разлетевшаяся на брызги под точными выстрелами тяжёлого

мушкета.

— Ганс, олух, куда тебя черти понесли ? — бурчал капитан, гадая про себя — какая из груд камней впереди была когда-то домом угрюмому мушкетёру.

2-7

следы и сомнения

— Да что они все, с ума посходили? — думала Анна, растерянно оглядывая деловито шумящий вокруг лагерь. Горели костры, свивая жёлтые языки пламени под капральскими котелками, Солдаты бродили туда и сюда — тёмные тени на ярко-рыжем, огненном фоне. От ближнего костра доносились стук ложек по котелку, капральский рык и добродушные ругательства.

— Нет, ну совсем сошли с ума, — повторила она, растерянно оглядывая всю эту суету. Положительно, чудеса шли сегодня сплошным потоком. Вначале Ганс убрёл куда-то — тут она неволью поёжилась, вспомнив как скрипел снег под его сапогами — потом Магда. Вернувшись в лагерь Анна, по извечному женскому любопытству, спросила у той, куда это её муж намылился на ночь глядя.

— В патруль послали, — рассеянно бросила Магда в ответ. Уверенным голосом, но вот глаза её... Магдин взгляд заметался, не находя себе места. Потом руки — её руки зачем-то сунулись поправлять косынку на голове. Светлые пряди вырвались из-под тяжёлой ткани, рассыпались в беспорядке по плечам.

— Ой, А мой-то, дурак шапку забыл. Пойду отнесу, простудится, — проговорила она вдруг. Развернулась, подобрала юбку и решительно зашагала прочь от лагеря, в лес, в темноту под сердито шумевшими на ветру разлапистыми елями.

Анна увязалась за ней. По привычке — она всегда старалась держаться к Магде поближе или... Анна не успела понять. У кромки леса Магда внезапно развернулась, посмотрела на Анну ещё раз и прошептала:

— ой, дура я... теперь и я шапку забыла. Эту чёртову... —

Она посмотрела на недоумевающую Анну — внимательно, будто впервые увидела и добавила — она в лагере лежит. Вернись за ней, пожалуйста?

Анна машинально кивнула. Магда подобрала юбки и ушла в лес, не дожидаясь ответа.

Ничего не понявшая в этой сцене Анна побрела назад. Долговязый Майер на часах лишь лениво махнул рукой. Вот и их повозка. Анна влезла в неё, рассеянно перебирая разбросанные как попало вещи — «странно, обычно у Магды тут порядок» — думала она, раскладывая по местам нехитрое солдатское барахло. Внезапно её ладонь наткнулась на что-то мягкое и пушистое — та самая забытая шапка. Старая, местами протёршаяся до голой кожи. «Стоило ли из-за неё огород городить» — подумала Анна, выбираясь наружу. От лагеря вкусно пахло дымом и варевом котелков. Гнулись под ветром могучие ели. Солнце

почти зашло, густые тени затянули опушку. Идти туда сейчас — было безумием. Безумием и глупостью. Но об этом Анна успела сообразить, лишь когда ноги занесли её под лесные кроны. Деревья качнулись, на девушку мелкой крошкой посыпался снег «Почему так колотится сердце?». Внезапно она успокоилась — как-то вдруг и сразу. Старое, знакомое ещё по деревенскому дому чувство — чей-то взгляд сквозь тьму. Добрый и ласковый... Как и тогда, дома перед визитом господина трактирщика. Она обернулась — и, как и в прошлый раз, не увидела никого. Лишь ветер гнул ветки, да невеликая пичужка вспорхнула, захлопав крыльями, из ветвей. Взгляд был здесь — не приближался и не отдалялся, он просто был. «Милый ангел, — прошептала она, улыбнувшись, подобрала юбки и зашагала быстрее, стремясь догнать ушедшую далеко вперёд подругу.

Магду она догнала уже на поле, перед самой городской стеной. Догнала, окликнула. Та обернулась — тень грустной улыбки скользнула по её тонкому лицу — и сказала:

— Я думала, тебе хватит ума не вернуться. ... — с этими словами она огляделась на чернеющий лес и на нависшую над ними каменную громаду, вздохнула и добавила:

— Ладно, назад теперь опаснее. Пошли, чего уж там...

— Вы что здесь делаете? — пригвоздил их к земле резкий окрик. Анна обернулась.

К ним шёл капитан Лесли — прямо, держа руки на поясе, рядом с оружием.

— Мой муж, мне и искать — огрызнулась Магда.

«Нашли время ругаться», — подумала Анна про себя. Они подошли уже к самой стене. Город нависал над ними — тёмной, бесформенной грудой, увенчанной двумя острыми клыками — собор, потерявший кресты. То, что было раньше аркой ворот — иззубренное каменное полукружие — лежало неровной грудой прямо перед ними. Холодом и сыростью пахло в лицо.

— Пошли уж, чего стоять, — окликнула её Магда, и шагнула прямо вперёд, задумчиво разглядывая камни вокруг.

— Вот где-то здесь мы тогда и вломились, — прошептала она, стоя под аркой. Анна шагнула за ней и споткнулась. Белый камень под ногой. Чёткие, резные линии. Статуя, упавшая в снег — должно быть, выбило взрывом из ниши над аркой. Хранила город. Не сохранила. Анна вздрогнула, подобрала юбки и поспешила догнать ушедших вперёд. Знакомый, тёплый взгляд вновь скользнул по лицу. Впереди чернели фигуры капитана и Магды — у той шапка сползла с головы, светлые волосы рассыпались по плечам в беспорядке. «Ты уж и за ними пригляди тоже, хорошо?» — прошептала она, выходя из ворот. Собор стоял недвижимо, остальное лежало руинами — кашей камней, обгорелых брёвен и снега.

— Здесь. Вроде бы здесь, — прошептала Магда над одной из ям — глубоким, занесённым снегом провалом.

— Здесь — что? — прошептала Анна, но ни Магда ни капитан её не слышали. Лесли настороженно оглядывал руины — будто пытался прочесть что-то в узоре звериных следов на снегу. Собор — две массивные громады чёрного в закатных отблесках камня — нависал над их головами. Пустые звонницы, розетка над воротами — багровый и красный отблеск пробежал по цветному стеклу, и Анна с изумлением поняла, что витраж на ней уцелел. Каким чудом? Девушка сделала пару шагов вперёд — рассмотреть поближе. И вздрогнула, услышав размеренный голос из-за спины

— Не ходи туда.

Она обернулась. Заплясали тени в глазах. Ганс Флайберг, горбоносый высокий мушкетёр шагнул из руин им навстречу. Магда — шапка совсем слетела с её головы — опрометью кинулась к нему. Капитан, чуть промедлив, тоже шагнул вперёд, лицо напряжено, руки — заметила Анна — на поясе, рядом с оружием. Но угрюмый стрелок только обнял жену, махнул свободной рукой капитану и бросил пару слов — ровно, будто и не ходил никуда:

— Капитан, в соборе трупы. Свежие. Много. Кто-то здесь есть. — лицо его ничего не выражало — как и всегда.

Яков в ответ лишь кивнул, развернулся — его взгляд настороженно пробежал по камням вокруг. Руки легли на рукояти шпаги и пистолета за поясом.

— Люди или звери? — отрывисто бросил он.

— Не поймёшь. Следы странные. Вроде ... — Ганс мягко отстранил жену, перехватил мушкет наизготовку. Его серые глаза увидели что-то в развалинах.

— Отведём женщин назад и вернёмся.

в ответ Ганс лишь кивнул. Люди развернулись и пошли назад — капитан и стрелок по бокам, женщины в середине.

— Ты куда ходил то? — спросила мужа Магда, когда они подходили к воротам.

— Домой, — кратко ответил горбоносый стрелок. Анна поняла, что он имел в виду — занесённый снегом чёрный провал и содрогнулась.

У кромки леса их окликнул патруль — четверо солдат роты с капралом.

— Свои, — махнул им рукой капитан. Ганс внезапно развернулся — обратно в чёрное поле. Поднял ствол. Приклад — в плечо, дуло мушкета ловило на прицел что-то видное лишь ему одному в неверном закатном свете.

— Шевелится что-то... — прошептал он. Взлетела, истошно захлопав крыльями полевая птица. Анна пригляделась — но ничего не увидела позади, на занесённом снегом поле.

Стрелок пару секунд помедлил, потом вдруг усмехнулся чему-то невидимому и опустил ствол к ноге.

— Извините, капитан. Почудилось что-то, — бросил он, посмотрев почему-то на Анну. С улыбкой, как ей показалось.

2-8

засада

В стенах собора плескались тени— величественные готические арки тянулись ввысь, серая утренняя хмарь кутала в полумрак боковые нефы, ниши и укромные углы, пряталась наверху, под острыми углами сводчатой крыши. Утреннее, тусклое солнце с трудом пробиваясь сквозь высокие окна, освещало огромный заброшенный храм. Лучи скользили вниз, на огромный чёрный крест, строгий алтарь белого камня, статуи вокруг. Белокаменная дева с младенцем на руках смотрела на людей строго, с холодным сочувствием. Чёткие резные черты. Капитан Лесли вздрогнул и подумал, что ему вовсе не хочется опускать глаза от её лица вниз, туда, куда смотрела Дева. То, что лежало у её ног, на мраморных, отполированных тысячами ног плитах лучше всего описывалось словами «кровавое месиво».

Осматривать собор вызвали охотников. Пошли сам Яков, оба француза, пара сорвиголов из солдат, да мушкетер Ганс — этот так никому и не сказал, куда и зачем ходил под вечер. Никто, по-хорошему, и не спрашивал. Ещё просился юнкер Рейнеке, но его капитан приказом оставил на хозяйстве — нечего сопляку на такое смотреть. «Успеет ещё наглядеться», — хмуро думал Яков, внимательно рассматривая разбросанные в беспорядке тела. Человек десять, не военные. Куда-то шли, зашли в собор, надеясь, что стены, пережившие пятнадцать лет назад великий штурм помогут им пережить одну ночь под их кровом. Не помогли. Два, три, может четыре дня назад — глаз у капитана за войну стал на такие штуки намётанный. Что-то вошло и убило их. Один из французов присел над телом, пригляделся и уверенно сказал:

— Волки, mon Dieu, клянусь богом. Зубищи ещё те. Завёлся у меня как-то такой людоед в лесу...

Капитан тоже пригляделся к одному из покойников — горла практически нет, вырвано. Рана страшная и нанесена явно не сталью. Присел, поворошил одежду, зло хмыкнул и сказал, медленно роняя слова:

— Волки, говорите? Как насчёт небольшой охоты, шевалье?

— Вы уверены, что это разумно? — задал вопрос младший из французов, задумчиво вглядываясь в темноту под резными колоннами свода.

— У меня приказ, господа. Охрана дорог, защита коммерции и всё такое. Этот инцидент тоже под него попадает, не правда ли? — ответил ему капитан. Стрелок Ганс при этих словах лишь хмуро усмехнулся. Француз не ответил, его тонкие пальцы задумчиво теребили мочку уха. Паузу прервал один из солдат, доложивший, что у бокового входа найдены следы. «Очень странные, клянусь богом».

— Если и волк, то огромный, — сказал шевалье медленно рассматривая цепочку следов на снегу. Она шла от собора вдаль, в паутину бывших переулков. Огромные, похожие ... не понять, что за зверь их оставил, но когти у него были впечатляющие.

— И ходит на задних лапах.

Капитан не ответил, лишь пригляделся пристальнее и показал пальцами на две полосы между отпечатками.

Шевалье тоже разглядел странный след, кивнул:

— Будто тащили что-то?

— Давайте посмотрим, — подвёл итог капитан и, не дожидаясь возражений, шагнул вперёд.

Снега в переулке намело изрядно. Люди шли медленно, гуськом, с трудом пробивая себе дорогу. Чем дальше, тем теснее стояли дома. Здесь они казались целыми — двухэтажные, ладные, лишь в окнах — чернота и мрак вместо тёплого света. Камень выдержал, но все остальное пало и лежало прахом. Небо над головами заволкло серой пеленой, ветер взвыл, бросив на людей с высоты заряд снежной крошки.

— Погода портится, — прошептал кто-то. Яков остановился, посмотрел на небо. Серая хмарь на глазах наливалась тьмой. Ветер крепчал, гоня по улице ледяные нити поземки. «Плохо. Следы заметет...» — мысль в голове родилась и умерла на полуфразе. По ушам ударил вой — тоскливый переливчатый вой прокатился, отражаясь глухим эхом, от стен переулка. Потом ещё — протяжный, ввинчивающийся в уши звук. Люди замерли, судорожно оглядываясь на чёрные окна. Капитан выхватил пистолет — глухо стукнул курок под пальцем. Вой ударил в третий раз — будто пробежал холодными пальцами по хребту капитана.

— Что за... — проговорил, замерев, гигант ДеБрасье. Порыв ветра ударил в лицо, сорвал слова с губ, унес прочь, скомкал. И тут из серой хмари впереди на замерших людей кинулось нечто.

Высокие, нескладные, какие-то неправильные фигуры. Оскаленные лица — лица или морды, не поймёшь, лишь кривые клыки нечеловечески щерятся. Завидев людей твари взревели и кинулись вперёд, рыча и размахивая дикарским оружием.

"Слишком быстро для человека", — успел подумать Яков. Мушкетёр Ганс вскинул мушкет. Солдат впереди сложился и упал — набегавшая тварь просто смела его. Следующим в цепочке людей стоял старший из французов — гигант ДеБрасье. Но он лишь застыл, беспомощно глядя на набегавших. Пальцы судорожно сжали ложе ружья. Резкий запах ударил в нос.

— Господи, помилуй, — прошептал шевалье, увидев желтые кривые когти на тянущихся к нему звериных лапах.

Мушкетный выстрел ударил громом. Тварь опрокинулась, полетела назад, рухнув мешком под ноги замершего человека. Кровь, толчками вырывавшаяся из раны на груди, была красная, человеческая. Её вид вывел француза из ступора. Шевалье перехватил ружье за ствол, взревел, мстя за пережитый страх и обрушил приклад на голову следующей твари.

Схватка была короткой. Короткой и яростной. Две твари кинулись на капитана. Первую Яков встретил пистолетным выстрелом в грудь, вторую шпагой. Тварь, рыча, взмахнула дубиной, капитан уклонился, ударил в ответ — тяжёлый пехотный клинок отсёк твари когтистую лапу. Ещё одна обошла дерущихся и кинулась на младшего француза. Эрбле встретил её ударом рапиры — один короткий и точный выпад. Холодная сталь вошла в сердце. Остальные солдаты вскинули ружья, но зря, поздно — все закончилось уже. Только гигант де Брасье оторопело глядел то на тело у ног, лежащее со снесенной нацело головой, то на приклад ружья, треснувшего напрочь от силы удара.

— Хорошее ружье. Было, — меланхолично заметил стрелок Ганс, перезаряжая еще дымящийся мушкет. Шомполом стрелок работал чётко, как на учениях.

Капитан присел над одной из поверженных тварей — той, что попала под выстрел его пистолета. Потянул руку к оскаленной морде. Кривые клыки несуразно торчали вверх. Схватил за нос, потянул — затрещали лямки, личина оторвалась — грубо сшитая из шкуры маска. Под ней было лицо — человеческое, искажённое болью лицо.

— Issand halasta ... Ema* — прошептали тонкие бескровные губы. И затихли, лишь струйка крови потекла с тонких губ вниз.

(*господи помилуй — если верить гуглу, то это эстонский)

Яков поворошил у трупа одежду на груди. То есть грудю разномастных шкур, спасавшую нападавших от холода. Под ней обнаружилась ткань — камзол, рваный и донельзя заношенный, но форменный камзол.

— Жёлтый, я так и думал, — удовлетворенно хмыкнул Яков.

— Вы знали? — бросил ему вопрос аббат Эрбле. Маленький француз стоял у него за плечом, внимательно наблюдая за осмотром. Капитан не ответил, задумчиво разглядывая перчатку трупа — меховую, с нашитыми на неё когтями

— Вы знали? С самого начала? — повторил свой вопрос шевалье.

— Волки могут вырвать глотку, аббат, но карманы они не выворачивают и кошельки не срезают. В церкви с трупов подмели все. Уж поверьте ветерану этой войны — грабили покойников со знанием дела. И ещё следы. Это лыжи, я видел такие штуки, когда служил в шведской армии. Форма на них финской бригады да и язык — похоже я уже слышал его, на шведской службе. Сбежали или просто отстали на марше — бог знает теперь. Немецкого не

знали, к крестьянам сунуться побоялись. Так и сидели тут, бог знает сколько лет. Совсем одичали, судя по виду. Вот так-то, господин д'Эрбле. А рассказать кому — сказка получится, вроде тех, что вы любите.

Шевалье не ответил, лишь отвернулся и задумчиво посмотрел вдаль, в темноту переулка. Капитан, поднялся на ноги, оглядел отряд — сбитый с ног в начале схватки солдат уже поднялся и стоял в стороне, баюкая раненную руку. «Все на месте, потерь нет», — подумал про себя Яков, огляделся ещё раз и скомандовал:

— Ладно, парни. Пойдёмте, поищем их лёжку.

— Зачем? — вежливо удивился француз.

— Увидим, — неопределённо ответил капитан, уводя маленький отряд дальше, вглубь переулков.

2-9

загадки

Искомую лёжку — подвал в полуразрушенном доме нашли быстро, благо ветер стих, и не успел занести следы.

Внутри было жарко натоплено, воняло — хоть святых выноси. Впрочем, святых здесь и так не было, только валялись в беспорядке звериные шкуры да человеческое, награбленное добро. Де Брасье брезгливо поворошил эту кашу носком гигантского сапога, поморщился и спросил, брезгливо поджимая губы:

— И что мы здесь ищем, господа?

— Вот это, — капитан ударил каблуком в стену. Посыпалась крошка, пара кирпичей выпала. Внутри была ниша, а в ней — сундук. Небольшой, но тяжелый — двое солдат с трудом вытащили его на свет. Ганс ударом приклада снес с петель ржавый замок. Крышка открылась, тускло сверкнуло потемневшее от времени серебро.

— Выходит, эти чудаки не совсем одичали, — присвистнул капитан, придержал крышку и продолжил, обернувшись к обоим французам — надеюсь, господа, вы на это не претендуете?

Аббат Эрбле отрицательно качнул головой. Капитан закрыл крышку обратно и скомандовал:

— Ладно, взяли и понесли. Пошли, обрадуем нашего сержанта. А то он все за Мюльберга беспокоится...

Якову внезапно вспомнился давний спор с сержантом на стоянке. Идти роте дальше через веселый Мюльберг или обойти стороной. Капитан хотел обойти, благо его от Мюльберга воротило, но теперь... Теперь, получается, причин делать крюк, ночевать в снегу и морить людей холодом нет. «Пусть завтрашний день сам позаботится о себе. Вот он, получается, и позаботился, покинул денег. Рядовому Майеру на пропой христианской души. И не только пропой. Странными путями порой ходит помощь господина нашего». Яков встряхнулся, оборвал еретическую по сути мысль, извинился перед Господом и пошел — дела не ждали. С небес посыпался серый, мелкий как мука снег, заметая следы на кривых улицах города — будто и не было здесь людей никогда.

— А что это за Мюльберг такой ? — прервал его невесёлые мысли вопросом ДеБрасье

— Весёлый город, сами увидите, шевалье. Недолго уже, два дня максимум. А, может и меньше — туда все как на крыльях летят. — ответил капитан и махнул рукой своим — уходим. Пора домой.

Когда мертвый город остался позади, на поле, у самой опушки шелестящего леса, оба француза чуть отстали от остальных. Им надо было поговорить, что они и делали — вполголоса, тихо. Впрочем, холодный ветер уносил слова вдаль, и насчёт лишних ушей можно было не беспокоиться.

— Нет. Сказать кому — не поверят, — горячо втолковывал своему другу ДеБрасье. — Да и сам я — признаюсь честно, друг мой, я лучше буду рассказывать о волках, оборотнях и адском пекле, чем о том что я испугался каких-то дезертиров.

— Я тоже, — вполголоса ответил другу маленький аббат, — да и все испугались. Благослови бог этого стрелка. Похоже, у него вообще нет нервов.

— Что да, то да — подтвердил ДеБрасье, поглядев на ушедших вперёд людей капитана, — не хотел бы я стоять против него в поле.

— Сейчас мир, — рассеянно проговорил Эрбле, обернувшись назад, к мёртвому городу. Ветер попытался сорвать с него шляпу, но безуспешно — француз придержал её рукой, рассеянно разглядывая унылый пейзаж позади.

— Что, друг мой, жалеете? — спросил его вдруг ДеБрасье.

— О чем ?

— Очередная сказка оказалась ложью.

На этих словах маленький аббат выругался с неожиданной яростью:

— Merde, а кто это был тогда, шевалье, я Вас спрашиваю? Только не рассказывайте мне, что это человеческая глотка. Да и не волчья... И потом, — добавил он уже спокойнее, — эти дезертиры. Вы ничего в них странного не заметили?

— А что в них было не странного, друг мой? Ну, кроме того, что они нас атаковали.

— Если бы они нас атаковали, мы бы не выжили. Они бежали, шевалье. Бежали со всех ног. Что-то выгнало их на нас, как хороший пёс выгоняет дичь на охотника. Знать бы что или кто ...

Эрбле обернулся ещё раз, внимательно посмотрел назад — на поле и мёртвый город вдали. Порыв ветра налетел, загнул вверх поля его широкополой шляпы. Шевалье придержал её рукой, оглядел еще раз поле. И медленно произнёс:

— Знаете, друг мой, наш капитан так рьяно разоблачает фальшивые чудеса, что порой мне кажется, что он прячет настоящее.

ДеБрасье тоже обернулся на эти слова, посмотрел назад — и ничего не увидел. Только взлетела, захлопав крыльями мелкая полевая птица.

А в лесу — совсем недалеко от костров, у опушки Анна, собиравшая вместе с товарками хворост, вдруг почувствовала знакомый взгляд. Тёплый и ласковый. Правда на этот раз он прошёл вскользь, будто «милый ангел» куда-то торопился. Она обернулась и увидела бредущих по лесу людей — капитан Лесли, Ганс и прочие возвращались в лагерь.

— Сворачиваемся, — услышала Анна издали капитанский крик. — Пора уходить отсюда.

«Спасибо, милый ангел», — прошептала она и вернулась к работе.

«Вот послал господь бог недотёпу», — от всей души выругался оставшийся в лагере сержант, в очередной раз не найдя Рейнеке-юнкера на положенном ему уставом месте.

3-1

конец пути

— Ну, вот и дошли, — проговорил устало капитан Яков Лесли, увидев тонкие струйки дыма на горизонте.

День выпал ясный, солнце светило вовсю, со всей силой, скупно отмеренной ему для зимнего дня. Вокруг была равнина, безлесная, гладкая, искрящаяся льдом и снегом на белом свете. Такая же как и вчера, как и неделю назад, и только струйки дыма, тонкие полосы, отвесно встающие в синее небо из какой-то, ещё невидимой, точки за горизонтом, словно говорили: «Дошли».

— И двух дней не понадобилось, — оскалился старый сержант, растирая покрасневшие на морозе руки.

Проговорил, и ещё раз оскалил зубы в довольной усмешке. Старому вояке было чему радоваться. Рота покинула мёртвый город вчера утром и, на радостях, выдала такой бодрый марш, что пролетела за сутки путь, на который обычно отводилось два дня. Никто не отстал и не сбил ноги, ни одна повозка не застряла и не сломала ось. Колонна, хрипя под барабан одну матерную песню за другой летела, словно на крыльях. Было куда. Впереди дымил трубами город — живой, манящий промёрзших людей светом, теплом очагов и обещанием отдыха.

— Дошли, — повторил капитан, глядя, как вырастают вдали кирпичные стены, приземистые квадратные башни, кресты на шпилях церквей. Дым от сотен печей, струйками поднимался вверх, в синее небо. Подул ветер, на роту пахнуло запахом — пряным, сводящим с ума запахом хлеба и человеческого жилья. «Как же мне надоел холод», — подумал капитан и натянул колкий офицерский шарф выше на горло.

— Известно дело, капитан. Мюльберг-место такое. Туда все, как на крыльях летят. Вот обратно — ползком, как правило.

— Кстати, капитан, вы нам так и не рассказали, что это за город такой? — вежливо вклинился в разговор один из французов — маленький аббат стоял рядом, стараясь спрятать лицо от ветра в воротник плаща.

— Как какой, весёлый, — с похабной ухмылкой пояснил сержант, удивляясь, как кто-то может не знать такие вещи.

Капитан вдруг развернулся и показал рукой на чёрную точку вдали, за их спинами:

— Что там, аббат?

— Похоже на деревню... или кладбище ... — неуверенно ответил Эрбле

— Правильно, деревня. Соженная. Как и все прочие на этой равнине. Немудрено. Долина Эльбы, основная дорога связывающая север империи с югом. Тут ходил генерал Мандесфельд, тут прошёл старый Тилли, великий Валленштейн, не к ночи будь помянут. Потом Северный Лев, я, сержант, наша Магда. Да все, кто был на этой войне. Даже вап маршал Тюррен добрался, хоть отсюда до Франции и далеко. Всю местность вокруг армии выжгли и подмели, как метлой. Хорошо хоть, мы её поперек пересекаем, а не вдоль. Вот тогда бы вы, шевалье, поняли, что такое настоящий марш по выжженной земле. И точно посередине — город Мюльберг. Живой, не сожжённый и не разграбленный. Живёт и процветает. Как вы думаете, почему?

— Стены крепкие?

— Нет, — ответил капитан, пряча улыбку, — Это не Штальзунд. Стены им еще Мандесфельд взорвал.

— Вы были при Штальзунде, капитан? — влез в разговор сержант. Брови его взлетели в неподдельном изумлении. Капитан лишь усмехнулся и пожал плечами:

— Моё первое дело. Только приехал на континент. А вы, сержант?

— Тоже, герр капитан. Стояли под стенами, мокли да ждали — что кончится раньше: терпение у бога или солдаты у маршала.

ДЭрбле недовольно поморщился и короткой фразой вернул разговор в прежнее русло:

— Судя по тому, что вы, сержант, живы, а маршал Валленштейн — нет, божественное терпение не безгранично. Но вы отвлеклись, господа. Так чем же знаменит этот славный город, в который мы сейчас направляемся?

Французу ответил сержант — одной длинной, заковыристой и совсем непечатной фразой.

— Бабами, шевалье, бабами. Ну и вином ещё, но это не наш случай — те, кто шли до нас уже, наверное все выпили. А вот весёлых домов здесь больше чем где-нибудь ещё. Да и честные горожанки стараются не отставать. В общем, все к услугам усталого солдата, особенно если он с деньгами. Ну как мы сейчас. Одним словом, весёлый город, шевалье. Особенно весело будет собирать людей по кабакам и борделям, когда пойдём дальше. Впрочем, это ещё не сейчас. А пока — размещаемся, отогреваемся, пропиваем добытые деньги.

— Забавно, — задумчиво проговорил маленький аббат, внимательно рассматривая вырастающие на глазах стены и башни.

Его спутник зло усмехнулся в усы и спросил:

— И что, защищаться ни разу не пытались? Мужчины в этом Мюльберге вообще есть?

Старый сержант парой кратких, но весьма образных фраз объяснил ему — где, конкретно, пересидели всю войну Мюльбергские мужики и почему их там никто не ищет.

Примерно тоже самое, правда в несколько более цветистых выражениях объясняла изрядно замерзшей Анне Магда, солдатская жена. Объясняла долго, тщательно, искусно сплетая во фразы соленые слова. Их повозка немилосердно тряслась на корнях и ухабах. Магда правила лошаадьми, твердо держа в покрасневших на морозе руках поводья, Анна, спрятав в старое одеяло курносый нос бездумно сидела на козлах рядом, глядя, как вырастают на глазах городские стены — стены, а за ними дома, острые шпили церковей и башен, золотые кресты, летящие ввысь дымки печей и каминов, мерцающие тёплым светом узкие окна. Холодный зимний ветер ударил в спину, будто на прощание привет передал. В одном из окон впереди приглашающе мигнул красным светом фонарь. Анна лишь завернулась плотнее и прикрыла рукой почему-то слезящиеся глаза. Идея незаметно сбежать от лагерной жизни подальше почему-то совсем перестала ей нравиться.

А рота меж тем, всё также бодро печатая шаг дошла почти до самых ворот с широко распахнутыми створками. Перед воротами с бодрым видом стояла городская стража, бдительно спрашивая пропуск у снующих туда-сюда горожан. Де Брасье в голос захохотал, да и остальные офицеры не удержались от улыбки. Было от чего — стена направо от ворот была взорвана и лежала неровной каменной грудой. Как раз на их глазах немалый обоз прошел в город напрямик, в обход бдительной стражи.

— Ладно, господа, размещаемся, — отсмеявшись, бросил капитан, указав на длинные

двухэтажные, добротные на вид дома. Квадратом, словно пехотное каре, вне стен справа от дороги.

— Что это? — маленький аббат чуть поморщился, недоверчиво оглядывая ряды краснокирпичных, нежилых на вид строений.

— Честно говоря, забыл как это называется, — вновь оскалив зубы, пояснил капитан, — новомодное изобретение, специальные дома для постоя солдат, дабы не смущать покой мирных обывателей. Кто-то из ваших соотечественников изобрёл*, а наши генералы перенимают. (* вообще-то изобрёл казармы французский министр Кольбер и десятилетием позже)

— Казарма. Хорошая идея, наверное, — всё так же недоверчиво проговорил француз, — но не думаю, что для нас. Приятного отдыха Вам, капитан. А мы остановимся в городе.

Сержант пробурчал под нос что-то невразумительное, о том, что неплохо бы всяким скорым на дурацкие новинки господам французам самим оценить на своей шкуре мудрость их соотечественника. Господа французы предпочли ветерана не расслышать — их парочка отделились от колонны и скорой рысью поскакала к воротам. Солдаты проводили их глазами и свернули направо. Рота втянулась под арку, на мощёный казарменный двор. Ряды сломались, капралы отделений заорали своим «разойдись», с грохотом и лязгом встали, окончив свой марш, тяжёлые повозки. Магда на козлах бросила поводья, подышала, согреваясь, на руки, сказала — на вдохе, одним, коротким: «дошли». Анна спрыгнула, прошла, разминая ноги, пару шагов оглядываясь. Куда же её на этот раз занесла судьба. Капитан окинул взглядом снующий вокруг человеческий муравейник, махнул сержанту рукой и сказал, скаля белые зубы:

— Оставайтесь на хозяйстве, сержант. Я в город, насчёт дров и провианта договариваться. — сказал, и, не дожидаясь ответа, толкнул коня.

Неказистая капитанская лошадь проскакала, цокая копытами, прочь со двора, к приветливо распахнутым городским воротам.

Сержант задумчиво поглядел начальству вслед, почесал бороду, помянул, порядка ради, непечатными выражениями начальство высшее, в низкопоклонстве перед всем западным погрязшее, потом начальство непосредственное, слишком хорошо устроившееся, по вескому сержантскому мнению. Потом набрал воздуха в грудь, помянул ещё раз французские новины, из-за которых порядочные воины вынуждены ютиться на стоянках черть-и-где вместо того, чтобы честно — благородно спать по тёплым домам обывателей, как всякому ветерану известно — именно для того провидением и предназначенных. Пока ветеран ругался, рота успешно разместилась и без него. Сержант кивнул, вполне удовлетворенный увиденным, пробежал взглядом по мощеному казарменному двору и свистнул проходящему мимо солдату:

— Эй, Майер, иди-ка сюда, — долговязый Майер замер на полушаге, развернулся и изобразил всем видом энтузиазм, требуемый уставом при виде начальства. Сержант кивнул и проговорил добродушным, но строгим голосом:

— Передай Гансу, чтобы побыл на хозяйстве. Я в город, — сказал, развернулся и пошёл прочь.

От города казармы отделялись широкой полосой невысоких деревьев и колючего, переплетающегося шипастыми ветвями, кустарника. Очень плохо для обороны, для ловли самовольщиков и дезертиров — наоборот, очень хорошо. Старый сержант даром бы ел свой хлеб, если бы не знал тут наизусть каждую тропку.

Рядовой Ханс Майер побежал было со всех ног передавать сержантское поручение и сходу напоролся на интенсивно собиравшуюся Магду. Та, тоже сходу, развернула Майера обратно, передать сержанту, чтобы не дурил: они с Гансом, де, идут на рынок. Ибо жрать что-то надо, и сержантам в том числе. Договорила, взяла мужа под руку и пошла, оставив рядового стоять с раскрытым на морозе ртом посреди площади. Впрочем, недоумевал рядовой Майер совсем недолго. Почесал в затылке, подсчитал на пальцах количество оставшегося в расположении роты начальства, потом, тоже на пальцах, количество денег в кошельке, присвистнул и аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания пошёл в сторону города. Напрямик, через кусты. Одну из троп в них он уже который год очень усердно протаптывал.

Прежде чем прапощик Лоренцо сообразил, что из офицеров на хозяйстве остался он один — за рядовым Майером в город сбежали его приятели — рыжий Донахью и испанец Санчес из пикинеров. И ещё человек двадцать из роты.

3-2

размещение

Анна меж тем обустроивалась. Слово неточное и совсем для такого случая неподходящее, но для таинства превращения заросшей пылью и грязью клетушки меж четырёх казённых стен в человеческое жильё другое вряд ли подберёшь. Бессмысленный, на первый взгляд, труд, больше, чтобы успокоиться и привести в порядок невесёлые мысли. Как знать, не придётся ли уже в эту ночь бежать со всех ног отсюда. И как знать, успеешь ли добежать. И куда? Но привычная по старой жизни работа грела и гнала дурные мысли прочь с облаками изгоняемой из комнаты пыли. Пройтись по полу тряпкой. Отжать. Прополоскать. Повторить. Хорошо, теперь хотя бы видно, что пол деревянный. Щелей в нем... но лучше не думать о грустном. Лучше взять тряпку в руки и пройти по стенам и нехитрой мебели — двум сундукам да широкой кровати. Ещё немного, и выданную Анне на размещении комнатку в офицерском крыле можно будет признать жилой. С большой натяжкой, конечно. Анна, навалившись всем телом, отодвинула кровать от стены, выгребла мусор — гору пыли и битого стекла, от души пожелала здоровья предыдущему постояльцу и попыталась задвинуть кровать на место. Кривая ножка попала в щель, кровать жалобно закрипела всеми досками и застряла. Посреди комнаты, ни туда ни сюда. Анна навалилась ещё раз. Бесполезно. Поднять эту дуру можно было даже не пытаться. Сооружение крепкое, широкое, монументальное, не по девичьим рукам. "Как её только затащили на третий этаж?" — в сердцах думала Анна, наваливаясь всем весом на упрямую мебель. Внезапно кровать скрипнула ещё раз, задрожала и встала на место — легко, как пёрышко.

— А я молодец, — подумала было девушка. И только потом догадалась, что молодец здесь совсем не она. Просто к её силе добавилась другая. Рейнеке НеЛис зашёл. И как она его не заметила?

— Привет, — сказала она, выпрямляясь — быстро, так, что кровь прилила к лицу. Руки её опустились, забегали, расправляя несуществующие складки на юбке.

— Привет, — ответил он и запнулся. Ладонь его левой руки прошлась по рукаву правой, размазывая пыль. Раз, другой.

— Ты... — начал он, так и не подняв глаз, и опять замялся на середине фразы. Почему-то Анне показалось это смешным. Она и улыбнулась, невольно. Вдруг парень улыбнулся в ответ и — неожиданно — продолжил:

— А ты что здесь делаешь?

— Как что? Убираюсь. Порядок навожу, — на этих словах Анна машинально огляделась, приглашая парня оценить проделанную работу.

Рейнеке огляделся и увиденное его впечатлило. Явно. Аж до открытого в изумлении рта.

— На размещении комнату выделили, вот и убираюсь, — продолжала Анна меж тем, — спасибо Магде, подсуетилась, а то бы я прохлопала бы все, конечно. Не знаешь, сколько здесь простоим?

— Неделю, наверное, — машинально ответил Рейнеке, — как выбила?

— Да так. Обыкновенно, как у неё водится. Поймала меня на дворе, за плечо ухватила, иди — говорит — твоя комната тебя дожидается. Да спасибо скажи, что выбила. Пришлось, говорит, зубами выгрызать. Надо будет и впрямь спасибо сказать, а то так бы и слонялась по двору. Хотя возиться ещё изрядно, тот, кто до меня здесь стоял — ой и свинья был, прости господи, — прощбетала Анна, не догадываясь что совершает предусмотренное артикулами воинскими преступление. Офицерское, как-никак крыло. Но Рейнеке невольно улыбнулся — широко, простодушно.

Анна сообразила, что несёт что-то не то и вообще — зачем офицеру слушать такие подробности? И спросила:

— А ты зачем зашёл-то?

На этих словах парень сморщил лоб, будто задумался — а зачем же он, собственно, сюда пришёл. Потом лоб разгладился, парень усмехнулся, словно вспомнил таки, и сказал:

— Тебе одеяло лишнее не нужно? А то холод на дворе ...

— Спасибо, — а что ещё тут ответить? Тем более и впрямь холод на дворе, и жаровня в углу самая на вид ненадёжная. Тут во дворе закричали. Раз, другой. Анна вздрогнула было, потом разобралась — не тревога, просто ищут кого-то. То есть юнкера — как всегда.

— Я пойду, — сказал парень, поворачиваясь к двери.

— Подожди, — остановила она его. Кричал не капитан, можно было не торопиться. А извазюкался парень, будто по дороге сюда трубочистом где-то поработал. Весь в пыли. Но пара взмахов тряпкой быстро исправили это дело. И, напоследок, хлопнула ладонью по рукаву — пылинку смахнуть. Приведенный в божеский вид юнкер скрылся за дверью, затихли крики на дворе. Анна огляделась. Кровать мирно стояла на месте. А вот пол...

«Я вообще-то здесь убиралась», — вздохнула девушка, взяла швабру и пошла стирать следы сапог с мокрого пола.

** **

На мрачный казарменный двор Рейнеке — юнкер выкатился в настроении самом мечтательном. Задрав в синее небо глаза и рассеянно поглаживая рукав камзола ладонью. И сразу же нарвался на столько раз слышанный вопрос:

— И где тебя носит?

На этот раз, в исполнении прапорщика Лоренцо. Маленький итальянец внезапно обнаружил себя старшим по роте и теперь пытался успеть везде. Судя по сбитой на бок перевязи, потерянной шляпе и дикому взгляду чёрных глаз — получалось у него плохо.

— И где тебя носит? — повторил свой вопрос итальянец, — давай быстрее, ты нужен...

Рейнеке невольно зарычал. Ладно бы капитан или сержант, но этот итальянец явно много себе позволяет. Но тут от угла раздалось *wenn die Landsknecht trinken* в исполнении порядком весёлого голоса, и юнкер отложил гнев на потом. Похоже, он действительно нужен. Капитан огорчится, найдя по возвращении роту в непотребном виде. Спустя пару

часов они с итальянцем таки вспомнили, как расставляются посты, разогнали по казармам буйных. Одним словом, роту в божеский вид привели. Даже пару самовольщиков сумели поймать и вернуть в расположение.

«Слишком тупых или слишком невезучих, чтобы попасться», — проворчал под нос юнкер, переводя дыхание. Ладонь машинально прошла по рукаву. Опять белому от пыли. «Анна могла и не стараться. Всё равно, пока бегал, сумел измазаться. Жаль,» — подумал он и огляделся.

Взгляд рассеянно пробежал по неприветливым тёмным зданиям, колючим зарослям, городским башням и шпилям вдали. И упёрся в стоящего рядом Лоренцо. Итальянец уже успел оправить перевязь, нацепить шляпу с пёстрым пером, вытряхнуть плащ. «Даже сапоги успел надраить до блеска, шут гороховый». В городе зазвонили колокола. Итальянец просвистел под нос пару рулад, вторя их песне. Ладонь юнкера ещё раз машинально прошла по рукаву. Парень шагнул вперёд

— По моему, у нас с Вами осталось незаконченное дело, сударь...

На этих словах итальянец развернулся — мгновенно, с кошачьей грацией, лишь хлопнул тканью отброшенный плащ. Руки легли на пояс, поближе к оружию. Сверкнули на солнце витые эфесы рапиры и даги.

Рейнеке сделал вперёд ещё шаг. Итальянец чуть поклонился — как показалось Рейнеке с лёгкой издёвкой

— Извольте, юноша. Хотя, хотел бы я знать, чем я Вам так насолил ...

— А вы не догадываетесь? — Почти прорычал юнкер. Правила обязывали быть вежливым, но так хотелось послать их к чёрту.

— А я должен? — ответил итальянец с улыбкой, Рейнеке чуть его на месте не загрыз. К счастью за углом кто-то из самых тупых нашёл время допеть пьяную песню:

«...Когда пехота любит, не тратит время зря..»

— Заткнись, собака! — Рейнке с итальянцем проорали это хором, на два голоса. Аж сами удивились, до чего слитно это прозвучало.

«.. alles for Kaizer Ferdinand wohl» — то ли пьяный издевался, то ли просто припев допел. Голос затих. Надо было сходить и дать дураку по шее, но, судя по звукам, капралы управились и без них. Рейнеке с итальянцем обернулись и посмотрели опять друг на друга.

— Так чем же я Вам, милостивый государь, так насолил? — спросил итальянец не скрывая издевки.

— Брезахская тюрьма...

— Ах, вот оно что, — итальянец присвистнул, выдав ужасно фальшивую руладу, — наговорили значит. Право же юноша, вас следовало бы прибить только за Ваш щенячий энтузиазм — глядя на вас чувствуешь себя старым. Но есть одна беда: про Вас тоже много чего говорят, — тут итальянец сделал театральную паузу, оглянулся вокруг и продолжил, понизив голос:

— Например, что куриц вам таскает сам дьявол, которому вы продали душу за наш рыжий трофей.

— Это же неправда... — проговорил юнкер. Ошеломленно — значит ничего не сказать.

— Насчёт князя тьмы, таскающего куриц — разумеется. Но это мне наболтали рядовой Майер и его дружок Донахью. Судя по Вашему удивлённому лицу, это те же типы, что вам про меня байки рассказывали. Судите сами, сколько здесь правды.

— Почему я должен вам верить? — спросил юнкер, ошеломлённый вконец. Просто так

сдаваться он не хотел но... Но тут по ушам ударил треск в кустах ежевики.

— Потом договорим, юноша, — проговорил итальянец, поворачиваясь на звук, — сюда кто-то идет.

— И не наш, — добавил юнкер, раздувая ноздри и кладя ладонь на эфес. Поймал вопросительный взгляд, опустил глаза и добавил, — наши знают тропинки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Незнакомец же явно ломился через кусты напрямик, без дороги. Трещали ветви, трещал валежник под бегущими ногами. Трещал, оставляя лоскуты на шипах, потрепанный плащ. Человеческая фигура вышла, нет вывалилась на свет и упала прямо на руки итальянцу. Лоренцо осторожно придержал незнакомца — незнакомку, Рейнеке увидел, как выпала из-под капюшона длинная прядь. Лоренцо что-то спросил. Бешеный, захлёбывающийся поток слов в ответ. Слов, от которых кровь стыла в жилах.

— Все будет хорошо. — проговорил итальянец, бережно приглаживая рукой растрёпанные волосы, — все будет хорошо.

— Вот только, что мы капитану скажем?

— Придумаем, что-нибудь, — проговорил юнкер в ответ — медленно, прокатывая желваки на скулах.

Парень поднял глаза. Над городом плыл в синеве небес золотой крест на церковном шпиле.

3-3

самоволка

А по улице города — кривой, по городским меркам широкой, две телеги разъедутся, шёл, неспешно, поглядывая по сторонам, старый сержант. Шаггал прямо посреди улицы, твердо ставя ноги на мостовую. Борода его весело торчала вперёд, широкие плечи развёрнуты. Случайным прохожим приходилось прижиматься к стенам, чтобы убраться с его пути. Сержант не обращал на них никакого внимания, лишь изредка достаивая по-отечески добродушным взглядом женский глубокий вырез или особо шаловливую юбку. Таких попадалось немного, и ветеран ворчал под нос о том, что портится всё, даже весёлый Мюльберг и шёл дальше. Взгляд его рассеянно пробежал по фасадам, потемневшим балкам и окнам мансард и высоким двускатным, крашенным под черепицу соломенным крышам. Старый вояка знал, куда шёл. Немудрено, заведение мамы Розы, что у ратуши, знали все. И именно туда сержант и направлялся, заглядываясь по пути на висящие над крышами резные флюгера и на ярко размалёванные вывески. Пьяница верхом на бочке — кабак, три свиньи — не поймешь, то ли тоже кабак, то ли мясная лавка. Впрочем, по военным временам, могли и совместить, но только не в Мюльберге. Интересующее сержанта заведение носило алую розу на фасаде — знак, однозначно указывающий как на имя владелицы, так и на характер работы заведения. По ратушным бумагам дом проходил как городская купальня. Бумаги не ввали — заведение у мадам Розы было в высшей степени приличное, в нем даже ванна была. Правда мало кого она там интересовала.

Вот к такому домику — самому богатому из весёлых и самому весёлому из богатых домов города Мюльберга и шёл старый сержант. Разумеется, не к главному входу — изящному портику под алой розой, и даже не к чёрному, куда днём заносили припасы с рынка, а ночью, случалось, выносили трупы — к одной хорошо спрятанной маленькой двери в задней стене. Для большинства посетителей эта дверь вообще не существовала. Для Пауля Мюллера, сержанта роты Лесли — открывалась с пинка. За дверью была узкая лестница.

ведущая прямо на третий этаж, в личную комнату мадам Розы. Добрую половину которой занимала огромная, с балдахином, кровать. В свои «хочешь-жить-так-не-спрашивай-сколькo» лет мадам могла кого угодно научить, для чего эта кровать предназначена.

Чуть не доходя до нужного дома, сержант свернул в переулок, оглянулся и, пробормотав под нос что-то похабное, несильно стукнул в искомую дверь. Тяжёлые доски отозвались на ласку гулом и скрежетом. И тишина.

— Странно, — пробурчал под нос сержант, ударяя сильнее. Дверь выгнулась, жалобно брякнув в пазах всеми досками.

— Мама Роза, ты что вообще стыд потеряла? Своих не узнаешь? — прорычал сержант, настороженно пробегая взглядом по чёрным, закрытым наглухо окнам. Обычно после такого удара раскрывались окна, подымался гам. На шум высовывалась сама мадам и громко интересовалась, а где его, Пауля Мюллера носило. Виртуозная перебранка обычно растягивалась на пол-часа минимум. Но сейчас дом молчал. Молчал двор-колодец, глухие стены и темные балки вокруг. Лишь хлопала крыльями в вышине напуганная шумом птица.

— Что за хрень, — прошептал угрюмо сержант, — переехала она что-ли? Но ведь дурь же. Место — лучше не придумаешь...

Дом молчал. Ставни на окнах не дрогнули. Сержант сплюнул и обошёл дом кругом — но и главный вход был закрыт. Резная дубовая дверь забита наглухо. Кривыми, корявыми досками, крест-накрест.

— Что за черт? — прошептал ещё раз сержант и вдруг увидел: вывеска — щит с затейливой розой сбита и валялась в углу. След грязного сапога на алых лепестках. Сержант почему-то вспомнил, как помогал эту вывеску вешать пару лет назад. Борода сержанта заходила ходуном, ладонь левой руки медленно потёрла костяшки правой. Сержант огляделся, в два шага пересёк улицу и с размаха ударил сжатым кулаком в ставни напротив. Окно распахнулась, и кто-то невидимый прокричал: чего надо? Сержант парой слов объяснил — чего. Из дома проорали что-то в ответ, и ставня захлопнулась вновь перед самым сержантским носом. Холодный ветер сдул с крыши за шиворот белый, сверкающий снег. Ветеран невольно поёжился. На мгновение ему стало нехорошо. Совсем. Уж больно дрожал голос из-за ставень. Говоривший боялся. До дрожи в голосе.

— Разберёмся, — сказал старый вояка под нос, машинально стирая ладонью кровь со сбитых на кулаке костяшек. С синевы небес сверкнул ему в глаза золотой крест на церковном шпиле.

** **

— Тут что-то не так, — упрямая мысль никак не желала улетать с винными парами из головы рядового Ханса Майера, — тут что-то не так.

Чуйка на неприятности у рядового была будь здоров — иначе не прошагал бы он столько под барабаны. И нехорошую привычку думать сержант так и не смог выбить из его большелобой, упрямой башки. И теперь и мысль и чувства орали рядовому Майеру — хором, во весь голос:

— Тут что-то не так. Но что?

Рядовой огляделся — нет, внешне всё правильно, так, как должно быть. Они с парой приятелей — рыжим ирландцем Донахью и Санчесом — испанцем из пикинёров, сидели, как солдатам и полагается, в подвальном кабаке, разогнав случайных посетителей. Успели влить в себя и первую — за то, что живые, и вторую — чтоб так было и впредь, и третью — за сержанта, чтобы его медведь заел. И песню свою извечную проорать, на три хриплых от

мороза и маршей голоса. Первый куплет честно предупреждал трактирщика о намерении пехоты выпить все, что горит и съесть все, что зуб одолеет, второй — не менее честно описывал, как ярко будет гореть кабак в случае недолива, третий — откровенно и в подробностях рассказывал снующим туда-сюда с кружками подавальщицам о намерениях бравой имперской пехоты. Припев — *alles for kaiser Ferdinand whol*, исполнялся с таким видом, будто приказ о производстве всех этих безобразий был выдан кайзером Фердинандом рядовому Майеру лично. В его собственные, отбитые курком и шомполом солдатские руки. Все, как всегда — полутёмный подвал, медвежья шкура на стене, пылающий огонь, сжавшийся за своей стойкой хитроглазый трактирщик, стайка девчонок с подносами. Разве что кабак был четвёртый по счету — три первых, почему-то, оказались закрыты. В остальном, все, как всегда.

— И не так, — а тревога не унималась, всё билась и билась в висках. Рядовой потянулся и украдкой поправил на поясе широкую шпагу. Оглядел товарищей — и увидел, что Санчес держит руку поближе к поясу — к испанскому складному ножу, а рыжий Донахью — тоже украдкой подвинул тяжёлый табурет к себе под правую руку.

— Значит, не мне одному мерещится, — усмехнулся он, вглядываясь ещё раз в полутьму трактирного подвала. И внезапно понял — здесь всё слишком. Слишком угодливо трактирщик метал кружки на стол. Слишком быстро скользили по залу его глаза под кустистыми бровями — от компании за столом к дверям и окнам. Слишком проворно бегали на зов трактирные девчонки. Шнуровка на груди у тех распущена — и то слишком, даже на рядового Майера сальный взгляд.

— Потравить нас здесь хотят что-ли?

Рядовой встал, схватил со стола недопитую кружку, сунул с маху трактирщику под нос:

— Давай, выпей с нами. За кайзера! — примериваясь ударить сразу, как заметит сомнение или заминку. Но трактирщик спокойно влил содержимое в рот. Даже не поморщился от собственного пойла. Лишь на дверь глаза скосил. Нет, на «потравить» не похоже

— Теперь ты, — солдат подхватил вторую кружку со стола, сунул одной из подавальщиц, — за пехоту!

И с секунду смотрел, как дрожат на маленькой девичьей голове выбившиеся из-под платка черные кудряшки. Как ходит вверх-вниз калдык на горле. Как вздымается высокая грудь под небрежной шнуровкой. Как отчаянно косят на дверь широкие карие глаза. Остальные подавальщицы сгрудились стайкой в углу, шептали что-то, поглядывая то на солдат, то — искоса, на дверь и окна.

Внезапно рядовой Майер понял, что здесь не так. Здесь боялись. И, что удивительно, совсем не его и не их компании. Боялись чего-то, что могло придти с улицы. Из-за тяжёлой дубовой двери.

— Пойду-ка я прогуляюсь, парни, — сказал рядовой и шагнул к выходу, прихватив по пути брошенную перевязь с широкой солдатской шпагой.

С полутьмы улица ударила рядового по глазам ослепительным солнечным светом. Майер моргнул, привыкая. Улица была пуста. За спиной хлопнула дверь — за Майером увязалась подавальщица. Та самая кареглазая девчонка.

— Чего тебе, — бросил было солдат, но та замерла вдруг. Расширенные до предела карие глаза уставились куда-то вдаль, мимо плеча. Солдат развернулся — и похолодел. Из-за угла вышла процессия — странная, чтобы не сказать больше.

Впереди шла бесформенная фигура, закутанная с ног до головы в волочащийся по земле темный балахон. Мужик или женщина, человек или нет — не поймёшь, лишь складки чёрной бесформенной ткани. Случайные прохожие сворачивали в переулки — лишь бы уйти подальше. Кто не успевал — вжимался в стены, давая дорогу. Фигура шла вперёд, шатаясь, медленно, приволакивающей походкой. На миг она повернулась к солдату лицом. Взвизгнула, прячась Майеру за спину, трактирная девчонка. У рядового отвисла челюсть. У фигуры не было лица — лишь ткань спадала складками там, где должно быть глазам у человека.

За нею шли, так же медленно, поглядывая по сторонам, десяток человек в форме городской стражи. Майер заметил натянутые веревки. «Словно собака на привязи» — пробежала непрошенная мысль. Солдат смигнул и перевёл взгляд в конец странной процессии. И челюсть у него отпала опять. Замыкал ряд всадник на белом коне. Высокий, с непокрытой, несмотря на мороз, головой. Тёплая куртка с меховым воротником, перчатки с отворотами. На поясе, плечах и рукавах куртки — там, где у рядового был нашит ряд простых пуговиц — сверкал тусклый блеск, пробегали блики. До Майера донесся хорошо знакомый звон — серебро. Настоящее серебро, нашитое вместо пуговиц и амулетов. Еще был крест у седла — нет, на солнце блеснула сталь, и Майер увидел меч — старинный клинок с яблоком и широкой прямой крестовиной. «Таких сто лет как не делают». Они поравнялись. Всадник чуть повернул голову — солдат мельком успел подивиться холодным глазам и вытянутому аристократическому лицу со стриженными по-простонародному коротко волосами. Их взгляды встретились. Солдат нервно сглотнул — бесцветные глаза измерили его с ног до головы. Измерили, взвесили и нашли лёгким. Рядовой Майер был не сопляк и не новобранец. Он стоял в линии, отбивая атаку французских рейтар. Тогда пика в его руках не дрожала. Тогда. Но сейчас, под взглядом холодных, оценивающих глаз, он забыл, что солдат, что на поясе шпага и друзья-приятели за спиной. Зубы отбили частую дробь, спина покрылась холодным потом. Всадник чуть усмехнулся — чуть-чуть, уголки губ едва дрогнули, и послал коня вперёд. Процессия скрылась за углом. Улица опустела.

— Что это было? — прохрипел Майер в пустоту, дивясь звукам собственного голоса. Кудрявая подавальщица вдруг прижалась к нему, обняла, зашептала на ухо... такое, что тяжёлой челюсти Майера пришлось отвалиться ещё раз. Золотые кресты сверкнули им сверху вниз с церковного шпиля.

3-4

Встреча

А процессия шла и шла по улицам застывшего города. Горожане замирали и прятались, стража косила по сторонам. Всадник не глядел вокруг, закутанная в балахон фигура двигалась мерно, подволакивая ноги. Стражники толпились вокруг без порядка — похоже, они тоже побаивались встречаться со всадником глазами. Так они и тащились, гуськом, пока не вышли на площадь — каменный, сжатый со всех сторон стенами и арками галерей мощёный квадрат с замёрзшим фонтаном, статуей рыцаря с мечом в руках, лотками да палатками торговцев. Всадник, не повернув головы, бросил пару слов в пространство. Стражники вздрогнули, самый шустрый толкнул древком копьё фигуру в балахоне. Та пошатнулась. Подняла руку. По толпе словно пробежала рябь. Указующий палец провёл в воздухе полукруг — и застыл, указывая на высокую светловолосую женщину в солдатском плаще, увлечённо перебирающую товар на лотке зеленщика. Стражники кинулись вперёд.

Магда, солдатская жена ничего не поняла поначалу. Вот только удалось разговорить

лоточника, как вдруг этот хмырь побелел и упал под стол, прервав увлечённую женщину на самом интересном. Потом чьи-то руки схватили её за рукав. Первый стражник, впрочем, легко отделался — солдатская жена отмахнулась мешком не глядя, попала в лоб, сбив незадачливого на землю. Второму повезло меньше — схватить Магду за плечи он успел. И даже мешок вырвал. На свою беду. От угла, с галереи ударил выстрел. Взвился облаком чёрный пороховой дым. Стражник взвыл. Горожане кинулись, кто куда — лишь бы от стрельбы подальше. Охрана застыла, оторопело уставившись на то, как корчится и баюкает простреленную руку их товарищ.

— Это моя жена, — предупредил их высокий, горбоносый солдат, шагнув навстречу из облака дыма, — кыш, отсюда.

Разряженный ствол в его руке ещё курился — тонкой струйкой вверх, в синее небо.

— Ты что, солдат? Сейчас же мир, — стуча зубами проговорил один. Солдат молча шагнул вперёд, одним движением сорвал заряд с перевязи. Стражники намёк поняли, кинулись врассыпную. Стрелок лишь усмехнулся им вслед и шагнул к жене. И замер, развернувшись на голос всадника на белом коне:

— Отойди, — сказал тот коротко. Спрыгнул на землю — легко, одним движением, лишь мелодично зазвенели нашитые на куртку монеты.

— Твоя жена — ведьма и я её забираю, — проговорил он мерно под звон монет.

— С какой стати? — усмехнулся стрелок и опуская мушкет к ноге. Положение «заряжай». Обвешанный серебром шагнул вперёд, замер на мгновение. Мужчины смерили друг друга глазами — синие против серых. Опытная Магда сделала шаг назад, очистив мужу линию огня, и тоже замерла, переводя взгляд с одного из бойцов на другого. Десять шагов мостовой отделяли их друг от друга.

— Я, Конрад Флашвольф, лицензиат права и дознаватель, — размеренно проговорил «серебряный», делая шаг вперёд. Серебро на поясе и рукавах мерно звякнуло. Качнулся меч на плече. Солнечный зайчик пробежал по яблоку на рукояти.

Ганс скусил патрон крепкими зубами.

— Призван в этот город, — ещё один шаг, мерный звяк серебра. Девять шагов.

С сухим шелестом ссыпался из заряда в ствол чёрный зернистый порох.

— и уполномочен властями его, как светскими, так и духовными, — теперь восемь.

Свинцовый шар пули скользнул в ствол вслед за зарядом.

— Очистить город от колдовства и скверны, — семь шагов.

Удар шомпола обрушился на пулю, плюща и вминая в стенки мягкий свинец.

— Имею право на розыск, арест и дознание ведьм, колдунов и пособников, — теперь шесть шагов. Ствол взлетел вверх, прижался к плечу мушкетёра.

С лёгким звяком откинулась медная полка в пазах. Дознаватель, так же мерно сделал ещё шаг. Опять серебристый звон. Осталось пять. Глухо лязгнул орлёный курок, взводясь в боевое.

Приклад прижался к щеке, в лицо дознавателю уставился холодный глаз мушкетного дула. «Серебряному» осталось четыре шага до стрелка.

— Рискни, — прошептал стрелок одними губами.

— Ты проклят, солдат, — также размеренно проговорил дознаватель. Смерил глазом расстояние — четыре шага. Можно рискнуть. Его рука потянула клинок. Медленно, по дюймам.

— Мне говорили, — палец Ганса начал выбирать слабинку на курке. Тоже медленно.

Удар сердца. Ещё один. Потом лицо дознавателя чуть дёрнулось — не улыбкой, а её тенью. Рука в перчатке замерла. Еле заметно кивнул, как бы отдавая дань уважения равному противнику, повернулся на каблуках и пошёл прочь, проговорив на прощание:

— Твой выбор, солдат. Приходи, когда ад возьмёт тебя за горло.

Стрелок Ганс, опустив к ноге ствол, задумчиво проводил его взглядом. Потом внезапно присвистнул:

— Эй, палач?

— Чего тебе? — отозвался дознаватель не оборачиваясь и не сбавляя шага.

— Хорошая у тебя железка.

— Волшебный меч. Убивает чудовищ, — бросил он, вскочил на коня и ускакал. Лишь монеты прозвенели ещё раз, на прощание.

Стоявшие всю схватку тише воды стражники заторопились за ним. Самый шустрый из них, высокий с изрытым, оспенным лицом дёрнул было за собой фигуру в балахоне. Магда решила, что пора бы и ей вмешаться и придержала балахон за рукав, а её муж качнул стволом в сторону стражника — торопыги. Тот намёк понял правильно, бросил верёвку и побежал, оставив Магде её добычу.

Солдатская жена размахнулась и — от души, напряжение последних минут требовало выхода — залепила закутанной в балахон фигуре хорошую пощёчину. Затрещала ветхая ткань, та упала, тряпки слетели. На свет показалась лицо — бледное, измученное, но вполне человеческое лицо, залитое слезами.

— Ты на кого тут пальцами тычешь? — заорала Магда, выплёскивая с криком остатки ярости, — совсем мозгов нет, какая я тебе ведьма?

— Простите, — сквозь слезы, прошептала та, — простите госпожа. Просто... Просто. На площади вы были единственной мне незнакомой...

Магда попробовала помочь ей встать. Но нога подвернулась, отбитая у стражи женщина упала опять. Затрещала, лопнув по шву ветхая ткань, обнажив то, что под ней. Магда ходила за армиями всю свою жизнь. Она видела, как горел Магдебург. Она видела Брзах, осаду, голод и караулы у виселиц. Но и она сейчас побледнела.

«Охота на ведьм. Опять. Мерзость, прости Господи», — прошептал ее муж, шагнул вперёд, скинул с плеч тёплый плащ и бережно укутал потерявшую сознание женщину. Потом снял шляпу, поднял глаза и перекрестился на парящие в вышине кресты на шпиле.

— Царица небесная, — прошептал он, — забери от нас свой мир и пошли нам обратно войну.

Стрелок опустил глаза, посмотрел не закутанный тенью зев переулка — туда, куда минуту назад уехал всадник на белом коне, секунду помолчал и добавил :

— Ненадолго. Мне пары дней хватит.

3-5

обещания

— И что говорит? — спросил Рейнеке-юнкер итальянца.

Далеко от той площади, за воротами, на пяточке между унылой краснокирпичной казарменной стеной и чёрными зарослями. Кресты с колокольни сверкнули золотом в глаза и ему — те же самые, что и Гансу на площади.

— Все то же самое. То же самое, что и остальные, — итальянец не проговорил — прошипел в ответ. Сейчас его речь, весёлая и певучая обычно, гремела и лязгала — так гремит кольцами рассерженная змея. В руках сверкнул узкий клинок, вылетел из правого

рукава, сверкнул серебряной рыбкой и скрылся в левом. Маленький итальянец только что проводил очередную беглянку из города в казармы и вернулся. Очередную. Сколько их успело придти — они с юнкером уже со счета сбились.

— То же самое, что и остальные, — в сердцах повторил итальянец. Тонкий венецианский стилет опять скользнул, перекувырнувшись в его руках — теперь из левого рукава в правый. Юнкер поёжился.

— Подругу забрали, соседку сожгли, соседи косятся да бумаги пишут... Солдатики, миленькие, заберите нас отсюда. Кем угодно, куда угодно, лишь бы от мясорубки подальше, — итальянца передёрнуло, как от зубной боли, — Клянусь мадонной, довести прекраснейшее из созданий до такого... — Остаток фразы итальянец выдал на цветистом родном наречии — юнкер разобрал только «кровь Вакха» да имена святых. Всех, что в святцах числились.

Наконец итальянец смолк, перевёл дух и глянул на шпильки вдаль. Серебряная сталь опять провернулась и скрылась в его пальцах.

— Юноша, на вас можно оставить роту? — спросил он вдруг, оскалив в улыбке белые зубы, — клянусь святой Марией, Царицей Небесной, другой Марией, которая Магдалена, да заодно и Лючией, покровительницей Падуи и моего факультета — я ненадолго. Вот подпалю тут всё с четырёх концов и вернусь. Кровь Вакха, это место оскорбляет все мои чувства....

— Не думаю, что это хорошая идея. — проговорил юнкер медленно, окидывая настороженным взглядом город вдаль. Серые стены, шпильки с крестами, кружащиеся птицы, кроваво-красные крыши, злые отблески на замороженных инеем стеклах.

— Не думаю. Там капитан.

Итальянец оглядел город вдаль, вздохнул и коротко бросил:

— Согласен. Но жалко, клянусь мадонной.

— Не лучше ли поднять под ружье дежурное капральство? Может быть погоня, а мы... — тут парень на секунду запнулся. Итальянец улыбнулся и продолжил за юнкера фразу:

— А мы, как говорит наш сержант, сидим со спущенными штанами. Моих профессоров хватил бы святой Кондратий от такого, конечно. Но до Падуи далеко и здесь не лекция по риторике. Главное — доходчиво.

Итальянец усмехнулся. В кустах глухо затрещали ветки.

— О, черт. Накликали, — выругался итальянец, разворачиваясь и хватая клинок. Юнкер весь подобрался, вдохнул — ноздри широко раздулись, жадно втягивая холодный воздух. И медленно выдохнул:

— Это наши. Майер с компанией

— Откуда... — начал было Лоренцо, удивлённо посмотрев на него, но тут кусты с треском разошлись, явив офицерскому глазу одного Майера, его приятелей, и ещё нескольких, старательно кутавшихся в солдатские плащи — как будто грубая ткань могла сделать девичьи фигуры и карие глаза невидимками. Нарвавшись на начальство, рядовой шагнул вперёд, развёл руки, будто собирался что-то объяснить, а точнее навешать лапши на офицерские уши. И нарвался на взмах рукой — все знаю, мол, проходи, я тебя не видел — эту длинную фразу итальянец умудрился запихнуть в один весьма выразительный жест. Рядовой Майер умудрился понять всё правильно и исчезнуть. Итальянец проводил его взглядом, грустно улыбнулся и проговорил:

— Битые, но с добычей. Узнаю имперскую армию. Вот он у меня сейчас и встанет на

караул, а Вы, — повернулся он к юнкеру, задумался на мгновение и выпалил: — а Вы нашу Анну предупредите, что к чему. А то неровен час уйдёт одна в город...

Юнкер сорвался с места, оборвав фразу на середине. И побежал. Правда, потом вспомнил, что бегущий офицер вызывает у рядовых не только смех, но и панику и перешёл на шаг. Очень быстрый. А потом опять на бег, благо в казарме на лестнице никого не оказалось. Вот и знакомая дверь. Рейнеке занёс было кулак — забарабанить в неё, что есть силы, но вспомнил манеры, постучал вежливо и аккуратно. Как мог. Незачем пугать Анну ещё больше. Стукнула, откидываясь, щеколда, закрипела дверь. «Успел» — прозвенело сердце в груди.

Впрочем, парень мог бы и не спешить — судя по растерянному лицу Анна уже все знала. Кроме того, что с этим всем делать и куда прятаться. Хотелось сказать... но слова, как на грех разбежались. Юнкер замялся, посмотрел вниз — на сапоги, будто надеялся найти там правильные обороты. Помянул незлым тихим словом итальянца, наказал сам себе стащить при okazji учебник риторики и кое-как вымолвил Анне, чтобы не беспокоилась — армия его величества своих в обиду не даст, всех кто — загрызёт на месте (почему загрызёт? — мельком подумала Анна) и вообще — надо всего лишь просидеть в расположении пару дней, а там господин капитан что-нибудь придумает. «Обязательно придумает, он умный», — повторил юнкер, глядя как вспыхивают карими звёздами девичьи глаза и расцветает на милом лице невольная улыбка. Но тут во дворе заорали опять и юнкеру пришлось вежливо распрощаться.

— Придумайте что-нибудь, господин капитан, — прошептал про себя юнкер, когда дверь захлопнулась.

Из окна в коридоре был виден казарменный плац и шпили вдали. Кое-где уже дымились фитили и раздавались сухие, отрывистые команды. Голосом Ганса, что радовало. Хмурый стрелок, неофициальный исполняющий обязанности лейтенанта дело знал. Теперь рота сможет хотя бы огрызнуться, если что. Но лучше, чтобы не пришлось. Простые идеи итальянца юнкеру не нравились, от слова «совсем», но и других в юную голову не приходило.

— Придумайте что-нибудь, господин капитан, пожалуйста, — прошептал юнкер ещё раз, машинально проводя ладонью по подоконнику. Раз, другой. С золотого креста сверкнул ему в глаза игривый солнечный зайчик.

3-6

недомолвки

Думать капитану не хотелось. Совсем. Вымотавший тело и душу переход закончился, рота дошла до заветного Мюльберга в целости, над головою крыша и все вопросы благополучно решены. Можно сесть, наконец вытянуть гудящие ноги и расслабиться, в первый раз за бог знает сколько времени. Что капитан с огромным наслаждением и делал, благо сейчас под ним не корявое бревно, а настоящее резное, тёмного дерева кресло, над головой не небесный свод, а каменная сводчатая крыша городской ратуши, под рукой кружка с глинтвейном, а собеседник напротив умел говорить умно, тихо и без мата. И, что больше всего радовало, не о девках или сапогах...

— *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.* Все течёт все меняется, — проговорил собеседник чуть грустно.

Невысокий, узкоплечий человек средних лет. Вроде ещё молодой, но редкие волосы и высокий, в затылке, лоб делал его куда старше. Глаза прятались за двумя кругляшами

толстых стекляшек, сцепленных стальной полосой на носу. Майстер Карл Хазер, писарь городской ратуши. Или господин шпидтшкрибер Мюльберга, если обращаться к нему церемонно, по-должности.

— Увы, господин капитан, но всё в этой жизни меняется. Не всегда к лучшему и не всегда вовремя, но всё, — говорил майстер, задумчиво перебирая предметы на большом письменном столе. Тёмное дерево, протёртое, но чистое сукно, три чернильницы в ряд, аккуратно очиненные перья, стопы белой бумаги. Всё лежит на месте, ровно, в линию, как солдаты на генеральском смотру.

— Юноши переменам радуются, старики ворчат, а мы с вами ... — собеседник сверкнул на капитана круглыми стеклами, предлагая капитану разделить с ним философские мысли. Капитан кивнул. Рутинные дела он уже решил, неизбежные бумаги — квитанции на постой, пропуска на рынок и прочую канцелярию — подписал. Подписал, заверил, да и остался у писаря — поговорить, благо господин Хазер был человек не занятой, гостеприимный, глинтвейн горячий, а зима осталась за высокими окнами ратуши. Они с писарем засели в маленькой комнате. Или кабинете, как шутил писарь, намекая на скромные размеры комнаты на втором этаже. С первого, через полуоткрытую дверь, доносился глухой, плещущийся гул. В высокой зале, под колоннами толпился народ, что-то продавали, покупали, обсуждали — степенно, важное и неважное вперемежку. На третьем царила тишина. Там заседал городской совет и резные двери не выпускали во внешний мир ни звука. Мелодичный звон перекрыл гул голосов на мгновение. Вверху, на башне пробили часы. Из приоткрытого окна донеслась с улицы пьяная песня. “alles for kaiser Ferdinand whol”. Яков усмехнулся, поворачивая к собеседнику голову:

— Мои орлы. Кое-что все в этом мире всё-таки не меняется.

Майстер Хазер глянул в окно, отвернулся и грустно кивнул в ответ. Его тонкие пальцы машинально пробили по столу в ритм пьяного припева. Круглые стекла свалились с его лица. Писарь ловко поймал их в воздухе, протёр переносицу — железная прищепка натёрла нос до крови, поморщился и надел их обратно.

— Не знаю, капитан, не знаю. Перемены везде. И у нас, в городе и у вас. Как бы не ворчали о старых днях, но они идут. И если бы к лучшему... — опять вздох... — когда пришли известия о мире, все обрадовались, думали впереди покой и порядок, а получилось.... — писарь скопился на дверь — закрыта, повернулся к белёной стене, на что-то нажал. Беззвучно откинулась в пазах потайная дверка.

«Хитро сделано, я бы не нашёл» — подумал было капитан.

Из тайника на свет показалась пузатая бутылка и стакан

— Не хотите? — предложил ему писарь, закрывая тайник.

Яков кивнул. Где-то за окном глухо прогремел одинокий выстрел. Писарь чуть вздрогнул, выставляя стаканы на стол. «Опять мой», — лениво подумал Яков, прикидывая, какую бы пакость бузотерам учинить начальственной властью.

— Перемены у нас в городе, господин капитан. Прямо-таки пугающие перемены

«Уж слишком он меня обхаживает. Бандиты у них что ли на дорогах завелись? Какой-нибудь дикий барон, с которым не может справиться стража». Такое случалось иногда. Капитан был, в общем, не против небольшого крюка на пути и небольшой стычки, особенно если она оплачивалась. Сейчас, а не когда-нибудь, как императорская служба. Только надо будет найти предлог сержанта сюда послать. Писарь выглядел человеком опытным, но Пауль Мюллер сумеет получить с него настоящую цену. Внезапно, по коже пробежали мурашки.

"Что-то не так", — царапнула разум шальная мысль. Яков прислушался. Гул голосов снизу стих, тягучая тишина плыла по каменным сводам. Тишина и мерный стук шагов под какое-то звяканье.

— Что это? — спросил он

— Те самые перемены, — писарь поднял уголки губ в бледной улыбке. Сверкнув стекляшками, скатились с его носа очки. Заскрипела лестница.

Капитан встал, развернулся и шагнул за дверь. И столкнулся лицом к лицу с поднимающимся по лестнице человеком. Высоким, со странно-неподвижным лицом и рядами серебряных монет, нашитых на куртку. Монеты звякнули при шаге — льдистым, серебряным звоном. Скрипнула лестница под сапогом. На очередном шаге "Серебрянный" поднял голову и посмотрел капитану в глаза. Яков усмехнулся и опустил руки — на пояс, поближе к эфесу шпаги.

— Это Ваши солдаты в городе? — коротко бросил «серебрянный». Ни один мускул на его лице не шевельнулся сверх необходимого.

— Мои, — так же коротко ответил капитан, вспомнил про вежливость и добавил:

— С кем имею честь?

— Конрад Флашвольф, дознаватель городского суда. И ваши люди меня обстреляли.

По неписанным правилам штатского полагалось сейчас осадить, чтобы знал место. Капитан порылся в памяти в поисках подходящей цитаты из маршала Валленштейна. Или Торстентона. Или ещё кого генералов этой войны, прославленных, но крутых и далёких от гуманности. Не нашёл, извинился про себя и начал импровизировать:

— Простите, майстер Лазарь...

— Конрад.

— Либо вы Лазарь, воскресший из мёртвых, либо стреляли не мои. Мои не промахиваются.

Капитан отвечал как подобает — вежливо, с приличной моменту улыбкой. А про себя прикидывал, сколько лишних нарядов получит от Якова горе-стрелок: за драку, за оружие в городе, за то, что заставил капитана говорить разные мерзости. А ещё и улыбку на лице держать — за неё отдельно.

— Осторожнее, герр капитан, пожалуйста, — услышал он сзади взволнованный шёпот шпидтшкрибера, — майстер Флашвольф действительно дознаватель городского суда... и знаменитый охотник за ведьмами...

Яков пожал плечами, но мысленно добавил к списку еще десяток нарядов — за отвратную стрельбу.

— Охотник за ведьмами?

Дознаватель провёл ладонью по рукаву — левому. Мелодично прозвенели друг о друга монеты.

— Кельн, — бросил он, как будто это что то объясняло. Потом опять:

— Бамберг, — Якова передёрнуло при последнем названии.

— Бамберг? Ваши там сожгли больше тысячи человек.

— Законно. По приговору суда.

— «Северный лев» так не считал. Он выгнал вас в шею оттуда.

(Кличка Гюстава-Адольфа, короля Швеции. Убит в бою при Люцерне, лет за 15 до описываемых событий)

— Нечестивец мёртв. Поразил господь пастыря и рассеялись овцы. Ибо сказано — не

потерпи в доме своём ни блудника, ни ворожей... — дознаватель сделал паузу, поймал взгляд капитана. Глазами, холодными, как зимняя хмарь. И продолжил... — ни нечестивца.

— Вы цитируете библию, как дьявол, майстер Флашвольф. Криво и невпопад, — ответил капитан.

— Глупо спорить о библии с еретиком. А с юристом о законах, — рука дознавателя дёрнулась к эфесу клинка на плече. Старинного солдатского цвайхандера с широкой прямой крестовиной.

— Умоляю Вас, господа, только не здесь, — запричитал из-за спины встревоженный донельзя писарь.

Дознаватель еле заметно кивнул, развернулся и пошёл прочь. К дверям зала советов. Капитан проводил его взглядом. Майстер Хазер вздохнул, виновато развёл руками и присел за свой стол. Кругляшки стёкол опять упали с его лица — поймал, водрузил, поморщившись, на место, вздохнул и сказал:

— Вот это и есть наши перемены, капитан. А мы надеялись... когда объявили мир — мы и вправду надеялись на лучшее. А пришёл он, майстер Конрад Флашвольф. Лицензиат права, экспертус ведовства и демонологии и прочее, прочее, прочее. Страшный человек, между нами. Видели монеты, на куртке? Он нашивает новую всякий раз после ареста. Каждый талер — чей-то приговор. Он приехал в город с почтовой каретой, той же что привезла мир. Приехал сам, неведомо откуда, неведомо зачем. Но люди в городе начали слушать его, раскрыв рот, все, от бургомистров, фогта и епископа, до последнего чистильщика на улице. Конечно — знаменитый охотник, волшебный меч — видели клинок за спиной? Майстер не расстается с ним никогда. Говорят, этот меч действительно убивает чудовищ. И, когда майстер дознаватель начинает говорить — его слушают. А говорит он страшные сказки. И увы, напугаться людям куда проще, чем подумать. И поверить в то, что сосед спутался с нечистым и летал на шабаш — проще, чем в то, что у него дом богаче, ибо руки прямее. Вот и пошёл славный город Мюльберг писать майстеру дознавателю — друг на друга, сосед на соседа. Доносы не разглашаются, обвинение тайное, свидетелей не объявляют. Арест, пытка, признание, приговор. Лучше не придумай, если надо отправить на тот свет вредную тещу или ненужного наследника.

— А власти? Здесь же есть свой суд?

— Власти? Ведовство в компетенции епископа и церковного суда. А его высокопреосвященство наше — поймите меня правильно, он человек праведный и благочестивый. Вот больницу в городе построил. Для грешниц. Кающихся, — тут писарь прервался перевести дух, подмигнул и криво улыбнулся, — но когда дело доходит до ведьм и сказок — сущий ребёнок. Верит всему, что вещает майстер дознаватель. И подписывает приговор. Любой, не глядя. На днях сожгли заместителя бургомистра. Летал будто бы на шабаш и имел связь с ведьмами в округе. Всеми сразу, — писарь вздохнул и опять уронил очки, — а ему было девяносто лет. И так далее. Маму Розу со всеми её... ну этих не жалко, но по их показаниям притянули много достойных людей. Попался даже один студент из Гейдельберга. Просто проезжий. Угораздило же парня слишком много болтать в одном кабаке. И самое страшное — всё законно, — писарь вздохнул на этих словах. Кругляшки стёкол опять упали с переносицы. Он повертел их в руках, опять вздохнул и продолжил, близоруко щуря глаза на капитана:

— Абсолютно законно, в том-то вся и беда. Мы пытались жаловаться. Писали их светлости герцогу Баварскому, но из его канцелярии прислали лишь благодарность. Фогту и

епископу, за бдительность. Писали их величеству — ответа нет. Вот такие у нас перемены, — вздохнул он еще раз, потирая пальцами переносицу. До крови стёртую железной оправой.

— Берегитесь, капитан. Будьте осторожны. — проговорил писарь осторожно скосившись на дверь.

— До нас добраться, им руки коротки...

— И все таки, будьте осторожнее. — теперь писарь скосился уже на окно а голос понизил до шёпота, тонкого, свистящего шёпота, — перемены ведь не только у нас. У вас тоже, капитан ...

— У нас? — поднял было бровь капитан.

— Увы, да — писарь порылся в стопке бумаг на столе, вытащил один лист, посмотрел— Яков потянулся, вытянул дешёвый жёлтый лист из тонких писарских пальцев.

«Находясь в одном доме, один рабочий пилил дрова. К нему приблизилась большая кошка, которая хотела на него прыгнуть. Когда он стал гнать её, стало вдруг три кошки, которые с яростью напали на него и начали кусать его и в лицо и в чресла. Рабочий, испуганный этими тварями, осенил себя крестным знаменем, бросил работу и, обороняясь поленом... » (из «молота ведьм»)

— Что это? — спросил Яков, откладывая помятый лист.

— Извините, я не то хотел вам показать. Такой ерундой у нас теперь весь город обклеен. Вот, глядите, пришло с почтовой каретой.

В руки Якову всунули другой, толстый лист. Белая бумага, прихотливая россыпь изломанных готических букв. Новости. Из Рима, Из Венеции...

— из Нюрнберга, — услужливо подсказал писарь.

Капитанский взгляд пробежал по бумаге, нашел нужный заголовок. Угловатые готические буквы рябили, почему-то упорно не желая складываться в слова.

Неделю назад. Четыре полка имперской пехоты, шесть тысяч человек, сплошь ветераны в строю и под знамёнами вышли из лагеря. Требовали денег, отпуска, приказов, новой войны — хоть чего-нибудь. Обычный солдатский бунт, которых Яков на этой войне навиделся. Обычно командование выходило навстречу, начинался долгий и нудный торг, в котором обе стороны вели себя по устоявшимся правилам. Как актеры в театре. Что-то солдатам удавалось выторговать, что-то командирам удавалось сохранить. Всё, по правилам, всё, как всегда. Но не сейчас. Их светлость отдал приказ, картечь ударила в упор. Шесть тысяч ветеранов легли на площадь перед лагерем. Четыре полковника осуждены военным трибуналом и повешены. Четыре имени. Троих Яков знал лично. Ханс Шмидт, гессенский драгунский, пьяница, бабник, бузотёр и хам. Его полк стоял под Люцерном, у канавы, в самом аду. Выстоял. Тогда. Томас "Чёрный" О`Нил, из далёкой Ирландии. Второй Нордлинген. Он и Яков стояли рядом, когда чертов Конде ломил как бешенный, на тонкую имперскую линию. Рендолф, егерь из Гаунау. Моравия, Брно, оборона Праги «Приговорённые ушли в последний путь с большим достоинством» — на этом лист обрывался. «Интересно, а мне удастся в свой черёд?... — подумал капитан, медленно откладывая газету, — вот также, с достоинством. Хотя лучше, конечно, не проверять»

Тут дверь хлопнула и на глаза капитану попалась всклокоченная борода и встревоженная донельзя физиономия сержанта Мюллера.

— Хорошо, что вы здесь, капитан. Еле нашёл Вас. Тут, в городе такое творится...

— Я в курсе, что здесь творится. А вы — посмотрите на это, — ответил капитан и протянул газетный лист. Сержант пробежал его глазами и застыл. Борода дёрнулась,

широкая ладонь медленно смяла в комок жалобно захрустевшую бумагу.

— Ну, дела... — проговорил старый ветеран. Капитан встал.

— Пойдёмте отсюда, сержант

И они вышли. Уже на лестнице Яков вспомнил, что забыл попрощаться с хозяином кабинета. Ладно, сейчас было не до него. Они с сержантом шли к выходу, толпа на первом этаже по-привычке расступалась, сержант шёл рядом, шепча ругательства...

— Что такое, сержант? — позвал его Яков, когда ворчание сержанта стало совсем угрожающим.

— Мир, говорю, на людей вредно действует... — угрюмо проговорил под нос сержант, — совсем страх божий забыли на радостях.

3-7

соглашения

И тут, уже у самых дверей, Якова осторожно тронули за плечо. Капитан обернулся и увидел худощавого офицера в новеньком, хорошо выглаженном камзоле. Городской стражи, если судить по гербам на плече.

— Капитан, господин фогт требует Вас к себе. Немедленно.

«Господин фогт? Что, интересно, хочет от нас местный градоначальник?» — подумал было капитан, поймал взгляд своего сержанта. Суровый, исподлобья. Два яростных блика, скрытых под кустами бровей. Яков ухмыльнулся и проговорил — сержанту, нарочно игнорируя посыльного.

— Сержант, вы что-нибудь слышали? По-моему, к нам кто-то обращался. Тот ухмыльнулся и помотал головой.

— Извините, господин капитан, — тут же поправился посыльный, — мастер фогт просит вас. Почтительно.

Капитан кивнул и бросил, по прежнему, сержанту:

— Так-то лучше. Просит, говорите? Пойдёмте, посмотрим? — Сержант кивнул. Они обернулись и пошли назад

«Ну, что же. Как там писали в листке: «с достоинством» Возможно, у меня будет возможность потренироваться» — подумал капитан, поднимаясь по лестнице обратно, к залу собраний.

Господин фогт изволил орать. Человек, красный от гнева — зрелище вообще малоприятное, а в случае с градоначальником славного Мюльберга, вдвойне. Осанистый, дородный, исполненный важности мужчина в возрасте, когда двойной подбородок уже воспринимается как должное. И когда этот подбородок качался при очередном крике вверх-вниз, закрывая широкую золотую цепь на груди, капитан невольно подумал, что господина фогта неплохо на этой цепи и повесить.

Опыта, правда не было, но, если фогт скажет в таком духе ещё пару фраз — появится. Сержант за капитановым плечом уже сопел от ярости. И, как раз у него, опыт развешивания на столбах наглых градоначальников был.

Так что Яков побыстрее набрал воздуха в грудь и рявкнул:

— Что, вашу мать, случилось? — вышло хорошо, аж задрожало стекло в высоком стрельчатом окне зала советов. Фогт поперхнулся фразой, да так и замер, раскрыв рот. Дознаватель чуть улыбнулся за его плечом.

— Что вы себе позволяете, офицер? — надо отдать фогту должное, собрался он быстро, — Врываетесь в город, нападаете на людей... на городскую стражу при исполнении, между

прочим. Ведёте себя, как будто вам здесь не мирный город, а поле боя где-нибудь во Фландрии... — майстер фогт сказал бы и больше, но Яков не дал договорить

— Если бы здесь была Фландрия, вы бы молчали, господин фогт. Или говорили бы вежливо, а то мой сержант служил как раз в тех краях, — тут фогт затих и невольно отшатнулся. Немудрено. Репутация у головорезов, ходивших по тем краям под испанским флагом ушла далеко от холодных бельгийских равнин.

— И, тем не менее. Ваши люди напали на моих. — Из-за фогтова плеча подал голос дознаватель.

— Серьёзное преступление. — опять начал заводится градоначальник, — у нас тут приличный город...

"Приличный город" — капитан не удержался от улыбки на этих словах. А фогт все багровел и багровел.

— И о нем немедленно будет доложено их светлости герцогу... вас повесят, капитан.

"Приговорённые встретили казнь с большим достоинством" — пробежала в голове у Якова недавняя цитата. Шаг вперёд. Ещё один. Поймать взгляд взглядом — Яков содрогнулся, глядя господину фогту в красные от гнева глаза под кустистыми бровями.

"Вот и потренируюсь"

— И о чем вы доложите их светлости герцогу, господин фогт?

— О нападении...

— При каких обстоятельствах? Ваши люди собирались произвести арест? — фогт невольно кивнул. Капитан изобразил самую хищную из улыбок:

— Тогда это вас повесят, а не меня. За оскорбление их императорского величества. Солдат — его слуга, не так ли?

— У нас свободный город. Наш суд...

— Пусть занимается ворами и мошенниками. Солдаты относятся к ведомству военного трибунала. Мы — не ваша юрисдикция, господа.

Дознаватель, молчавший весь разговор, внезапно шагнул вперёд. Мелодичный звон пронёсся по зале. Фогт отшатнулся, капитан остался стоять, лишь перевёл на "серебряного" глаза. А тот сделал ещё шаг, развернулся и бросил:

— Военный трибунал тут не при чём. Арестовать пытались совсем не солдата. Была женщина. Арестовать пытались её...

— Высокая, беловолосая?

— Да.

— Тогда вам повезло, что остались живы...

— Ну это переходит всякие границы, капитан... Солдата, слугу империи ещё можно понять, но всякая про...

«С левой в челюсть. И чтобы не встал», — подумал про себя капитан и ответил — быстро, пока жжение в кулаках не стало нестерпимым.

— Если это та, о ком я думаю, то она законная жена солдата империи. И, в таком качестве, вашему суду, господа, безусловно, не подлежит.

— Законная... — фогт недоверчиво улыбнулся. Лесли в очередной раз прибил желание его придушить.

— Законней не бывает. Маршал Тилли подтвердил бы, будь он жив. Так что — закон об оскорблении величества в силе и тут.

— Кто сказал?

Яков усмехнулся, поймал глазами фогтов взгляд и чётко ответил:

— Вы.

— Я? Когда? — на этот раз господин фогт покраснел, ради разнообразия, от изумления.

Над фогтовой головой парила на стене Фемида — нарисованная девка с мечом и весами. Повязку на глазах художник малевал криво. Капитану на миг показалось, что правосудие подмигивает ему с вышины.

— А не вы ли мне хлебную ведомость час назад подписали, в счёт имперских налогов? Все ровно, сотня пик, двести ложек.

«Ну, положим, совсем не ровно, но эти детали сейчас ни к чему».

Вот по этой бумаге она и проходит — графа "ложки", строка номер один. А раз человек получает деньги от императора — он является его слугой, не так ли господа?

Фогт невольно кивнул. «Похоже, справился» — подумал капитан и продолжил, уже примирительно:

— Так что, господа — погорячились и будет. Обо всех инцидентах сообщайте мне, город не останется без возмещения, а виновные, без наказания. Сегодняшний случай будет разобран, виновный, наказан моей властью, в соответствии с уставом. Солдаты и их законные жёны вашей юрисдикции не подлежат, попытка их ареста рассматривается как оскорбление величества.

Дознаватель смерил Якова взглядом — холодным и серым, как зимняя непогода:

— Хорошо. Но и ваши люди пусть не вмешиваются в городские дела. Если казармы станут прибежищем колдовства — вы ответите

Яков невольно оглянулся — будто ища глазами табличку "выход". Его взгляд пробежал по парадной зале, высоким сводчатым окнам, красному лицу фогта, разному креслу, двум высоким сундукам у стены за загородкой.

— Не имею ни малейшего желанья, — Якову не нравился этот ответ, но и других он не видел.

— Отлично, господа, — прошелестел из угла ещё один голос — тихий, вкрадчивый. Майстер Карл Хазер подал голос со своего писарского места на табурете в углу, — порядочные люди всегда смогут договориться, не правда ли? Мир?

"Меня начинает воротить от этого слова" — подумал Яков, но кивнул. Делать было нечего.

3-8

раны и подозрения

В этот раз вышли они с сержантом из ратуши спокойно. Никто не хватал за рукава и остановить не пытался, зря Яков держал руки на всякий случай, на поясе, поближе к эфесам клинков Ратуша пустела, расписные каменные своды ещё отражали гул голосов, но тихо и спокойно. Улица встретила их ударом ветра в лицо и кусающим за уши морозом. Яков надвинул шляпу плотнее, невольно обернулся, запахивая плащ. Над головой звонко пробили часы на высокой башне.

— Дела, ой и дела тут творятся господин капитан, прости господи какие дела, — проговорил задумчиво старый сержант, осматриваясь и теребя широкой ладонью лохматую бороду.

Капитан огляделся: площадь пустела, одинокие прохожие жались к стенам. Темнели стрельчатые окна в домах напротив, одинокий нищий сидел, привалившись спиной к нарисованным ангелам на стенах собора.

— Это не наша юрисдикция, сержант. Мир, сидим тихо, гоняем наших орлов по плацу.

— Оно да, конечно... тем более, если вспомнить, как мы их герцогской светлости год назад насолили... ой, и злой он на нас. (подробнее — в рассказе «ящик с пандорой»)

И слышать про нас лишний раз ему не надо. Вспомнит прошлое — мало нам не покажется. Вот только... — мимо них по неровной брусчатке прогрохотали колеса повозки. Сержант оглянулся, Яков вместе с ним. Пара усталых одров протащила воз с дровами. Может и просто так.

— Подорожали ... — проговорил сержант, запустив ладонь в бороду.

— Сержант?

— Дрова, говорю, в городе подорожали. С тех пор, как майстер дознаватель тут.

— При чем тут дрова? — сказал было Яков, но тут их прервали. Вежливым, тихим голосом с отчётливым французским акцентом.

— Добрый вечер господа. — капитан невольно поднял голову к небу — солнце на крестах и острых шпилях отливало закатными, красными отблесками. Действительно, почти вечер. Потом обернулся и вежливо кивнул аббату Эрбле. Тот столь же учтиво приподнял шляпу в ответ. "Холодновато сейчас для такой вежливости".

— Да, господа офицеры. Весёлый город не столь уж весел, как вы нам рассказывали.

— Увы, — Яков пожал плечами. Ничего умнее он выдумать не смог, — впрочем, для вас, как для сочинителя, всё это, наверное, интересно. Ведьмы, колдуны, тайны, кровавые договоры. Не знаю только, сколько правды во всем этом.

— Ну, и я не знаю, господа. Покойный Ришелье относился к этому очень внимательно, а он — как к нему ни относишься — был великий человек.

Сержант засопел, откашлялся и неожиданно вступил в разговор:

— Да и не спорю, великий. Был. Вот только, позвольте я вам, месье, одну байку расскажу. Я, сталбыть, как молодой был, тянул лямку на испанскую корону, во Фландрии. Фландрская армия, сталбыть, помните? С самим маршалом Спинолой служил, не просто так. Чин, конечно, тогда был невеликий, но в охране ходил, маршала часто видел. Вот он великий человек был, без шуток, да-да... но это я к чему все, господа:

Француз вежливо улыбнулся. Сержант продолжил, неторопливо шевеля губами:

— Объявился однажды в Брюсселе-городе один такой, вроде дознавателя местного. Взял девицу лет эдак двенадцати да и под арест — ведьма де, на шабаш летала, и с нечистым была и всем его адским воинством...усим и одновременно. Судьи уши и развесили, признание записали, дрова заготовили. Ну, а маршал, как про это прослышал — приказал вначале повивальных бабок позвать, да проверить. А потом спалить.

Сержант прервался, набирая воздуха в грудь. Чуть слышный звон заставил его обернуться — за спиной серебряной статуей застыл дознаватель — руки скрещены на груди, глаза смотрят в пространство. Сумел подобраться неслышно. А сам, явно, слышал всё.

Сержантская борода дёрнулась вверх пару раз, ветеран огладил её рукой, смерил дознавателя взглядом и упрямо продолжил.

— Спалить приказал, как по закону и положено. Ой, и хорошо горели... господин обвинитель и весь трибунал. Бабки-то, повивальные, невинность обнаружили.

Сержант умолк и выжидательно посмотрел на «серебряного». Капитан замер, положив руку на эфес клинка. Француз сделал шаг назад. Но дознаватель не шелохнулся, даже не повернул головы. Лишь бросил пару фраз. Все так же в пространство.

— Маршал ошибся. Бабки наврали. Их и надо было брать в первую очередь.

Прискорбно, когда в дело вмешиваются непрофессионалы, — и ушёл. Все невольно проводили его взглядом. Площадь замерла, мелодичный звон разлетелся далеко в чистом морозном воздухе.

— Да, господа, интересный случай, — опомнился, наконец француз, рассеянно трогая мочку уха, — Даже и не знаю, что сказать. Определено, следует для начала поговорить с местным епископом. Я все-таки лицо духовное, может быть, мне расскажут что-то более интересное, чем сказки и намёки. Пока только туман.

— Ну а нас ждут казармы и рутина. Доброго вечера, месье, — сказал в ответ капитан француз учтиво приподнял шляпу, и они расстались.

Француз скрылся в лабиринте переулков, Яков с сержантом тоже развернулись и пошли — прочь из города, к воротам. Со шпиля над церковью ударили колокола, распахнулись высокие двери. Горожане, толпой, повалили на улицу. Мужчины в чёрном и сером, их тихие, закутанные в накидки до глаз, женщины. Люди старательно крестились и расходились прочь, обходя неспешно шагающих посреди дороги солдат. Улица вела вперёд и чуть вверх извиваясь, как змея на траве. Широкая, мощёная, гладкая, но уже тонувшая в полумраке — балконы и эркеры вторых этажей нависали серым камнем над головой, закрывая холодное солнце. Нога капитана скользнула по гладкой брусчатке

— Шотландец, каменная башка, — просвистел в спину малолетний сорванец и вихрем скрылся из глаз, когда капитан обернулся.

— Да пусть их, капитан, — махнул рукой сержант. Лениво. Они свернули за очередной угол.

Здесь было посветлее. Богатые, но серые каменные дома кончились, начинался бедняцкий фейхтверк — потемневшие дубовые балки крест-накрест, беленая, сверкающая на солнце глина, красные крыши. Закатное солнце играло бликами на меди и стекле окон и вывесок. У последнего каменного дома на улице сержант остановился. Огляделся по сторонам и прошептал:

— Господин капитан. Разрешите?

— Что?

— Раз уж мы всё равно не торопимся — не подождёте меня минуту? Я быстро, — проговорил сержант и скрылся в проулке. Глухо затрещало дерево за углом, должно быть отодрали ставню. Капитан посмотрел по сторонам. Улица была пуста, дом тих и заколочен, лишь у забытых крест-накрест парадных дверей валялась упавшая вывеска — щит с алой розой. След сапога на лепестках. Яков машинально поднял, поставил рисунком к стене. Потом оглядел город. Шпили собора, башни ратуши. За нею длинный двухэтажный дом с острой крышей, в трубах и флюгерах. Дворец здешнего епископа. Там провал, там стена покосилась, там пузатый эркер очень удачно нависает над двумя улицами сразу — офицерский глаз машинально примечал пригодные для возможного штурма мелочи. Город будто почувствовал, спрятался за дымкой и снежной пеленой, ветер бросил в глаза холодную ледяную крошку. Яков лишь крепче надвинул шляпу на лоб. За спиной бухнули о камень тяжёлые сапоги. Вернулся сержант, вытирая серые от пыли руки.

— Нашли, что искали? — бросил ему капитан коротко.

— Нет, господин капитан, не нашёл, — ответил тот задумчиво, — не нашёл, вот какая закавыка получается.

Ладонь ветерана медленно огладила бороду. Раз, другой. Потом сержант махнул рукой и они пошли дальше. До казарм было уже недалеко.

— Кстати, сержант, — вообще-то эта мысль обязана была стукнуть в капитанскую голову раньше. Гораздо раньше. Но этот чертов фогт на пару с не менее чертовым майстером дознавателем совсем сбили Якова с пути,

— Кстати, сержант. Если вы здесь — то кто у нас на хозяйстве остался?

— Да не волнуйтесь, герр капитан, все на хозяйстве в порядке. Ганс Флайберг там, у него не забалуешь.

— Ганс, говорите? А кто тогда в городе стрелял? — коротко бросил капитан. Сержант переменялся в лице. Вдруг и сразу.

— А ведь правда ваша ... — ноги ветерана собрались было куда-то бежать, но Яков жестом остановил его:

— Поздно, старина. Все, кто хотел, уже сбежали. Пойдёмте, посмотрим — остались ли у нас ещё подчинённые.

3-9

проблемы

Как на грех, когда спешишь — обязательно заблудишься. Свернёшь не туда, или дорогу перегордят пьяные в дымину возчики. Вот и Яков с сержантом дали изрядного крюка по узким улочкам. Спрашивать дорогу не стали, помня нехорошую привычку горожан посылать всяких опасных да подозрительных с виду чужаков в сторону любимой тётки. Просто шли, от одного прогулка до другого, держа башню ратуши за спиной. Капитан старался не торопиться — все равно поздно, сержант шагал за ним, позади и почтительно. Горожане в тёмном и сером опасливо кланялись на капитанский золотой шарф, уступали дорогу, косились вслед. Яков не обращал на них внимания, шагал, внимательно смотрел по сторонам. Пьяных криков, стрельбы, женского визга и прочих верных примет имперской армии в городе не было. Даже странно. "Что это с моими?" — думал Яков, невольно ускоряя, а потом снова замедляя шаг. Из-под сапог летела липкая грязь. Грохотали несмазанными колёсами возы по мостовой. Где-то за углом зазывно кричал запоздавший разносчик.

Наконец вышли к просевшей от времени квадратной угловой башне. Дальше идти было проще: развалившаяся от времени стена, пролом, кусты, а за ними казармы. Ветер вертел на мельнице чёрные крылья, нёс сырость и холод с реки. Низкие берега укрыты белым снегом, широкая Эльба — льдом, синим, непрочным. И проплешина горелой чёрной земли под башней, у берега. Там, под стеной, деловито сновали тёмные, в закатных лучах, тени, стучали молотки. Мимо прогрохотал воз — недавний, с дровами.

"Подорожали", — нестати вспомнил капитан сержантскую фразу. Навстречу возу выбежал стражник, закричал, замахал руками сердито. Возчик ответил. Ветер налетел, унёс вдаль слова перебранки. От проплешины несло — сладковатым, чуть слышным запахом. Яков развернулся и пошёл прочь, казармы были уже близко.

В кустах у краснокирпичной стены их окликнули — стой, кто идёт. Передовой пост, по всем правилам. Как на вражеской территории. Яков ответил, из зарослей высунулась небритая рожа рядового Майера. Рядовой успел обзавестись перламутровым шикарным синяком на левом глазу. А ещё он явно был рад капитана видеть. Настолько, что Якова передёрнуло от нехороших предчувствий. Раз рядовые рады видеть начальство — дела плохи. Не просто плохи, совсем.

— Хорошо, что вы вернулись, капитан. В городе такое, — выпалил рядовой, сверкнув единственным глазом.

— Спасибо, я в курсе, — отмахнулся Яков, проходя мимо, к воротам.

"Ах, вот оно что. Услышали про охоту, перепугались. Немудрено," — подумал он. Караул у ворот отдал ему честь — сдвоенный, четвёрка солдат с мушкетами в положении "у ноги". От их рук в небо скользили дымки — тонкие, сизые дымки фитилей. "Боевая готовность".

"Кто приказал? Зачем?" — подумал Яков, проходя мимо, под арку. Подкованные сапоги клацнули по мостовой. Огляделся. Взгляд пробежал по стенам, окнам заваленным мусором тёмным углом. Вроде все в порядке. Навстречу уже шагал — широко, почти переходя на бег, Рейнеке-юнкер. И тоже рад видеть капитана, стервец эдакий.

"Что они тут без меня учинили?"

— Герр Капитан, хорошо, что Вы здесь... — начал было парень. Лоренцо-прапорщик отстранил его, шагнул вперёд — в струнку прямой, неестественно серьёзный, отдал честь по всей форме и доложил:

— Герр Капитан, рота в порядке. Обустроились, караулы согласно уставу, отсутствующих нет, происшествий нет.

Яков лишь поднял бровь и внимательно посмотрел на итальянца: "не может, де, быть, ври больше"

— Кто ушли — вернулись, — пояснил угрюмый Ганс Флайберг, подойдя. Как всегда у него — неслышно.

"Похоже, майстер Флашвольф таки сделал за меня мою работу," — пробежала кошкой случайная мысль.

— Герр Капитан. Тут в городе ... — единым духом выпалил юнкер

— Охота на ведьм, я знаю, — ответил спокойно Яков, смотря парню прямо в глаза, — с городской властью у нас уже была по этому поводу... беседа. На повышенных тонах, но взаимопонимания мы достигли. Солдаты суду городских властей не подлежат. Нас, господа, это не касается.

И, по враз напрягшимся, посуровевшим лицам, понял — ответ неправильный. Ждали явно не этого, но чего? Прапорщик и юнкер сомкнулись плечами, словно загораживая от него, Якова, казарменный двор. Когда только спеться успели? Ведь только что грызлись как кошка с собакой. Чуть слышно кашлянул сержант за спиной. Звякнула полка у Гансова мушкета. Угрюмый стрелок стоит все с тем же непроницаемым выражением лица. Без плаща, несмотря на кусачий холод. Итальянец нервно оглянулся, потянулся на миг к рукаву, и отдёргнул ладонь. За спину, резко. Юнкер Рейнеке стоит рядом, губы оскалены как у волка... странный парень, когда злится — держит руки вперёд, будто прыгнуть собирается. Что за ерунда? — подумал капитан, поднимая глаза — поверх голов на тёмные окна. И увидел, как скрылось в проёме девичье лицо в мелких кудряшках. Ещё беглый взгляд — и не одна такая. Две, три... От окон взгляд скользнул по двору — пара фигур пыталась проскочить плац незаметно, мимо капитанского взгляда — в солдатских плащах, но фигуры для солдат слишком хрупкие.

— Какого черта? — единым духом выдохнул капитан, — вы что, бордель прямо здесь мне устроили?

— Тут такое дело, капитан... — итальянец замялся, подбирая слова. Яков набрал побольше воздуха в грудь, открыл рот

— Гнать всех... — и осёкся. По плацу, прямо на него шла одна из тех, кого капитан чуть не приказал гнать. Плащ с чужого плеча — Гансова широкая епанча, капюшон откинут, длинные полы волочатся по земле. Бледное, мертвенно — бледное, расчерченное морщинами — или шрамами? лицо. Всклокоченные волосы вороньим гнездом на голове.

Безумные глаза смотрят вдаль, поверх голов, куда-то в сереющее зимнее небо. Запорошил снег. Белой волной на лицо и волосы. Опаленные с края. Яков сглотнул. Слова застряли в горле. Незнакомка все шла, неровно, пошатываясь и волоча ногу. Противно заныла голень, простреленная пять лет назад.

"Страппадо? Испанский сапог?"

— Вот, капитан. Отбили. Так получилось, — бросил Ганс Флайберг, почти не разжимая губ, — Прикажете — гнать?

Вспомнилась сцена у башни, чёрное, обгорелое пятно на снегу и сердитый возчик. "Дрова подорожали. Вот для кого были те дрова" Снег падал, ложился безумной на плащ и на волосы — обгорелые с края, неровно, будто палач был пьян или развлекался.

Серое зимнее небо над головой — холодное, цвета глаз мастера дознавателя. "Ну уж нет. Не сегодня, мастер Флашвольф "

— Капитан, мы обещали им защиту, — чётко произнёс Лоренцо.

— Раз обещали, значит будет. И сколько их?

Лоренцо, юнкер и Ганс недоуменно переглянулись. Так и есть, пересчитать прибывших никто из этих балбесов не догадался...

Ладно, это ждёт. Капитан Лесли выдохнул, оглядел плац ещё раз — безумная все так же мерно шла мимо, набрал воздуха в грудь и начал распоряжаться:

— Итак, господа. Караулы поставлены, усиления пока не требуется. Дежурное капральство пусть будет начеку. Всех впускать... Вооруженных — разоружать, аккуратно складывать и звать меня. Разберемся. Вежливо, это не вражеский город. Пока. Магда есть? — стрелок кивнул в ответ, — скажи ей пусть поговорит по душам с новоприбывшими. Кто за приключениями — гнать в шею, прочих накормить и обустроить. И пересчитайте их, наконец, не армия, а бордель кочующий. Сержант, разъясни личному составу, что не в сказку попали. А то знаю я наших, уже губу раскатали. И не только губу. Как закончите, ко мне. Подумаем, как нам выполнять всё, что вы наобещали...

— Благослови тебя бог, солдат, — окликнула его безумная.

Это было внезапно. Яков дёрнулся, сбившись с шага.

— Вы ошиблись. Мы тут все прокляты, — ответил он. Больше собственным мыслям: «сколько же их тут? Если с десятков — ещё обойдётся»

3-10

решения

— Сколько? — Спросил он, моргнув пару раз, в ответ на доклад вконец забегавшейся Магды. У себя в комнате, за столом, в широкой, пусть пыльной и разбитой в хлам клетушке офицерского крыла казармы. Прочие офицеры собрались тут же. Сержант, не сняв шляпы, присел на ящик в углу, молчал, иногда сверкая на капитана выжидающим, хитрым взглядом. Лоренцо насвистывал, стрелок Ганс все так же недвижно подпирал стену, юнкер присел в углу, жадные глаза сверлят Якова и всех вокруг.

— Так сколько?

— Сто тридцать шесть, — доложила Магда, вытирая руки. Яков вздохнул:

— Поздравляю вас, господа. У нас больше не рота. У нас чертов кочующий бордель.

Лоренцо присвистнул.

— Кассиром назначу, — прикрикнул капитан. Итальянец сник.

Магда усмехнулась и продолжила, как ни в чем ни бывало.

— У половины нет тёплой одежды, а та, что есть — не для марша, для города. Три

малолетки, двое беременны. Еле ноги унесли, назад не вернуться.

— У нас чертов кочующий неподвижный бордель, — подвёл итог капитан.

Сержант поднял бровь — удивлённо.

— Не дело — спасти от огня, чтобы заморозить на марше... — пояснил ему капитан.

Стрелок у стены чуть кивнул, соглашаясь

Сержант тоже кивнул, почесал бороду и бросил в ответ, шевеля губами:

— А городские на взводе, с ними ухо остро держать надобно. Чуть что — настрочат герцогу бумагу... если уже не насторчили.

Яков усмехнулся и подвёл итог:

— Итак. У нас чертов кочующий неподвижный бордель, к которому вот-вот поднесут факел... весело живем, господа.

— Но герцог? Должен же он разобраться... — подал голос юнкер со своего места в тени.

— Эй, парень, святая ты простота. — усмехнулся сержант из под шляпы, — Подсчитай, сколько нам должна казна. Сколько стоят чернила на приговоре. И сколько — верёвка. Умножь на пять, для всех, здесь присутствующих. Это, как на их благородный манер сказать, экономия сплошная, однако.

— Весело живем, — присвистнул под нос итальянец.

— Да уж, не скучно, — медленно ответил капитан, рассматривая комнату. Ночь пала быстро, за окном плескалась тьма и зимняя хмарь. Трещали дешёвые сальные свечи, плавали по потолку неровные, жёлтые огоньки.

— Впрочем, бывало и хуже. Ладно, господа. Делаем так: Патрули держать под ружьём. Сержант — всем парням смотр, проверка, всего, чего придумаешь. Внезапная, то есть — как всегда. Если что — скажи, императорский смотр у нас намечается. Да хоть ломami плац подметайте, но чтобы на глупости сил не осталось, — старый ветеран кивнул в ответ, потирая костяшки. Капитан усмехнулся:

— Лоренцо, ты в город. За священником. Быстро.

— Ты что задумал, кэп? — проговорил сержант, сморгнув. Медленно, словно своим ушам не веря.

— То самое. Согласно устава, в расположении могут находиться офицеры, солдаты, их жены, слуги, как то: шорники, кузнецы, конюхи и прочая. За конюхов наши... пополнение не сойдет, за солдат тем более. Даже если побрить.

— Должен же быть другой выход... — прошептал Лоренцо, аккуратно ступая подальше в тень.

— Есть. Найти тряпок, нарядить их всех в паранджи. Якобы Великий Турок едет в Рим принимать христианство. С охраной, то есть с нами, и гаремом. Но будут два вопроса. Первый. Какого черта турок едет в Рим не прямо, а кругом, через эту глушь, второй — Великим Турком, Лоренцо, я тебя назначу.

— Почему меня?

— Тебя или Рейнеке. Оба были на дежурстве, вам и отвечать.

— Ты что задумал, кэп? — опять бросил сержант со своего места.

— Свадьбу будем играть. По Магдебургски. Как десять лет назад... — чётко ответил Яков, а про себя прошептал: — Богомерзость...

— Это как?

— Не знаю. Меня в Магдебурге при осаде не было. А ты был, старина. И при штурме и

после штурма, когда маршал Тилли приказал переженить своих солдат на пленниках.

— Ты, кэп, все-таки не маршал.

— Так у меня и не армия, а рота. Для лапши на штабные уши сойдёт. Вспомни, лучше, как это было организовано?

Сержант сдвинул шляпу, почесал затылок. Потом покачал головой:

— Не помню я. Мы тогда подвал с вином нашли, засели, пока все не выпили — не вылезли. Так что не видел. Ганса лучше спроси. Они с Магдой как раз там и познакомились.

Яков перевёл глаза на стрелка, но тот пожал плечами и отрицательно качнул головой.

— Не могу знать. Лежал без сознания. Очнулся женатым.

— А я тем более, — выставила Магда, — некогда было, парень чуть богу душу не отдал.

Откачала, отошла передохнуть — говорят, поздравляю девка, ты замужем...

— И как же вы живёте? — Выдохнул со своего места Рейнеке. Глаза круглые... да уж.

Капитан обалдел примерно также, когда услышал эту историю в первый раз.

— Да десять лет уже, — вздохнула Магда, прижимаясь к мужнину плечу.

— Привыкли, — добавил стрелок. Его рука скользнула по светлым волосам жены, погладила голову — бережно.

Капитан отвёл глаза. Какие только шутки над людьми не шутит небо.

— Я вас понял, господа. Ладно, будем импровизировать, — чётко сказал он, вставая из-за стола. Дела не ждали.

3-11

фигура умолчания

За день Анна совсем забегалась. Почти сразу за юнкером к ней в комнату ворвалась вернувшаяся с рынка Магда, бесцеремонно оторвала девушку от дурных и скачущих от надежды к панике мыслей и погнала на двор, помогать. И завертелись дела каруселью. Принять у Лоренцо очередную партию беглянок, отвести, разместить, успокоить. А легко ли успокаивать бьющегося в истерике человека если и саму от страха колотит? Но у Анны получилось. Вначале один раз, потом другой, а потом она и со счета сбилась. Видимо, дурные мысли просто сбежали из дурной головы. Потом была приёмка припасов, обед. То есть вначале был тычок от Магды в плечо, и добродушная команда: распорядись там насчёт жратвы, мне некогда. Анна долго искала в галдящем каменном четырёхугольнике кухню, потом гадала, как подступиться к громадным холодным печам и как можно — теоретически — стготовить на сто пятьдесят, или уже на триста ртов двумя руками. Тут пришла Магда, посмеялась и показала, как:

— Очень просто. Вначале берём добровольца.

— Откуда?

— Не откуда, а за что... За шкурку, конечно.

Добровольцем оказался первый же не успевший спрятаться рядовой. Дальше — проще, с помощью десятка штрафников и отловленных за шкурку добровольцев. И галдящей орды приставленных к делу беженков, ибо нечего девкам без дела сидеть да беды ждать на одно место. Дело сдвинулось, и Магда, удовлетворенно вытерев лоб, оглядела поднятую суету, махнула на прощание рукой и ушла. Оставив Анну на кухне за старшую. Анна было впала в панику опять, но тут в углу подрались две из новоприбывших, третья уронила на ногу котёл, штрафные попытались смыться. Анне стало снова не до мыслей, обед рота получила и даже вовремя. И он был съедобный, даже вполне, хотя могло бы быть и получше. Но взмокла Анна — хоть выжимай, хоть и сама у плиты не стояла.

Только закончили — ворвалась Магда и приказала сидеть потише. В казармы вернулся капитан. Анна попыталась испугаться опять, и, опять, оказалось некогда. Остальные испугались куда больше неё. Пришлось успокаивать, рассказывая всем, что капитан хороший, справедливый, разберётся обязательно и вообще — армия в обиду не даст. Если бы она ещё в это верила... Но, как ни странно, все, что она несла, оказалось правдой. Во всяком случае, команды "гнать всех, в шею, немедленно" не последовало. Потом была ещё порция беготни по коридорам, команд и склок — они с Магдой раскидывали беженок по комнатам, параллельно пытаясь подсчитать. Цифры сошлись только с третьего раза, Магда ушла докладывать капитану, а Анна — отлавливать вояк постарше да поспокойней, уговаривать посторожить от беды. В итоге, когда она вышла, наконец, передохнуть и остудить идущую кругом голову, уже стояла ночь. Непроглядная зимняя ночь под трепещущим, жёлтым светом факелов и белым — луны. В казармах никто не спал, со всех углов раздавался гам, лязг, гул голосов, иногда — крики. Каменный мешок казарм гудел, будто в него забрались осы. Город темнел вдали чернильной, каменной грудой с россыпью огоньков в вышине. Анна прошла пару шагов, не зная куда, наугад, просто остыть на ветру и привести в порядок скачущие мысли. Мысли приходить в порядок решительно отказывались, ветер трепал юбку и волосы, ноги, скользя по мокрым камням, несли её, слабо подчиняясь голове. Она и не заметила, как вышла под арку, в поле. Неразборчивый глухой крик пролетел от города — стража вдали перекликалась «слушай». Вторя им, ухнула сова в вышине. Анна, вздрогнув, застыла.

«Стой, кто идёт», — закричал часовой. Анна открыла было рот — отозваться, но пригляделась и раздумала. Окрикнули вовсе не её, по дороге шёл капитан Лесли. Шёл мимо, не замечая её, упрямый, сосредоточенный. Треск кустов, ещё один окрик. Навстречу капитану из тьмы на свет вышли люди. Тонкая фигура впереди. Анна узнала итальянца Лоренцо, обманчиво — маленького, злого, с полосой крови и грязи на лице. За ним священник. Анна вздрогнула и вжалась глубже в тень — поп был не лютеранский, знакомый, а латинский, чёрный и страшный, в рясе с рукавами, хлопающими на ветру. И ещё трое, державшиеся из последних сил друг за друга. Тонкие фигуры, паника в глазах. Опять беженки.

На глазах Анны капитан развернулся и начал говорить. Ветер сдувал слова с губ, уносил прочь. Анна почти ничего не слышала, но жест капитана, когда он показал на беженок, был достаточно выразителен:

— Это что?

Чёрный священник развёл руки, загораживая итальянца и часто-часто заговорил. Что — не понять. Ветер кружил, издеваясь, рвал слова с губ, приносил Анне обрывки фраз без цели и смысла.

— ...Прятались у меня... стража... приходили...

Анна вздрогнула, поняв, от кого прятались, и зачем приходила стража.

— Они больше не будут, — оскалился итальянец. Серебристо-алая полоса сверкнула в его руках, тонкое лезвие, играя, потёрлось об рукав и скрылось — уже просто стальное, без алого следа.

Капитан кивнул. Анна успокоилась. Сразу и вдруг. Тому неведомому звенящему ужасу что скрылся до срока в городе за стеной — чтобы добраться до Анны придётся пройти сначала через бешеного итальянца. Через спокойного, такого надёжного на вид, капитана. Будто шотландцев бог и вправду сделал из камня, как говорят. Через оскаленного Рейнеке. Вот и он подошёл, встал, будто загораживая Анну от тьмы.

Капитан меж тем махнул итальянцу рукой и начал говорить со священником. Слов было не разобрать, ветер, играя, срывал фразы с губ и уносил прочь. Капитан говорил. Анна не разобрала, что, но говорил он вежливо, склонив голову. Вроде, просил о чем-то. Священник отшатнулся, замахал руками, часто-часто заговорил в ответ. Ветер в насмешку донёс до Анны лишь одно слово — «богомерзость». Капитан выслушал, потом пожал плечами, будто соглашаясь. И молча ткнул пальцем в черноту города за спиной. Священник поник и кивнул.

— Грешник покается, мертвец никогда, — донёс ветер его слова. Согласился. На что? К чему все это?

Анна встряхнулась и, по извечному женскому любопытству, попыталась подобраться поближе. Хрустнула ветка под ногой. Охнула, схватившись за округлый живот одна из спасённых. Капитан развернулся, увидел Анну и спокойно — видно было как он сдерживается, чтобы не рывкнуть как на рядового — приказал не бродить где ни попадя, а провести гостей в расположение. Немедленно. То есть сейчас. Голос Якова звенел от сдерживаемой ярости. Беременная покачнулась. Ноги с трудом держали ещё. Анна, забыв про все, бросилась вперёд, схватила ту под руку, удержала.

— Все будет хорошо, — прошептала она неверные, но ставшие привычными за день слова. Может, и вправду будет, но не сейчас. Сейчас надо дотащить повисшую на руках ношу до тепла и весьма условной безопасности солдатской казармы.

Тащить пришлось долго и тяжело. Ноги беременную совсем не держали. Двор, двери, коридоры, узкая лестница. На ней беременная чуть не споткнулась, сердце Анны ухнуло было в коротком всплеске ужаса. Но они удержались, поднялись, дошли. Анна сдала ношу на попечение товаров по несчастью. Та почти потеряла сознание, но, слава богу, была на вид цела. Велела уложить и укрыть потеплее, как отдышится — накормить, напоить, до срока не пугать и глупостей не рассказывать. Строгим, командным голосом. Получилось как-то само, для себя удивительно. Потом пошла искать Магду. На всякий случай. Из коридора внизу раздался женский визг, потом площадная ругань, из боковой двери за спину Анне с визгом кинулась кудрявая девчонка. А через мгновение Анна, долго пыталась понять, а не сошла ли она с ума — орать на рядового Майера, и почему здоровенный, зверообразный, весь обвешанный звенящим железом солдат пятится от неё, такой хрупкой и маленькой, на две головы ниже.

— А ну, кыш, — раздался спокойный голос из-за угла. Майер смылся, только его и видели. Анна обернулась. Рейнеке — юнкер. Парень стоял в проходе у неё за спиной, взъерошенный, тяжело дышащий, уставший. Не только она забегалась за сегодня. Большие глаза сверкают упрямо. Зачем-то он надел под плащ парадный камзол, слишком холодный для такой погоды. И уже успел его где-то перепачкать. Должно быть не только ей денёк суматошный выдался...

— Привет, — сказала она, невольно улыбнувшись. Парень опустил глаза, ладонь машинально прошлась по рукаву. Не столько стирая, сколько размазывая грязь.

— Анна, тут такое дело... — Рейнеке замер на миг, дёрнул ртом. Потом поднял голову. Посмотрел Анне в глаза и выпалил — единым духом, резко:

— Капитан просит тебя. Сойти во двор, — а глаза у него были серые, глубокие. Тёплые.

— Капитан? Просит? Меня? — искренне удивилась Анна, вспомнив злого, как смерть, капитана на улице.

Парень замаялся...

— Ну, приказывает. Не только тебя — всех сразу. Вроде общего сбора.

— Зачем?

— Ну... — Рейнеке отдернул мундир, — В городе такое, а капитан у нас... ну, суверен, немного. Общую молитву на всякий случай приказал.

— Ты не волнуйся. Это ненадолго. Все будет хорошо, — выговорил парень одним духом и улыбнулся. Так, что Анне захотелось поверить. В то, что всё, действительно, будет хорошо. В жизни и с ней, а не с другими и в сказке. С плаца заорали сбор. Рейнеке подал ей руку. Анна удивилась было — к чему такие, неуместные в казарме галантности, но усталость навалилась вдруг — будто молотом по голове. И рука юнкера оказалась кстати. «Набегалась за день», — думала она, спускаясь по лестнице. Нога соскользнула раз на крутых ступеньках. Не упала, даже не качнулась — Рейнеке вёл её бережно, под руку. И ладонь его была теплая и крепкая, куда лучше, чем перила.

— Всё будет хорошо. — повторил он, медленно прокатывая по языку слова.

Площадь была полна народу. Солдаты, обозные, женщины. Всё вперемежку, не строем — гуртом. Орала капралы, кто-то смеялся. Сверкала сталь. Пики и стволы в руках караула. Чадили факелы — светом жёлтым, тревожным, мечущимся на ветру. У Анны зарябило в глазах, девушка пошатнулась, вцепилась в ладонь Рейнеке двумя руками, словно боясь потерять. Сержант заорал «отставить». Барабаны забили дробь. Площадь затихла. Капитан вышел вперёд, сказал что-то. Не сказал, рявкнул, сердито и зло. Ветер унёс слова, до Анны долетело только «это приказ»...

— Приказ. О чем? — шепнула она Рейнеке.

— Все хорошо, — так же шёпотом ответил он, — не волнуйся.

Прозвучало так, что волноваться захотелось сразу. Чёрный поп поднялся на бочку, стал говорить — медленно, иногда взмахивая руками. Рукава рясы бились как черные крылья, ветер сдул капюшон — сверкнула обрамленная венцом волос лысина.

— *In nomine Patris et Filii et Spiritus sancti* — слова были латинские, незнакомые. Они падали вниз медленно и торжественно, как заклинания. Анна поёжилась, почувствовав вдруг, как мелко дрожат губы. Внезапно стало теплее. На плечи легла тяжёлая, мягкая ткань — это юнкер накрыл её плащом. А сам остался в тонком мундире, но, не похоже, чтобы холод его беспокоил. Стоял прямо, в струну, глядел то на священника, то на Анну. Лишь губы его чуть шевелились, проговаривая:

— *In Nomine Dei, ego, accipio te, Anna in uxorem meam, ut habeam et retineam ab hoc die, tan in prosperis quam in adversis, sive ditioem sive pauperiorem, sive sanam sive infirmam, ut te diligam et foveam, donec mors nos separate*

— Что за тарабарщина?

Внезапно ей показалось, что священник смотрит прямо на них. Губы шевелятся. Словно падре что-то спросил. Именно её. И Рейнеке. Анна не разобрала, что. В голове шумело кровь стучала в висках. С неба смотрели вниз, ей в глаза холодные, яркие звезды.

— Да, — прошептал юнкер, словно в ответ

— Что — да, Рейнеке?

— Потом.

Площадь зашумела, взволновалась. Толпа подалась в стороны. На плац вышла, подволакивая ногу безумная. Анна сегодня уже видела её — её звали Элис, Ганс с Магдой привели её из города. Говорят, прямо с дыбы. Она так и бродила весь день тенью по казармам, молчала, пугала людей недвижными, невидящими глазами. И теперь она вдруг вышла на середину. Люди на площади шарахнулись в стороны. Капитан шагнул вперёд,

придержал за плечи, попытался что-то сказать. Вдруг фигура обмякла, падая ему на руки. Яков Лесли, злой как смерть, рывкнул на чёрного пастора — да, заканчивайте, мол. До утра провозимся.

Падре поднял руки, провозглашая

— Амен.

Сержант заорал: «разойдись». Глухо забили отбой барабаны.

«Вот и всё, — сказал ей Рейнеке и улыбнулся, — вот и все. Пошли, ты устала»

И в правду устала, — думала Анна, пробираясь на гудящих ногах через толпу к дверям офицерского крыла. Шла медленно, почти вися на руке у юнкера. Они прошли мимо капитана — тот провожал чёрного пастора. Ветер донёс до Анны их разговор — обрывок фразы без тени смысла.

— ...это всего лишь формальность

— Не будьте так уверены, капитан...

«Ну, формальность, так формальность» — устало думала Анна поднимаясь в комнату.

Перед дверью юнкер пожелал ей спокойной ночи, козырнул и исчез, только его Анна и видела. Анна вошла в комнатушку, села на кровать, вытянув гудящие ноги, и стала думать: что это было сейчас и что теперь делать? Ничего умного в голову всё равно не приходило, так что Анна положилась на Бога и легла спать. На Бога, тяжёлый сундук под дверью и крепкую защёлку на окне. Кто из троих сработал — неизвестно, но спала Анна спокойно всю ночь. Лишь рядовой Майер, которого за каким-то чёртом понесло под утро в офицерское крыло услышал глухое рычание у самой двери, развернулся и решил, что ему сюда категорически не надо.

** **

— Разрешите отлучиться, герр капитан? Мне в город надо...

— Не разрешаю, сержант. Отдохните. Денёк сегодня ещё тот был.

— Все равно рассвет скоро. А в городе... ой, нечисто в городе, чую я.

— Мы сами всё видели, сержант.

— Да я не о том. Мама Роза, она ведь хитрющая была. Ой, хитрющая и осторожная.

Прям как я. А взяли просто, как дурачка — вербовщики. Нечисто тут. Я с этим Флашвольфом в городе переглянулся — мясорубка он ходячая, просто. Тупая к тому же, где ему мамы Розы супротив.

— Значит, не настолько туп, как вам показался.

— Может быть. Но и остальные, кто попался... — тут сержант перечислил ещё с полдюжины кличек и имён. Похоже, майстер Флашвольф ненароком оказал городу немалую услугу, разом спалив весь городской криминал... — вот кривой Хьюго, к примеру. Ой, жук был. Всех его лёжек даже я не знал...

— Вам можно не знать, сержант. Вы же не местный.

— Так и этот хмырь, герр капитан, дознаватель который — он же тоже не местный. Вот такая, герр Капитан, закавыка тут получается.

Сержант почесал бороду, задумчиво глядя на алеющее рассветное небо. Сверкнули кресты в вышине. Потом — холодный серебристый отблеск внизу, у ворот. Стук копыт. Одинокий всадник.

— Смотрите, герр капитан. Это же Флашвольф. Куда это он намылился, вот интересно?

— Похоже, уезжает из города. Ладно, сержант, нам проблем меньше.

«Серебряный» проехал шагом мимо них, не удостоив взглядом спящие казармы.

На следующий день Анна проснулась поздно. Накануне забегалась, устала так, что проспала команду «подъём». И плевать, что под окном ее исполняли оглушительной дробью на двух барабанах. Умылась, оделась, долго расчёсывалась. Дурацкие рыжие кудри за марш сваялись не пойми во что, привести их в порядок было теперь морокой. Гребень методично ходил в руках, солнечные зайчики игриво прыгали по комнате. День за окном выдался солнечный, ясный. А мысли в голове были темны. Вчерашнее никак не шло из памяти. Что это было? Из всего, что говорили чёрный священник и Рейнеке, в памяти застряла пара слов: «dones mors nos separate». Слова звучали непонятно, торжественно и как-то зловеще, как чёрное заклинание. Знать бы ещё, что это за язык? "Латынь, наверное", — думала Анна, распутывая непослушные рыжие пряди. Старенький гребень с треском сломался в руках. «Ой, — сказала сама себе Анна, — как же теперь». Он, конечно, был совсем древний, потёртый, половина зубчиков отломана, но единственный. И тот у Магды одолжен под честное слово. Что же делать теперь... Анна машинально выглянула в окно. На плацу под окном неторопливо крутилась ротная суета. А потом ей на глаза Рейнеке-юнкер попался. Парень шёл куда-то, лохматый, взъерошенный и злой. И перепачкаться уже весь успел, хоть день и только начинается.

— Кстати, вот у него и спрошу, — подумала Анна, прикрывая накидкой упрямые волосы. Рейнеке встретился ей почти сразу — в коридоре у лестницы.

— Здравствуй, — кивнула она. Вид у парня усталый и дерганый какой-то.

— Привет, — ответил он так, что Анне совсем расхотелось приставать к нему с вопросами. Загонял капитан, бедолагу, вконец, а еще только утро.

А Рейнеке-юнкер забегался даже с ночи, не с утра. Парень честно пытался предупредить всех, подержать в тайне вчерашнее. Выслушав с пяток кривых согласий и посмотрев на десяток похабных гримас понял, что делает глупость и пошёл к сержанту. Старый ветеран встретил его весёлой улыбкой и набившим оскомину глупым вопросом

— Как прошла ночь?

— Без происшествий, — угрюмо ответил юнкер, вспомнил, что не огрызаться сюда пришёл и кратко изложил просьбу. Сержант выслушал, сдвинул со лба широкую шляпу и честно спросил парня, а не дурак ли он.

«Правду говорить легко и приятно» — подумал Рейнеке и выдал предписанный уставом ответ:

— Так точно!

Сержант засмеялся. Юнкер оскалился было — но старый вояка, когда хотел, смеялся так добродушно, что зарычать не получилось. А ветеран махнул рукой, пробормотал под нос что-то типа «эх, молодость» и пошёл орлов инструктировать.

Так что, когда Анна проснулась и вышла во двор — все в роте уже знали о некоторых важных изменениях в понятии «военная тайна», вступивших в силу с сегодняшнего утра. Рейнеке угрюмо молчал, Магда ругалась и спрашивала — какого черта ее на старости лет хуренвайбелем назначили и будут ли за это все доплачивать. Анна испугалась было, потом вспомнила, что на армейском кривом языке "hurenweibel" — это просто начальник обоза (хотя дословный перевод — "мастер шлях") Попробовала было пристать к ней. И нарвалась сходу на встречный вопрос — а чем Анна роту кормить собирается? Обед скоро, на кухне бардак, печи остыли, а мужики скоро сами Анну сожрут, если их не покормить вовремя.

Анна попробовала было возмутиться, потом вспомнила сержантскую присказку про «нет ничего более постоянного, чем временное назначение» и пошла на кухню. Тем более, Магда права, обед скоро и кормить роту чем-то надо. Да и после вчерашнего, по накатанной, работа проще пошла. И штрафные добровольцы веселее ловились, и огонь сразу развели, и девки мобилизованные слинять больше не пытались. Даже драк разнимать не пришлось. Почти.

А казармы меж тем гудели, как растревоженный улей. Вместе с вернувшейся с рынка Магдой, пришла оглушительная новость — страшный Флашвольф собрался и в одночасье уехал неведомо куда. Все почему-то сходу решили, что это вчерашняя молитва сработала, как не надо. Или, как надо, а майстер дознаватель была сила нечистая и капитан её изгнал. Такую версию сходу выдала Анне Катаржина, одна из новоприбывших девиц, с которой они вместе возились на казарменной кухне. Девка была бойкая, кареглазая, кудрявая, красила губы в красный цвет, крепкие зубы — в чёрный и трещала без умолку. Ослепительно лиловый фонарь под глазом её особо не смущал.

— Чья работа? — кивнув на синяк, аккуратно спросила Анна, поставив в памяти зарок — попросить Рейнеке при случае разобраться.

— А вон его, — кивнула Катаржина на проходившего мимо рядового Майера. С синяками на обоих глазах. Настолько шикарными, что Анна решила вначале разобраться самой. А там и обед сготовился, кухню после пары-тройки хороших оплеух выдраили, можно было с чистой совестью уходить со двора. Ничего, к сожалению, не выяснив.

В байку о просто молитве она не поверила. Если бы на сволочей и идиотов существовал экзорцизм — жить было бы сильно проще. Всем. Во всяком случае ей бы не пришлось трястись невесть куда в армейском обозе. Хоть люди во дворе стали смотреть веселее и ладно, но ясности нет. И Рейнеке. Какой он был вчера, а сегодня от неё прячется. Ладно, его понять можно, он на службе все-таки. А остальных спрашивать бесполезно. Кто знает — не говорит, а кто говорят — явно не знают.

А Рейнеке тоже весь день бегал туда-сюда, стараясь поменьше на глаза попадаться и периодически думая, а не дурак ли он.

— Да, дурак, — думал парень угрюмо, провожая взглядом идущую по двору Анну — скользкую, так же так всегда — величаво и приветливо, королевой из сказки, — а также сволочь. Но что прикажете сделать? Подойти, отдать честь и сказать прямо — «Мадам, разрешите представиться, отныне я ваш муж? Ничего личного, но возражения, в соответствии с приказом по армии, не принимаются». Бред же. И издевательство. Но не капитана же было просить. Тем более, что он вчера ночью был занят. И не итальянца. Хотя этот вообще всю церемонию в подвале пропрятался. И уж тем более не всех остальных. Остальные бы точно ей дверь выломали. На вполне законных, теперь, основаниях. Бедная Анна. Как будто мало ей всего в жизни досталось так ещё и я. Сопляк с дурацким титулом и официальной должностью мальчика на побегушках. А, к тому же ещё и ... — тут упорно смотревший не в ту сторону Рейнеке налетел на спешившего рядового, ушибся, послал того к чёрту и пошёл дальше, сам не зная куда. Прошёл по коридору, под арку, вышел во двор и случайно напоролся на Анну, идущую куда-то по своим делам. Ласково улыбнулось в глаза неяркое, зимнее солнце. Короной на огненных рыжих волосах. Рейнеке сморгнул и, как мог учтиво, поздоровался. Та ответила. Просто кивком и улыбкой. Озорно блеснули снежинки — искрами по плечам. Под ногами глухо звякнула жесть, юнкер своротил на ходу какое-то криво поставленное ведро и умудрился этого не заметить.

Парень учтиво кивнул, свернул в первую попавшуюся дверь, нашёл себе уголок, присел у окна и опять задумался:

«И что теперь делать? Не рассказывать же сейчас, глупо будет... может быть потом» — тут воображение сорвалось с цепи и улетело в сияющие дали. Потом, когда-нибудь, лет через несколько, когда юнкер — уже не юнкер, а повыше чином, сумеет отличиться, взять у врага какой-нибудь штандарт или крепость, получит награду из императорских рук и сможет, наконец, предложить Анне что-то более интересное, чем дурацкую рожу и звонкий титул без дома и земель. Мечты были приятные, но... На глаза попался капитан. Яков куда-то торопился через двор. В рваных сапогах, трофейном французском плаще и поношенной шляпе. Юнкер ещё раз обозвал себя идиотом и принялся думать дальше. Ничего кроме "пока молчком, а там видно будет" как на грех не придумывалось. От нечего делать парень посмотрел на двор ещё раз. Шла Анна. «Господи, какая же она красивая, — при её виде мысли опять поплыли не туда, — даже солдатские обноски испортить не смогли»

Парень отвёл глаза. Из осколка мутного оконного стёкла на него угрюмо посмотрело собственное отражение.

— Так, — спросил он сам себя, медленно закипая. — Барон фон Ринген унд Лаис ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос... Какого черта ваша жена ходит черти в чем посреди зимы?

В мутном стекле отражался хам, сволочь и подонок в одном лице. Молчаливый, к тому же. И, в отличие от Анны, при деньгах.

** **

Анна зашла к себе, присела, огляделась. Ещё раз прокрутила в памяти вчерашние слова. Раз Флашвольф уехал — можно рискнуть и выбраться в город, найти грамотного человека и спросить. Да и купить много всего надо.

«Купить — деньги надо, — оборвала она себя, — а где...»... но тут в дверь постучали.

Анна вздрогнула и пошла открывать. Но это был не юнкер. Рядовой Майер с приятелями. Анна даже испугалась, увидев на пороге их небритые рожи. Но они были трезвые, вели себя тихо и даже говорить пытались без мата. Все объяснилось просто. Ребята на марше все изорвались, просили починить. Анна выгнала их за дверь, достала одолженную у Магды иголку с ниткой и принялась за работу. Благо, привычная, не ведра на кухне таскать и не рядовых строить. На шум подошла Магда, уперла руки в бока и строгим голосом спросила: а ничего ли мужики не забыли?

Те пытались обойтись большим спасибо, сошлись на десятке грошей. Пражских, не медных, Магда лично проверила, дала Донахью по шее за обрезанную с бока чешуйку, обозвала мужиков котами мартовскими и прогнала взащей.

Наблюдавший это все, Рейнеке хищно ухмыльнулся, поймал Майера на лестнице, придержал за шкуру, и кое-что сказал.

— Парень, ты дурак? — очень хотел спросить Майер в ответ, когда просьба — или приказ Рейнеке дошёл до его сознания. Но не спросил, очень уж взъерошенным выглядел парень. В самом деле покушает, с него станется. Так что рядовой молча кивнул.

И пошла у Анны работа до самого вечера. Тому починить, этому поправить. Пока нитки не кончились. Держались мужики тихо, говорили вежливо, платили — чётко, правда отчаянно косясь при этом на дверь.

В итоге на руках у Анны оказалась россыпь монет — по старым дням небывалая.

— Молодежь лёгких путей не ищет, — улыбнувшись, сказала себе Магда, глядя, как

Рейнеке рассчитывается с солдатами во дворе. Пригляделась, заметила, вышла вперёд, дала одному из рядовых по шее, чтобы на расчете не мухлевал, вернула юнкеру сдачу и сказала, чтобы хоть не зевал хоть завтра.

— И вообще, можно было деньги жене и не столь извращенным путём передать, — напутствовала она парня напоследок.

Потом зашла к Анне, поздравила её с заработком, сказала, что сейчас уже поздно, а завтра с утра — на рынок. Нитки купить, да и вообще приодеться. Повторила для верности раза два, громко, чтобы укравшийся неподалеку юнкер уж точно услышал, удовлетворенно усмехнулась и ушла, пожелав Анне спокойной ночи.

** **

А на дворе уже вечерело. Старый Сержант ворчал, ворчал, потом сплюнул, отпросился у капитана и пошёл по делам. Никто не хотел знать — каким, но вернулся сержант Мюллер под ночь, трезвый и с разбитыми в кровь кулаками, кровавым порезом на щеке и злой, как черт. Злость старика немедленно отозвалась роте внезапной проверкой — еще более внезапной, чем обычно. Капитан тоже сделал вылазку в город, побродил по улицам поговорил с кем мог, ничего не узнал, зашел к давешнему священнику — поужинать и спросить, как в городе дела. Все было тихо, Флашвольф уехал, его люди забились в друденхаус — старую башню, наскоро переделанную под тюрьму и носа оттуда не казали. Никто чёрного падре не тронул, он спокойно вернулся домой. Капитан съел, все что дали, вежливо выслушал печальный, полный спокойных жалоб на вывихнутый век, но немного затянутый монолог пожилого человека.

У каждого есть своя любимая тема, на которую тот может рассуждать бесконечно, — думал капитан, подбедая со стола и вежливо поддакивая спокойному монологу. У черного падре такой темой был источник всех бед — богомерзкое книгопечатание.

«Вот раньше мастера выводили каждый том вручную, буква за буквой, молодой человек. Буква за буквой. Это был тяжкий труд, и мастера ценили его — никто не мог и не хотел тратить жизнь на переписывание никчемной бумажки, вроде тех, что у нас висят на стенах, на потеху толпы. Теперь же каждый может поставить себе дома станок и лепить на бумагу, что ни вздумается. Вот печатают всякую чушь, а потом читают на площадях на потеху толпе. И о последствиях совсем не думают. А ведь Флашвольф не был бы и вполовину так страшен, если бы чертовы бумагомараки не пугали людей каждый день»

Капитан вежливо кивал, поддакивал, наконец стащил у падре на прощание потрепанный томик «Der Abentheuerliche SIMPLICISSIMUS“, вернулся в роту и завалился кровать, пытаясь не сломать глаза о готический шрифт и неимоверно затянутое начало.

Анна тоже легла спать, как и прошлой ночью загородившись сундуком и щеколдой. Ночь прошла спокойно, лишь под утро кто-то стукнул в дверь, и чей-то голос спросил, где Рейнеке — юнкера носит. Разбуженная Анна довольно невежливо ответила, что не знает, и вообще — нашли, где искать. А потом опять заснула. Рейнеке-юнкер тем временем ошивался на кухне — искал, чего-бы пожрать. За день забегался так, что обед пропустил, и теперь желудок сводило так, что выть хотелось.

** **

Заряд снега в лицо. На верном клинке — свет луны, красный, неверный. Вокруг пустошь и тварь впереди — не человек, оборотень, порождение бездны. Оглушительный рык, взмах когтей — острых, длинных, иззубренных. В лицо охотнику ударил смрад — тварь подобралась близко. Слишком близко, тянет к горлу длинные лапы. Шаг назад, перехват

двуручного лезвия в середине, под второй гардой. Яблоком на рукояти — твари в лицо, прямо в ощеренную клыками пасть. Красным по меди — лунный свет на клинке, тварь пошатнулась, затрясла головой. Ещё один чёткий шаг, поворот, снег скрипит под ногами. Волшебный меч рвется в полёт, описывает свистящий полукруг и падает, разваливая адскую тварь надвое. Чудовище рухнуло в снег, личина слетела, обнажив лицо — человеческое с тонкими, искажёнными болью чертами. Оборотень. Или волколак, сейчас неважно. Охотнику было уже не до него. Он шагнул вперёд, мягко прозвенели серебром нашитые на куртку монеты. Он успел. Вовремя, чтобы спасти бедолаг, которых тварь чуть не разорвала. Вот они, сидят, укрывшись за крестьянскими возами. Дрожат от страха, небось, хотя в схватке их дубины были бы кстати. Впрочем, что с них возьмёшь. Люди.

— Мир вам, — бросил коротко майстер Конрад Флашвольф, шагая вперед — навстречу осторожно выглядывающим из-за возов лицам.

— Тебе того же, мил человек, — осторожно ответил вислоусый крестьянин, поклонившись и почтительно сняв шапку, — спаси тебя бог, выручил.

— Кто вы такие?

— Крестьяне мы. В город... — начали было те, Флашвольфа оборвал мутный поток слов взмахом руки и коротким вопросом:

— Зачем?

За справедливостью, мил человек. Ведьма у нас. Была.

— Справедливость? Вы ее нашли. Говорите.

«Воистину, бог ведет меня, — думал майстер Конрад Флашвольф, слушая путаный рассказ о деревне в густых лесах, обернувшейся волком ведьме, порванном трактирщике и солдатах, — воистину. Пройти назад по следам капитана и его людей было удачной идеей.»

"Но это глупец сказал бы «удача». Умный знает, что удачи нет. Бог ведет верных» — прошептал он, бездумно смотря вверх на зимние звезды.

— Как звали? — бросил он, когда поток слов утомил его.

— Кого, милостивый господин? — переспросил толстый крестьянин — брат порванного волком трактирщика.

— Ты дурак? Ведьму, конечно.

— Анна, господин — угодливо поклонился тот.

— Анна, — повторил судебный дознаватель Конрад Флашвольф, медленно, прокатывая чужое имя на языке. Словно пробуя на вкус имя врага. Звезды смотрели сверху вниз на него, сверкая на серебре холодным, ледяным блеском.

3-13

глаз бури

Утро для Анны началось с неприятности. За ночь потеплело, крыша протекла, и в углу Анниной комнатухи накапало воды. Немного, но неприятно. Конечно, дом не свой, клетушка казённая, но все равно — здесь Анне хоть сколько-то, а жить. Сырость ночью замучает. Умылась и привела себя в порядок. Непростая задача при сломанном гребешке и не своей одежде. Но Анна справилась. А потом ворвалась Магда — весело, бесцеремонно и без стука. То есть, как всегда. Улыбнулась, уперла руки в бока, и строгим голосом спросила — какого черта Анна ещё здесь.

— А что? — дрогнув, переспросила Анна, думая — куда бежать и откуда за ночь беда прискакала.

— Как что? Забыла — вчера уговаривались? Теперь давай — руки в ноги и на рынок. Вчера я, сегодня ты. Наши проверяли, спокойно в городе, так что не бойся. На кухне я тебя, так и быть, подменю.

— Но...как же... — начала было Анна, показав рукой на лужу в углу.

— Разберусь, нашла о чем думать, — нетерпеливо махнула рукой Магда, — ты лучше иди давай, и чур, вернуться красивой. А то юнкера из под носа уведут.

И с этими словами буквально вытолкнула её за дверь.

— А его мне под нос и не приводили, — огрызнулась Анна невольно. Уже на улице. Светило солнце, небо — будто вымытое, ясное до синевы. Красные стены, народ суетился вокруг — разный, шумный, галдящий. А Рейнеке-юнкера не видать. Почему-то кольнуло. За ребром, возле сердца. Привыкла уже за марш, что нескладный паренёк всегда где-то рядом.

"Вообще-то он офицер, — напомнила себе Анна, неторопливо проходя по двору. Неверное солнце скрылось на миг, зимняя хмарь укрыла ворота — их камень, на вид, осклизл и сер, — И, наверное, занят. И вообще, Магду меньше слушать надо. Та наплетёт. Какое ему..."

Рейнеке — юнкер встретил ее под аркой, у выхода. Улыбнулся. Солнце сверкнуло зайчиком из-за туч. Прямой, плащ вычищен. И запачкан опять... когда успел только, оболтус. Откозырнул, извинился, назвал Анну на «Вы» и, отчаянно запинаясь, сказал, что выход в город не-солдатам только в сопровождении. И так далее. Приказ капитана. Строгий. (вообще-то Яков приказывал: "ходить группами по десять, с оружием" но, в этом случае, парень вспомнил сержанта и решил толковать приказы несколько расширительно)

Протянул Анне руку и улыбнулся. Широко так. Так, что все возражения из головы вылетели. Хорошая у него рука, опираться удобно.

И они пошли в город — по разбитой дороге, мимо зарослей, сверкавших льдинками на голых ветвях, вперёд, туда, где парили в синеве золотые кресты на шпильях. Ложилась под ноги мерзлая земля, хлопала крыльями испуганные солдатами птицы. Они разговорились — постепенно, вначале робко потом смелее — слово, другое, улыбка, потом она забыла смущаться а он — называть её на вы. Хрустел под ногами тонкий ледок, перекликались часовые, а разговор тёк и тёк от края земли до другого. Просто разговор, ни о чем и обо всем на свете. О маленьком домике в лесу, где росла Анна и таком же — маленьком, с вечно текущей крышей — юнкера. О птицах, что прилетали Анне по утрам на окно. Как она давала им имена, бранила за драки, кормила и с вёселым смехом учила их привычки. О холмах, где жил он — на юге, в предгорьях, высоких, поросших лесом с путаными тропками, высокими соснами и белыми шапками Альп вдалеке. О книгах — потрепанном, без обложки томике "Неистового Орландо", ловкаче из Шпессарда и бедном идалго из Ламанчи. О бабушкиных сказках — она их знала, он в них не верил, но слушать любил. Он, вообще, хорошо слушал, внимательно. Потом на лица упала тень городских ворот и скучающий стражник, кашлянув, разбил древнюю магию ленивым вопросом — а куда, собственно, молодые господа направляются?

— Ой, — подумала Анна, обнаружив, что игривый ветер сбил набок платок, — совсем заболталась. И воронье гнездо, небось, на голове — вон, господин офицер аж рот от изумления разинул.

А в глазах Рейнеке плавало ласковое, рыжее пламя.

Даже после гомона казарм — город оглушил, запутал. Перезвоном, лязгом, грохотом телег и гулом со всех сторон. Анна невольно прижалась к юнкеру поближе, а тот шёл вперёд

— спокойно, посредине улицы. Горожане — хмурые, в чёрном и сером косились на них, уступая дорогу. Анна поймала пару неодобрительных взглядов, улыбнулась, вспомнила Магду и шла, стараясь держатся прямее. Раз косятся, значит завидуют, раз завидуют — значит, есть чему. Вторые этажи нависали потемневшими толстыми балками над головой, солнце искрило россыпью зайчиков в маленьких окнах. На башне ратуши пробили часы. В одном месте преградила дорогу толпа — с десятков кумушек и мастеровых, разинув рот, слушали чтеца на бочке. До Анны долетел обрывок "ударившись оземь и возвав трижды к господину своему перекинулась волшебница в..." Рейнеке прошептал что-то вроде: "не так" и, мягко придерживав Анну за руку повёл в обход.

— Дай послушать, — шепнула она ему.

— Да врут они, — ответил он, смотря, как малограмотный чтец, шевеля губами разбирает по слогам слова на прибитом к стене листе оберточной, желтой бумаги.

Седой, сутулый старик в переулке поймал Рейнеке за рукав и предложил купить прекрасной даме балладу. Глаза высохшего деда сверкнули так весело, что Рейнеке согласился, отдав медный грош за листок с напечатанной в одну краску девицей, кавалером с заломленными руками и двумя строчками стихов. Анна задрала нос, Рейнеке огорчился — стихи были плохие. Совсем.

А потом они свернули за поворот и вышли на гомонящую тысячей голосов площадь — ту самую, перед ратушей.

Суровый гранитный рыцарь с мечом смотрел с высоты, как возчики поили лошадей с фонтана, бьющего у его ног ленивой струйкой. Лошади фыркали, толпа шумела. Голуби хлопали крыльями над головой. Разносчики кричали — протяжно, лениво, на все лады расхваливая товар. В галереях вокруг, в тени под каменными серыми арками — многоцветная россыпь всего на лотках. Продавцы мнутя рядом, пряча под шарфы и платки озябшие руки. У Рейнеке закружилась голова — лагерный бардак был все-таки более привычным, упорядоченным. Здесь же глаз терялся, не зная куда смотреть. Так и стоял бы парень раскрыв рот, но Анна взяла его под руку покрепче и повела — куда надо, а не куда глаза смотрят.

Вначале купили тысячу и одну мелочь для жизни — нитки всех цветов, иголку, шило, щётку — чистить одного вечно влезającego куда не надо разгильдяя, гребень с костяной ручкой, ещё одну щётку, навроде зубной, но гораздо больше. Потом тёплый плащ для Анны и шляпу для юнкера — парень целился на большую, широкополую — ну как у капитана же! Но Анна эти поползновения решительно пресекла — шляпа, может, и как у капитана, но выглядел в ней парень глупо, до ужаса. Так что для Рейнеке вначале нашли подходящую, а потом убедили, что ему идёт. Вот честно. Парень поверил. Поверишь тут, когда одна кареглазая рыжая ведьма смотрит снизу вверх, прямо в глаза и улыбается. Потом ему — сапоги, для Анны — шапочку. Маленькую и красную. Анна трижды выругала себя за растрату, один раз до и два раза после, но не удержалась. Но это были вещи парню понятные и простые. А вот потом в корзину на плече пошли вещи для юнкера непонятные, от слова совсем.

Ивовый прут. Да не один. Тонкий и гибкий. Анна всю корзину плетельщика перерыла, каждую палочку перепробовала — на прочность и на изгиб и всяко. Взмахнула в воздухе, послушала шелестящий свист, удовлетворенно кивнула, наконец. Потом витой шнур — прочный, его Анна долго щупала, проверяла на разрыв, забраковала пару мотков, остановилась на третьем. И ещё несколько столь же непонятных парню вещей.

— Анна, а это зачем?

— Увидишь, — пообещала она с улыбкой, стрельнув глазами цвета огненного опала — да так, что вопросы у парня тут же из головы вылетели. Они нырнули в лавку под вывеской — метр и ножницы. Ткани. Лавочник, высокий, сдержанный, сурового вида торговец встретил их кивком головы и холодным приветствием.

— Добрый день, госпожа... — тут он замялся на миг, не поняв с первого раза как обращаться к такой странной паре — высокий, стройный офицер под руку с девушкой в деревенском, потрепанном платье.

— Фрайфрау Анна, — отрезал юнкер. Коротко, не разжимая губ. Торговец кивнул. Он в жизни и не такое видел.

— Я не... — начала было она. Чего это он? Где она, а где титулы, тем более чужие. Тем более фрау. Но продавец поклонился, будто так и надо, а Рейнеке пожал ей руку и коротко шепнул:

— Так будет лучше. — Ладно, как хочет. В конце концов слухи ему не нужны. Наверное. А потом Анна выбросила это всё из головы и зарылась вглубь лавки, в полумрак, туда, где лежали пахнущие пылью и сказкой рулоны шерсти, серого льна и белоснежной байки. Промерить, пощупать, проверить очередной с края, потом с середины — чистая ли шерсть или черти с чем пополам, не натянуты ли нити. А то при стирке сядет и мучайся с ней. Закопалась так, что потеряла счет времени. Глухо пробили часы. На очередном рулоне, сдержанно разговаривая с продавцом, Анна нечаянно поймала Рейнеке взглядом. Юнкер сидел у входа, скучал и, от нечего делать общался с кошкой — здоровенным, откормленным, рыжим котом. Зрелище было такое, что Анна даже забыла, что у нее в руках... Вначале Рейнеке со зверюгой просто переглядывались, долго, будто в гляделки друг с другом играли. Кот сердито урчал, юнкер, казалось, отвечал тем же. Потом Рейнеке чуть поднял губы и оскалился. Кот пулей взлетел на шкаф, выгнул спину и, растопырив усы и раскрыв красную пасть, зашипел сверху, презрительно. Достань, дескать, меня отсюда. Юнкер улыбнулся, оскал убрал и зарычал ещё раз. Чуть слышно, жалобно так. И показал два пальца. Кот будто согласился, тряхнул головой. И прыгнул, перескочив разом со шкафа на шкаф. Уселся у Анны над головой, распушил хвост, выгнул спину и выдал Анне свирепый мяв прямо в лицо. Пробили часы. «Ой, что-то я долго», — вздрогнув, подумала Анна. Они вышли. Торговец грустно усмехнулся им вслед. Покупки Анна беззастенчиво навешала на юнкера. А тот, мигом, на рядового с приказом — доставить в роту и доложить. Потом Рейнеке купил на лотке пирожок, разломил, кинул половину через плечо. Прямо под нос вышедшему за ними следом котяре.

Анна машинально сжевала свою половину, ойкнула и спросила:

— Ты же, наверное, тоже голодный?

— Ага, как волк, — кивнул тот, щёлкнув для убедительности зубами, — пошли, поищем чего.

Но перед первой дверью с кружкой и костью над входом Рейнеке остановился вдруг, потянул носом стывший воздух, пробормотал что-то непонятное, вроде: «они, конечно шантажисты и вообще, сволочи. Но так-то за что?» И идти туда отказался. Категорически. Потом из дверей вывалилась пьяная толпа, Анна вздрогнула, на миг выпустив ладонь Рейнеке. Тарахтя и отчаянно скрепя несмазанными колёсами, проехала повозка с дровами по мостовой. Девушка отскочила к стене, оглянулась, искала глазами юнкера. И почувствовала чью-то руку на рукаве.

— Эй, красавица. Амулет не желаешь? Сглаз, порча, колдовство ... все в лучшем виде, — тут её схватили за запястье — крепко, не вырваться. Анна попыталась. Не смогла. Ладонь у того была липкая — Анну от омерзения всю передёрнуло. Перевела глаза на схватившего — за руку её держал высокий, чуть полноватый мужик. Сальный какой-то. Анну передёрнуло опять. Всю. Под кустистыми бровями пустые глаза. Лицо будто рытое, в оспинах. Губы щерятся в усмешке, похабной, до ужаса.

— Пусти, — прошипела она прямо в эти глаза. — Отпусти немедленно, а то...

— А то что? — ухмыльнулся тот, обнажив черные зубы, — не кобенься, солдатка. Чай, в лагере... и булькнув, умолк, подавившись смехом. Оспенное лицо побелело, чужая ладонь исчезла с запястья. Анна отшатнулась — Рейнеке-юнкер стоял, придерживая здоровяка за руку. Вроде и не сильно, будто старые знакомые стоят, беседуют. Но высокий, в полголовы выше юнкера здоровяк шипел и кривился от боли. А юнкер втолковывал ему, медленно, размеренно проговаривая слова:

— Благородную даму хватать за руки не рекомендуется. Особенно таким хамам, как ты.

— Стража... — прошипел здоровяк. Юнкер неувовимо повернул ладонь — тот скривился, подавившись криком, и побелел еще больше. С другого конца улицы к ним двинулся стражник. Совсем молодой, со старой, выдавшей вида алебардой. Но он был еще далеко и шел медленно, запинаясь и останавливаясь у каждого ларька. Рейнеке усмехнулся, зубы по-волчьи лязгнули. Довернул ладонь еще раз. Здоровяк упал на колени, пытаясь сорвать с себя руку юнкера. Не получилось.

— При виде благородной дамы следует перейти улицу. И смотреть исключительно себе на сапоги. Ибо лицезрение навоза... — здоровяк попробовал закричать и опять подавился криком.

— Весьма помогает таким, как ты осознать свое место, — с этим напутствием Рейнеке легко поднял здоровяка на ноги, встряхнул и, лёгким толчком отправил от себя подальше. Тот прокатился по земле, вскочил и исчез в переулке.

Анна перевела дух. Машинально взмахнула ладонью — стряхивая с рук противное липкое ощущение. Стражник подошёл, кивнул юнкеру — все ли в порядке? Тот кивнул в ответ.

— Берегитесь, герр офицер, — шепнул стражник ему чуть слышно, — это был Южеф Фрайштик, помощник городского палача. Амулетами этот черт торгует в свободное время. И ещё... — тут стражник опустил голос до совсем тихого шёпота, — кто плохо покупает, или как сейчас... почему-то мастер Флашвольф всегда оказывается на их улице.

— Пусть он бережётся, — ответил Рейнеке, медленно прокатывая слова на языке, — ещё раз его увижу — загрызу.

— Ты в порядке? — шепнул он, беря Анну за руку.

— Да, спасибо, — парень улыбнулся ей. Анна тряхнула головой, отпуская от себя волнение. Улица зашумела опять, будто и короткой схватки только что и не было.

— Слушай, — спросила она, наконец, — а чего ты все, загрызу, да загрызу?

Парень замаялся, опустил глаза. Будто ответ искал где-то в грязи, под сапогами... Черт, зря она полезла с вопросами. Тонким, протяжным звуком зазвенело вдали серебро. Толпа на улице загудела, шарахнулась в стороны. Анна обернулась и, вздрогнув всем телом, прижалась к Рейнеке. По улице медленно ехал мастер Конрад Флашвольф. Вернулся.

— Рейнеке, я не хочу с ним встречаться, — чуть слышно прошептала она.

— Пошли отсюда, — кивнул он, схватил руку Анны крепче и увёл прочь, в тёмный,

глухой переулочек.

3-14

Час волка

А рядовой Майер тоже в тот день бродил по городу. Да не просто так, а со списком. Мюльбергские девки возвращаться в город пока опасались, рядовому все равно положен отпуск и вот загрузили бравого рядового списком добрых дел. Нет, не чего купить — такую важную и ответственную работу Майеру пока не доверяли. Доверили, пока, попроще и почти по специальности — рядовой Майер бродил по городу со списком разных «козлов» на «набить морду». Список писали все мюльбергские девки подряд, особенно кудрявая Катаржина — трактирная девица, бойкая, не злая, но с хорошей памятью. Особенно на всяких козлов, которых в весёлом городе Мюльберге водилось немало. Конечно, капитан строго приказывал — «чтоб без происшествий мне», а сержант ласково добавлял — «а то урою», но это были беды привычные и, потому, нестрашные. А Катаржина мотивировать умела. Судя по шикарным фиолетовым синякам на обеих глазах, пьяному взгляду и приятной опустошенности во всем теле — хорошо. Так что Майер в компании из десятка приятелей с утра рыскал по городу. Половину списка уже благополучно закрыли, но вторая почуяла беду и попряталась.

— Жалко, — думал бравый рядовой, останавливаясь передохнуть в укромный угол переулочка, — возись тут, теперь, до вечера.

Впереди из-за поворота показались две человеческие фигуры. Узнав молодого юнкера с подружкой, приятели резво юркнули в тень — дабы не смущать начальство видом рядовых, делом не занятых. Оно начальству видеть вредно, сразу переживать начинает, беситься, нервничать и работу подчиненным искать.

Но, слава богу, молодому Рейнеке было не до них.

Они с Анной прошли мимо них ещё дважды — всякий раз рядовые благополучно прятались подальше.

— Да, уж, — усмехнулся рядовой, провожая взглядом офицера под руку с Анной, — если бы со мной шла такая, да под руку — я бы тоже ничего не замечал.

А Рейнеке-юнкер опять скрылся за поворотом. Они с Анной заблудились в переулочках за ратушей — холодных, грязных, прячущихся от света под камнем и соломой крыш. Здесь редко ходили люди, в углах клубился вечный полумрак, а стены были глухими и одинаковыми — серый камень да серый снег. Поворот, затем другой — Рейнеке давно потерял им счёт. Кривые улочки раз за разом выводили их в противоположную от казарм сторону — к епископскому дворцу, приземистой, угрюмой махине. Рядом шагала, тяжело дыша Анна. Парень раз за разом старался умерить шаг под ее походку. Получалось плохо. Ещё один поворот. Опять дворец впереди. Похоже, улица вывела их к одному из дворцовых входов.

— Может, спросить дорогу? — побежала мысль. Парень огляделся. Вроде, не у кого. Хотя... Впереди хлопнула дверь и на улицу из дворца вышли двое. Высокий и маленький. Рейнеке пригляделся — и, с облегчением, узнал двух французов, отмахавших с ротой недавний марш. Люди знакомые, должны помочь... Оба француза шли на них, не оглядываясь и никого не замечая. Шли, беседовали — маленький рассказывал что-то, гигант кивал и размахивал руками. А тени сгущались за их спиной, холодные, неясные. Юнкер невольно сморгнул — тени обрели форму на глазах. Сверкнули клинки — алые полосы в свете заката. В спины.

— Берегитесь, господин француз, — тонкий голос Анны раздался над ухом. Рейнеке вздрогнул и, кляня себя за задержку, кинулся вперёд. Эрбле извернулся на месте, выхватывая рапиру — стремительным, кошачьим движением. Клинок прошёл мимо его спины. Убийца на инерции пролетел мимо и упал, пронзённый коротким, точным ударом. Остальные, взревев, кинулись вперёд из засады — два десятка обветренных, изрытых оспой лиц, два десятка городских подонков, два десятка разномастных клинков против двух французских. Против трёх — Рейнеке, выхватив шпагу и глухо зарычав, кинулся в драку. Брасье играючи подхватил бочку и с маха швырнул ее, сметя с земли троих нападавших. Остальные отшатнулись, гигант обнажил клинок. Глухо стучала холодная сталь в тёмном переулке. Нападавшие, сходу потеряв четверых — одного завалил Рейнеке, троих французы — держались осторожно, но не отступали. Удар, ещё один, сдавленный мат, прерывистое, хриплое дыхание — Анна, с замиранием сердца следила, как Рейнеке и остальных медленно теснят вглубь переулка.

"Скоро улица расширится и их смогут окружить, — билась мысль в голове. Неровная, в такт бьющемуся на виске пульсу, — что же делать? "

— Дура, — обозвала вдруг сама себя и опрометью бросилась назад. Рядовой Майер с дружками был за углом — его Анна видела сегодня отчётливо.

— А ну, сюда, — голос, ударивший рядовому по ушам, был тонкий, девичий. Но с такими чёткими, сержантскими интонациями, что ноги побежали прежде, чем голова спросила — куда? Майер с дружками вылетели из-за угла, на ходу обнажая клинки и глухо матерясь.

"Ой, девка, спасибо", — мельком подумал рядовой, оглядывая схватку и ощерившись во весь щербатый рот. Оставшаяся половина его списка вся была здесь, среди нападавших. Теперь можно будет получить двойную награду — и от капитана, за спасение французов и от Катаржины — за козлов, битых по высшему классу. Рядовой весело взревел и кинулся в драку. Дружки — за ним. Их было десятеро, нападающих больше, но солдаты их просто смели. Улица опустела. Майер сплюнул, попинал для приличия трупы. И раз уж попался начальству на глаза — изобразил вид почтительный и в меру геройский.

— Благодарю Вас, господа, — маленький француз кивнул, и учтиво поднял шляпу. Рядовые кивнули в ответ. — Вы нас сегодня сильно выручили.

Потом аббат поклонился Анне — учтиво, насколько позволило глухое рычание юнкера:

— Мадмуазель, если бы не вы. Ваш крик спас наши шкуры. Спасибо.

Анна вежливо склонила голову в ответ. Ей было особо некогда. Рейнеке в драке не пострадал, но извадюкался, стервец, на совесть.

ДеБрасье поворчал в усы, оглядел переулок и пробурчал под нос:

— Единственное, за три дня, развлечение. А говорили — весёлый город.

— Да, город весёлый, но несколько негостеприимный.

— А кто это был? — аккуратно спросил Рейнеке, разглядывая валявшихся на земле нападавших.

— Неизвестно, — проговорил француз, — но, думаю, город сейчас не для нас. Лучше нам, по совету вашего сержанта, оценить всю мудрость нашего соотечественника и переночевать в казармах. Надеюсь, капитан окажется более гостеприимным, чем горожане.

— Конечно, — заверил его юнкер.

— Вы нас не проводите? — спросил француз. Рейнеке вспомнил было, что сам заблудился и хотел дорогу спрашивать. А потом вспомнил, что он офицер, барон и поступил

приличным для своего звания и титула образом. То есть построил рядового Майера по стойке смиренно и отдал приказ. Майер, в отличие от юнкера, дорогу знал. До казарм компания добралась без происшествий.

Когда выбрались за ворота, Анна с лёгким удивлением заметила, что уже вечер. Солнце закатывалось за горизонт, крася в алое чистое небо, на западе собирались облака — темные, раскатынные ветром полотна. «Ночь будет ясной», — подумала Анна мельком, прячась за широкой спиной юнкера от ветра с реки. Вдалеке кричали солдаты — «курок взводи.. целься... ниже целься, я говорю», — Ганс Флайберг гонял стрелков на учения, мир там или не мир. Хрустел под ногами тонкий ледок. Рядовой Майер шёл впереди, с улыбкой на роже и думал, что ему повезло.

** **

— А мне повезло, — думал Южеф Фрайштик, помощник городского палача, разглядывая в свете свечи содержимое оброненного Майером в схватке кисета, — повезло, так повезло.

Трофей жег пальцы — листок дешёвой жёлтой бумаги, исчерканный каракулями и красными пятнами тут и там. Королевская добыча, если в умелых руках. Теперь можно и к Флашвольфу идти, раз уж его принесла обратно в город нелёгкая.

** **

А Рейнеке учтиво проводил Анну до двери, кивнул и открыл было рот — говорить «до свидания». Но не успел:

— Подожди. Ты же голодный? — Анна придержала его за рукав. Парень невольно кивнул и только потом вспомнил, что приличия требуют вежливо отказаться. Но его и не спрашивали. Прежде чем Рейнеке успел что-либо сообразить, парня схватили за рукав, ласково втолкнули в комнату и строгим голосом сказали:

— Жди здесь, я мигом.

— Да на кухне сейчас всё равно ничего нет, — попытался он возразить.

— Кому нет, а кому очень даже есть, — улыбнулась она. Возражения пулей вылетели у него из головы. Потом дверь захлопнулась, оставив Рейнеке одного в комнате. Впрочем, через минуту Анна вернулась, вручила юнкеру пол-круга колбасы, изъятой из Магдиных запасов, чтобы не скучал, и сбежать не вздумал, пока она на кухню бежит

— Но служба...

— Подождёт, — оборвала его Анна. Рейнеке обреченно кивнул. В конце концов, он и в самом деле голодный.

Рейнеке остался в комнате. Зажег свечу — желтый, мигающий свет пробежал по стенам, маленькому окну в морозных узорах, скудным вещам — всё лежит ровно, в порядке. Кровать застелена — старой мешковиной, аккуратно. Лишь уголок смят и откинут. Юнкер резко выдохнул — звук был больше похож на низкое горловое рычание, осторожно присел на край и стал вспоминать, кто из его предков ходил в крестовые походы. Анна меж тем метнулась на кухню, сгребла котелок, налила супа из капитанского котла, опарашив дежурную суровым «а мне надо». Подумала, прихватила две тарелки, ложки и понесла всё это хозяйство к себе. Поставила юнкеру тарелку под нос, налила.

А суп был густой, гороховый, с салом — такой, что ложка стояла. Маленькой Анне хватило ложек четырёх, а остальные десять минут она просто сидела и любовалась. Рейнеке бы парень вежливый. Но голодный. То есть, вежливым он сейчас быть пытался, а голодным он просто был. В общем, жующий юнкер был очень похож на хорошо воспитанную

МОЛОТИЛКУ.

** **

Южеф Фрайштик, помощник городского палача внимательно разглядывал собственные сапоги. Так он делал всегда, стоя в кабинете, перед лицом мастера Флашвольфа. Не из почтительности — ее он напрочь не испытывал, а из опасения — мало ли что господину дознавателю померещится в его глазах. Малейшее подозрение у того мигом превращалось в уверенность, а уверенность — в приговор. Проверено. Так что, лучше смотреть на сапоги и радоваться, что болван-дознаватель на тебя не смотрит. Мастер Конрад Флашвольф вообще редко смотрел на людей. Вот и сейчас он сидел в своем кресле истуканом, слушал доклад, глядя то на темный сводчатый потолок, то на разложенные перед ним на широком столе «доказательства» — россыпь брелков, амулетов и прочих цацек, добытых при разведке в казармах. Половину Южеф и вправду достал в казармах — пользуясь чужой формой сумел пробраться неузнанным. Вторую половину, не мудрствуя лукаво, сделал сам — благо Флашвольф до того начитался своих темных гримуаров, что принимал за метку дьявола любой завиток. И сверху — вершина розыскной деятельности Южефа за сегодня, бумага, вытащенная из кисета рядового Майера — договор с дьяволом. Настоящий. Правда фамилию покупателя бравого рядовой записал через «Т», но Флашвольфа такие мелочи не волновали. Дознаватель посмотрел брезгливо, откинул грязный листок в сторону и сказал — коротко, еле шевеля тонкими губами:

— Хорошо. Но мало... — дознаватель посмотрел в потолок, будто спрашивая у высших сил, что ему еще нужно.

Южеф молчал, дознаватель не ждал ответа — он думал вслух.

Палач опустил глаза еще ниже, боясь, что болван — Флашвольф прочтет в них ненужную радость. Да, отправить этого истукана за город погулять было удачной идеей. Пусть не его — нанимателя, но удачной. Конечно, наниматель велел сидеть тихо и держать мастера дознавателя в узде — но, уж пусть лучше Флашвольф следит за солдатами. Оставшись без дела, он может сунуть нос и совсем не туда.

.. свидетель...

— Что? — переспросил палач, кляня себя, что отвлекся.

— Нужен свидетель. Девица Анна из лагеря — подойдет. Доставить ее сюда. Пусть она даст показания.

Спустя мгновение Южеф понял, кого Флашвольф имеет ввиду. Да это же та рыжая гордячка... ее хахаль ему сегодня чуть руку не оторвал. Ну что же, сама напросилась. Воистину, Южефу Фрайштику сегодня везет. За одной удачей — другая. Помощник палача поклонился и сказал — кратко, зная, как Флашвольфа раздражает его голос:

— Сделаю, — и вышел.

Двери кабинета захлопнулись за ним. «Хорошо, — думал Южеф, спускаясь по лестнице, — хочет мастер дознаватель девицу Анну — получит. А то со скуки ползет выяснять, что творит его подчиненный Южеф Фрайштик в камерах, в часы, отведенные для молитвы. Узнает — мало не покажется. Так что лучше, пусть не узнает»

... Нахлынули воспоминания ... Горячей тёмной волной — от паха вверх... Жаль, что сейчас камера пуста. Впрочем — ненадолго. В камере, после допроса эта рыжая уже не будет такой гордой. Они все... А потом концы в воду — то есть в огонь. Только бы выманить ее из казарм. Впрочем... Тут Южеф Фрайштик, помощник палача потряс головой, разгоняя пьянящий морок, и посмотрел в окно — вдали сияла россыпь неярких желтых огней. Те

самые казармы.

— Впрочем, — прошептал он себе, — это будет совсем просто.

Один из огоньков вдали мигнул и погас — это Анна, ложась в кровать, задула дешую сальную свечку.

** **

Ночью в дверь постучали — грубо, требовательно. Выгнулись гнилые доски в пазах, обиженно стукнул сундук, подпрыгивая на месте. Анна вскочила с постели — рывком, прогоняя из головы сонную одурь.

— Рейнеке — юнкер есть?

— Нету, — ответила она, не успев даже возмутиться — нашли, где искать.

— Немедленно к капитану, — прорычал голос из-за двери — суровый и резкий. Незнакомый, но мало ли кто.

— Нет его здесь, — собравшись, ответила Анна. Ветер за окном взвыл, заглушая слова.

— Так найди. Быстрее. А то капитан суп из него сделает.

Анна вздрогнула. Огляделась. Комната пуста, пятна света на полу. Белого, лунного, неживого света. Изморозь на окне сверкала и переливалась, тьма клубилась в углу, золотой отблеск сверкал на спинке кровати. "Откуда?" — подумала она, протянула руку. Мягкая шерсть легла на ладонь, уколков проволокой пальцы. Шарф. Офицерский, выцветший шарф. Ветер выл, сквозняк тянул по ногам ледяной стружкой. "Это же юнкера. Рейнеке, уходя, забыл, оболтус". Ветер опять взвыл, чёрными тенями качнулись за окном ветви деревьев. "Ну и погода, — подумала она, — а ведь простудится". и потом, уже спокойнее, проснувшись, — "Надо найти. А то ему попадёт. Беда будет"... "беда... будет," — выл за окном ветер в такт мыслям. Одедась. Быстро, руки не сразу, но попали в рукав, повязала платок и вышла — коридор был пуст. Стучавший ее не дождался.

По лестнице вниз, никого не встретив, лишь стук каблучков пробежал дробью по нервам. Анна вышла во двор. Тихо, привычная суета, камень вокруг тёмн от ночи и бел от луны. Ветер толкнул Анну в грудь, закрутил. Золотой шарф рванулся из рук, девушка скорее подхватила его, пока не убежал, намотала на запястье. Солдаты вокруг ходили все по своим делам, никому нет до Анны дела. Она прошла пару шагов — бездумно, не зная с чего начать...

— Привет, — окликнули ее. Она обернулась — рядовой Майер. Бледный, руки суетливо мечутся, шарят по карманам и складкам штанов.

— Привет, — ответила она, — слушай, юнкера не видел?

— Нет, — солдат отрицательно замотал тяжелой головой, — помоги, я тут кисет оставил где-то...

Лицо у него было столь потерянное, что Анне на миг его стало жалко.

— Я не видела, извини. Но поищу, обязательно. Отдам.

Пустое утешение, но Майер — по виду — был рад и такому. Анна пошла. По площади, наугад, бездумно.

Где этого оболтуса теперь искать?

— не видели... Не видели... Не видели... — отвечали встречные. Равнодушно, пожимая плечами.

— На потерянной, — сказал один вдруг, прежде чем она спросила. Вроде, солдат, в плаще, с капюшоном. Здесь все ходят так. Голос знакомый.

"Потерянная стража — это ближняя к неприятелю. Бессменный пост итальянца, —

подумала Анна. Потом пришла еще одна мысль — ледяная, по позвоночнику, — Что, если эти двое опять подрались?"

Девушка опрометью рванулась наружу, к арке. Прошла под каменным сводом — тёмным и гулким от стука шагов. Снаружи была тьма. Непроглядная холодная тьма. Ветер толкнул в грудь, взвыл тоскливо, протяжно. Показалась луна, тьма ушла. Потом вернулась. Ветер гнал облака по небу. Быстро, полосы света мешались с чернотой на земле. Вокруг — тишина. Не слышно солдат, не слышно криков. Лишь шумели под ветром заросли голых, колючих кустов. Громко, негодуя, что ветер — стервец ломает и портит им ветви.

Анна прошла пару шагов. Потом ещё. Снег и лед на тропе крошился под каблуками.

"Потерянная — это ближняя к неприятелю. А где у нас неприятель?" — думала она, уворачиваясь от ветвей. Одна ветка — колючая, длинная изловчилась,хватила по голове. Платок зацепился, волосы расплелись. Ветер подхватил их и смешал, радуясь новой игрушке. Внезапно, как потеплело. Знакомый взгляд пробежал волной по спине. Как тогда, в родной деревне. "Милый ангел", — прошептала она, оглядываясь. Дышать стало свободнее и теплее — как-то вдруг, почему-то. Вокруг никого, но — Анна это почувствовала, как уколом в затылке — сейчас знакомый взгляд чем-то встревожен. Сильно, эта тревога билась и отдавала в висках. "С Рейнеке беда", — прошептала она, кидаясь вперёд. Наугад. "Беда, беда" — в тон провыл ветер ей в спину. Треск ветвей за спиной. Анна выскочила на поляну — широкую, серебряную в лунном неверном свете, и огляделась:

— Боже, куда меня занесло?

Берег реки, сырость и тьма. Впереди, чёрной громадой — башня городской стены. Майстер Флашвольф переделал ее под ведьмину тюрьму — друденхаус.

Анна невольно поежилась и шагнула назад:

"Нет, мне туда не надо"

И почувствовала чьи-то грубые руки на плече. Схватили крепко. И голос — противный, до ужаса, голос под ухом:

— Попалась, солдатка, нечего кобенится было. — Анну передернуло. Всю. Она рванулась. Со всех сил, истово, тщетно. Не помогло, лишь сумела развернуться лицом к схватившему. И вздрогнула ещё раз, от омерзения, глядя в изрытую, оспенную рожу Южефа Фрайшгика, помощника городского палача. А тот усмехнулся ей в лицо и закричал:

— Готово, майстер

Заросли затрещали опять, откликнулись мелодичным, серебряным звоном. Новая фигура шагнула на поляну из тьмы, лунный свет вспыхнул бледным огнём на нашитых монетах.

— Девица Анна, именуемая также Анной ОРейли. Вы арестованы по подозрению в колдовстве.

"Милый ангел, где ты?" — прошептала Анна беспомощно.

И, внезапно, по треску в кустах, протяжному, глухому рычанию, по тому, как внезапно исчезла тяжесть и пропали с плеч чужие, противные руки — поняла.

Ее ангел явился.

У него были четыре мощные лапы, серая, густая, торчащая клоками шерсть, мощная собачья голова, пасть — широкая, полная острых клыков. Кривых, желтых, бритвенной остроты. Анна увидела, как легко и играючи прошлись они по схватившему её человеку. Брызнула кровь — потоком, чёрной струёй в свете луны.

Обе руки, пах, горло...

"Говорили же ему, загрызут", — равнодушно подумала она, глядя, как падает на землю то, что осталось от Южефа Фрайштика, помощника городского палача. А зверь — серый, огромный волк, по — собачьи встряхнулся, сгоняя с себя чужую кровь, посмотрел на Анну — будто подмигнул красным, широким глазом.

И развернулся, загораживая ее от беды. Вмахнул хвостом — тонкие пушинки легонько шлепнули девушку по носу...

— По обвинению... — усмехнулся мастер Флашвольф. Дознаватель сделал шаг назад, срывая с плеча двуручный клинок. Лезвие сделало полукруг — тонкой серебряной полосой в лунном свете. Слева, справа — дознаватель стоял неподвижно, прямо, следя за чудовищем. Лишь руки двигались, вращая двуручник.

— Волшебный меч. Убивает чудовищ, — прошептала Анна. И, проклиная себя за слабость в ногах, без сил опустилась на землю.

** **

Почему Анна решила что надо его спасти — она бы не ответила никогда в жизни. Но сейчас она знала это твердо — сейчас, когда серый лохматый зверь, глухо рыча, заслонял её от мастера Флашвольфа. Тот стоял неподвижно, лишь волшебный клинок крутился в его руках, рассыпая вокруг брызги неверного света. Справа, слева. Волк следил за ним, опустив голову, будто сомневаясь. Потом шагнул вперед, глухо рыча — захрустел под мощными лапами снег. Флашвольф усмехнулся. Анна опустила глаза, не в силах видеть этой холодной, спокойной усмешки.

— Что я могу, — ударила в висок дурная мысль. На глаза попало тело у ног. Все в крови. У пояса блеснула медь на курке — помощник палача прихватил с собой пистолет на дело. Зверь сделал еще шаг. Анна выдохнула, закусив до крови губу. Боль хлестнула по нервам, противный солоноватый вкус залил рот. Но дрожь в руках унялась. Длинный, слишком тяжёлый для женских рук пистолет скользнул из-за пояса мертвеца ей в ладони. Волк тряхнул головой, будто принял решение, зарычал и прыгнул, распластав в воздухе гибкое лохматое тело. Флашвольф сделал неуловимый шаг в сторону. Тонкая серебряная полоса играючи перечеркнула в полете серую молнию. Брызнула кровь. Зверь перевернулся в воздухе и упал — неловко, алая полоса прошла по боку, по шерсти. Под пальцами Анны звонко щелкнул, вставая на место, орлений курок. Болью по нервам — сорванный ноготь. Анна вскинула оружие. Дуло в руках шаталось, как пьяное, туда-сюда. Перехватила второй рукой, уперлась. Стало лучше. Флашвольф закинул клинок на плечо. Постоял, с мгновение на месте, протер рукавом серебро на плече. И медленно, плотно впечатывая шаги в белый снег, пошел к хрипящему на снегу зверю.

— Господи, помоги, — прошептала Анна

— Целься ниже, — ответило небо голосом Ганса Флайберга. Сегодняшнее утро, учения, хмурый стрелок, гоняющий новобранцев...

Она опустила ствол ниже, поймала серебрянную фигуру в прицел, помянула имя господне ещё раз и спустила курок.

Облако дыма, тяжелый ствол вывернулся из рук и улетел, ударив её по плечу. Дым — черный, пороховой дым заволок глаза и исчез, под ударом ветра. Анна сморгнула, вставая на ноги. Прошла пару шагов. Конрад Флашвольф лежал на земле. Навзничь, неподвижно, пятно крови расплывалось вокруг головы.

«Боже мой, ведь я его убила», — подумала было она, проходя мимо. Но тут раненный зверь захрипел и дурная мысль мигом вылетела из головы. Волк был жив, кровь струилась по

ране, стекала по белой шерсти вниз. Он поднял голову, посмотрел на Анну — тихо, знакомым тёплым взглядом. «Милый ангел», — прошептала она вдруг. От башни вдали раздались крики, затопали сапоги. Анна вздрогнула, собралась и резко — до затмевающей сознание боли в спине и в руках подняла и потащила раненного зверя на себе прочь отсюда.

3-15

точка решения

"Спать. Как же сильно спать хочется", — мысли в голове капитана Якова Лесли плыли, продираясь сквозь вязкую одурь. Сам дурак, конечно. Накануне зачитался, ловкач из Шпессарда оказался чтивом на редкость завлекательным, особенно когда капитан догадался пролистнуть безбожно затянутые нравоучения в первой главе. А на рассвете забили не знающие таких тонкостей барабаны. На рассвете третьего дня. Анна как раз собиралась на рынок. И Яков, привычно выругавшись, вскочил и пошёл. Дел, как водится в роте, накопилось немало, и все сами решатся не хотели, капитанского внимания требовали. Порешал, спросонок озлился, объявил пару выговоров попавшим под горячую руку — здоровья для. Потом поучаствовал в ставшей привычной для роты забаве — "найди, где носит этого разгильдяя", то есть Рейнеке-юнкера. И даже нашёл. Парень шёл в город, под руку со своей ненаглядной. И начальства в упор не видел, стервец. Немудрено, Анна шла с ним, рядом, ладонь в ладонь, шапка сбилась, ветер — огнём на снегу — играл льдинками в рыжих, огненных волосах. Яков проводил их взглядом от арки. Маленькая, точёная женская фигурка, под руку с высоким и непривычно — подтянутым юношей в парадном камзоле. Усмехнулся и решил, что внеочередной караул парня подождёт. И вообще, неприлично капитанам за юнкерами гоняться.

В обед Яков вновь забежал к себе, открыл книгу — там герой, как раз, хлебнувши по ошибке ведьминого зелья, перелетел на черте верхом от родного Шпессарда напрямик в Гаунау. И десяток страниц вешал лапшу на уши тамошнему губернатору. Яков того губернатора по жизни немного знал, сильно не любил и глотал страницы, гадая, чего же на него пополнение с неба не падает. И, на самом интересном месте, как водится, прервали опять. Сполошным криком из дальнего крыла. Яков помянул незлым тихим словом своих обалдуев, сорвался и пошёл чинить расправу, потом суд. Именно в такой последовательности. Но в коридоре нарвался на Магду Флайберг, шедшую к нему навстречу. С докладом, что можно было никуда не бежать, инцидент исчерпан.

— Да коза одна, из новоприбывших, — добродушно рассказывала ему солдатская жена, вытирая передником белые руки, — заорала вдруг ни с того ни с сего. Кричала, что ведьма и ей на шабаш, по делу, срочно. Потом метлу хватить и в окно.

Капитан вспомнил полёт ловкача из книжки и невольно усмехнулся:

— И как, полетела?

— Ага, в сугроб головой, — улыбнулась Магда в ответ, поправила сбившиеся волосы, — вот поверь мне, капитан, если ту бурду, какой местные девки глаза да зубы красят, взять да выпить — и не то увидишь.

Капитан поверил. Сложно не поверить человеку, который выгащил тебя когда-то с того света. И не только тебя. Теми самыми травами, о которых солдатская жена знала все. А та усмехнулась — белыми, не знавшими краски зубами, поправила волосы и продолжила:

— А уж если белладону на аквавите сбодяжить и приворотным зельем назвать... А потом по ошибке самой же и выпить — будет казаться, что летишь. Вокруг небо чёрное, высоко, звезды рядом сияют, шпили внизу, а падать не страшно. Хорошо, хоть мандрагоры

дура эта не нашла, а то бы и черти ей померещились ...

— Ну ладно, бог с ней. Пропиши ей, как водится, чтоб больше такого мне не было, да проспаться уложи.... И чтоб не болтали, услышат в городе не дай бог.

— Хорошо, — кивнула Магда, потирая руки. Покрасневшие от мороза и сбитые — видимо прописала уже... Капитан усмехнулся:

— Кстати, а зелье то кому предназначалось?

— Майеру, из третьего капральства

Фамилию Яков вспомнил без труда. И слегка обалдел — слишком уж часто приходилось слышать её в списках нарушителей дисциплины.

— Постой, он же урод? И вообще, и моральный, и на рожу ...

— Сама удивляюсь, — пожалала широкими плечами солдатская жена.

— Ну, тогда "пропиши" отменяется. Передай обоим, что приворот сработал, пусть берет этого обалдуя и делает с ним, чего хочет. А то он у меня из наряда по выгребной яме не вылезет. Может, сделает девка из него что-то похожее на человека, раз у нас с сержантом не удалось.

Сказал, развернулся, довольный, что удалось сделать гадость ближнему своему. Не все же ему. И пошёл было назад, к оставленной книге. Однако, в этот раз, книгу не дали даже раскрыть. Рейнеке-юнкер вернулся из города. И обоих французов с собой притащил, обалдуй. Но делать нечего, пришлось капитану, вместо мягкой койки и интересной книги, гостями французскими заниматься. Радушного хозяина изображать. То есть размещать, кормить и слушать. Слушать вещи странные, чтобы не сказать больше.

Француз был умелым рассказчиком — умным, тонким. Слова так и лились, ровно, с переливами, в такт трещащему в очаге огню. Капитан предпочёл бы разговор кратко и по делу — про схватку в переулках, но француз начал издаля. О том, как маленький аббат добивался приёма у епископа славного города Мюльберга. О том, как слуги не хотели пускать, петляя, отговариваясь и неся гостью в глаза откровенную чушь. О том, как выглядел пастырь города Мюльберга, когда двери перед слишком настырным французом все-таки открылись. Монсеньор Епископ был стар, вежлив и тих. И напуган до ужаса. Развешанные на стенах иконы, кресты, над дверью и каждым из окон — потемневшие распятия, стаканы с водой — десятки, тут и там, на каждом из столов и полок.

— Кресты — понятно, а вода то зачем? — удивился Яков невольно.

— Говорил — первое средство. Ведьмы ломают своим колдовством законы божии. Вода вскипает и начинает течь снизу вверх — верный знак, что волшба поблизости. Чёрная. Злая.

"Надо бы спросить у Магды, не бывало ли такого, когда девки свой приворот бодяжили", — подумал капитан, а вслух спросил:

— И что, часто такое случается?

— Епископ говорил, что да. Пока Флашвольф не приехал — говорил, каждую ночь. Вскипала вода, растворялись окна, и сила нечистая утаскивала бедолагу.

— Сила?

— Чёрный конь или чёрный кот. Но огромный. Являлся, хватал, волок.

— Куда волок-то?

— Известно, куда. На Броккен, Ведьмину гору. К трону... — тут француз немного замаялся, не желая поминать по имени врага рода человеческого, — понятно к чему... И там требовали отречения от господина нашего... Старику досталось, но он держался. Как мог.

— Однако же, когда вы с ним говорили — епископ был в своей постели, живой, и

ничего с ним не сделалось.

— Да, — кивнул француз и приложился к бокалу, — и он не перестаёт хвалить бога за это. Бога и мастера Флашвольфа, когда он пришёл — ночные визиты стали реже. Куда реже.

— Но не прекратились?

— Нет.

— Флашвольф жжет людей пачками, весь город провонял и закоптился, как адская сковородка, а нечисть наносит визиты — всего лишь реже?

— Да, так говорит, — ответил аббат Эрбле, задумчиво прокатывая вино в бокале. На его тонких пальцах тяжёлые перстни — красным и жёлтым огнём в свете очага. Ветер взвыл за окном, качнулась поднятая сквозняком со стен паутина. Яков покосился на окно. Снаружи, за увитым изморозью стеклом — уже ночь, чёрная и беспросветная. "Беда...будет"... — завывало в щелях, сквозняк мазнул холодом по щеке и горлу. Хлопок вдали. Невнятный звук, резкий. Вроде, на пистолетный выстрел похоже. Но криков нет и тревоги не слышно. Посты молчат. "Сходить, что ли, проверить?" — подумал он. По — хорошему, надо, но... Выходить на мороз было жутко лениво.

— А вы верите в чудеса, капитан? — голос аббата прорвался, как сквозь пелену. Вязкую пелену текущих забот, полусна и дремоты. Ветер убаюкал-таки. А француз смотрел на него, сощурив глаза, молчал, ждал ответа.

— Ну, те отбросы, что на вас напали — они подонки не колдовские, а самые обычные, — ответил капитан, собирая в голове мысли, — скорее я поверю, что какая-то вертихвостка льёт нашему старцу приворотное зелье, или вроде того.

Аббат удивлённо приподнял бровь. Яков собрался и кратко рассказал сегодняшний эпизод. Магда, рядовой Майер, перепутанное шлюхино зелье. Капитан думал, что это смешно, но аббат Эрбле не улыбнулся. Сидел, задумчиво глядя, как пляшет огонь, отражаясь на гранях бокала.

— Может быть, — задумчиво проговорил он, наконец, после долгого раздумья, — может быть. Там, у епископа я взял один бокал со стола — у воды, действительно, был привкус... Станный. А потом на нас напали. Может вы и правы, но все таки... Все ли так просто, капитан?

Яков собрался ответить. И не успел. Глухо хлопнула дверь, сквозняк скользнул по волосам, противно заохлодив горло.

— Капитан. Вам лучше взглянуть, — Яков обернулся — на пороге стоял стрелок Ганс, высокий, прямой, как всегда — холодный, как зимняя вьюга.

— Что случилось?

— Вам лучше взглянуть, капитан. Пойдёмте быстрее, — ответ был краток и холоден. Лицо стрелка не выражало ничего, но Яков вскочил и рука сама потянулась за плащом и шляпой.

Француз поднялся было тоже, но ему стрелок отрицательно качнул головой. И поднял ружье, загородив проход гостю.

— Пойдёмте, капитан. Важно.

— Надеюсь, действительно важно, — сказал капитан, шагая из протопленной комнаты на мороз.

Ветер налетел, заполз под плащ холодной змеей, рванул с головы шляпу.

«Надеюсь, важно, но недолго. Спать охота, мочи нет», — угрюмо думал капитан, шагая по снегу и льду за своим угрюмым провожатым.

От двери — по плацу, потом под арку. Стук шагов отозвался гулким эхом от сводов. Ветер раскрутил фонарь за спиной, две тени — капитана и стрелка — длинные, изломанные метнулись по серым в лунном свете стенам, пятна тьмы качнулись в такт под их ногами. За аркой — серп месяца, ветер и тьма, полная гула и шелеста веток. Протяжный, сбитый ветром в сторону крик. Перекликались на постах часовые. Знакомый, привычный звук, означавший "порядок" для капитанского уха. Яков довольно кивнул, поправил шляпу на голове и развернулся к Гансу с немым вопросом — "куда?" Стрелок кивнул и показал рукой, молча. Вдоль казарменной глухой стены, налево. Тропка протоптана, снег хрустел и скрипел жалобно под коваными сапогами. Ганс кивнул ещё раз на низкую пристройку у стены впереди — разваленную, чёрную, с провалившейся крышей. Старая конюшня. В щелях стен колыхался жёлтый, неверный свет фонаря. И солдаты вокруг. Патруль. Странно. Кому эта развалюха понадобилась?

— Кто приказал? — бросил Яков — на ходу, ускоряя шаг. Морозный пар рванулся изо рта белым клубком и улетел прочь с ветром. Захрустела под сапогом тонкая льдинка. Глухим медным звоном отозвалась полка Гансова мушкета. Яков толкнул дверь. Доски затрещали и распахнулись с жалобным скрипом. Внутри — полутьма, тени и свет фонаря — жёлтый огонь гонял сумрак по стенам. Фигуры впереди, голоса:

— ... Ну мать твою... — Яков узнал голос Магды. Пригляделся — и узнал в одной из фигур склонившейся над чем-то, пока невидимым, солдатскую жену.

— Ну НеЛис, ну мать твою, как же это тебя угораздило, — шептала Магда, склонившись над лежащей тенью

"НеЛис? Рейнеке? Во что он вляпался, обалдуй? — подумал капитан, шагая вперёд, — ох он у меня по караулам настоится".

— Что здесь ... — начал он и осёкся на полуфразе. Лежащий захрипел, поднял голову. Звук прокатился под кровлей и балками — глухой и хриплый, полный боли. Нечеловеческий. То, что лежало в углу — на пучке соломы под жёлтым пляшущим светом фонаря — человеком не было.

Яков шагнул вперёд, пригляделся — свалившаяся клоками серая шерсть, дрожащий хвост, пасть с жёлтыми кривыми клыками — то ли огромная собака, то ли волк.

— Какого черта? — прошептал он. Ганс за спиной кивнул. Не ему — жене, возившейся с раненым зверем. "Издеваются они, что — ли?" — но нет, хмурый стрелок не стал бы дёргать его ради шутки.

— Что здесь происходит? — прошипел он, шагая вперёд ещё раз. Вторая тень обернулась к нему. Анна, давний деревенский трофей, с которой юнкер гулял под руку утром. Платок слетел с головы, волосы — рыжая копна, смяты и перепутаны. Взгляд — в глазах безумный блеск и ярость.словно кошка — или рысь над выводком. Капитан вздрогнул невольно, от дикого блеска. Такого, что майстер Флашвольф сходу схватился бы за меч, а простой горожанин убежал бы с криками "ведьма". Но Яков не был ни тем ни другим. Он просто шагнул вперёд, наклонился, присел над лежащим на соломе зверем. Огромный, серый, мощные лапы скребут и царапают землю. Рана — алый рваный разрез, кровь течёт, все не унимается, скатывая шерсть на боку в грязные ржавые космы. Магда над ухом шепчет ругательства. Яков оторвал от раны взгляд и встретился со зверем глазами. У раненного волка были человеческие глаза. Не звериные. Яков вздрогнул ещё раз. Не звериные, точно. Разумные, полные боли и сожаления. Яков взглянул ещё раз. Когти — кривые, иззубренные когти передней лапы царапали землю, будто писали что-то. Писали? Ладонь смахнула грязь

и солому с земли. Магда, будто почувствовав, переставила фонарь ближе. Коготь цапнул землю раз, другой. Круг, будто домик, загогулина. Зверь подвывал, но лапу держал твёрдо. Ещё один знак на земле... Одеж..

— Одежда? — переспросил капитан, догадавшись на что похожи эти буквы.

Зверь кивнул косматой головой — сверху вниз, чётко, так, как мог бы кивнуть человек. Яков дёрнул полу плаща, накрыл лапу — ничего. Зверь мотнул головой — слева направо. Не то. Сзади раздался звонкий удар ладонью по лбу, яростный шёпот Анны под ухом: "Дура я, дура" и на косматую шерсть, поверх рваной раны, легла золотая полоса. Офицерский шарф. Косматое тело выгнулось дугой, пошла рябь. Черты зверя на глазах "поплыли", меняясь. Яков невольно зажмурился — не каждый день на глазах трещат и ломаются законы природы.

"Наверное, сейчас течёт вверх вся вода в округе", — подумал он, невольно вспомнив аббата.

— Ничего себе, — присвистнула Магда под ухом. Яков осторожно открыл глаза — перед ним на соломе, вместо раненного волка сидел, моргая глазами, его юнкер Рейнеке, по кличке НеЛис. "Да уж и впрямь Не Лис". Целый, раны не видно, и вид вполне человеческий. Анна кинулась к нему, обняла. Бесцеремонно отодвинув Якова в сторону, будто он сундук какой, а не начальство.

Горячечный девичий шёпот:

— Ты живой? Правда?

И удивленный, но вполне человеческий, ответ:

— Да...

И впрямь парень на вид целый, живой, ни следа страшной раны. Только голый весь, не считая шарфа.

— Да уж подруга, повезло тебе, — присвистнула Магда, заценив опытным взглядом все это, — даже завидую.

Юнкер покраснел, что твой рак, и попытался прикрыться.

В углу тихо звякнул Гансов мушкет — предупредил словно. Капитан встал на ноги, собираясь сказать все, что он об этом думает. Если бы он ещё знал, что думать обо всем этом. И услышал тихий смех от двери — мастер-сержант. "Откуда он здесь?" — подумал капитан, глядя на заходящегося в смехе ветерана. А тот смахнул улыбку с лица, козырнул и ответил:

— Извините, герр капитан. Но я с наших парней помру когда-нибудь. Кого ни спросишь — ничего не видели, ничего не слышали, ни один человек мимо не проходил. А куры на кухне все появляются и появляются. Сами собой. И глаза у всех такие честные — честные.

— И ведь не ввали, — заметил стрелок, — человек не проходил.

— Вы что, знали? — спросил капитан, вытаращив глаза и медленно закипая.

Ганс кивнул. Просто кивнул, как будто речь шла о чем-то совсем обычном.

— С Магдебурга ещё. Он вокруг нас крутился тогда, на поле.

— Я догадывался, — пожал плечами сержант.

— Отлично. Кто ещё знает? — осведомился Яков. Как можно суше, стараясь не сорваться на крик раньше времени.

— Хмм... — старый сержант почесал затылок, потом бороду, — возможно из стариков кто. Майер с компанией — наверное. Ещё парни, что сегодня в карауле.

— То есть все. Кроме меня. Не скажете, почему?

Сержант со стрелком переглянулись и промолчали. И хорошо, очевидное "на то ты тут и

начальник" повисло, да так и осталось невысказанным.

Яков оглянулся — Рейнеке молчал, остальные — тоже. Трепетал огонёк фонаря, жёлтые блики бродили по замершим людям, небритым, усталым лицам, стали клинков, коже ремней и меди пуговиц.

Тяжёлое дыхание за спиной — Анна. Люди ждали. Его слова, Якова Лесли капитана пехотной роты.

Вот Яков его и высказал. Честно и откровенно, все, что вертелось на языке. О раздолбях и олухах, посланных ему в подчинение. С хвостом и без него. Слишком хитрых и слишком умных, или себя такими считающих. И что ему с ними всеми делать ввиду предстоящего явления kuma's Mather всем?

— Ну как, капитан, все ещё не верите в чудеса? — а это уже маленький француз. Патрули его не удержали.

Яков набрал воздуха и высказал ещё пару фраз — о чудесах и о том, где капитан желал бы их видеть.

Потом выдохнул, тряхнул головой и сказал уже спокойно. Почти:

— Ладно, господа. Через десять минут у меня. Подумаем. Как нам быть со всем этим.

Помолчал и добавил:

— Юнкер, постарайтесь явиться в подобающем виде. То есть одетым и без хвоста. Справитесь?

Парень невольно кивнул. И на том спасибо.

Ледяной воздух на улице ударил в лицо так, что голова у Якова на мгновение закружилась. Ветер налетел, взвыл, выдул из лёгких и головы духоту и терпкий запах конюшен, чуда и мокрой шерсти. Каменная глухая стена казармы — взгляд лениво пробежал по рядам кирпичей, серым в лунном свете. Чёткие, ровные ряды, слои известки белеют. Где-то кирпич лежит неровно, где-то осыпалась известь, но это неважно. Совсем. Обыденная, знакомая и приятная для глаз неизменность. Мозги капитана слегка собрались, бегущие мысли вернулись в привычное русло. Чудо осталось позади, и что им теперь с ним делать?

— Во что мы тут влипли? — сердито думал капитан, шагая прочь, вдоль стены от конюшни подальше, — дожили. Мало мне обалдуев так и этот ещё. Хвост да лапы отрастил, по лесу бегает, да на луну воет. Того и гляди, загрызёт кого. Хотя... Судя по ране и крови на клыках — таки загрыз уже. Слава богу, не нашего, а то бы доложили. Тогда кого? Ладно, сам расскажет через десять минут, никуда не денется. Не ставить же было его там, голого, да по стойке смирно. Не денется никуда. А если удерёт? Да нет, во-первых — там стрелок Ганс, а от него что на двух, что на четырёх, а бегать бесполезно — умрёшь уставшим. А во вторых — куда парень от своей рыжей денется? Ладно, скоро узнаем — что к чему и в какую беду опять вляпались..

Почему-то вспомнилось сегодняшнее утро, солнце и юнкер, идущий в город с Анной под руку. Улыбка, солнце и сверкающие на волосах льдинки.

Капитан поправил шляпу и, неожиданно для себя, улыбнулся:

— Эх, дожил на старости лет, сколько служу — а хвостатых обормотов под командой ещё не было. А как в генералы выйдет, да форму новую утвердит? Усы и хвост... Впрочем, мало ли там своих чудаков.

Под ухом тревожно закрипели сапоги. Яков обернулся — мастер сержант шёл за ним, медленно, вопросительно поглядывая на капитана.

— Ну что, старина, дожили? — усмехнулся Яков ему в лицо, — в роте бардак, юнкера

хвосты отращивают, обозные шабаш крутят прямо в расположении, вы шляетесь где-то, а я, как дурак, все последним узнаю.

— А ещё у рядового Майера с дьяволом договор, — подтвердил сержант, кивнув, больше собственным мыслям.

— Откуда знаешь? — оторопело спросил капитан.

— А он его потерял, — усмехнулся сардж в бороду, — теперь ходит, ищет. Парни уже ставки сделали — когда этот дурак гробанётся и как. Все, как всегда, кэп, как и раньше. Ничего нового.

— Раньше у нас Флашвольф на хвосте не висел. А теперь — скажите мне, сержант, почему в роте бардак, и где вас все это время носило?

— Да так. Ходил по городу, спрашивал, — сержант усмехнулся в бороду ещё раз — криво, одними губами. Внезапно Яков увидел у ветерана сбитые в кровь кулаки и длинный, тонкий порез на лице — сверху вниз, через левую щеку. Поёжился и подумал, что совсем не хочет знать, кого и как спрашивал старый сержант. И что случилось с теми, кто медлил с ответом.

— О чем? — спросил он, медленно, ловя взглядом глаза сержанта — два усталых, злых огонька под кустистыми бровями.

— Тут такое дело капитан. Поспрашивал я тут людей в городе. Разных, — сержант усмехнулся, проведя ладонью по сжатому кулаку, — и вот, что получается. Городские с этого пала, не меньше ста тысяч сняли.

— Как?

— А вот так. У мамы Розы в тайнике двадцать тысяч лежало. Полновесных. Нашли, изъяли, опечатали, да в ратушу увезли. У остальных — у кого больше, у кого меньше, но в сумме сто тыщ выходит, по меньшей мере. И все — туда же, в ратушу. Официально и под печатями. А еще шмотки, посуда, дома. Сто, тыщ, как с куста, герр капитан, с Магдебургского штурма куда меньше добычи было.

— Флашвольф?

— Может да, а может нет. Не знаю, пока. Хорошо они тут в городе устроились, герр капитан, слишком. Ни тебе лопатой помахать, ни пороха понюхать...

Сержант ворчал. Капитан отвернулся, внимательно разглядывая тьму вокруг. "А Эрбле все чудеса ищет, чудак. Вот тебе и чудо на ровном месте. Пропахшее дымом, страхом и копотью колдовство. Сто тысяч талеров на ровном месте. И вода не вскипела и верх не потекла", — подумал капитан с неожиданной для себя злостью. Ветер взвыл, сдул облака — и в глаза капитану Якову Лесли с неба сверкнули, с холодной яростью, яркие зимние звезды.

— Итак, господа, — медленно, роня слова, проговорил капитан, — у нас в роте чертов виревольф.

Совещание собрали в тесной, тёмной, заваленной хламом капитанской комнате под светом свечи. Не через десять минут, а через пол-часа. Яков на морозе остыл и решил вначале поговорить с юнкером с глазу на глаз. Разговор все — таки не для посторонних ушей, да и жалко позорить парня перед всем народом. Юнкер явился вовремя — в мундире, собранный, подтянутый и непривычно — серьёзный. Одетый, как на парад. Или на расстрел. Когда Яков выслушал его рассказ, краткий, чему-то парень в роте все — таки научился — оный расстрел захотелось организовать немедленно. Но, вместо этого, капитан просто открыл дверь и созвал остальных. То есть сержанта, Лоренцо и хмурого стрелка. Ну и

француза заодно, раз уж он влез в это дело.

— Итак, господа, — подвёл итог рассказу капитан, — у нас в роте чертов виревольф. И этот чертов виревольф только что сожрал не менее чёртого мастера дознавателя.

Сержант сбил шляпу на затылок и длинно присвистнул — хорошо, мол, живём, господа.

— Главное, нескучно. И что?

— Не так, капитан, — бросил от двери хмурый стрелок, — Я прошёл по следам, посмотрел на месте. Убит помощник городского палача. Хорошо его порвали.

Тут Ганс чуть кивнул — юнкеру и, похоже, с одобрением.

— А дознаватель?

— Лужа крови и следы. Неровные, в крови. Идут в сторону города. Флашвольф ушёл.

— Но как? Я же ... — подала голос Анна. Как она сюда пробралась? Непонятно, но девушка сидела в углу поближе к своему милому. Яков даже улыбнулся, заметив ее. Сержант тоже, и пояснил:

— У того Флашвольфа мозгов нет, и вышибать сталбыть нечего. Бывает. Ну ушёл и ушёл. Помощник палача — это Фрайшттик который?

Стрелок кивнул. Со двора раздались крики и визг, будто кошку за хвост тянули. Сержант оскалился в улыбке и пояснил:

— Прослышали местные, небось. Теперь празднуют. Волынку нашу жалко, единственная.

Яков кивнул. Фамилию порванного юнкером он тоже уже слышал и его ему жалко не было. В отличие от терзаемой на дворе волынки.

— Ладно, сожрали и бог с ним, — махнул рукой Яков, подводя итог грешной жизни мастера Фрайшттика. Помощника городского палача. — Чёрт, если быть точным. Трактирщик в деревне — это тоже ты?

Рейнеке кивнул.

— на Анну лез?

Короткий кивок. Снова. Капитан удивился:

— Тогда чего недожрал?

— Человек же...

Треск и копоть свечи, в неярком, мерцающем свете — упрямые глаза и чёрные волосы ежиком. Рейнеке, по кличке неЛис, юнкер. Не человек. Оборотень. Зверь из сказки. Зверь? Стрелок Ганс однажды завалил генерала перед строем — просто и буднично, во время парадного салюта забил пулю в ствол, прицелился и спустил курок. Будто так и надо. По тому же поводу, что и юнкер сейчас. Только тогда у поводка были светлые волосы, а не рыжие и звался он Магдой а не Анной, как сейчас. Но они с сержантом тогда пожали плечами и решили, что так и надо, и плевать, как бесятся принцы и герцоги. Значит, так надо и сейчас. Вон, и повод у юнкера за плечом сидит, глазами на Якова сверкает. Тоже мне, чудище адское нашлось, городские, вон, на пал все дрова извели, герцог шлёт им благодарности, а этот людей жалеет, будто не было войны...

Капитан посмотрел юнкеру в глаза, улыбнулся и махнул рукой:

— Ладно. С парнем ясно. Все. Рейнеке — юнкер, объявляю Вам строгий выговор. За гуманизм и не принятую в армии форму одежды. То есть лапы и хвост. Остальное обсудим потом. Сейчас...

Яков обвёл своих взглядом, вдохнул и сказал:

— И что нам теперь с городскими делать?

Все переглянулись. Откровенно веселящийся сержант посуровел и посмотрел на Якова — долгим, вопросительным взглядом. Вот так всегда, когда каша заваривается круто.

Стрелок качнул головой и бросил, коротко и буднично:

— Убитый юнкером был одет в солдатское.

— Зачем ему? — выдохнул капитан. И, одновременно — звонкий хлопок. Сержант ударил себя в лоб широкой ладонью и прошептал:

— Вот почему на построении счёт не сходился.

— То есть, этот хмырь шнырял у меня по казармам? — прошипел Яков. Мог бы убить голосом — мокрое бы место осталось. От всех.

Сержант сник. Капитан впервые видел его таким виноватым.

— Замечательно, господа. Значит, городские знают все. И про Флашвольфа, и про остолопа — Майера с его договором, и про все прочие дела.

— Ой, напишут бумагу, как есть напишут...

— Будем считать, что уже написали. Попали мы, сержант. Как ты на прошлом совете говорил — экономия герцогу будет сплошная. За наш счёт.

— И, что, ничего не сделать? Не может быть, сеньоры, — заговорил итальянец вдруг, горячась и размахивая руками. Капитан обвёл глазами помещение. Нет, в голову ничего толкового не приходило.

— Разве что французы опять объявят нам войну. Тогда я назначу сам себя военным комендантом, всех, кого надо, расстреляю и в плен сдамся. Господин аббат, поспособствуете?

Эрбле грустно улыбнулся в ответ:

— Я, конечно лицо духовное, но пока не кардинал. И фамилия у меня — к сожалению, не Ришелье и, к счастью, не Мазарини. Но всех расстрелять можно и сейчас. Гарантирую вам укрытие во Франции.

— Увы, не пойдёт. Не дойдем мы до Рейна в таком виде.

— Тогда ...

Яков обернулся к итальянцу и руками развел. Виновато.

— Извини, Лоренцо, тогда выходов не вижу. Придётся висеть. По мирному времени — все, что творят городские, законно.

— Да черта с два, капитан, клянусь святой Лючией и своим факультетом. Свидетелей, вообще-то, положено к присяге приводить и пытка не просто так назначается...

— Пстой, Лоренцо, пстой, — проговорил Яков быстро, пока смутная ещё идея не утонула в потоке итальянского красноречия.

— И в самом деле. Если Флашвольф что-то напутал в бумагах... Обосновать сможешь?

Теперь уже пылкий итальянец сморгнул и потерялся.

— А тут право какое в ходу? Римское или Саксонское? И магдебургское уложение — кто-нибудь знает, полное оно тут или нет?

Яков, из всех законов знавший только армейский устав, смог только вытаращить на итальянца глаза. Все таки. Идея бродила где-то рядом, на языке. Смутная, то-ли есть, то ли нет, мерцает в голове как светляк над болотом.

Законно... В самом деле, законов никто из здесь присутствующих не читал. Кроме сбежавшего из Падуи итальянца.

— Что посоветуешь? — спросил его Яков. — Не как мой прапорщик, а как бывший юрист.

Итальянец сморгнул. Лицо у него сделалось детское-детское...

— Не знаю. Я же курс не закончил...

— Представь, что закончил и подумай, — итальянец честно попытался, было видно по лицу.

— Тогда... ну, по жизни если, то бежать до ближайшего инквизитора.

— А где у нас ближайший инквизитор?

— Боюсь, что в Неаполе.

— Не добежим. Думай дальше.

— А дальше, сеньор капитан, думать не надо, надо законы читать. Внимательно. И не выжимку, а полный свод со всеми прецедентами, решениями и апелляциями. Если что найдём, то там.

— И где этот свод взять?

— В ратуше он, капитан, в ратуше, — вставил сержант, — помнишь, два ящика в большой зале?

Он. В одном он, в другом акты на дома, землю и вся нотариально заверенная дребедень.

Капитан вспомнил. Точно, три дня назад, ратуша, просторная зала, краснолицый, кричащий фогт, резное кресло за его спиной. И два сундука по бокам — тоже резных, огромных, потемневших от времени.

Мысль, болотным огнём мерцавшая в голове, вроде, стала ближе. Ярче. Но...

Ратуша. Вроде бы говорили про неё совсем недавно. Когда? Ах да, только что сержант говорил. Сто тысяч горожане с этого пала сняли на конфискациях. Законно. Законно ли? И мерцающий огонёк идеи в голове сложился. И вспыхнул огнем, развернул пёстрые крылья.

— Тихо. — рявкнул капитан, боясь, что вспышка окажется мороком или миражом. Все замолкли. Тишина. Вожделенная тишина, так нужная, чтобы сложить в слова случайное озарение.

— Сержант.

— Да, герр капитан? — осторожно спросил тот, смахнув с головы широкую шляпу.

— Говоришь, мастер Флашвольф в ходе процессов изъял у арестованных сто тысяч?

— Да, по меньшей мере, — кивнул ветеран.

— А сколько из них мастер Флашвольф положил в карман?

— Да не... — начал старый вояка и осекся. Задумался. Морщины на лбу и переносице сложились. И разгладились враз, а глаза сверкнули пониманием и веселой злобой.

— По меньшей мере тридцать, — ответил он. Хорошо, что понял, иные мысли не надо говорить вслух. При юнкере, пусть дальше думает, что Яков Лесли честный человек.

— Двадцать пять, будет вполне достаточно, сержант, — и начал распоряжаться, прежде чем кто-то успел опомниться и спросить у Якова — достаточно для чего?

— Ганс. Бери парней, тряхни ведьмину тюрьму как следует. Все, что Флашвольф со своими подручными на нас нашёл — должно лежать здесь, — Яков стукнул ладонью по столу. Ветхое дерево обиженно загудело, стрелок кивнул и спросил:

— Флашвольф?

— Живым, — отрезал капитан. — И Майеру договор его поищите, а то ведь гробанется дурак.

Звякнула медью полка мушкета. Ощерил зубы стрелок. Яков обернулся и продолжил:

— Лоренцо, сержант и я — на ратушу. Лоренцо читает законы, ищет любую зацепку — если Флашвольф сделал ошибки в документах — я хочу это знать. Сержант считает деньги, я

руководжу. Сбор под аркой по готовности. Ну, — Яков поднялся, давая всем знать, что разговор закончен, — Если все получится — у городских будут на нас одни слухи, а у нас — мешок золота и майстер Флашвольф, пойманный на казнокрадстве. Идем. С нами... — Голос на минуту дрогнул. Звать бога на помощь при мятеже... Но потом Яков вспомнил Магдебург и схватку в развалинах. Если бы не та случайная находка — он бы постарался обойти веселый город стороной. Случайная? Не бывает. Капитан поднял глаза, обвел присутствующих и проговорил твердо:

— Идем. С нами бог.

— Заклятье на Иерихоне и жителях его. И все, что в нем — господу сил, — эхом откликнулся стрелок, надевая шляпу. Голос звучал глухо, размеренно.

— Кроме Раав, блудницы, — оборвал его Яков. Цитатой — цитату, — отставить заклиять, стрелок. Сейчас мир, так что действуем приличными для этого времени методами.

— Это как, капитан? — удивились все, включая стрелка. Яков улыбнулся:

— То есть быстро, тихо и свидетелей не оставлять. В остальном — как на войне.

Все кивнули. Итальянец перекрестился. Сержант надел шляпу и коротко спросил:

— Кто на хозяйстве остаётся? — А об этом-то Яков и не подумал. Впрочем...

— Кто-то ... — проворчал он, сердито, что кто-то не понимает таких простых вещей, — чертов виревольф, конечно. Надеюсь вы справитесь, юноша. — сказал он и вышел за дверь. Быстро, чтобы не видеть вспыхнувшую в глазах парня надежду.

** **

Они собрались под аркой, через час. Два десятка человек, сплошь ветераны, обветренные суровые мужики, с холодными глазами и со скупыми, но точными жестами. Было бы лето — разделись бы до рубашек, чтобы отличить во тьме чужих от своих. Но теперь зима и только на шляпах и рукавах трепетали по ветру широкие белые ленты. Одежда подогнана, широкие кожаные ремни портупей подтянуты и проверены десять раз — ничего не блестит под светом луны и не бренчит при шаге. Фитили погашены, из оружия лишь холодная сталь. Капитан оглядел строй и махнул рукой — выступаем.

— Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, — стрелок Ганс читал псалом, как всегда перед боем. Слова падали мерно, под стук сапог, отражаясь эхом от серого камня

— Щит и ограждение — истина Его.

Испанец Санчес припал на одно колено и перекрестился на ходу, подняв старый клинок с прямой крестовиной вместо распятия. Капитан лишь поправил шляпу — как всегда.

— Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей...

Лязгнул по камню подкованный сапог. Яков на миг обернулся. Юнкер стоял за спиной, провожая уходящих глазами. И Анна — Анна рядом с ним, ветер треплет сбежавшие из — под шапки рыжие волосы.

— Падет тысяча ошую тебя и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится, — слова псалма звучали мерно, торжественно, как обещание.

«Мы постараемся», — прошептал сам себе капитан, подумал, что без этих двоих мир будет совсем унылым, развернулся и сказал своим, уже в полный голос:

— Вперёд

— ... Господь — упование мое, — откликнулся в тон стрелок Ганс. Не ответил — просто молитву дочитал. Вскинул мушкет, поцеловал выбитую под курком икону богоматери и шагнул налево, уводя своих к чернеющей вдали башне ведьминога дома.

Капитан проводил их глазами и махнул своей группе рукой — вперёд. К городу, спящему вдалеке. Луна прорвалась из-за облаков, высветя крест на шпилье — ледяной, серебристый клинок в положении En garde

3-16

Рейд

** Ганс, Магда, Майер

— Холодно. Чтоб мастера дознавателя черти унесли, как холодно, — ругался сквозь зубы седоусый стражник, грея руки. Дыханием, больше нечем. Кожа, шерсть и сукно промерзли, куртка и толстые перчатки не грели совсем. Ветер нес с реки зябкую сырость, бил в лицо, забирался играючи под кожу и ветхое сукно немудрящей одежды. Если бы не чертов Флашвольф — нес бы старик стражу неусыпно в караулке, поближе к раскаленной печи, грелся и не думал бы даже пялиться в морозную тьму. Но мастера дознавателя нелёгкая как раз на ночь и принесла. Его, тревогу и приказ всем стоять на постах неусыпно. Вот и стой, мерзни, трясись от холода да проклинай их всех, только тихо, чтоб, избави бог, не услышал дознаватель или его ручной палач. Впрочем, уходили они вдвоём, а вернулся Флашвольф один, раненный, злой и голова перевязана. А помощника нет, может его черти таки забрали.

"Хорошо бы, — подумал стражник, переминаясь с ноги на ногу, — только жаль, что не обоих сразу. — Грелся бы сейчас".

Ветер взвыл, с вершины башни за шиворот посыпалась ледяная крошка. Охранник поежился и сморгнул. Вроде — в кустах впереди шевелится что-то. Точно, шевелятся ветки в кустах, на краю ночи. Охранник осторожно шагнул назад, поближе к двери караулки. В такую ночь ходить может лишь неприятность, ну ее, может пройдёт мимо. Но нет — тень шагнула на поляну, сложившись под лунным светом в высокую человеческую фигуру. Взгляд поймал метущую снег длинную юбку, плащ и светлые, выбивающиеся из-под капюшона волосы. Женщина. Одна. Что-то несёт на плече, надрываясь. Охранник открыл было рот — окликнуть, но его опередили:

— Эй, служивый, к казармам как пройти?

— Куда тебя несёт, отойди, не положено, — закричал было охранник в ответ, но заметил в на плече женщины приятную, для его промёрзшего нутра округлость. Бочонок.

— Стой, что несёшь? Куда? И чего? А ну, сюда, — заорал он ей хриплым, заиндивевшим насквозь голосом.

— Куда, куда, — проворчала та, подходя, — бочку солдатам продать, грош заработать, пока ихний сержант не видит. Развелось проверяльщиков.

— А в бочке чего?

— Чего, чего... Понятно чаво... Чего, в казарме продать можно.

— Водка, что-ли? Налей, а то так заберу.

— Забрать все мастера, а вот платить кто будет? — проворчала девка сердито, но бочонок с плеча скинула. И налила. Стражник булькнул обжигающе-огненной жидкостью, раз другой. Довольно крякнул, вытер усы, чувствуя, как растекается телу приятное тепло. И взгляделся в стоящую перед ним.

— Ты, девка, кто? Что-то я тебя раньше в городе не видел?

— Я? — девка взглянула на стражника внимательно, лукаво, прямо в глаза. И тут стражник заметил, что шапки на ней нет, и ветер треплет светлые длинные волосы. Распушенные и дикие как у...

— Ведьма я. А эти со мной... — тут стражник оглянулся. И застыл столбом, лишь забытая водка стекала вниз по подбородку. Фигуры за его спиной. Десяток. Грубые, черные лица, всклокоченные волосы. Торчат вверх, загибаются, словно рожки. Как старую алебарду выдернули из рук — стражник и не заметил.

— Черти, что ли?

— Догадливый... — протянул один, издевательски лязгнув зубами.

— Флашвольф наверху, — выговорил стражник, — не губите.

— И славно, — тут "черти" подхватили его за шиворот, встряхнули, втолкнули в караулку — сиди тут, мол и наружу не суйся, а то и тебя заберем. "И не собирался", — проворчал стражник, слыша, как стучат по лестнице, тяжелые сапоги. "Похоже, и впрямь, за майстером пришли, ну, помогай им..." — прошептал было стражник и осекся, сообразив кому чьей помощи чуть не пожелал. Сплюнул и присел, вытянув гудящие ноги. Печка в караулке горела, а майстер Флашвольф пусть теперь сам выкручивается.

— Ну и шутки у тебя, Магда, — пробурчал испанец Санчес, стирая с лица грязь. Одной рукой пригладил торчащие волосы, сложил украдкой пальцы на другой. В древний знак, отпугивающий нечистую силу.

— Зато тихо, как приказали, — откликнулась та, взлетая по витой башенной лестнице вслед за мужем, — и весело. А вам, мужики, все стрелять и стрелять.

Вверху загремела дверь, распахиваясь под ударом солдатского сапога настежь. Потом ещё одна. И ещё. Удары прикладом, лязг, ругань, мягкий стук тела, упавшего навзничь на каменный пол. Толстые стены не пропускали звука, внутри можно было не церемониться. Тихая башня загудела, как бочка шершней. Капитан приказал "все верх дном" и угрюмый стрелок собирался этот приказ выполнить дословно...

*** Капитан, сержант, прапорщик

— Чертов мир, — прошептал про себя Яков, очередной раз ныряя от двери ратуши подальше назад, во тьму переулка, — бог знает от кого приходится прятаться.

Патрулей вокруг ратуши было много, пробираться по городу приходилось тайком, по одному, от одного пятна тьмы до другого. Слава богу хоть стражники, по своему вечному обычаю, неприятностей не хотели и гремели ржавым железом на ходу почем зря. Вот и сейчас по переулку летит звон, лязг и протяжные крики, значит скоро из-за угла вывернет десяток. Яков, чертыхнувшись ещё раз, скрылся в тени под стеной, подальше от лунного неверного света. Предательски заскрипел снег. Стража прошла, гремя сталью. Мимо, оглушенные собственным лязгом и грохотом стражники Якова и его людей не заметили.

— Вот обалдуи, прости господи, — пробурчал под ухом старый сержант, провожая уходящий патруль глазами, — вот не поверите, герр капитан, как у меня при виде этих обалдуев руки чешутся.

Яков молча кивнул. Ему тоже хотелось поставить этих по стойке смирно и прогнать по плацу кругом сто, здравия для. Разленились, забыли службу.. Но тут из ниши в стене, у ратушной двери раздался осторожный стук, скрежет. А потом — протяжный, скребущий по нервам скрип несмазанных петель. Маленький итальянец убрал отмычку в карман, осторожно махнул рукой и шепнул капитану:

— Готово.

— Что так долго? Замок хитрый? — так же шепотом спросил его капитан, перебежав к ратушной стене обратно.

— Ржавый, прости господи, — прошептал итальянец в ответ и нырнул в темную пустоту

за дверь. Солдаты за ним — по одному, осторожно. Яков пропустил всех вперёд, замер у двери, внимательно слушая тишину — шумную беспокойную тишину ночного города. И услышал. Шаги за углом. Одинокие. Глухой лязг.

"Тебя-то мне и надо", — подумал Яков, замерев и вжимаясь спиной во тьму дверной ниши.

Пауль, городской стражник отстал от своих. Парень он был молодой, слишком юный для своей старой алебарды, но сообразительный. Уже настолько, чтобы заметить на дверях ратуши спиленный замок, но ещё не настолько — чтобы пройти мимо. Так что он развернулся и подошёл, внимательно вглядываясь во тьму. Точно, замок спилен и дверь ... Боковая дверь ратуши полуоткрыта. Странно, — подумал он. И замер, почувствовав холод стали у горла.

— Стоять, — прошептал ему на ухо капитан. Парень застыл, стараясь без нужды не шевелиться.

— Кто вы? — прошептал он, осторожно, чуть двинув губами.

— Ревизия мы. Внезапная. Тайная, — ухмыльнулся ему в лицо вынырнувший из тени под аркой сержант. Качнул бородой и сунул парню под нос бумагу с печатью, — уразумел?

Парень кивнул и захлопал большими-большими от удивления глазами.

— Тогда стой здесь и сторожи вход. Спросят зачем и почему в ратуше свет — отвечай, мол майстер фогт с документами работает. И помни, ты у нас на прицеле. — сурово сказал сержант, сунул парню под нос пистолетный ствол и исчез.

— На прицеле, как же. Ищи дурака, — угрюмо подумал незадачливый стражник, — пока курок выбьет искру, пока порох вспыхнет — можно десять раз уйти. Прыжок, перекатом и в переулок. И ищи меня там, солдат. Можно. Только нужно ли? Вдруг и впрямь ревизия ... — парень был местный, в городе у него были мать и сестра и ему совсем не хотелось, чтобы майстер Флашвольф однажды проехал по их улице. Так что, когда из-за угла вывернул очередной патруль и старшой сурово спросил — что он здесь делает? Тот уверенно ответил, что сторожит — майстер фогт с документами работает.

Капитану же было глубоко не до него. Знакомый зал на третьем этаже, высокие своды, тонущие во тьме, забитые ставнями стрельчатые окна. Луч потайного фонаря пробежал по стенам — кривая Фемида опять словно подмигнула Якову с выцветшей фрески. Глухо щелкнул замок, повернулась со стуком резная крышка.

— Благослови господь Гризельду, мужа ей хорошего и детей здоровых, — прошептал итальянец, вытаскивая из ящика на стол огромный, аккуратный сшитый том. Потом еще один и еще. Тот самый свод.

— Кто такая?

— Да дочка у ректора нашего в Падуе. Если б не она — сидел бы я всю жизнь над такими томами. — пробурчал Лоренцо под нос, раскрывая первый.

— Зато в тепле. Не самая плохая судьба, — откликнулся Яков, — давай, работай.

*** Ганс, Магда, Майер

— Давай, работай, — коротко бросил Ганс рядовому Майеру. Тот размахнулся, ударил плечом — и последняя дверь Ведьминой тюрьмы упала под ноги солдатам. Тяжёлая чёрная дверь кабинета мастера дознавателя. Того самого, в котором тот ещё сегодня слушал доклад и раздавал приказы. Теперь кабинет был пуст, лишь трещал забытый камин да сквозняк гонял по полу обрывки бумаги.

— Где? — спросил угрюмый стрелок заботливо прихваченного по дороге служку.

Легонько встряхнув на весу, для убедительности.

Служка сделал вид, что не знает. Ганс встряхнул того ещё раз.

— Может, у себя? — выдавил тот наконец, — спит он здесь, ест тоже, больше деваться некуда.

Стрелок усмехнулся, гадая, кем нужно быть, чтобы ночевать на такой работе. Но и тайная комната за кабинетом была тоже пуста. Печка, короткая, по линейке застеленная кровать, книги — вдоль стен, аккуратными стопками. Библия, исчерканный пометками "молот ведьм" и какие-то совсем неизвестные Гансу тома в тяжёлых кожаных переплётках. Стрелок пинком перевернул кровать — будто мастер дознаватель мог под ней спрятаться. Но нет, ничего, даже пыли.

Потом подобрал библию, поставил на корешок, отпустил — переплет раскрылся, страницы прошелестели, открывшись на книге Иисуса, сына Навинова. "На первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его"

— Господи, покарай еретиков, — прошептал Ганс, дернул губами. Огляделся. Флашвольф исчез.

— И ведь ничегошеньки, гад такой, себе не скопил, — сердито бурчала Магда, методично перерывая шкафы и ящики, — Ничего. Хоть бы куртку свою мне завещал. Даром мы тут что ли носимся на ночь глядя?

— Честный нашёлся, — подвела она итог наконец, вытирая лоб, — не рейд, а убыток сплошной.

— Лучше бы, чтоб воровал, — оскалились вокруг все. Ганс методично сгреб в мешок все, похожее на "вещественные доказательства". Магда выхватила у него из рук измятый листок, усмехнулась во весь рот и протянула Майеру — твоё, мол, ты искал.

Тот схватил, взгляделся, узнал потерянный договор.

— Спасибо, — ответил рядовой, внимательно разглядывая бумагу.

— Наплюй, все одно, недействительный.

— Как? — оторопело спросил тот, — как так, недействительный?

— Так, — сказала Магда, потом подумала, и решила, что правду говорить не надо — а то в следующий раз этот чудак найдёт словарь — и что, с князем тьмы тогда из-за него разбираться? Нет уж, пусть и дальше пишет через Т. Так что Магда встряхнула головой, поправила волосы и начала импровизировать

— Приказ капитана. Только с его разрешения и за его подписью. Ты, когда на службу нанимался, бумагу подписывал?

Майер кивнул.

Вот и продал тогда, — усмехнулась Магда, глядя на оторопелое лицо, — капитану.

— Пошли. Перевернем здесь все ещё раз, — окликнул своих угрюмый стрелок.

— Пошли, парни. Ганс, милый, хочу себе такую куртку, — откликнулась его жена. Ганс промолчал. "Сойдёт за обещание".

*** Капитан, Сержант, Прапорщик

— Ну как, есть что? — окликнул Яков Лесли сидящего за столом итальянца. В который раз уже? Яков надеялся, что дергает закопавшегося в бумагах по уши Лоренцо не слишком часто. Нехорошо, конечно, но слишком уж нестерпимым было ожидание.

— Серьёзного — ничего, — отозвался Лоренцо, поднимая голову, — ничего. Присяги свидетелей написаны явно задним числом, ордера на пытки — тоже, но чисто, не подкопаешься. Разве что время между допросом и снятием показаний — про законный день

между пыткой и допросом Флашвольф напрочь забыл, писал в дело сразу. Но это мелочь, нас она не спасёт. Ищу, командир.

— Ну, ищи, — ответил Яков, машинально — больше, чтобы занять тоскующие по клинку руки — перебирая оставленные итальянцем в ящике бумаги. Вытащил один листок, посмотрел

— Да брось, — махнул ему рукой итальянец, — это совсем старье. Тут с времён Карла Великого бумаги копят. Яков хмыкнул, поднёс к лицу — в самом деле, пожелтевший листок крошился в руках, буквы почти не читались. Отложил, полез за другим. Потом ещё и ещё. Уши слушали звенящую на все голоса городскую ночь, а рукам — рукам капитана все равно было нечем заняться. Желтый, мигающий огонек свечи, жёлтые, ветхие листы. Яков провёл ладонью — шелест страниц действовал завораживающе. Выцветшие буквы, древние дела, древние судьбы, спрятанные за завитушками почерка былых писарей. Бумага ласково шуршала под рукой — один жёлтый лист, другой. Фонарь мигнул, кривая Фемида словно подмигнула Якову со стены. Жёлтый лист. Опять жёлтый. Белый.

Яков невольно пролистнул и его, опомнился, выхватил на миг дрогнувшей рукой из пачки лист белой венецианской бумаги. Первой бросилась в глаза печать — красная круглая печать с орлом империи. Сургуч, кровавым пятном в свете фонаря. Потом — увидев подпись, Яков сморгнул ещё раз. И ещё, не веря собственным глазам. Знакомая капитану по гравюрам завитушка — Мы, Фердинанд, божьей милостью ... И так далее. Подпись императора. Потом глаза пробежали текст. Вначале — заголовок: "Добрый подданным разъяснение". А потом ниже. Угловатые буквы прыгали в глазах, упорно отказываясь складываться во что-то осмысленное. Яков продвинул фонарь к себе, игнорируя недовольный вскрик итальянца под ухом. Кровь ударила в виски, противно резко запахло палёным. Сладким, выворачивающим нутро запахом горелой шерсти и плоти.

— Боже мой, — прошептал он, чувствуя как плывёт под ногой гранит пола.

— Святая мадонна, — откликнулся ему в тон итальянец из-за плеча.

— Их всех повесят. Их, а не нас, — резко выдохнул капитан. Итальянец кивнул, глядя ошеломленными глазами на Якова. На лестнице глухо застучали сапоги, заскрипела дверь, Яков обернулся — вошёл сержант, теребя от волнения густую бороду.

— Ну что в хранилище, старина? — окликнул его капитан.

Сержант поднял на Якова глаза, дернул бородой, хрустнул костяшками, ответил угрюмо:

— Весело в хранилище, герр капитан. Денег нет. Такая вот закавыка.

— Как нет?

— А вот так. По бумагам — на месте, мешки лежат, печати нетронутые, а вместо полновесных талеров — валленштейновы. Помнишь такие?

— Действительные по предъявлению пистолета в лоб? — ответил Яков.

Валленштейновы талеры, которыми казна пыталась рассчитываться с армией в дни войны, он помнил хорошо. Они были похожи на настоящие, но серебра в них было — кот заплакал.

— Может... — начал было итальянец, но сержант перебил:

— Не может. У мамы Розы брали настоящие. И их кто-то украл. Чертовы шлюхины деньги....

Заныла голень, простреленная много лет назад. Белый снег на чёрных, опаленных с края волосах. Палач был пьян или развлекался.

— Все так. Но ты ошибся, старина, — выдохнул капитан, — это не чертовы шлюхины деньги. Это чертовы императорские деньги. На, читай — и протянул ему найденный лист. Лист белой, гладкой венецианской бумаги.

Указ его величества, императора Фердинанда.

"О порядке розыска и судопроизводства по делам о ведовстве и связях с нечистой силой" Сержант осторожно взял лист, просмотрел, начал читать, шевеля губами.

— В середине, — подсказал капитан, — от слов "имущество осужденных..."

— ...конфискации в пользу суда не подлежит и является нераздельной императорской собственностью... — закончил фразу сержант

— то-то мы про охоту на ведьм десять лет как не слышали... — присвистнул Лоренцо, — дурных нет, на чужой карман дрова тратить. А фогта повесят теперь, клянусь Мадонной и моим факультетом.

Но сержант покачал головой ещё раз:

— Не его. Он был достаточно глуп, чтобы засветить свою подпись на каждой бумажке. И, потом, почему указ спрятали меж старых бумаг, а не уничтожили? Да чтобы, когда приедет настоящая ревизия — достать оттуда и пристроить мастера фогта в петлю.

Яков кивнул. Ветеран рассуждал здраво

— Уничтожить императорский указ — преступление, по тяжести равное мятежу. А так, указ лежит в ящике и, формально, действует. Фогт с епископом про него явно не знают, а то не подставлялись бы так.

— Флашвольф?

— Может быть. А может и нет. Кто-то ещё. Кто-то достаточно умный, чтобы все это затеять...

— Пусть этот умник купит себе лопату и закопается. Будет проще. Всем, и ему в том числе. — отрезал сержант, медленно сжимая кулаки.

" Воистину. Тем более, деньги у этого "него" теперь есть", — подумал про себя Яков, а вслух

скомандовал, — снимайте посты, сержант. Уходим отсюда.

3-17

На исходные

** **

— Вот послал всевышний идиотов, — угрюмо думал Александр, найтмейстер славного города Мюльберга, объезжая узкие улицы. Найтмейстер, мастер ночи, начальник стражи на высокопарном приказном языке. Звучит неплохо, если забыть, что к звучному имени прикладываются хмурые дни и вечера без сна. Темные, как сейчас, когда ветер с реки продувает насквозь старый плащ, копыта черного, в цвет званию, коня мерно лязгают по булыжнику мостовой, а уши мерзнут, ловя звуки, летящие из тьмы переулков. Впереди — громада ратуши, с призрачно-белой крышей и луной, зацепившейся щербатым кругом за шпиль на башне. Окна за ставнями, тёмные, глухие галереи. Одинокая фигура у закрытых дверей. Непорядок.

— Мне в наказание. Непонятно, за что, — привычно выругался найтмейстер еще раз, разглядев в фигуре у двери своего подчиненного. — Что он здесь забыл?

— Майстер фогт работает с документами, просили посторожить, — бодро доложил стражник. С документами, так с документами. Бывает, конечно, хоть и перед ревизией. Но редко.

— Наш фогт — и работать? Да еще ночью? Чем его так припекло, интересно? — усмехнулся Александр в длинные усы, отъезжая. И все же... Что-то не так. Слишком тревожно звенела в ушах тишина. Слишком отчаянно скосил глаза молодой стражник, отвечая. Скосил на дверь. Найтмейстер отъехал за угол, остановил коня, дернул за длинный ус и огляделся: каменная громада ратуши на вид пуста, стрельчатые окна темны и забиты. Все, кроме... Луч света уколол правый глаз. Желтого, неровного света из щели в рассохшейся ставне третьего этажа. Кабинет фогта в другом крыле. Непорядок.

— Что-то не так. Надо проверить, — подумал найтмейстер, огладил усы, примерился, и рывком запрыгнул с седла на балкон второго этажа. Вцепился руками в перчатках в каменную балюстраду, застыл на миг, вслушиваясь, как падает на землю из-под сапога мелкая крошка. Ветер ударил в спину, словно поддержал на весу. Тишина. Найтмайстер выдохнул, поддел пальцами ставню, аккуратно открыл и запрыгнул внутрь.

Внутри ратуши плескалась тишина — мертвая, звенящая в ушах тишина и чернильная тьма, в которой вязли лучи неровного лунного света. Найтмайстер аккуратно прикрыл ставню за собой, прислушался и шагнул вперед, благословляя ночь, тьму и мягкую кожу сапог, позволяющую ходить беззвучно. Шаг. Другой. Глаза привыкли, пелена темноты расслоилась в глазах на серые и черные пятна — письменный стол, дверь, лестница. Не скрипнул под ногой пол, Найтмайстер тенью скользнул вниз, на первый этаж, прислушался. Снизу, от входной двери — негромкие голоса и хриплое, тяжелое дыхание. Еще пара шагов, от колонны к колонне, от тени к тени, беззвучно. Свет струился сверху, через неплотные ставни стрельчатых окон — неверный лунный свет. Две тени впереди, у двери. Человеческие, вон стоят, прислонившись к стене, давно, судя по ленивым голосам и расслабленным фигурам. О чем-то переговариваются. Вот на кого так отчаянно косился молодой стражник. Хорошо. Один из пришельцев на миг оторвался от стены. Тяжёлый рейтарский пистолет вылетел из кобуры, перевернулся, беззвучно лег Александру стволом в руку. Шаг — с носка на пятку неслышно. Грубый смешок впереди — один из пришельцев о чем-то пошутил, как показалось второму — удачно.

"Это вы зря", — мельком подумал найтмейстер, делая ещё один шаг за их спинами. Два удара, короткий вскрик — и два тела мешками осели на пол. Вроде живы. Оба. Обветренные, грубые лица, всклокоченные бороды и усы. На поясах — ножи и широкие шпаги. Грубые колеты и сапоги — немудрящая солдатская одежда.

"Солдаты? Что они здесь забыли?" — думал найтмейстер, бесшумно отступая от двери в тень. По уму, надо вызвать подмогу, но некого, как на грех. Ладно, справимся сами.

Лестница вверх. Ещё один часовой, ещё один беззвучный шаг в тенях, удар и короткий стук падающего тела.

— зря ты пришёл сюда, солдат, — прошептал найтмейстер, оглядываясь. С третьего этажа, с зала советов — голоса и свет. Жёлтой тусклой полосой из-под двери. "С зала совета? Что там воровать?" — думал найтмейстер, беззвучно скользя вверх по лестнице. Заскрипела тяжёлая дверь, полоска света на глазах развернулась в полотно и сложилась обратно в лучик. Потом по ушам ударили шаги — тяжелые шаги подкованных солдатских сапог. По лестнице вниз, ступеньки жалобно скрипели под их тяжестью. Найтмейстер усмехнулся в своём укрытии, мысленно пожелав шагавшему вниз солдату не споткнуться. И, когда спускавшийся человек прошёл мимо, беззвучно шагнул за спину, размахнулся и нанес удар — резкий, неотвратимый удар в косматый затылок.

Солдат был быстр. Очень быстр для своей медвежьей фигуры. Почуял свист воздуха за

спиной, развернулся — по-кошачьи, на месте. Медный шар рукояти вместо затылка скользнул по плечу. Солдат взревел и отмахнулся не глядя. Потом ударил ещё, уже прицельно, сложенными вместе кулаками. Попал, найтмейстер качнулся и отлетел в сторону. Глухо зазвенел упавший на пол пистолет. Солдат шагнул вперёд, усмехнулся по-волчьи — найтмейстер видел, как заходила на его лице ходуном длинная клочковатая борода, и ударил в третий раз — мимо, найтмейстер рывком ушёл в сторону. Пудовый солдатский кулак пролетел мимо виска и с маха врезался в стену. Балки дрогнули, прощуршала, посыпалась на плечи известка. Лязгнул, покидая ножны на поясе, широкий кинжал. Найтмейстер зарычал, выхватил клинок и сделал короткий выпад — быстрее, пока бородатый солдат не успел развернуться. Но тот успел. Почти — холодное лезвие скользнуло по плечу, окрасив в красный цвет рукав солдатской куртки. В чёрный, при мертвенном свете луны.

— Слышь, сынок, ты на ночь помолился? — усмехнулся солдат Александру в лицо. Клочковатая борода дернулась вверх-вниз, в ладонях глухо щелкнули тугие пружины, выпуская наружу кривое лезвие солдатской навахи.

— Зря, — ощерился найтмейстер, перехватывая кинжал. Зазвенели набатом клинки, сталкиваясь в воздухе. Кинжал скользнул в сторону, обошел предплечье и сделал ещё один короткий выпад. Затрещала ткань, второе плечо солдата окрасилось под стать первому. Шаг назад, мягкий и осторожный, найтмейстер разорвал дистанцию, держа врага в поле зрения. Солдат силён, как чёрт, но раны его доконают. Мягкий шаг в сторону — по дуге, сохраняя дистанцию. И в голове найтмейстера вдруг вспыхнуло, смыв сознание волной ослепительное, злое солнце.

— Вляпались, старина, — удрученно кивнул головой капитан Яков Лесли, оглядывая тяжелый пистолет в руке. На рукояти железное кольцо чуть согнулось. Ладно, царапиной больше — царапиной меньше. А найтмейстер валялся у его ног — оглушенный, но живой. Вроде.

— Ага, — оскалился сержант, поднимая одной рукой оглушенного врага с пола. Пленника без церемоний втолкнули в ближайший кабинет. По случайности — кабинет писаря, мастера Хазера, в котором Яков сидел совсем недавно. Сидел, пил глинтвейн и обсуждал невеселые новости с этим тихим, вежливым человеком. А теперь разносит в прах его такой аккуратный кабинет. Яков вспомнил писаря, его печальные глаза, тонкие руки, трогательные, вечно падающие с носа очки и мысленно извинился.

— Вы кто такие? — прохрипел найтмейстер. Очнулся, бледен, но смотрит прямо в лицо. Хоть и связан — а держится орлом, страха не видно.

— Ты, сынок, полегче, — усмехнулся в бороду сержант, — у тебя же душа сейчас из тела на волю так и просится.

Яков оборвал ветерана взмахом руки и положил бумагу на стол.

— Императорская ревизия. Тайная.

— Врешь, солдат.

— А ты вот это прочитай, парень, — ответил сержант. Луч фонаря высветил красное, цвета крови пятно. Круглая печать с орлом и подпись — хорошо знакомой найтмайстеру завитушкой. И текст.

— Черт возьми, — выдохнул начальник стражи города Мюльберга, вчитавшись.

— Обязательно, — в тон ему сказал капитан, — поможете?

Найтмейстер кивнул. Механически, как заводная игрушка.

— Договорим у нас. Собирайте парней, сержант, уходим отсюда, — сказал капитан и вышел, пряча заветную бумагу в карман. Бережно, чтобы, не дай бог, чего не случилось с печатью. Подумал и, для верности, завернул указ в другой лист, как в конверт. В случайно оставленный на писарском столе лист желтой афишной бумаги.

— Уходим отсюда, — до рядового Майера крик Ганса донесся, как сквозь туман. Уж больно невеселые мысли бродили у рядового в большелобой, упрямой башке. Бродили, сталкивались, метались туда-сюда. А вот куда они текли — Майер понять никак не мог. Проклятая бумажка, заветный договор, кудрявая Катаржина и собственное невеселое житье-бытье. Рядовой Ханс Майер, пятое капральство. Перекати-поле сегодня, завтра, быть может, вороний хлеб. Или клиент для "тощего братства", братства петли, всегда жадного до новых членов. Тут рядовой задумался так, что пропустил на крутой лестнице поворот, свернул не туда, вышел в башенную дверь и только потом огляделся.

Его занесло в конюшню — деревянные стены, толстые балки, упряжные ремни и под ногой — хрустящее сено. Лошадиный храп из дальнего угла и терпкий, забивающий ноздри запах навоза. Рядовой огляделся — раз, другой.

"Как меня сюда занесло?" — подумал он, вертя башкой во все четыре стороны.

Шаг, другой. Солома мягко хрустит под сапогом. "Как дома", — улыбнулся солдат сам себе, невольно вспоминая зеленое теплое лето...

Мягкий серебряный звон. Из-за спины. Рядовой развернулся — на месте, рывком, чувствуя, как бежит по спине холодный пот — липкой, противной до ужаса струйкой.

За спиной стоял майстер Флашвольф. Бледный, высокий, прямой, как смерть. И голова перевязана. Наскоро, рыжей от крови тряпкой.

" Откуда?" — подумал рядовой, слыша, как громко стучат его зубы. исчерканный лист выскользнул из ослабевших рук. Серебряный клинок в чужих руках сверкнул мертвенным лунным светом. Набирая разбег.

— Господи, помилуй, — машинально прошептал Майер слова, всплывшие из детства. Волшебный меч глухо зазвенел, цепляясь клинком за потолочную балку. Замер на полушаге Флашвольф. Рядовой вспомнил, что он солдат, и рванул из ножен широкую пехотную шпагу.

Выпад — отчаянный, простой выпад клинком по прямой, от груди, врагу в сердце. Флашвольф уклонился — без лишних движений, легко, прехватил волшебный меч посередине, под второй гардой и ударил в ответ. Яблоко на рукояти меча врезалось Майеру в лицо. Рядовой упал — навзничь, как подрубленное дерево. От лестницы зашумели, забухали по ступеням тяжелые сапоги. Флашвольф закинул за спину клинок, перешагнул через упавшего рядового и поспешил прочь. Когда Ганс Флайберг ворвался в конюшню — она была пуста, двери распахнуты и ветер гонял по полу солому и снег. Хмурый стрелок кинулся к двери, вскинул мушкет... И опустил к ноге, слушая, как тает в ночи стук копыт.

— Ушел, собака.

— Жалко, пропала куртка, — откликнулась Магда, наклоняясь над лежащим Майером. Рядовой очнулся, встал на ноги, потряс головой, пощупал — цела-ли? Цела. Верилось в это плохо.

— Пошли отсюда, парни, — скомандовал угрюмый стрелок. Ветер налетел, подхватил с пола дешёвый, исчерканный каракулями лист. Подхватил, смял и выкинул — через дверь, в ночь, во тьму внешнюю.

Стрелок Ганс вскинул мушкет, замер на миг, лоя на прицел темноту ночи. И

выстрелил. Ветер скомкал и унес облако черного, порохового дыма.

— Стража. Идет сюда. Много, — проговорил он, медленно.

— Похоже, я рано обрадовался, — подумал рядовой Майер про себя, выскакивая за другими в ночь. Громада башни за спиной, от города доносился глухой шум, гам, лязг и отблески мечущегося в ночи желтого света. Крики, блеск клинков, трепещущий свет фонарей и факелов. Стража. Идут сюда. Много, не меньше сотни. А до казарм еще бежать и бежать. Мушкетер махнул своим рукой — вперед, через пустошь к казарме. А сам встал, уперся крепче ногами в землю, зарядил, прицелился и выстрелил. Потом еще и еще. Как на смотре — спокойно.

**

«Они что там, с ума посходили?» — угрюмо подумал Дитрих, лейтенант стражи, когда ни-черта-не случайная пуля перебила древко его алебарды.

«Нет, точно посходили с ума», — когда вторая пуля выбила факел из рук его ординарца. Капитан огляделся — привычно, пять лет в армии под началом Торстентона научили всему. И коротким взмахом руки послал свой отряд к городской стене, из-под обстрела подальше.

Ночь сегодня пошла наперекосяк с самого начала. Вначале — гонец из Друденхауса, от мастера дознавателя, не спалось ему видите ли. С приказом бросать все, хватать железо и бежать бегом к ведьминой тюрьме. Если бы он еще сказал, зачем, но до таких подробностей Флашвольф обычно не опускался. Стражники послали было гонца подальше, но тот, на беду, оказался упрям. На крик явился фогт, красный больше, чем обычно, наорал и отправил Дитриха и его три десятка к друденхаусу. И сам с ними поперся, лишая стражников последней возможности отмазаться от беготни в ночь по морозу. И, напоследок, сладким кремом на торт — в них еще и стреляют. От той самой ведьминой тюрьмы, спасти которую они на ночь глядя поперлись.

«Нет, в армии порядка было больше», — подумал Дитрих он в третий раз, когда он и его маленький отряд надежно укрылся за крепким камнем ограды. Подумал, огляделся, пересчитал взглядом своих. Все на месте, кроме градоначальника. Этот, услышав свист первой пули, развернул коня и исчез. Ну и бог с ним. Что дальше? Стреляли от башни, часто и метко, короткие злые вспышки мигали во тьме. Человек пять-шесть, как смогло определить привыкшее к стрельбе ухо лейтенанта. Можно, конечно, дать залп из всего, что есть, и кинуться, смять стрелявших числом. Но вдруг это свои? Завалишь человека Флашвольфа — ой и крика будет потом ... или армия...

— А это идея, — подумал лейтенант, кликнул ординарца и отдал поручение. Ординарец сорвался с места и побежал. Чтобы через десять минут вернуться с короткой запиской.

Капитан Яков Лесли благодарил лейтенанта за бдительность и просил удерживать оборону на месте — банда дезертиров пытается прорваться вдоль реки к складам.

Что лейтенант доблестно и делал до самого утра.

— Как там мастер фогт, интересно? — думал он иногда, слушая, как гремят во тьме сухие, одиночные выстрелы.

А мастер фогт только что с изумлением узнал, что за шкуру его схватили в темном переулке вовсе не неизвестные а имперские ревизоры. И для его же блага, само собой. Объяснял сержант, аккуратно и бережно. И с такой доброй улыбкой, что лицо градоначальника из красного сделалось белым. Потом зеленым. Потом красным опять. «Похоже, сержант играет в игру — покрась собеседника во все цвета радуги». Ладно, бог с ним. Главное — все вернулись и все живы. Вот только что делать с этим теперь?» — думал

капитан, вытягивая к огню гудящие после ночной беготни ноги. К огню, заботливо растопленном в очаге его казарменной комнатухи. Вернулись. Все. Трое оглушенных в ратуше и разбитый нос Майера не в счет. Заживет. Беда в другом — золота нет, вора нет и что делать дальше?

3-18

Дикая охота

А сержант продолжал расписывать господину градоначальнику славного города Мюльберга безрадостные его перспективы. Делал он это в казармах, в капитанской комнате. Той самой, из которой солдаты уходили в рейд пару часов назад. Как все поменялось за это время. Всего пара часов — и наводящий страх дознаватель бежал в никуда, стража на нашей стороне, а фогт в плену, все осознал и, похоже, готов сотрудничать. Вот только... По опыту командования Яков знал — к начальству надо ходить с готовым решением. То есть, в данном случае, с вором в цепях и украденными деньгами по ведомости. А то, как пойдут решать... И бог его знает, что нарешают себе генералы, чтобы польстить герцогу и гофкригсрату. Надо что-то придумать. Но мысли плыли в голове, как сквозь вязкий туман, и сосредотачиваться никак не хотели. Сержант что-то говорил, ласково и с улыбкой, такой доброй что на месте фогта Яков уже умер бы от страха. Яков сидел напротив, молчал и делал вид, что ничему не верит. Слова пролетали, вязли в ушах, не доходя до сознания. Сколько он не спал уже? В конце концов, Яков встряхнул головой, подумал, что зевающее и клюющее носом воплощение зла в его лице сержанту поможет мало, встал и вышел. В коридоре гулял сквозняк. Холодный ветер мазнул по лицу, освежил, прочистил немного голову.

"Итак, что мы имеем, — начал думать он, глядя в ночь сквозь вымороженное окно в конце коридора, — Имеем мы некое Некто. Этот Некто услышал про мир, решил, что в гуляющих девках город Мюльберг больше не нуждается, а их деньги и собственность можно слегка присвоить. То есть, на языке крючкотворов, перераспределить. Он прячет указ, приглашает мастера Флашвольфа. Приглашает ли? Может тот и сам приехал. Хотя нет, стычка на площади — дознаватель против хмурого мушкетера. Он тогда прямо говорил Гансу, что в город призван. Призван — то есть приехал не по своей инициативе. А врать не будет, не тот человек. Слишком презирает всех вокруг, чтобы лгать. Потом обманутый фогт — интересно, что ему посулили? —

Тут Яков прислушался. Из-за двери вещал что-то в своё оправдание градоначальник. Дрожащим голосом и многословно, до ужаса. Что-то про борьбу за нравственность вещал, — ...этот обеспечивает поддержку городской стражи. И епископ. Отравленный, до полусмерти запуганный епископ подписывает приговоры. А наш майстер Некто не при делах, и ни в чем формально не замешан. Да и не до него всем. Все заняты — одни едят, другие горят, третьи дрова подвозят, аж весь город закоптился да провонял. И ещё провоняет — единственную баню Флашвольф закрыл. А маму Розу спалил со всеми девками. Ой, и крепкий дух будет витать в воздухе летом. И всем не до того. Листки и памфлеты заводят толпу до невменяемости, порядочные люди, вроде найтмейстера сбиты с толку и не знают, что думать. А деньги идут в ратушу потоком. И там подменяются. Полновесные — на талеры, напечатанные маршалом Валленштейном на пражском монетном дворе много лет назад. На талеры без единого грана серебра, напечатанные специально, чтобы разорить противника. Кого иного такая шутка могла привести и на виселицу. Валленштейну она дала армию, победу и маршальский жезл. Но его уже нет. Нет в живых ни маршала, ни его врагов, а зараза все гуляет по свету. А люди... разозленная и обескураженная печатными листками и

слухами толпа не видела ничего, кроме блеска меча майстера Флашвольфа. Волшебный меч. Интересно, он и впрямь волшебный? Судя по тому, как лихо вырубил Майера — да. Впрочем, что я себе думаю — честная солдатская железяка в умелых руках и не на такое волшебство способна. Ладно, Флашвольф никуда не уйдёт. Такую бумагу напишем — вовек не отмоется. Вопрос — как теперь искать этого некто?"

Вот такие невеселые думы бродили в голове у Якова в тёмном и глухом казарменном коридоре. Где его искать, этого некто? Зацепки две — беладонна у епископа и бумаги на площадях. Первое — вряд ли. Концы упрячут в воду сразу, как только услышат про ночные дела. В холодную, темную воду широкой Эльбы. А вот второе — где-то эти листы печатали, привозили... Можно спрашивать...

Шаги за спиной, на лестнице — тяжёлый, ровный стук каблуков. Жалобно простонали доски ступенек под сапогами. Яков обернулся. Шёл Рейнеке-юнкер. Высокий, непривычно для себя подтянутый, прямой. И камзол, стервец, застегнул на все пуговицы.

— Герр капитан, — обратился он к Якову. Строго и официально до неприличия, — вы обещали принять решение.

«Что я обормоту хвостатому пообещал? Когда? Какое решение?» — вихрем пронеслось в голове. Насилу вспомнил собственные слова на совещании — разберемся, де, после. Вот парень и пришёл. Разбираться. Зря, не до того мне сейчас. А потом Яков посмотрел парню в ждущие, полные хорошо скрытого волнения глаза и решил, что глупо говорить "не до тебя" самому настоящему чуду.

— Для начала — благодарность. Писать от моего имени страже оказалось кстати. Хорошая придумка.

— Не моя, — отрезал парень, продолжая сверлить Якова глазами.

"А чья же? — удивился Яков, — рыжая по стопам Магды пошла?"

— Капитан...

— Да не до тебя сейчас, парень, — Якова как прорвало, слова полились, словно им было тесно в горле, — Вот честно, не до тебя. В городе такое... И Яков рассказал, что они нашли в городе. Как есть, не выбирая слов. Видимо, душа просто хотела, отдыха ради, вывалить это все на кого-то, чтобы не одной мучится. Парень обалдел. Судя по округлившимся, потерянным глазам — обалдел, это мягко сказано. Яков взял себя в руки и закруглился.

— Ну, вот такие дела. Извини, но мне действительно не до тебя сейчас. Совсем. Как этого гада искать прикажешь? Ума не приложу.

Капитан машинально сунул руку в карман. Захрустела бумага. Достал, посмотрел — листок оказался случайно прихваченной в городе афишей. " ...А затем девушка обернулась козлом, который заблеял и сказал: «Теперь ты видишь, с кем тебе пришлось иметь дело. Ты будешь моим, а иначе я сломаю тебе шею». Почтенный доктор испугался и задрожал с головы до ног..." — и шрифт блеклый, кривой, вырвиглазный.

— Тьфу, гадость, — в сердцах сплюнул капитан. Смял, откинул в сторону лист — быстро, будто бумага жгла пальцы.

— Вот откуда эта гадость в городе берётся, парень?

Рейнеке не ответил. Наклонился, аккуратно поднял лист. Замер на миг, втянув воздух — глубоко, аж ноздри затрепетали. И сказал:

— Свежая. Краской пахнет....

Капитан честно принял. Ничего.

— Уверен, парень?

Юнкер пожал плечами

— Я не человек, капитан. Чую. Этот лист напечатан, максимум, два дня назад.

"До чего же буднично это прозвучало. Хотя, парень прав. Обоняние у него звериное, с хвостом в комплекте...Но тогда..." — новая мысль сверкнула в голове, яркой вспышкой, короткой и яростной.

Яков развернулся и рванул назад. В свою комнату. Хлопнул дверью, полюбовался на удивленные глаза сержанта и спросил:

— Типография в городе есть?

— Нет... — ответил сержант. Фогт и найтмейстер машинально кивнули. Типографии нет. Привезти так, чтобы уложиться в два дня — неоткуда.

«Впрочем, — тут Якову внезапно вспомнился грустный пожилой священник, — в наш вывернутый век каждый может поставить у себя дома станок и печатать любую муть без цели и смысла... У себя дома».

— Завязывай, старина, — махнул Яков сержанту, — пошли, да возьми Ганса и остальных. Есть одна мысль.

Улица встретила его ветром в лицо и тьмой. Звенящей, густой и темной, как подпись судьбы на приговоре. «Она такая всегда, — пожившись, напомнил себе капитан, — всегда перед рассветом».

Собрались под аркой. Опять. Капитан, Ганс, Лоренцо, сержант, Рейнеке. Как вечность назад. Эта вечность была всего за пару часов до, но в голове капитана все слилось в одну длинную до тошноты минуточку.

Яков тряхнул головой, разгоняя тягучую хмарь. Люди ждали. Ждал сержант — ехидно и недоверчиво, стрелок Ганс — бесстрастно, то есть, как всегда. Рейнеке — юнкер пытался ему подражать. Получалось плохо. Пока. "Парень научится", — думал Яков про себя, излагая пришедший в голову план. Совсем простой. А чего усложнять, если в роте волею случая служит чертов виревольф, способный найти все, что можно по запаху...Рейнеке слушал приказ ровно. А в глазах плясала надежда, сумасшедшая, безумная, с тревогой и недоверием пополам. Такая же как у его Анны — и нечего здесь этой рыжей делать, вроде, а стоит рядом, слушает с той же безумной смесью в глазах. Гнать ее у Якова рука не поднялась.

— Давай, парень. Найди его. Просто найди. Не геройствуй, не лезь без нужды, не пытайся порвать тварь лично. Для этого есть мы. Его дом пахнет типографской краской и белладонной. Просто унюхай и доложи. Понял?

— Найду, — Рейнеке кивнул, прокатив желваки на высоких скулах...

— Будет беда — не геройствуй, беги. Лоренцо и Ганс прикроют, — юнкер помрачнел, стрелок с итальянцем слитно кивнули.

— Ну, с богом, парень. На всех четырех.

Из глотки юнкера вырвалось глухое рычание, По телу прошла рябь, волной смывая и комкая контуры и черты фигуры. Яков невольно сморгнул, зажмурил глаза на мгновение. Когда открыл — чёрной, неровной грудой лежали на снегу плащ и штаны. Серый, лохматый, широколапый зверь стоял над ними. Застыл на мгновение, махнул серым пушистым хвостом — словно честь отдал, развернулся, взрыв мощными лапами снег и исчез.

"Выпендрейщик", — утрюмо подумал Яков, глядя, как танцуют, медленно оседая вниз сбитые лапами в полёт снежинки. Медным, гулко звякнула мушкетная полка, заскрипели солдатские сапоги — Лоренцо и Ганс ушли во тьму вслед за зверем. Воцарилась тишина —

мертвая, пробирающая до кости, тишина ожидания. Новый звук — Яков обернулся:

Анна подобрала валяющиеся на снегу вещи, села и начала методично чистить их от грязи. Руки двигались мерно, механически — как у игрушки. Нюрнбергской детской игрушки на пружинах, с особым ключиком. Яков поежился. Что-то жуткое было в этих неживых, ровных движениях.

— Жизнь наша собачья, все ждать и догонять. Хоть сам хвост отращивай, — мрачно подумал он, поправляя шляпу. Ветер унялся, небо затянуло облаками и мглой. Пробирался под плащ, кусал за уши мороз. Вдали спал город — неровной зубчатой грудой чёрного камня. Серебристой, тонкой полосой в вышине — крест на шпиле. Внезапно от каменной груды налетел, ворвался в уши вой — протяжный, переливчатый вой, рвущийся явно из нечеловеческой глотки. Анна вздрогнула, с сухим шелестом выпал из ее рук солдатский плащ. Вой повторился, потом ещё. Выстрелов и крика не слышно.

— Выпендрейник, — выругался Яков. Громко, больше Анне, чем себе, — когда вернётся, будет ему караул вне очереди... Поймал Аннин дикий взгляд, усмехнулся и повторил: — не бойся, когда.

Стрельбы не слышно. Вой повторился опять, потом ещё раз. Ближе. Затрещали ветки в кустах. А потом из тьмы выкатилась лохматая серая тень. Анна шумно выдохнула — одно слово, на вдохе: живой. Серый хвост играючи махнул в воздухе, провел ей по щеке и вздернутому носу. Зверь подошёл, впечатывая тяжелые лапы в снег, мотнул лохматой башкой и положил Якову под ноги нечто. И уставился на капитана с видом довольным, до ужаса. Аж хвостом завилал, стервец эдакий.

— Я же просил, без шума, — рывкнул капитан и лишь потом посмотрел на снег у себя под ногами. Очки. Круглые толстые очки на железной раме с прищепкой.

— Ну конечно же, — прошептал Яков, — кто же ещё это мог быть. Кто готовит бумаги, но сам ничего не подписывает?

Затрещали кусты, вслед за волком на свет вышли Ганс и Лоренцо. И, меж них двоих, третий, с заломленными за спиной руками. Майстрер Карл Хазер, штадтшкрибер города Мюльберга. А если по-простому — городской писарь.

— Но зачем? — выдохнул Яков ему в лицо.

— Все в порядке, капитан, — кивнул стрелок Ганс, проходя мимо, — все, что надо, нашли. Станок и деньги. Распорядитесь насчёт охраны.

Яков кивнул. Машинально. А потом поймал взглядом взгляд близоруко сощуренных писарских глаз и спросил ещё раз, не веря:

— Зачем?

Тому бы промолчать, подумать, поискать ответ. Мог бы и соскочить — несмотря ни на что, Яков ещё толком не верил в его виновность. Не сочетался этот тихий, вежливый человек с опаленной землей и тягучим, сладким запахом пала от тюремной башни. Но того прорвало — страхом и безумной, смывающей человеческие черты ненавистью

— *Allies for kaiser vohl*, капитан. Вам, воякам, можно, а мне нельзя?

«А юнкер всерьез думает, что не человек», — усмехнулся Яков и махнул Гансу рукой — увести. Увели. Истопанная сапогами земля опустела. Лишь зверь остался сидеть на снегу. Вокруг шеи — кольцо тонких рук, лобастая морда шурится, довольная, что Аннины пальцы чешут за ушком.

"Тут и без меня обойдутся", — подумал капитан, развернулся и пошел прочь. От ночи осталось всего-ничего, скоро рассветет, и Якова поднимут опять не знающие жалости

барабаны.

Под арку, дверь, лестница, спящая казарма, эхом от стен — стук сапог.

— Благослови тебя бог, солдат, — окликнули его у самой двери. Тихий переливающийся голос. Безумная, та самая, что прибилась в первый день к роте. Солдатский плащ на плечах, смятой копной — черные, как ночь, волосы. Отрастают уже.

— Подъема еще не было, — ответил капитан, толкая дверь комнаты от себя. И сходу завалился на кровать, не снимая сапог и не зажигая света. За окном плескалась ночь, густая и темная, как всегда перед рассветом.

Все закончилось, — ударила в виски тягучая, ленивая мысль. Ватным, пушистым обухом. Яков Лесли, капитан роты так и заснул в ту ночь. Не раздеваясь и не думая о том, что осталось позади. О городе, писаре, заговорах, врагах и прочем. Перед глазами стоял оставленный позади пустырь, лохматый зверь и рыжая девушка, обнимавшая его за шею.

3-19

Рассвет

А по лохматому зверю, по рукам Анны пробежала вдруг дрожь. Странная, непонятная дрожь, перекинувшись на Анну уколами колючих искр. Она вздрогнула, невольно закрыла глаза, чувствуя, как плывет и тает в руках голова и мощная шея. Длинная шерсть вдруг перестала щекотать нос. Тепло обожгло ладони на миг. А потом тело выскользнуло из ее рук. Она обернулась было. И в ушах прошелестел ласковый, твердый, чуть дрогнувший голос — Подожди. Не открывай глаза.

Она послушалась, застыла, зажмурившись крепко, до искр в глазах. Зашуршала под ухом ткань, глухо лязгнула медью застёжка. Потом ещё раз. "Любопытство сгубило кошку", — напомнила она себе, но глаза не выдержали — распахнулись сами собой. Рейнеке стоял перед ней: уже человек, а не зверь. Высокий, подтянутый и не совсем лохматый. Успел влезть в штаны и сапоги и застегивал камзол, смешно путаясь в пуговицах. Анна невольно улыбнулась, юнкер — тоже. Накинул плащ, застегнулся и протянул ей руку.

— Пошли. Все закончилось.

"Действительно, все. Ой, и длинная была ночь сегодня", — подумала она, вдруг почувствовав, что сидит на снегу, нога затекла, и снег под юбкой холодный и мокрый. И так легко встать, когда протягивают ладонь навстречу.

И они пошли. Рядом, рука в руку. Под арку, дверь, лестница вверх. Стук каблуков по досчатому полу — мелкий и дробный — Анны, тяжёлый у юнкера. Скрип половиц. "Тише, капитана разбудишь". Юнкер кивнул. В конце коридора окно. (То самое, в которое смотрел юнкер утром первого дня). Подоконник — толстая дубовая доска, прорезана почти насквозь. "Ничего себе", — подумала Анна. Юнкер увидел ее взгляд и опустил глаза, посмотрел на руку, засмутился. Так, что Анна улыбнулась опять. А потом была дверь в конце коридора — та самая из которой она выскочила на поиски юнкера вечером. Казалось, что вечность назад. Кстати... — Рейнеке как раз довел ее до двери, отпустил руку, коротко кивнул — будто собрался прощаться.

— Кстати, а где ты спишь? А то тебя у меня все время ищут, — спросила она его, резко, как будто вспомнив что-то важное. Даже придержала немного за рукав, чтобы не испарился. И обомлела, услышав ответ.

— Как, под елкой? — тут Рейнеке бесцеремонно подхватили за руку, затащили, усадили на кровать и начали допрашивать с пристрастием.

— Под какой такой елкой? — повторила Анна вопрос — строго, невольно, по примеру

Магды, упирая руки в бока.

— Ну тут, в лесу, недалеко. Третья слева, — бедный Рейнеке совсем обалдел от такого напора. И смотрел больше на пол, будто судорожно искал оброненные слова меж половицами.

— Тебе что, как прочим, комнату выделить не могли?

— Да выделили, — махнул рукой совсем растерявшийся юнкер, — Только напутали что-то. Выделили... В общем, твою.

Кровь стукнула по ушам звонкими молоточками. Напутали они, как же. Это не напутали, это Магда дура и шутки у неё под стать. Иди мол, подруга, комната тебя дожидается. Только комната его, а не ее. И сама хороша, могла бы и раньше сообразить — за какие заслуги ей хату, да ещё офицерскую. А бедный парень и впрямь три дня под елкой на снегу спал.

— Так, под елкой ты спать не будешь, — сказала она строго. — Простудишься. Холодно.

Пролетевший сквозняк взъерошил ей волосы. Как подтвердил.

— Не простужусь. Я пушистый, — огрызнулся было юнкер, но Анна в запале пропустила его слова мимо ушей.

— Завтра разберемся. Я с Магдой ещё поговорю, не спрячется. А пока... — И тут Анна осеклась, поняв, что именно только что сказала.

Осеклась, выдохнула, присела осторожно на край кровати.

"С ума я что-ли сошла? — подумала она, удивляясь собственному спокойствию, — ну да, так и есть. С ума я сошла. Нашла, от кого сундуком загораживаться".

Выдохнула и договорила. Раз уж начала:

— Будешь спать здесь. Пока, — голос чуть дрогнул. Рейнеке усмехнулся. Она не увидела, смотрела больше себе на ноги, только услышала фырканье под ухом. А потом его руки легли на ее, задрожавшие под его ладонями, плечи.

— Хорошо. Давай спать, — его голос прошелестел над ухом. Мягкий, обволакивающий голос. Анна невольно подняла голову и встретилась взглядом с его внимательными, большими глазами.

— Спи, ты устала, — повторил он. Медленно.

Усталость ватной подушкой ударила в голову, прокатилась ломотой по размякшему телу. Опустились налившиеся свинцом веки, не свои руки подхватили ее, понесли, ласково ткнулась в ухо старая подушка. И уже засыпая, сквозь вязкую дремоту она подумала, что надо встать, подкинуть дров в жаровню, забытую с вечера.

— Будет холодно, — сквозь сон подумала она, но холодно не было. Было тепло. И под руку подвернулось вдруг что-то пушистое и мягкое. Как в детстве — игрушка. И Анна заснула. Тихо, калачиком, сложив под щеку узкие ладони.

— Спи, ребенок. Умерли люди, желавшие души твоей.

Зверь, огромный, серый, лохматый зверь рядом с ней повернул голову и вздернул губы, обнажив кривые клыки. Будто улыбнулся и ласково. Флашвольф бежал и писарь был жив, но это было сейчас неважно. Совсем. Темнела, клубилась ночь за окном. Анна спала. Сон разгладил черты, смыл с лица беду и заботу. Тихо посапывал беззащитно вздернутый нос. Лохматый хвост повернулся, задрожал в воздухе. Пушистые серые волоски погладили ладони. Нежно. И играючи шлепнули слегка по вздернутому, сопящему носу. Анна улыбнулась во сне и откинула руку, повернувшись на спину. Попыталась вдохнуть. Не

получилось — давили на грудь жёсткие ребра корсета. Зверь приподнялся на лапах, опустил голову, ухватил зубами узел шнуровки, потянул. Корсет со всеми его шнурами и ребрами разошелся на две половинки, плеснув белизной волку в глаза. Белизной полотняной рубашки. В разрезе воротника — тонкая шея, ямочка меж ключиц. Высокая грудь поднялась, набирая воздух, рубашка натянулась, затрепетала на теле. Двумя серпами луны, острыми пиками, с глубокой ложбиной — между. Зверь зарычал и медленно, с усилием отвернул голову. Задрожали уши, вздулись узлами мышцы на мощной шее. Теперь он смотрел в никуда, повторяя "Pater noster" в уме сорок раз. По десять на каждую лапу. Мама учила маленького Рейнеке делать так в дни полной луны. Помогало держаться на месте. Серому хвосту молитв не досталось, вот он и бродил, где хотел. А Анна спала, ей снилось лето, пушистое солнце, и ласковый лохматый ветер, обвевающий, щекочащий ласково ноги и шею и томно — грудь. А потом тьма лопнула за окном, взорвавшись по стеклу алым и желтым. Рассвет. Анне очень хотелось досмотреть сладкий сон, но барабанщикам под окном было плевать на такие тонкости.

— Доброе утро, — услышала она, раскрывая глаза.

— Доброе... — улыбнувшись, ответила она,

— Ой... — добавила тут же, сообразив натянуть одеяло до шеи. Рейнеке улыбнулся. Хорошо улыбался парень, ласково. Даже смущение делось куда-то. Он был уже одет. Наспех, небрежно, пуговицы перепутаны. Ёжик на голове — ой, кошмар... Взъерошен, мягко говоря больше обычного. И к двери тянется, будто уйти норовит. В таком виде.

— Подожди, — окликнула она его. Рука парня застыла на дверной ручке. Анна вскочила. Ойкнула — хорошо Рейнеке догадался закрыть глаза — по быстрому затянулась, накинула платок, поправила волосы. И взялась за юнкера всерьёз. Через пару минут парень был уже в приличном виде — относительно, но в казарме сойдёт. Вот только ..

— Голодный? — спросила она его.

— Как волк, — ответил он, щелкнув зубами для убедительности. Хорошо получилось, впрочем, учитывая вчерашние превращения — неудивительно. А Анна достала из сундука краюху хлеба, нож, палку колбасы. Оттяпала ломоть, положила кружок колбасы сверху. Посмотрела Рейнеке в большие, добрые и очень голодные глаза и добавила ещё два. Щелчок зубами и бутерброд исчез. Мигом, будто его и не было.

— Спасибо.

— Да не за что. Иди, а то сейчас опять искать будут.

Рейнеке учтиво кивнул и исчез, как тот бутерброд — раз, и не было.

— Иди, рыцарь ... — выдохнула Анна на прощание, уже в закрытую дверь. Встряхнула постель.

— Пес-рыцарь, — добавила в сердцах, гадая, как теперь простыню от шерсти чистить.

3-20

Знаки судьбы

Выйдя за порог Рейнеке — юнкер первым делом узнал, что на хозяйстве опять он один — капитан, сержант и прочие офицеры ушли в город, разбираться с навороченными за ночь делами. Парень выругался про себя, обошел дозором гудящий каменный четырехугольник. Два раза, изнутри и снаружи, порыкивая на невезучих. Грозно, на сержантский манер, но больше для тренировки. Получалась пока не очень, у итальянца куда лучше. Заодно напоролся на рядового Майера в укромном углу. Этот уже успел оклематься, накрутить кошачьим манером усы, и всем, кому надо, рассказать, как он выгнал из города дознавателя

Флашвольфа. Само-собой героически и, само-собой, в одиночку. Почти. Остальные немного помогали. В итоге кудрявая Катаржина (или госпожа Майер с недавних пор) вначале нарисовала на роже бравого рядового еще один фиолетовый синяк, в придачу к оставленному Флашвольфом. Чтобы не врал. Потом еще один, чтоб добычу не утаивал. А потом и самого рядового взяла в оборот. Пару раз и целилась на третий, не подвернись юнкер нехстати.

— Что, вашу мать, здесь происходит? — рявкнул юнкер, хотя с этой парочкой все было ясно и так. По виду уехавшей до самых бедер вверх юбки.

— Выполняем задание командования, — бодро отрапортовала кудрявая, и не подумав опустить юбку на место. В общем-то даже и не врала. Брошенное вчера Яковом в запале "пусть берет дурака и делает с ним, что хочет" именно к ней и относилось.

В ответ юнкер набрал воздуха в грудь и продемонстрировал усвоенные у капитана и сержанта навыки призыва на чужие головы *kusma's mother*, белого полярного лиса и прочих мифических существ из армейского бестиария. Рядовой кивнул. Одобрительно, будто экзамен принял. И побежал — ну, не побежал, пошёл вразвалочку выполнять юнкеров приказ. Составленный в лучших армейских традициях, не хуже, чем у капитана. То есть "Найти краску, кисть и прочее. Где хочешь. Сейчас. И потолок в Анн... то есть в моей комнате починить, а то течёт, как сито. Немедленно, то есть не позднее вчерашнего дня. По исполнению — доложить". Рядовой кивнул и ушёл, гадая, где ему теперь искать кисть и какого черта он сбежал в армию из подмастерьев, если на службе приходится тем же самым заниматься. "Впрочем, — тут рядовой вспомнил свою кудрявую и улыбнулся в усы, по кошачьи, — не только. Да и кормят в армии лучше".

Анна, с недавних пор ответственная за последний пункт, отловила похожим манером оставшуюся без надзора Катаржину и загнала от беды подальше, на кухню. Слухи о ночных делах по роте успели разбежаться самые дикие. Разбежаться, сделать пару кругов под краснокирпичными сводами, протечь змейкой с языков в уши и обратно. Чтобы, в итоге, вернуться к Анне самым диким образом — будто бы это она съела замучившего весь город помощника палача. То-ли сама, то-ли с помощью зверя из бездны. Так что косилась кудрявая на Анну немного опасно. И к лучшему, ибо на кухне нарисовался лёгкий полярный лис — запасы начали дно показывать. Буряк был, мясо, слава юнкеру, тоже, а вот с прочим — беда. Тут в разговоре кто-то помянул стоявший прошлым летом в городе хорватский легкоконный полк. Хорошо так помянул, незлым тихим словом. И пошёл по кухне галдеж — девки в Мюльберге были не злые, но и на память не жаловались. А память по себе наемники с востока оставили хорошую, такую, что Анна еле разогнала всех по местам. Но пару полезных идей из общего шума все-таки выловила.

В итоге суп вместо репы и гороха в котел отправилась свекла с капустой. Суп получился ядреного красного цвета и, на фоне немецкого — жидковат. Катаржина, глядя на то, что получилась, ворчала, поминая солдатским загибом чубарых уродов... Зато остальным понравилось, похоже. Даже сержанту. Тот забрел на запах, слопал тарелку из особого капитанского котла, похвалил. Сержант был в хорошем настроении, смотрел ласково, трепался долго. Все больше о старых днях, войнах, да боевых приятелях. Улыбался, чесал бороду, сыпал ворохом имен и кличек. Незнакомых Анне совсем, вроде майора Даггерти или капитана Аллатристе. Раньше Анна о них не слышала, зачем они ей не знала, но слушала, внимательно, временами подливая сарджу в тарелку. Ветерану такое внимание чуть, но льстило. Распелся, под звон ложек, соловьем. А Анна, улучив минутку, спросила — почему в

ротном табеле ответственного за кухню нету. Вот за все, включая выгребную яму есть, а за кухню нету. В ответ сержант огладил бороду, хмыкнул и выдал длинный, занимательный, но абсолютно непечатный рассказ о скорых на дурацкие новости французах. Это по их милости в казармах одна большая кухня на полк, вместо сотни маленьких — на семью. А чего с этой громадой делать — никто не знал. Устав на такой случай ещё не придумали.

Потом зашёл Рейнеке, и слушатели у сержанта резко закончились. Заодно показал дно и капитанский котел.

"Хорошо, что я на офицерскую долю их два поставила. Предусмотрительно", — подумала Анна, но тут прибежал посыльный с вестью, что Яков обедает в городе, и второй котел постигла судьба первого. Рейнеке церемонно сказал "спасибо" и исчез. Обед кончился, Анна разогнала всех — убираться. Кто-то из Мюльбергских попытался было возмущаться. И так, мол, сойдет. Но Анна это все решительно пресекла, оглядела свое, ставшее за пару дней, родным и знакомым хозяйство. Все на местах, чистота и порядок. "А я молодец", — подумала Анна, обругала себя за неуместную гордость и огляделась еще раз. Что-то забыла. В углу махала тряпкой Катаржина, угрюмо матерясь при каждом махе. Чем-то ей запомнился хорватский легкоконный, нехорошо запомнился, до стиснутых зубов. Так, что ругательства лились сплошным потоком. Ой, и икалось же сейчас чубарым усачам в ментиках. Анна выглянула в окно. Внизу, по плацу шёл юнкер. Высокий, прямой, но взъерошен больше обычного. "Все они козлы" — проворчала Катаржина под ухом. Анна невольно улыбнулась, вспомнив вчерашний день — не длинную, до звенящего ужаса ночь, а утро — светлое, солнечное. Развернулась, прихватила разошедшуюся Катаржину за рукав и спросила:

— Так, а в вашем Мюльберге иголку с ниткой видел кто? Или только мужиков крыть умеете? матом?

— Ну я, а что такое? — машинально ответила та, выпрямляясь и оторопело хлопая глазами.

— Тогда бросай все и пошли. Дело есть, — усмехнулась Анна и в двух словах разъяснила — какое.

— Бесплатно, что ли? — протянула недоверчиво Катаржина.

— Два дня без кухни, — нашла Анна, вспомнив сержанта.

— Идёт, — кивнула кудрявая, и они с Анной пошли с кухни прочь, перешептываясь не хуже иных заговорщиков.

И напрасно развязавшийся с ремонтом рядовой Майер бродил по казармам — искал свою кудрявую. Напрасно бродил под сводами юнкер. Кругами, иногда натыкаясь на Майера и старательно делая вид, что не замечает его. Его, и ещё с десятков мужиков слонявшихся так же туда-сюда, не по делу. Анна с подругами заперлись в комнате, подперли дверь сундуком и на двор не показывались, к сожалению и лёгкой тревоге юнкера и прочих. Озадаченный Майер побродил вокруг запертой двери, почесал в затылке, попытался придумать повод, не придумал, сунулся было так. Получил в лоб и пулей вылетел обратно на улицу. На шум зашла Магда, посмеялась, велела юнкеру — ждать. Сюрприз ему будет.

— Что они там делают? — проворчал юнкер про себя.

Тихо. Но недостаточно, Магда слышала. И ответила:

— Задание командования выполняют.

И вообще-то даже и не соврала. Вот только Рейнеке, полюбовавшийся утром на "выполнение задания" в исполнении кудрявой, зарычал так, будто собрался перекинуться.

Вот здесь и сейчас. И кого-нить быстро загрызть, прямо посреди плаца. Как волка ни корми... Но тут хлопнула дверь, и Анна таки вышла на улицу. Юнкер застыл, поперхнувшись рыком. Да так и остался стоять. Магда не врала, ничутьючки. Все-таки она была старше, опытнее. И брошенное ей Анне вчера: "и чтоб была у меня самой красивой" вполне сошло бы за приказ. Выполненный сегодня силами Анны, Катаржины и импровизированной швейной мастерской. Судя по отвалившейся челюсти юнкера, на отлично. Простучали каблук по брусчатке. Музыка в ушах. Сверкнули на юнкера глаза из под ресниц — огненным, рыжим опалом. Рейнеке церемонно поклонился, в глубине души жалея, что не поэт и не может описать то, что видит, словами.

Рядовой Майер сдвинул шляпу на лоб, почесал затылок, развернулся и пошёл в город. Молча. Скоро ночь, а забор вокруг городских складов самый ненадежный на вид. Свою кудрявую рядовой за три дня изучил хорошо и знал, что покоя ему теперь не видать. Пока такую же красоту не организует. Над плацем прошуршали юбки, простучали дробь каблук — музыкой, волшебной для ушей Рейнеке, юнкера, по кличке НеЛис.

А для Якова Лесли, капитана пехотной роты прозвучал музыкой тихий щелчок откинутой крышки. Крышки тайника в кабинете мастера Хазера, шпандтшкрибера города Мюльберга. Яков помнил этот тайник по первому дню в городе. Писарь достал бутылку из него тогда. Все-таки у Якова не складывалось в голове это все. Тихий, вежливый человек, обгорелая земля, листы на стенах, безумие и паника в глазах у спасавшихся в роте. Пальцы ощупали тайник. Ещё один щелчок — откинулась в пазах задняя стенка.

"Тайник в тайнике, хитро придумано", — подумал капитан, вытаскивая наружу увесистый мешок. Деньги. Много. Яков оглянулся, посмотрел на стол. Письменный стол, бумага, перья. Все в ряд, аккуратно, группами по три. Три чернильницы, три стопки перьев. Три... Капитан усмехнулся, повернулся назад и прощупал днище тайника ещё раз. Стена отозвалась звоном на стук, щелкнул замок. Ещё один. Умно. Внутри мешок, отозвавшийся глухим звяком на прикосновение. Яков вытянул добычу, развязал, вытряхнул на стол. И недоуменно вытаращил глаза. Невысокие оловянные фигурки. Солдатики. Детские игрушки. Впрочем, не детские. В палец ростом, искусно отлитые и раскрашенные вручную. Судя по не совсем умелым, хоть и тщательным мазкам — самим писарем. Яков невольно улыбнулся. Руки машинально расставили фигурки в строй. Оловянная пехотная рота. Мушкетеры со стволами наперевес, пикинеры с острыми пиками, барабанщик, трубач, знаменосец. Капитан в шарфе через плечо, шляпе с перьями, со шпагой в руках. Яков поднял фигурку на уровень глаз, посмотрел, улыбнулся. Оловянный капитан был похож на него. Немного. Такой же прямой нос и решительно торчащий вперёд подбородок.

"Так вот зачем Вам деньги, мастер Хазер", — подумал Яков, рассматривая стоящие в строю игрушки, — оловянных стало мало, в живых решили поиграть?

"А почему бы нет? — вторая мысль рыбкой приплыла на смену первой, — у Валленштейна получилось в своё время".

Яков аккуратно поставил оловянного коллегу на стол и полез в мешок за оставшимися фигурками. Вытряхнул, расставил. И оторопел. Обозная повозка. Раненный, поднявшийся на локтях. Рука откинута и заломлена назад, под странным углом. Раскрашено искусно, бледность на лице была натуральна, настолько, что Яков, опытным глазом, увидел сразу. Не жилец. Из мешка выпала еще одна фигурка, чуть меньше остальных, но раскрашенная ещё более тщательно, хоть и аляповато. Женщина. Обозная шляха. Бесстыдно задранная юбка, запрокинутая голова. Рыжие волосы. Яков сморгнул, пригляделся. Точно, рыжие. И черный,

короткий ёжик у раненного на голове. Кривая шутка судьбы. "Рейнеке и Анна. Да черта с два, — прошептал Яков, чувствуя, как течет по спине холодный пот, — черта тебе с два. Не сегодня"

Далеко, за казарменной стеной, у арки, Анна, улыбнулась. Лукаво, чуть кокетливо. Вряд ли намеренно, но выглядела ее улыбка именно так. И спросила у юнкера, не может ли он ей немного помочь. Вынести мозги получилось куда лучше, чем у тяжелых, осадных "шмерцфрау". Рейнеке ответил "да" прежде, чем узнал, на что подряжается. И весь следующий час тащил на горбу здоровенную бадью из одного конца казармы в другой. Сам, ибо рядовые связь между Аниной улыбкой, юнкером и внеочередным нарядом выучили крепко и попрятались загодя.

А далеко от казарм, в ратуше, высоком доме с часами на главной площади глухо простучало олово. Это Яков смел фигурки в мешок. Одним махом, не глядя. Разлетелись, жалобно прозвенев, по углам так и не ставшие настоящими солдаты, шлюхи и мертвецы. Лишь оловянный капитан остался стоять, уперев сапоги в доску. Яков улыбнулся, подхватил своего упрямого двойника, опустил в карман. И вышел, закрыв на ключ кабинет с разбросанными по полу фигурками.

А в роте набрел на юнкера и загнал того на ночь в патруль со стрелком Гансом на пару. Здравия для. Уж больно романтический вид был у парня. С таким видом долго не живут. Заодно отозвал стрелка в сторону и попросил натаскать парня. На двух ногах и на четырёх, чтоб случайно под пулю не попался. А то ищи хвостатого потом, да гадай, откуда у рядового Майера взялась меховая шапка. Стрелок кивнул и они ушли.

А ночью — глубоко за полночь, когда за окном уже колыхалась и била в стекло липким снегом мгла — в окно Анне постучали. Заскреблись, тихо и осторожно. Почти ласково. Анна сперва долго не могла понять, кто может стучаться в окно третьего этажа. Потом вспомнила, обругала себя душой последней и пошла открывать. Юнкер же сам просил ее разрешения перекинутся здесь, под крышей а не в лесу. "Форму в лесу оставлять не хочу. Потеряется — плохо будет", — пытался он объяснить, отчаянно смущаясь.

— Конечно, плохо. Чисти ее потом... — подумала Анна и согласилась. Юнкер ушёл в патруль. Через окно, в ночь, серой мохнатой молнией. А теперь вернулся. Лохматый, взъерошенный, мокрый от снега — хоть выжимай. Попытался было встряхнуться. Всем телом, будто собака.

— Ой, — огорчилась Анна, когда снег и грязь полетели по комнате. Зверь замер, опустил голову, спрятал глаза и сделался враз маленьким и виноватым. И очень — очень мокрым. А комнату Анна только убрала.

— Так не пойдёт, — сказала она строго.

Зверь кивнул, аккуратно, стараясь лишней раз не шевелиться. Анна огляделась, подумала и показала на бадью. Ту самую бадью, что Рейнеке тащил недавно. Не самое лучшее место, чтоб помыться, но что же делать, если городская баня закрыта, милостью Флашвольфа, навсегда. Хорошо, что печь на кухне не успела ещё остыть, и вода была. Хорошо, не горячая и не холодная, в меру. И мыло. Ласково плескалась вода, руки Анны гладили и ласкали густую серую шерсть. Мягкую, тонкие шерстинки скользили между пальцами, щекотали нос. Свивались узлами тугие мышцы под кожей. Зачерпнуть воду кружкой, плеснуть, смыть с шерсти текучую грязь. Повторить. Зверь мотнул головой, брызги прошлись волной по девичьей рубашке. Намокла, натянулась тонкая ткань на груди. Рейнеке опустил глаза, смущаясь своей неловкости. Это было так забавно, что Анна улыбнулась и

протянула руки — погладить эту большую лохматую голову за ушами. Погладить, почесать, прижаться. Пальцы иголкой кольнула дрожь. Острая, мелкая дрожь — сверху вниз, волной по лохматой шерсти.

Зверь вскинул голову и зарычал. Угрожающе, глухо. Развернул голову, оскалил Anne в лицо страшную пасть. Сверкнули желтые, кривые клыки в огоньке свечки.

Она отшатнулась. Невольно, с негромким "ой". Плеснула вода. Зверь отвернулся. Рык затих.

— Что это с ним? — оторопело подумала Анна.

Юнкер молчал. Потом опустил голову, заскулил. Жалобно и, вроде как, виновато. Словно прощения просил. Глухо капала вода, стекая вниз по серой шерсти.

— Мир? — осторожно спросила она.

Зверь кивнул. Анна вздохнула, схватила одеяло, набросила на юнкера, стала вытирать. Уже осторожно. Зверь молчал. Вот и все. Теперь он чистый, только... Тут Анна вспомнила про одну важную вещь. За день забегалась, забыла. Совсем.

— Спать давай. Ночь уже, — улыбнулась она, накинув другое одеяло на половину кровати. А то опять шерсть вытрясать. Сходить к Магде, поругаться, выбить юнкеру отдельную комнату она сегодня напрочь забыла. Ладно, не под елку же опять его гнать.

"В конце концов, съесть меня и вчера могли. А сегодня он точно не голодный. Целый котел в обед умял", — подумала она, уже засыпая. Под ухом ворчал зверь — мягко и даже уютно. И сны снились хорошие. Только странные — снился почему-то юнкер. Лохматый, в страшном зверином образе, но сидя и за столом. С ложкой, зажатой в когтистой лапе. Только видела его Анна под каким-то странным углом. Снизу вверх. И каемка вокруг, будто это она лежит на тарелке. Почему-то сейчас было не страшно. Совсем. Анна улыбалась во сне. Ласково. Серому лохматому зверю.

А серому снилась старая книжка. Старая, потрепанная, с порванным переплетом. Цветная гравюра — рыцари в древней, миланской броне. Во сне она ожила. Серый рыцарь всех победил, и королева турнира дарила ему розу с высоты трона. Ее волосы горели червонным золотом. И глаза — глаза цвета огненного опала. Королева улыбнулась. Рыцарь преклонил колени. Алая роза упала к его ногам. Нежный цветок с пунцовыми, развернувшимися наружу лепестками. Шип уколол ладонь. Рейнеке проснулся.

— Какого черта, — прошептал парень, оглядывая темную комнату. Угол был странный, и вещи выглядели как-то не так. Потом понял, что он опять человек, хотя засыпал зверем. Встряхнул головой. И понял что лежит, закинув руки на плечо Anne. Щекотала кожу тонкая рыжая прядь. Вздымалась грудь под тонкой рубашкой. Доверчиво посапывал маленький вздернутый нос.

— Как будто что то изменилось, — сказал парень сам себе и попытался убрать руку. Это оказалось неожиданно нелегко, но выученный в детстве "Патер" поправил дело.

Во сне Анны похолодало вдруг. Задул ветер — пронизительный и холодный как эта зима. "Скорей бы утро" — сквозь сон подумала она. И утро пришло. Оно всегда приходит.

Ее разбудил Рейнеке — уже человек. Одетый и даже почищенный.

— Доброе утро, — улыбнулся он ей. Сверкнуло, разлетевшись на блики в окне, неяркое зимнее солнце.

— Доброе, — машинально ответила она.

— Слушай, я тебе подарок принёс. Ну.. — парень немного замялся, опустил глаза, — не подарок, на самом деле, а так. Не дай бог, пригодится.

И протянул свёрток. Что-то тяжёлое.

"Когда успел? " — подумала Анна мельком. Развернула. Это был пистолет. Тяжёлый рейтарский ствол с медным орлёным курком и расшатанной полкой.

— Тот самый? — сморгнув, спросила она.

Юнкер кивнул. Тот самый тяжелый ствол, сваливший мастера Флашвольфа вчера ночью
3-21

Теодиция пули

— Ну и погода, — высокий, горбоносый человек поежился, стряхнул мокрый снег с воротника и шляпы. Аккуратно прикрыл ложе длинного мушкета полкой плаща.

С неба падал снег. Мокрой, серой волной с серого неба. Бил в глаза, ложился на плечи, хлюпал под ногами черно-белой, противной жижей.

— Собачья, — повторил стрелок Ганс, поежившись и отряхнув снег со шляпы.

Серый огромный зверь у его ног говорить не мог, но головой помотал вполне выразительно. Глухо зарычал и махнул хвостом у виска, ухитрившись разом показать все, что он думает о погоде, людях и их отдельных, идиотских присказках.

Стрелок кивнул. Хрустел и хлюпал под ногами снег. Шелестели ветви, гнулись книзу ветки под липким снегом. Серым, в тон закатному небу. В черно-красном, кирпичном кубе казарм за спиной зажгли свет. Желтые огоньки затрепетали, затеплились в маленьких окнах.

Треснула ветка. Хлюпнул под ногами снег. Люди шли — высокий стрелок с неизменным стволом на плече и Рейнеке-юнкер. Лохматый и о четырех ногах. Но приказом по роте объявленный человеком, пока не докажет обратного. Падал снег. На шляпу и плащ одному, на лапы и хвост другому. Ветки затрещали опять, раздвинулись — и оба, стрелок и зверь, вышли на поляну. Широкую светлую поляну. Ту самую. Квадратная башня темнела вдаль. Снег скрыл кровь и гарь, но тело мастера Фрайшпика убрать никто не удосужился. Стрелок подошёл, поворошил сапогом заиндевевший труп, обернулся, кивнул вполне одобрительно. Зверь опустил голову на лапы, заскулил. Будто извинялся. Стрелок махнул рукой, чуть слышно звякнула полка мушкета.

— Не бери в голову, парень.

Зверь мотнул головой ещё раз, указывая на тело. Заскулил. Стрелок посмотрел на него, упрямо сжал губы, кивнул.

— Если хочешь знать, это вообще не ты.

Скулеж оборвался, зверь застыл, подняв голову. С вполне человеческим изумлением на лице — сейчас оно совсем не походило на звериную морду.

— Конечно. Не ты привёл его сюда, не ты заставил делать то, что он делал. Сам пришёл. Добровольно и в полном разуме. Не просто пришёл — прибежал, как люди говорили. Так что забудь. Один человек, если хочешь знать, не может причинить вред другому. Человек только сам себе может навредить.

Зверь заскулил ещё раз, подняв глаза изумленно и недоверчиво. Стрелок усмехнулся в усы. Мягко, как учитель в школе смотрит на балованного ученика.

— Истинно тебе говорю. Не может. Я в школе когда-то учился, жаль не выучился. Так что это все, — стрелок кивнул на стынущий на снегу труп, — это он, а не ты. Он выбрал эту дорогу, и он по ней шел. Сам. Добровольно и вприпрыжку. А что эта дорога ведет мне под пулю, или тебе в пасть — Бог судил, не мы. Видать, достал этот тип царицу небесную. Эх... Если бы было можно взять человека, вынуть мозги, промыть от глупых идей с мылом, а потом вставить обратно... — стрелок перекинул ствол на плечо, усмехнулся чуть грустно, —

Говорят, иезуиты умеют. Я — нет. Так что делаем, что можем. То есть вынимаем мозги. Или бы ты хотел, чтобы этот хрен прошёл по своему пути чуть дальше?

Зверь попятился, мотнул головой.

— Вот и я о том. А лихо ты его. Хотя впредь не рискуй. Анну в зубы — и бежать. Мушкетный залп — надежнее ...

Стрелок обернулся. Сверкнул им в глаза жёлтый огонёк вдали, в окне казармы. Глухо лязгнул мушкет, взлетев и прижавшись к плечу. Пальцы стрелка — чётко в два коротких, выверенных движения взвели в боевое курок. С глухим стуком откинулась назад крышка у полки.

— Окно слева, на третьем этаже, — глухо проговорил стрелок, ловя срезом ствола невидимую, пока, точку. Зверь зарычал, собрался, напряжинил ноги — к прыжку. Серый хвост взметнул снег.

— Окно видишь? Третье слева, второй этаж — твоё или моё? Что там за тень у окна?

Зверь зарычал. Глухо, яростно.

— Мужик какой-то, — с хищной улыбкой, присмотревшись, процедил стрелок, — нечего ему у меня делать. Да и у тебя, парень, тоже.

Чуть дрогнул палец, выбирая слабинку на курке. Вдруг зверь мотнул головой — отрицательно, слева направо. Развернулся и зарычал. Махнул серый хвост, взвилась в глаза мокрая снежная крошка. Стрелок отшатнулся, затряс головой, опуская мушкет. Зверь сел на задние лапы, махнул хвостом — так крутит пальцем у виска человек. Потом махнул хвостом ещё раз — словно опоясал себя от левого плеча вниз и направо. Стрелок кивнул.

— Чёрт, чуть капитана не пристрелили. Ты прав, это же его комната. Спасибо.

Зверь кивнул. Совсем по-человечески.

— Пошли, — бросил стрелок. И они пошли, бросив мастера Фрайштика, помощника городского палача, там, куда привела его выбранная им дорога.

Чтобы под аркой, у казарменных стен напороться на капитана Якова Лесли. Капитан шёл по дороге, что вела из города в расположение. Весело, легко, несмотря на грязь под тяжелыми сапогами. Золотой офицерский шарф намок и тянулся неровной лентой — к поясу от левого плеча.

— Вы из города, герр капитан? — вместо приветствия бросил стрелок. Капитан кивнул:

— Да, весь день там провозился.

— Тогда, прошу прощения, но кто в вашей комнате сейчас?

— Не знаю, — коротко сказал враз посуровевший капитан, — давайте посмотрим.

Они поднялись — тихо, стараясь без нужды не стучать. Подергали дверь. Заперта. Стрелок пожал плечами. Капитан щелкнул ключом.

— Чисто тут у вас, герр капитан, — пробормотал под нос стрелок, оглядевшись. И коснулся пальцами лампы на столе. Стекло было теплым, медная проволока обожгла пальцы.

— Горела недавно.

Капитан кивнул, внимательно оглядел сундуки, стол и разбросанные тут и там бумаги. Вроде, ничего важного. Хотя... У окна, поверх старых карт и приказов валялся белый лист. Исписанный весь, мелким, бисерным почерком.

"Их Светлость, графиня Амалия передает капитану привет и просьбу не забывать бедную вдову..."

Стрелок бросил взгляд капитану через плечо, оскалился, коротко хмыкнул. Капитан

кивнул. Рекомендательное письмо, с которым юнкер полгода назад поступил в роту. Валялось в бумагах, но — Яков помнил точно — совсем не здесь. Интересно, кому оно могло понадобиться?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

3-22

Земляные работы

Через две недели роту из города попросили. Вежливо, власти ещё не успели забыть недавние дела, тихо, но очень настойчиво. Виной всему была, как ни странно Анна. Ну и Катаржина и прочие ротные дамы. И их импровизированный швейный цех. Дорвавшиеся до чистой и спокойной работы девки развернулись так, что местные портные враз остались без заработка. Цеховые достали дубины, и пошли разбираться. На полпути встретили Майера с приятелями, вежливо извинились и ушли назад, синяки залечивать. Один мастер вспомнил цеховые привилегии и попытался жаловаться фогту. В итоге, Рейнеке-юнкер получил строгий выговор за вытье на луну в неполюженном месте, портной, с помощью Магды, вылечился от заикания, а капитан Яков Лесли озверел сам и строго приказал сержанту пресечь безобразия.

Сержант, твёрдо уверенный в том, что от работыдохнут исключительно кони, а рядовые лишь здоровей делаются, пресек безобразия самым простым способом. Взял у города подряд на ремонт часовни. И загнал туда работать Майера, Донахью и прочих нарушителей. За наличный расчёт. В итоге, кроме портных на роту пошли жаловаться ещё и каменщики. Капитан чуть было не попросил юнкера повить на луну ещё раз, опомнился, сплюнул и велел выступать. Но через три дня. Время нужно было всем. Магде, Анне и девкам — закрыть заказы, сержанту — доделать и получить с фогта расчёт. И у Якова Лесли, капитана пехотной роты тоже осталось в Мюльберге одно незаконченное дело. И оно Якову не нравилось, от слова совсем.

Капитан запинал в себе желание собрать общий сбор и обсудить все ещё раз. Нет. Глупо. О таком не советуются. Только лично и только приказ. "На страшный суд колонной не ходят", — угрюмо подумал Яков и посмотрел в окно. День был ясный. Не день ещё — утро, солнечное. И небо синее, как будто уже весна. Она, конечно, придёт, скоро, но не сейчас. И не для всех. На плацу за окном крутилась обычная суета, опять проштрафившийся Майер тащил что-то тяжёлое, весело переругиваясь с своей кудрявой. Бритый. Яков даже сморгнул, подивившись на такое чудо. А потом спустился вниз, отловил сержанта и отдал приказ. Короткий, из одного слова: "пора". Сардж кивнул. Большого и не требовалось. Они знали друг друга слишком долго, чтобы говорить лишнее. Мимо прошёл Рейнеке-юнкер, с Анной под руку. "Все правильно", — угрюмо подумал Яков и ушёл к себе, избегая встречаться с парнем глазами. Пусть и дальше думает, что капитан Яков Лесли честный человек. Стукнула дверь.

— Благослови вас бог, капитан, — голос из-за спины. Элиза. Безумная с опаленными волосами. Волосы, правда, уже отросли а вот разум пока не вернулся. Никуда она из казарм не ушла. Боялась, а может, просто некуда. Капитан не ответил, даже не обернулся. Захлопнул дверь за собой. Сел за стол.

— За такое проклиняют, обычно, — капитан посмотрел на окно и протянулся в сундук, за бутылкой и стаканом. Все равно, пока сержант не придет с докладом — делать больше нечего.

— Дерьмо ваш мир. Война честнее, — прошептал он. Булькнула в стакане мутная, как

иные методы, жидкость. Капитан прищурился, посмотрел на свет. Мысленно прокрутил в голове, что будет потом говорить Рейнеке. А парень спросит, обязательно. И лучше пусть верит в официальную версию, про разгневанный народ, совершивший правосудие. А вот про то, как крутился отжатый капитаном печатный станок, наводняя улицы листками с рассказом про "страшное и ужасное преступление". Про то, о чем шептался по кабакам с местной уголовщиной сержант. Про то, что заливал родственникам казненных итальянец Лоренцо — про это парню знать не надо. Пока. Еще успеет насмотреться на всякое.

И с этой мыслью Яков выдохнул, медленно поднес стакан ко рту. И вздрогнул, услышав под окном стук копыт и конское ржание. Обиженно звякнул отставленный стакан, плеснула, разлилась по бумагам мутная местная водка. Яков глянул в окно. На плац, под хрип коней и солдатскую ругань въезжала карета. Изящная белая карета, запряженная четверкой лошадей.

"Какого черта, — мельком подумал Яков, — Не положено же. И как она заехала на таких колесах в эту глушь?". В карете запахнулась дверь, сверкнув золотом герба на солнце. Мысли сорвались, понеслись вскачь. "Какого черта я до сих пор не завёл слугу? И в каком из сундуков искать парадные туфли с пряжками? И как встречать свалившуюся на роту беду. Беду, хорошие новости в каретах не ездят. Хорошие новости ходят пешком, в лучшем случае трясутся на казначейской повозке"

Последнюю мысль Яков додумал уже на плацу. Солнце ударило в глаза, Яков на секунду зажмурился.

— Только не говорите, что ослеплены моей красотой, капитан, не поверю, — прозвенел в ушах царственный голос. Женский, ровный, уже слегка дребезжащий по стариковски. Яков открыл глаза. Ну, разумеется. Годы забрали у этой дамы красоту, оставив взамен царственный голос, осанку и блеск бриллиантов, скрывавших морщины. Старая знакомая, черт ее побери. Их светлость, графиня Амалия. Госпожа тёща имперского главнокомандующего. И теперь она даже не делает вид, что они с Яковом встретились случайно.

— Рад приветствовать, Ваше... — попытался поговорить что-то учтивое капитан.

— Без чинов, капитан, Вы, гляжу, все так же красноречивы, как и при прошлой встрече... — последовавший за фразой смешок был добродушен, тонок и обиден до крайности. Настолько, что Яков собрался и вымолвил:

— Чем обязан Вашему высокому визиту?

— Не здесь, капитан. Проводите меня, нам есть о чем поговорить.

И пришлось капитану делать учтивый вид, подавать даме руку и провожать к себе. Осторожно, стараясь не оттоптать подол сапогами.

"Интересно, как же она все-таки проехала сюда, посреди зимы, — подумал Яков, украдкой оглянувшись назад, на лакированную карету, — впрочем, о чем это я. Эта везде проедет"

— Итак, Ваша светлость, чем обязан? — спросил Яков ещё раз, уже у себя в комнате. Спросил, гадая как можно сидеть на простой табуретке так, как будто это трон. Но их светлости графине Амалии это вполне удавалось.

— Дела, — ответила графиня с улыбкой.

— Не смею спрашивать, какие.

— А зря. Ваши дела, капитан. Вот, полюбуйтесь, — и под носом у Якова захрустела, разворачиваясь, бумага. "Ничего себе", — тут Яков не сдержался, присвистнул себе под нос. Почерк мастера Хазера, штадтшкрибера города Мюльберга. На имя герцога. Донос. На

него, Якова Лесли. Объемистый, зараза. Полный лист, мелким аккуратным почерком. Пунктов там. На три петли, расстрел и колесование в придачу. Дойдя до последнего, Яков совсем озверел, не сдержался и помянул писаря по матери, на московитский манер.

— Что, капитан, часовню тоже вы разрушили? — с коротким смешком спросила графиня. Видимо, тоже прочла последний пункт.

— Часовню мы как раз починили. Десять лет без ремонта была, — довольно таки невежливо огрызнулся капитан и посмотрел на самое важное — на дату. Две недели назад. Бумага ушла в первый день, едва они вошли в город. Хороши были бы они, пытаюсь отсидеться.

— Откуда это у Вас? — спросил, наконец, Яков.

— Рыбка на хвосте принесла, — ответила графиня с такой же непроницаемой улыбкой.

"А разве не птичка? Хотя кто их непростую светлость знает, может это и не поговорка вообще. Один ее протеже с лохматым хвостом, почему бы не быть и второму — с чешуйчатым?"

— Так что у Вас тут произошло, капитан?

Яков усмехнулся и, как мог кратко, рассказал — что.

Герцогиня выслушала. Молча, непроницаемо. Лишь когда дело дошло до найденного в сундуке указа — улыбнулась и заметила.

— Ах, помню. Намучился же отец Ламормайни тогда.

— Простите, Ваша Светлость, кто?

— Отец Ламормайни, духовник его величества. Знали бы вы, капитан, чего стоило ему выбить этот указ из императора. Ему и всему ордену иезуитов. Даже после Бамберга — а местный пал лишь бледное подобие того, что натворил там епископ. Стон тогда стоял на всю империю. Но голос разума чертовски тих, когда дело касается привычки. Привычки, суеверий, денег, страха. Уж не знаю, чего было больше. К счастью, их величество опасно заболел, и отпущение грехов... То есть угроза оставить без отпущения своё дело сделало. Удачно получилось. Но это вам знать совсем не обязательно, капитан. Продолжайте.

И капитан продолжил, гадая про себя, насколько случайной была столь вовремя приключившаяся с их величеством болезнь.

— Получается, я спешила сюда зря, — задумчиво проговорила графиня, когда Яков закончил, — вы, капитан, справились сами. И опять сумели меня удивить ... Это в какой раз?

— В третий, — ответил Яков, вспомнив предыдущие два. Заныло плечо, пробитое когда-то шпагой полковника Мероде. Графиня улыбнулась.

— Ну, раз так, я, пожалуй, хотела бы посмотреть на автора этой в высшей степени занимательной бумаги. И, кстати, вы ужасно невежливы, капитан.

— Простите, Ваша светлость?

— До сих пор не предложили даме выпить.

Теперь усмехнулся уже капитан, встал, посмотрел в окно. Из города шёл сержант, медленно, борода торчком. По-хорошему надо бы спуститься, выслушать фальшивый, до скрежета зубовного, доклад — извините, мол, герр капитан, недоглядели. Объявить столь же фальшивый выговор в ответ. Нужно. Но лениво. И так сойдет. Капитан пожал плечами и повернулся к окну спиной.

— Посмотреть уже не получится. А вот выпить — можно, если местная водка вас не оскорбит. Только не чокаясь.

— Я так понимаю, вы провожали этого типа в последний путь, когда я приехала?

Капитан кивнул.

— Тогда почему не чокаюсь? Повод, по — моему, вполне достойный.

Капитан пожал плечами еще раз. За окном шел Рейнеке, с Анной под руку. Умудрился ничего не заметить, стервец.

— Зря грустите, капитан. В конце — концов кому надо, живы, кому надо — нет, а мой протеже, похоже, собирается сделать меня бабушкой.

Их светлость улыбнулась опять. Лисьей лукавой улыбкой. Сверкнули тяжелые перстни на тонкой руке. Багровым и ледяным, ослепительным блеском. Капитан сделал каменное лицо и подумал, что совсем не хочет знать, какой из этих перстней принадлежал дому Борджиа раньше.

— Крестной бабушкой, а не то, что вы подумали. Хорошо, хоть прямо не сказали. Как он, кстати говоря?

Служит исправно, — разговор стремительно сворачивал с колеи. Несся вскачь, по ухабам. "Эх, сержанта бы сюда, — вскользь подумал капитан, — но некогда. Другого шанса может и не представится".

— Служит исправно. Выговор недавно получил. За неуставную форму одежды, — тут графиня смерила Якова тяжелым, непроницаемым взглядом. "Чёрт, вести людей на французские мушкетеры было проще" — эту мысль Яков затоптал и продолжил.

— За неуставную форму одежды. То есть усы, лапы и хвост.

Графиня улыбнулась. Тоже непроницаемо, не поймешь, как.

— Сурово, капитан. Так и знала, мальчик не сумеет сохранить тайну. Поэтому и отправила его именно сюда. У вас, капитан, хорошая репутация.

— Репутация? Какая у меня репутация, интересно?

— Репутация человека, который решает проблемы и не задаёт вопросов. И не орет "караул", столкнувшись с необычным...

— Да уж, — коротко усмехнулся капитан, невольно скосившись на сапоги. Противно заныло плечо. Будто к дождю.

— Да уж. Прошлые встречи для "необычного" окончились печально.

— Это не ваша вина, капитан. С Мероде вы перестарались, не отрицаю, но это дело прошлое. Сам напросился. К юному Рейнеке претензии есть?

— Нет. Сработались. Ещё бы десяток таких — хорошая получилась бы разведгруппа.

— Увы, капитан. Но его родственники вам не понравятся. Так что обходитесь, пока, одним.

— И все-таки — что он такое?

— Не что, а кто. Ваш юнкер. Человек, если хотите знать. Добрый католик. Его предки крещены еще святым Мейнардом, первым епископом краев Ливонских.

— А он знал?

— Еще бы. Предка Рейнеке крестили дважды, человеком и в облике, отдельно. И далее, их секрет был известен всем, кому это положено по статусу. Если хотите, капитан, покажу Вам бумагу за подписью папы. С предписанием всем добрым католикам оказывать содействие верным слугам империи и церкви, баронам фон Ринген в борьбе с мракобесием и крестьянскими суевериями?

Капитан замотал головой. Резко. Плохо это в голове укладывалось, пока. Плохо.

— Не надо. Я, если не забыли, добрый лютеранин.

— И правильно. Все равно поддельная, — похоже, оторопь Якова графиню слегка

веселила, — Нет, не мной, ещё в пятнадцатом веке. Отец — инквизитор Праги, решил, что их святейшество ко "всем, кому надо" не относится. А потом еретики разгромили Пражский капитул и эта тайна, вместе с их архивом, досталась мне. Так сказать, по наследству. Не всегда приятное наследство, но полезное и... — тут графиня улыбнулась ещё раз, — но мы в ответе за тех, кого приручили.

— И все-таки странно. Чёрные... — тут Яков замялся на мгновение, вспомнив с кем говорит. А потом продолжил :

— Ваши черные попы добротой к неведомому не отличаются.

— Вы просто плохо учили священное предание, капитан. Перечитайте житие святого Христофора на досуге. И поверьте, это не самое большое чудо.

— Хорошо, — улыбнулся в ответ капитан. Все это надо хорошо обдумать, но потом. А сейчас... А сейчас надо соскользнуть как-то с опасной темы.

— Хорошо, Ваша светлость. Я понял. Дальнейшие действия?

— Продолжайте в таком же духе. Прикрывайте парня, обеспечивайте секретность... И дайте знать, когда этот обалдуй таки сделает меня бабушкой... За окном засмеялись. Луч солнца пробежал по столу, кольнул глаза. Капитан усмехнулся. Вроде, пронесло. Пронесло разговор, как карету — лошади, на полном скаку, по корням да ухабам, чуть не выкинуло. Но обошлось, вроде. Теперь можно и другие вопросы обсудить. Не столь острые, но насущные, вроде оплаты новых услуг. Эх, сержанта бы сюда... Последнее Яков думал уже доставая второй стакан. Булькнула мутная водка. Графиня выпила. Изящно, не морщась, будто в стакане и не дешёвый самогон, а жидкость из погребов его величества.

— Ваше здоровье. Ну и гадость вы пьете, однако. Надеюсь, автор этого... произведения под охоту попал?

— Нет.

— А жалко...

— Если подождете, я попробую добыть что —нибудь более приличное вашему званию, — задумчиво проговорил капитан, — У француза вроде бы оставалось...

— У какого француза?

— Да увязался тут за нами один.. Путешественник... Аббат без кафедры или вроде того. Дороги опасны.

Лицо графини собралось, стало вдруг жестким. Глаза сузились, посмотрели на Якова пристально. Будто черные дула ловили прицел.

— Маленький, лицо тонкое, в разговоре иногда трогает мочку уха?

— Да, — ответил Яков растерянно. Они что, знают друг друга? Определенно, да. Пальцы графини резко сжались, сверкнув в глаза ледяными и алыми бликами.

— Капитан, Вы идиот. Проводите меня. Быстрее. — с этими словами она вскочила. Резко. Капитан хотел подать руку и не успел. Вихрем по лестнице — вниз, стук каблуков отозвался частой дробью от стен и окон.

— Трогай, — крик сорвал возницу с места, хлопнула дверка, захрапели кони, набирая разбег. Яков запрыгнул в последний момент. Едва успел. Карета сорвалась с места и, не обращая внимания на крики и гам, вихрем пролетела под аркой прочь, в сторону города.

— Быстрее, быстрее. Опоздаем, чёрт вас, капитан, возьми, — шептала графиня, пока бешеные кони несли карету прочь, по дороге к городу.

И они опоздали таки. К особняку у реки, на краю города. Тихому двухэтажному зданию, скрытому от мира кустами и ветками сада. Чёрного, голого сада по зиме. Но, даже и сейчас

— слишком тихо для жилого места.

— Приехала утром, мои люди должны сейчас заселяться, — пояснила их светлость, когда карета ворвалась в садовые ворота. Звон копыт взорвал тишину, отозвались эхом стены и чёрные ветки. Захрустел под ногами снег. Парадный вход — две полукруглые створки. Распахнуты, жалобно скрипит на ветру тёмное дерево. Мешковатые фигуры рядом. Яков шагнул вперёд, кладя руки на пояс, поближе к рукояткам шпаги и пистолета. Мешковатые фигуры у дверей. Два человека, вроде — охрана. Мертвы или спят — не разберешь, но крови не видно. Графиня мельком наклонилась над ними, прошептала ругательство. Яков шагнул вперёд, гадая, мог ли он видеть этих парней много лет назад, в монастыре "Парадиз" («Неправильная сказка»)

Дом был тих. Нашли ещё с десятков тел. Вроде, не мёртвых, капитан не наклонялся, чтобы проверить. Второй этаж. Комната в углу. Распахнутая дверь, ещё одно тело валяется на пороге. Внутри — хаос и разгром. Графиня выругалась — три раза, тихо но отчетливо. Первый раз — когда увидела брошенный на стол сундук. Второй — при виде сорванного замка. И третий — когда распахнулась резная крышка. Пустота внутри, лишь тонкая пыль, серебрясь, взлетела на воздух.

— Опоздали, — прошептала графиня, — черт вас поберит, капитан, опоздали.

— Что это было? — спросил в ответ Яков, разглядывая следы разгрома вокруг.

— Вам не обязательно знать, капитан.

— Может быть. Но сейчас я подниму роту, прочедем все. Не исключено, что найдем француза вместе с тем, что он украл. И жалко будет, если то, что мне не обязательно знать, солдаты найдут первыми. И случайно на растопку пуస్తят.

Графиня усмехнулась в ответ, сверкнула на Якова холодными, под цвет брильянтов, глазами.

— Не надо никого поднимать, капитан. Но, на всякий случай — это была книга. Большая, древняя в красном, кожаном переплете.

— А что в ней?

— Вам не обязательно знать...

Хорошо, проговорил капитан, оглядываясь еще раз. И заметил на стене приколотый лист. Записка. Лист с неровно оборванным краем, почерк аккуратный, четкий.

«Благодарю за гостеприимство, капитан. Жаль, что не удалось толком поговорить и, надеюсь, больше случая не представится. Искренне ваш Рене аббат д'Эрбле»

Графиня за спиной Якова усмехнулась. Станным, горловым звуком, больше напоминающим шипение змеи. Яков перевернул лист. На обороте была гравюра. Старинная, выцветшая гравюра, изображавшая воина в кольчуге и остром шлеме, схватившегося насмерть со зверем в лохматом волчьем обличье. Сверкал острый меч, щерились клыки, круглый щит отбивал удар когтистой лапы.

— Еще и книгу порвал, нехорошо, господин аббат, — проворчала за спиной их светлость.

— Ту самую? — спросил капитан. Молчание за спиной было достаточно выразительным, чтобы принять его за «да».

Глаза капитана скользнули ниже, на подпись. «Вильгельм фон Ринген, благородный и достолавный рыцарь ордена ведет бой с Хомой Лютым, князем-колдуном из земли Речицкой».

— И кто тут «благородный и достолавный»? — невольно подумал Яков и обругал сам

себя. Морда у зверя на гравюре была вполне узнаваема.

3-23

Старые тени

Двадцать лет назад.

Париж, улица Вожижар, особняк Лонгви

Вставать не хотелось. Совершенно. Кровь стучала в висках, редко и размеренно, в такт дыханию. Тусклым золотом сверкала лепнина на потолке. Кололи спину смятые, свитые в узел простыни. Запах щекотал нос — тягучий запах сирени из-за решетки окна, мешался с пряным, сводящим с ума запахом от простынь. Запахом того, что Рене, молодой совсем человек, пока причетник, а в будущем — возможно и аббат, ещё не разучился считать чудом.

— Надо вставать, — прошептал он себе. Не хотелось. Совершенно. В костях — ломота и приятная, даже торжественная опустошенность. Вокруг тишина, старый дом словно деликатно молчит, лишь шелестят за окном ветви сада. Тишина такая, что Рене какое-то время внимательно слушал собственное дыхание. Дыхание, да плеск воды, доносящейся из-за двери. Мерный, торжественный звук. Невольно представилась вода, мерцающая, текущая струей по изгибам и складкам. Тела той, что встала недавно с этой постели. Только что. Интересно, моется она так же, как и говорит? Наверное, да. Эта дама умела быть царственной. Везде, кроме, — тут парень невольно скосил глаза на плечо — на своё плечо, отмеченное пятью параллельными царапинами сегодня. Глубокими, длинными — через все предплечье. Грудь невольно поднялась, схватила воздуха куда больше, чем надо. Будто телу мало недавней бешеной скачки.

— Интересно, а кто она? — спросил он себя, больше, чтобы отвлечься. Толстощекий амур подмигнул со стены.

— Тебе не обязательно знать.

Так отвечала она всегда на такие вопросы. И добавляла улыбку, вместо ответа. Ослепительную для юного Рене. А потом любые вопросы быстро становились не интересны.

— И все-таки, кто? — спросил парень себя ещё раз и начал перебирать память. Дама, тысяча лет благородных предков читались явственно. Высокородная? Возможно. Но... Рене ещё слишком юн для двора, но почему-то казалось, что ее он там не найдёт. Говорит чисто, но в голосе пробегают порой гортанные, жёсткие звуки. Словно французский ей не родной. И слуга, как — то, обмолвившись, назвал ее "их светлостью". Иностранка? Графиня? Об иностранной графине с такой внешностью трубил бы весь Париж. Но салоны и кабаки молчат, и даже вездесущие тетки с рыбного рынка не перемывают косточки их светлости. Кости на пальцах. На тонких, изящных пальцах с перстнями. Старинные, тяжелые. А обручального кольца среди них нет. Вроде, нет.

— А муж у неё есть? — лениво подумал парень, — наверное, есть. Должен быть. Небось страшен, как дьявол и ревнив, как Синяя Борода.

Сквозняк неприятно лизнул холодком грудь. Парень рывком вскочил, вспомнив историю шевалье де Бюсси. Накинул рубашку, потом штаны — быстро, но не запутавшись. Затянул поясной ремень — туго, и подвязки под коленями — наскоро, кое-как. Кафтан отлетел в сторону, равно как и чулки и башмаки с пряжками — подождут. Вначале перевязь — золоченая, парадная перевязь. Но вот клинок, что на ней висит — он не парадный. Совсем. Отцовский прямой клинок, помнящий, как звонили колокола в ночь святого Варфоломея.

— Теперь милости просим, мессир Борода, — прошептал парень хищно и огляделся.

Разорванная на миг тишина сомкнулась вновь. Плеск воды за стеной — такой же убаюкивающий и мерный. Трещит и плюется искрами фонарь у стены, по стенам бегут отблески желтого, теплого света. Стол в углу. Тяжелый, темного дерева. Книга на столе. Толстая, старинная на вид книга в кожаном переплете. Красным, как кровь, багровой медью отливают в свете фонаря литые защелки.

— Интересно, что же вы читаете, Ваша светлость, — прошептал Рене, раскрывая переплет. Тонкая книжная пыль защекотала нос.

— Что это может быть — Декамерон? — прошептал он, раскрывая страницы.

Нет, не Декамерон. Рукописные строчки, угловатые, вензеля по углам, тщательно выведенные буквы. Буквы складывались в слова на незнакомом языке. Не латынь и не французский, совсем неведомый. Попробовал произнести пару слов вслух — чужие звуки неприятно царапнули нос и горло. Какие-то схемы с аккуратными подписями.

— Похоже, Ваша светлость балуется тёмной магией, — усмехнулся парень, перелистывая страницу. Модное в этом сезоне, хоть и запрещённое увлечение. Впрочем...мысль оборвалась. Страница перелистнулась с сухим шелестом. За ней была другая, с гравюрой. Огромный, почти в рост человека зверь. Мощные лапы, острые когти. На загривке дыбятся шерсть, лобастая голова с пастью, полной клыков. Желтых кривых клыков. Подпись внизу — угловатые незнакомые буквы. Рене невольно вздрогнул, глядя в эту пасть.

— Страшная какая-то сказка.. — усмехнувшись, прошептал он. И насторожился. Плеск воды стих. И что-то ещё. Что-то заскреблось и царапнуло острым. В уши штопором ввинтился звук — низкое, горловое ворчание. Рене обернулся — резко, на пятках. Рука легла на эфес. Приятно захладила кожу отцовская шпага. Ставня на окне дрогнула и заходила ходуном, ворчание за окном сменилось ревом. Желтый, немигающий глаз уставился на Рене сквозь прутья решётки. Лязгнуло, выползая из ножен, отцовский клинок.

— Молодой человек, где вас учили компрометировать даму? — хлестнул новый голос по ушам. Женский, ровный, тихий — но непререкаемый. Словно удар хлыста.. Рене вздрогнул и обернулся, забыв на миг обо всем. Их светлость. Как есть, только халат накинула на точеные плечи. Мало что скрывающий халат. Рене невольно сглотнул. Стук у окна повторился.

— Что происходит, мадам?

— Одевайтесь и покиньте дом. Немедленно, — приказала она и, увидев, что парень колеблется, добавила, — Вам ничего не грозит, если поторопитесь.

— Что происходит? — упрямо повторил Рене, не отпуская эфес. Решетка на окне заметно дрогнула.

— Что происходит? Муж вернулся домой. Вас что, молодой человек, не учили, что нужно делать в таких ситуациях?

Муж? То, что рычало и билось за ставней? Рене ошалел настолько, что опомнился только на улице. Как вышел — не помнил. Почему на ногах башмаки? Когда успел? Щекотала ноздри сирень. Ветерок взъерошил волосы. Дом позади — темен и тих. Что это было? Заскрипел гравий под каблуками. Два шага вперёд. Но потом Рене развернулся и, не зная куда и зачем, упрямо пошёл назад, в тени, хоронясь за кустами. Скинул башмаки — так лучше, дорожка больше не скрипит под ногой. На небе — полная луна, мерцает серебром вверх острая крыша. Свернул за угол, к задней, глухой стене. Здесь тени ложились густой пеленой, стлались, клубились, лишь окно наверху светило трепещущим жёлтым. Парень замер на миг, подсчитал в уме лестницы и повороты — вроде, то самое. Их окно. А рядом, на

крыше... А рядом на крыше щерил пасть зверь с гравюры. Кривую, полную острых клыков пасть...

— Вот тебе и сказка, — прошептал Рене. Звякнул в руке отцовский клинок. Зверь глухо зарычал, медленно поворачивая к юноше огромную голову. С треском распахнулось окно, и женский голос будто хлестнул по ушам. Два отрывистых слова на незнакомом, резком языке. Зверь исчез. Вмиг, будто его и не было.

И еще битых двадцать лет юный Рене, ставший причетником, потом — улыбка судьбы — мушкетером, потом обратно — аббатом Эрбле жалел об одном. О том, что в тот момент развернулся и ушел. Думал вернуться утром. Думал — за ночь тайна никуда не уйдет. Но она ушла, испарилась, исчезла. Когда он вернулся — особняк был заколочен и пуст. Совсем. Соседи ничего не видели и не слышали. Будто и не было пряных, безумных ночей и скребущегося в окно лохматого чуда.

Двадцать лет. До этого дня. Серого, холодного дня на берегу Эльбы, на поле, под скрипящими крыльями ветряной мельницы. Их много стояло здесь, на этом берегу. Щелкнула под пальцами застежка. Раскрылся красный переплет, ветер налетел, растрепал желтые страницы. Буквы готического письма — Эрбле усмехнулся, вспомнив себя двадцать лет назад. Надо же было принять самый обычный немецкий шрифт за колдовские руны. Гравюра. Та же, что и двадцать лет назад. Лохматый, оскаленный зверь. И подпись внизу.

— Эх, зачем же вы наврали тогда, Ваша светлость, — чуть грустно, усмехнулся давно разучившийся верить в чудеса маленький аббат, разбирая подпись под картиной, — тоже мне, муж...

Под гравюрой была подпись — их светлость, барон Вольфхарт фон Ринген. Дата рождения. и, ниже строчкой — "текущее месторасположение — замок Гаунау".

— Ну, что же, господин барон, нам есть о чем поговорить, — усмехнулся аббат Эрбле, захлопывая книгу. Холодный ветер налетел, взвил плащ. Нетерпеливо переступил с ноги на ногу конь, просясь в дорогу. Аббат обернулся — вдали, там, где перечеркивал синюю реку черной чертой наплавной мост появилось шевеление. Длинная, слабо различимая издали полоса. Люди, повозки. Ветер донес глухой стук — лениво бил барабан. Хлопало на ветру знамя с черным имперским орлом. Рота Якова Лесли покидала город Мюльберг.

— Надеюсь, мы больше не встретимся, — прошептал аббат и махнул своим — пора. Выступаем.

Глава 4 - Волчья жена

4-1

Гроздь рябины

Просто так уйти из Мюльберга рота не смогла. Капитан был человек опытный, Найтмайстер стражи свое дело знал, да и сержант тоже не вчера родился. Уход роты из города они на троих планировали долго и тщательно, как не всякую боевую операцию. Кабаки и весёлые дома прочесали загодя, выловили за шкуру загулявших. В итоге, кое-как собранная и с огромными ругательствами построенная рота торжественно, с развевающимся на ветру знаменем впереди и под барабанный бой прошла по наплавному мосту через широкую и синюю от тонкого льда Эльбу. Прошла колонной по сизой от оплывшего снега равнине, под черными крыльями ветряных мельниц. Барабан бил, отбивая такт — медленно, словно печально. Хлюпала под ногами жидкая грязь. Туман укрыл город за спиной, тускло

сверкнули в спину кресты на шпильях. Будто доброго пути пожелали. На козлах обозной повозки Анна поежилась вдруг и подумала, кому теперь достанется комната с беленым потолком в офицерском крыле казармы. Колесо наехало на камень, повозка дернулась, Анна прикрикнула на лошадей и приказала себе выкинуть дурные мысли из головы. Получалось плохо. Ветер с реки разогнался над сизым льдом, налетел, крутанул над головой чёрные крылья мельницы. Протяжный, тоскливый скрип полоснул по ушам. Анна украдкой протерла слезящиеся глаза и вцепилась покрепче в поводья. Что толку жалеть сейчас. Юнкер украдкой махнул ей рукой — они с Гансом на пару шли в конце, подгоняя отставших.

Так и прошли с полмили. Но за первым же холмом капитан скомандовал привал, велел разбивать лагерь, хоть прошли всего ничего. А ближе к ночи поднял людей и повел скорым маршем, почти бегом, назад, в город. Без повозок, без барабанов, тихо. Клинки наголо. Как раз вовремя — за день уцелевшие местные "коты" опомнились, подумали и решили, что оставшихся в городе девок можно и пощипать, а то под крышей сержанта те зажили слишком хорошо, место свое забыли и делиться разучились. Это было общее, хотя и в корне неправильное мнение, в чем Мюльбергский криминал убедился быстро, как только пришла ночь. Вначале все у них шло хорошо — подкупленный звонарь ударил в набат, толпа горожан, гудя, собралась, затрещали дымным пламенем факелы. Заводилы, насаживая пропитые глотки, кричали в толпу что-то горячее и проникновенное, про бога, кару и нравственность. Толпа отвечала, кое-где сверкнула холодная сталь, полетели первые камни — и тут злые от скорого марша солдаты ворвались на площадь с трех сторон. С четвертой стороны погромщиков прижала городская стража, кто успел — тот сдался, остальных побыстрому покидали под лед. Все прошло без потерь, лишь рядовой Майер схлопотал шрам на весь лоб и шикарный фингал под глазами, а Магдина с Анной повозка пополнилась третьей пассажиркой — кудрявой Катаржиной. Хотела девка в городе остаться, домик сняла, и на тебе

В итоге Майер притащил ее, беспомощную, Магде на лечение — зацепило шальным камнем. Впрочем, очнулась кудрявая быстро, встряхнула головой, сходу обложила отборным десятиэтажным матом всех мужиков без различия чинов, званий и гражданского состояния. Магда выслушала заливчатскую руладу внимательно, кивнула — жить, дескать, будет — и отошла к костру с булькающим над ним котелком. А кудрявая отдышалась, загребла снега в горсти, фыркая, растерла лицо. Стряхнула с рук влажный комок, алый и черный от дешевой краски, загребла опять, еще и ещё. Пока не обернулась чистой стекавшая с пальцев вода. Встряхнулась, под села к костру и спросила, сверкнув на всех озорными глазами:

— А куда ваша рота, собственно идет?

"Вот чёрт, — про себя подумала Анна, незаметно пододвигаясь ближе, — о чем я только думала?". Заскрипели под ухом солдатские сапоги. Мимо прошел, улыбнувшись, Рейнеке — юнкер. Куда-то спешил. И Анна весь марш закрутилась в делах — вначале в больших и страшных до звенящего ужаса, потом — ради разнообразия — в мелких, но не менее насущных. А самого важного не выяснила. Ветер — полуночник задул с севера, вызвав скрип и шепот в ветвях недалекого леса. Скользили по небу белые облака — лениво, как нехотя. Им было неважно куда скользить и зачем. А вот людям...

— Так куда идём? — спросила Катаржина ещё раз, пряча под платок чёрные волосы.

Трещал костёр, разбрасывая искры.

— Парадиз, — пояснила Магда, снимая с огня котелок, — это монастырь такой. Мы там года четыре назад гарнизоном стояли. Хорошее место, — усмехнулась она, помешивая

густое варево ложкой.

— А долго стоять будем? — осторожно спросила Анна, гадая, чем грозит ей новое место.

Магда подула на ложку, усмехнулась так, что качнулась на лоб светлая, тонкая прядь волос.

— До весны. Как дороги просохнут... Сейчас-то не марш, горе...

— А там?

— А там... — протянула Магда, закинула непослушную прядку за ухо и пояснила:

— А там одно из двух. Либо жалование, либо опять война. Найдут генералы деньги — хорошо, разойдемся, не найдут — опять маршировать. До лета на обещаниях пехота ещё проживет, но не дольше.

— Лучше, чтоб нашли... — встряла кудрявая.

— Лучше — кому лучше, хотела бы я знать? Тебе хорошо, твой Майер в армии без году неделя. А мой с Магдебурга по лагерям, умеет стрелять да молиться, и куда мы с ним? Нафиг, нафиг... Пошёл он этот ваш мир... — рявкнула Магда, сердито отбрасывая ложку. Непослушная прядь опять упала ей на глаза.

Анна промолчала. Что-то было в этом неправильное, дикое... Будто на душу сломанную лубок наложили. И срослось, как срослось, криво да неправильно. Неправильно, да привыкли они, приспособились. Медикусы в таких случаях говорят — надо ломать заново, да вправлять как надо, да не как было. Но это больно и страшно. Может и так сойдет.. Девушка невольно поежилась, благодаря бога, что костёр погас, и ее лицо прячут ночные тени.

Под ухом зашуршал снег. Мягко и бережно. Заурчал, устраиваясь, лохматый зверь. Анна протянула руку, осторожно погладила по шерсти большую лобастую голову. Стало как то спокойнее. Сразу и вдруг.

— Ой, — охнула Катаржина, глядя, как к их костру присоединился четвертый — огромное, лохматое чудище.

— А то не видно. Зверь, — усмехнулась Магда, — наш. То есть, капитанский.

Зверь поднял голову и рыкнул на нее — слегка. Магда кивнула, исправилась:

— То есть свой собственный. Но у нас на довольствии...

— Красавец какой. А погладить можно?

— Ну, — протяжно усмехнулась Магда. Глухо звякнула медь, угли костра полыхнули в глаза багровым отблеском, — если руки не жалко.

— Ой. А на вид ласковый, — удивилась Катаржина. Скосилась и осторожно отсела подальше. Магда усмехнулась еще раз. С ее стороны хорошо видно, как Анна продвинула сковороду к себе невзначай. Большую медную сковороду. Юнкер глухо прорычал, больше, правда, своим мыслям. Слышал он их разговор, от слова до слова. И, в отличие от Магды или Катаржины ему не нравились ни мир не война. Белить потолки, подобно Майеру, он не умел, да и титул мешал, а на войне юнкеру или "джентельмену без жалования" ничего кроме бессмертной славы не светило. Очень хотелось завывать на луну, но капитан просил юнкера не делать этого в лагере.

Новый облик юного Рейнеке капитан объяснил роте самым простым из всех способов. Прошелся по лагерю пару раз днем с лохматым зверем у ноги. Поглядел на изумленные рожи, показал кулак и официально приказал поставить лохматого зверя на довольствие. Ничего не объясняя. Ибо начальство имеет право на причуды, иначе начальство оно или где?

Конечно, для иных начальников такие причуды обернулись бы плохо — дозой яда псу и дозой шуток в спину горе — командиру. Но пронесло. Солдаты, конечно, вдоволь натрепались у костров. Яков лично убедился, что к реальности ни один слух не приблизился. Легализовать юнкеров хвост было надо — за Эльбой рота втянулась в глухие леса, колонна растянулась. Дорога петляла с холма на холм, стиснутая с обеих сторон высокими черными елями. То вверх, то вниз, то расширяясь, то сжимаясь в нитку. Рота шла — люди и повозки попеременно. Скрипел под сапогами снег, скрипели колеса, хрипели, выбиваясь на подъемах из сил, обозные лошади. Песни, крики, когда приходилось, толкая повозки, помогать лошадям — ругательства. Словно картина из времён великого переселения народов, по мнению не забывшего университетский курс итальянца. У более приземленного сержанта сравнения были куда более образные, хоть и непечатные, от слова совсем.

— Бардак, прости господи, — угрюмо ругался ветеран, смотря, как похожие на мокрых куриц "орлы" выталкивают из грязи очередную тяжелую повозку. А в середине обоза золотым видением плыла карета, почему-то не ломаясь и не застревая в грязи — их светлость решила проехать остаток пути вместе с ротой.

— Дороги, капитан, нынче опасны, — с улыбкой пояснила Якову она.

— Как будто, ей может что-то угрожать, — угрюмо подумал про себя Яков, но вслух ничего не сказал. Просто принял за данность присутствие в обозе их непростой светлости. Как будто мало других забот. К счастью, через пару дней подморозило, в камень застыла под ногами грязь. Идти стало легче, люди повеселели. Вокруг чернел лес, шумели зелеными ветками ёлки. Вокруг никого. Напрасно Рейнеке в лохматом образе кружил вокруг лагеря ночами. Зайцев на кухню вдоволь натаскал, но ничего крупнее не обнаружил. Яков успокоился, снизил темп — малые переходы, длинные остановки. Все было нормально — как утром очередного дня убедился он, обходя лагерь с проверкой. Очередного, бог знает какого по счету, дня. На востоке играло в прятки с темными кронами зимнее солнце, ветер стих. Лагерь просыпался, неспешно собираясь для нового марша. Что-то где-то звенело и брякало, за палатками кто-то невидимый ругался — лениво, правда, больше для порядка. Яков интереса ради подошёл, прислушался. И беззвучно согнулся от хохота. За палатками Анна и майстер — сержант выясняли насущные вопросы провиантского ведомства.

— Непорядок у тебя, девка. Не сходится, — сержант говорил, степенно загибая пальцы.

— Обижаете, господин сержант. Где ж это у меня непорядок? — всплескивала Анна руками и смущалась, так что старый сержант невольно улыбался. Но продолжал:

— По продовольствию. То есть по выдаче оного. Вот смотри — зверюга наша лохматая. Есть. Кормим. Это один, — и сержант разогнул первый палец.

— Точно так, господин сержант, точно. Сам капитан приказал, — улыбнулась рыжая в ответ, с видом, самым невинным из всех возможных.

— И Рейнеке, юнкер еще есть, — разогнул второй палец сержант, — этот тоже на хлебном довольствии состоит. Ты за него и получаешь.

— Точно так, — Анна хлопнула глазами. Потом, для верности, еще раз. Талантливо, однако. Будто не на ее глазах оборачивался зверем оный Рейнеке.

— Тогда не скажешь ли, какого черта? — начал было сержант и вдруг замолчал, осекся. Анна уже поняла, что про оборотня посреди лагеря сержант кричать не будет, опустила лукавые глаза и ответила четко:

— Так приказ же. Простите, господин сержант, но все четко. Рейнеке, юнкер. Один человек То есть одна пика, как в бумагах пишут. И зверь, хищный. Это будет еще одна

— Пика?

— Пасть ... А всего две, получается, точно.

Тут Яков не выдержал, засмеялся. Сержант дернул бородой, открыл было рот, но капитан махнул ему рукой, примиряюще:

— Оставь, старина, начнем людей на души считать — добрую половину списать придется. А генералов и вообще не останется...

Сержант тоже улыбнулся в ответ. За компанию. Хитро так. Разжал пальцы. Но он был бы не он, если бы не оставил за собой последнего слова.

— Ну, девка, хорошо. Одна пика, одна пасть. Хотя пасть такая, что и пику сжует, не поморщившись. Ну, будем считать, что две. Тут правильно. Но, — тут ветеран торжественно поднял вверх палец, — если по обычаю, ещё добавка солдату положена. В две ложки на пику. Одну на себя, другую на жену аль ещё на кого, короне без разницы. И тут за юнкера занято, а за зверя — нет. А вот тут у тебя, девка, непорядок, исправить надобно. По исполнению — доложить.

Так сказал сержант гадость, усмехнулся, почесав бороду, и ушёл, оставив рыжую в недоумении. В легком, правда. Ни тебе отвисшей челюсти, ни удивленных, ни, слава богу, заплаканных глаз. Тоже улыбнулась чему-то своему, подобрала юбки и ушла, куда — то к лесу. А капитан продолжил обход, гадая — это солнце на небе забавно светит или просто развеселил его шутливый разговор.

Лагерь вокруг собирался. Дрожали и хлопали тканью палатки, словно птицы, складывая холщовые белые крылья. Стучали колья — деревом о мерзлую землю, трещали смоляным пламенем, курились сизым дымом костры. От закипающих на огне котелков вкусно тянуло дымком немудрящего походного варева. От края долетел звонкий голос — такой залихватский, что капитан невольно ускорил шаг. Рядовой, мать его, Майер со своей, мать ее дважды, кудрявой. Будят всю роту скандалами регулярно, по графику, хоть вообще подъём не играй.

Лязг железа и тяжелые шаги впереди — с постов в лесу возвращались сменившиеся часовые. Один, другой, третий. Красные, с недосыпа, глаза, усталые лица, разбитые сапоги. Мушкет и сошка — на плече, фитиль намотан на руку и подожжен, согласно уставу. Сизый, щекочущий ноздри дымок от руки. Донахью, с северного поста. Короткий доклад:

— Все в порядке, герр капитан. Тихо, никого в лесу нет. Только Ваш зверь всю ночь рядом крутился.

Капитан кивнул, принимая рапорт. Зверь — это хорошо. Патрули — патрулями, но и Рейнеке с его нюхом в лесу будет далеко не лишним.

Опять заскрипел снег. Подошла ещё одна группа. Западный патруль — тоже из леса. Такой же короткий, сжатый доклад охрипшим на морозе голосом.

— Все в порядке, герр капитан. Никого в лесу нет, только зверь ваш за зайцами гоняется.

Капитан кивнул. Восточный пост. Потом южный. Усталые люди, обветренные, красные с холода лица, короткие доклады. Все в порядке, не видели. Не слышали. Ничего. Только зверь в лесу крутится.

По земле пробежала серая тень. В небе шли тучи, толпой, затягивая пеленой края синего неба.

Яков кивнул солдату — благодарю, мол, свободен. Можешь идти. Рядовой — рыжий, длинный, как жердь, ирландец Донахью на миг замялся, переступив с ноги на ногу. Якову

было не до него.

"Это наш Рейнеке, конечно, молодец, — плыла в капитанской голова мысль. Как и туча на небе, неспешно, — Не помешает. Только не загонял бы парень себя раньше времени. Все — таки от южного поста до северного далековато. А кругом, по лесу — тем более. Надо будет парня предупредить, чтобы не увлекался".

Заскрипел снег. Опять. Яков поднял голову — рыжий Донахью никуда не ушёл, стоял рядом, переминался. Потом спросил:

— Герр капитан, а с вашей собачкой все в порядке?

"Ничего себе собачка", — подумал Яков, пожал плечами, но вслух лишь сказал:

— Вроде, да.

Рядовой еще раз переступил с ноги на ногу, сказал протяжно.

— Тогда странно что-то. Зима на исходе, а линять она только сейчас собралась. Вчера ещё серая была, а сегодня мимо бежит, гляжу — уже зимний окрас.

— Какой окрас? О чем вы, рядовой?

— Белая. словно полиняла за ночь...

— Благодарю вас, рядовой. Разберемся, — кивнул ему Яков и пошел. Разбираться. «Дожил на старости лет, мало того, что под командой — обалдуй, так еще и линяет. А как в генералы выйдет? Им же линять по уставу не положено», — озорной белкой прыгнула в голове мысль. Рванул кромку плаща зимний ветер. Рядовые о чем-то спорили у костра — лениво, разводя руками. Рыжий Донахью с приятелями.

— Белый весь, всклокоченный, зубищи — во, — говорил ирландец, широко разводя руки. Судя по размаху — клыки у зверя были длинные, навроде слоновьих.

— Да пугаешь ты, серый у нас, — скалили зубы приятели. Донахью хлопал себя в грудь, горячась.

"Зачем спорить, узнаю сейчас", — подумал про себя капитан, сворачивая меж палаток, — щас юнкера поймаю, да спрошу, что к чему.

Небо закрыла серая хмарь, хрустел и крошился снег под ногами. Тоже серый, истоптанный снег. С елей вокруг посыпалась вниз трепещущая на ветру чёрная, зимняя хвоя. Луч солнца в глаза. И сверху хлестнул по ушам, внезапно, женский, встревоженный голос:

Магда, солдатская жена окликнула Якова с козёл тяжёлой повозки:

— Добрый день, капитан. Вы Анну с Рейнеке не видели?

Анна на сержантскую подначку не отреагировала. То есть, совсем.

— И в самом деле, — думала она, пробираясь в снегу между кустами подлеска, — не ее это дело, в конце концов. Коли захочет, то и заведет. Хоть целую псарню, — жалобно затрещала сухая ветка под каблуком. Потом ещё раз, в ладонях.

— Шелудивую, — ещё одна ветка в руках хрустнула, разлетевшись пополам.

— Но если в повозку мне блох принесет — ночевать в сугроб отправится, неважно, волк там или барон.

Тут Анна огляделась. Не принес пока, слава богу. Над головой шумел чёрными ветками лес, недалеко — Анна слышала приглушенные ветвями звуки — неторопливо сворачивался лагерь. Долго ещё ему сворачиваться, час, а то и два. А вокруг — поляна, под сенью чёрных ветвей. Сверкнуло солнце. Тонким искрящимся лучом пробилось сквозь хмарь и чёрную хвою. Вспыхнуло в ветвях, разлетелась красным огнем на искры. Рябина. Замерзшая, алые круглые ягоды над головой. Как брильянты в оправе — в тонком, прозрачном льду.

"Красота-то какая", — подумала Анна, осторожно протягивая руку. Прыгнул в глаза льдисто-алый солнечный зайчик. Колокольчиком прозвенели тонкие льдинки, хрустнула в пальцах промерзшая ветвь.

— Волшебство, прямо — невольно шепнула она, кладя гроздь в корзинку, — одно жаль, лед растает.

Анна встала, осторожно собирая с веток искрящиеся рубином грозди. Вечером можно будет сесть у костра, взять иглу и нить покрепче, нанизать ягоды одну к другой, плотно. Бусы сделать. Как раз хватит на три ряда. Три ряда алых и рубиновых капель на белом фоне сорочки. Жаль, лед растает, было бы красиво. Солнечный свет играл и переливался в острых, ледяных гранях.

За спиной затрещали, ломаясь, сухие ветки. Анна вздрогнула, обернулась — на месте, вдруг, алая гроздь выпала из руки и прокатилась по снегу.

— Ой, — выдохнула она и улыбнулась, — ты меня напугал. Привет, Рейнеке. — Треснула ветвь ещё раз. Под огромной шерстистой лапой. Лохматый зверь шагнул на поляну. Замер на миг.

— Ой, — холодок белкой пробежал по спине. Зверь сделал ещё шаг. Вперёд, к ней, затрещали под лапами ветки

"А это не Рейнеке", — поняла она, замерев и опустив руки. Огромный, куда больше юнкера, взъерошенный зверь. Шерсть на загривке — комками и лохмами. Грязно-белая шерсть. Зверь зарычал. Хвост взрыхлил снег — роскошный белый хвост с кисточкой на конце. Невольно вспомнилось, как ругался на "Лиса" Рейнеке. Шаг вперёд. Анна замерла, лишь руки нырнули вниз, в складки юбки. Опять треск ветвей под когтистой лапой. Девичья ладонь нащупала холодную рукоять — обрезанную рукоять подаренного Рейнеке пистолета. Спиленный почти по полку ствол полез вверх. Осторожно, по доле дюйма. Зверь мотнул головой.

И прыгнул. Мигом, беззвучно. Орленый курок зацепился крылом за узел на кушаке, затрещала, расходясь по шву, юбка. Анна рванула застрявшую рукоять. Истоиво, уже понимая, что не успеет.

Удар. Тьма. Ослепительная, до черноты, тьма в глазах. И алым звенящим дождем разлетелись по снегу гроздь рябины.

— Командир, пора выступать, — окликнул сержант капитана Якова Лесли. Потом ещё раз, нетерпеливо. Яков молчал. Тёмный лес молчал в ответ, ветер стих, лишь кое-где осыпался тонкий серебристый снежок с чёрных веток.

— Пора, капитан, — сержант осторожно коснулся его руки.

— Рейнеке вернулся? — бросил в ответ Яков, не отрывая глаз от чёрного леса.

— Нет.

— А Анна? — сержант промолчал. С козел повозки замотала головой Магда, солдатская жена — не видели, мол. Молчал тёмный лес. Капитан набрал воздуха в грудь и коротко рявкнул:

— Отставить!

4-2

Погоня

Анна приходила в себя. Долго, мучительно. Противный соляной вкус на губах, в глазах — огненные круги, мир вокруг — трясется и подпрыгивает, как на ухабах. Открывать глаза

было больно, почти до слез. И получилось не сразу. Но получилось — искристая пелена разорвалась. А мир вокруг продолжил качаться, как карета на полном ходу. Огляделась — это не мир, это и впрямь карета. Аляповатая, простая обивка, широкие окна, дверь рядом ... На полном ходу Анна побоялась проверить, закрыта она или нет. Повернула голову, подняла взгляд. Напротив сидел человек. Один. Высокий, беловолосый. Точнее, седой, совершенно седой, белые волосы клубились гривой надо лбом и спадали на плечи. Тяжелое лицо с массивной, грубо выступающей вперёд челюстью. Борода — короткой, хищной, торчащей вперёд эспаньолкой. Тонкий нос. Незнакомец заметил, что Анна его разглядывает, дернул подбородком, но ничего не сказал. Будто так и надо. Молчала и Анна, опустив глаза. Карету трясло и раскачивало, в голове плыла боль. Острыми всплесками, от затылка к вискам, в такт дергающейся на ухабах повозке. Замутило на миг. Анна невольно сглотнула. Расплылся по рту кислый, противный до ужаса привкус. Незнакомец напротив дернул челюстью ещё раз, проговорил — не изменив позы, равнодушно:

— Вздумаешь блевать — выкину. На полном скаку, — кривая ветка хлестнула по стеклу наотмашь.

Анна сглотнула. Потом ещё раз. Тошнота унялась, девушка подняла глаза и спросила:

— Кто вы? — конец фразы смазался. Анна сглотнула опять. Незнакомец отвернул голову. Медленно.

— Я уж думал, что произошло чудо, и мой сын нашёл женщину, которая умеет молчать. Я ошибся.

— Ваш.. сын? — даже пропала куда-то тошнота. Анна нагнулась вперёд, напряженно вглядываясь в сидящего напротив человека. И вправду. Такое же круглое лицо, нос, как и у юнкера, с горбинкой. Только у Рейнеке челюсть не такая страшная.

— Ваш сын? — прошептала она. Человек напротив усмехнулся. Чуть поднялись уголки губ.

— Только не говори, что он не назвал тебе моего имени.

"Зачем ему, — подумала Анна, — да и не до того было". Карета подпрыгнула.

— Ваш сын... Рейнеке...

— Милостивый господин барон для тебя. И заткнись, раз уж говорить не умеешь, — пальцы мужчины пробили нервную дробь по стеклу, борода дернулась ещё раз — раздраженно.

— Зачем... — начала она, осеклась, встретившись на миг с мужчиной глазами. Выдохнула, собралась и отчаянно бросила, прямо в эту торчащую челюсть:

— Отпустите меня.

— Куда?

— Домой... — ответила она, дивясь простоте вопроса.

Барон рассмеялся, будто шутке. Чёрной, злой и не смешной ни капельки:

— У обозной девки, оказывается, есть дом? Может и достойное приданое найдётся?

Слова ударили молотом по вискам. Анна застыла на миг. Барон усмехнулся, но она этого не заметила. Не до него. Вдруг поняла, что машинально назвала домом лагерную круговерть. Палатки, повозки, острый дым от костров, барабанный бой по утрам, ленивую переключку вечером. Лохматую шелковистую шерсть под рукой. Она подняла глаза, поймала взгляд барона своим и повторила:

— Отпустите меня домой. Пожалуйста.

Голос не дрогнул. Дрогнул барон. Дернул бородой, отвернулся к окну и бросил

короткое:

— Будешь болтать — выкину. Своё место забыли...

За окном плыли ели чёрной стеной — их ветви прыгали вверх и вниз, в такт скачке, размеренно. Конские, оскаленные морды — при карете конвой. Десяток всадников. Вроде, стекло мутное, ничего не видать..

— Скажите хотя бы, как вас зовут, — пробормотала Анна, отворачиваясь. Стерла влажную каплю с носа и вежливо добавила, — ваша милость.

Барон ударил ее. Даже не обернувшись, одной рукой. Колымагу качнуло, Анну кинуло назад. Узловатая ладонь скользнула по скуле, оцарапали кожу тяжелые перстни. Это было неожиданно, хоть и не больно.

"За что?" — побежала мысль испуганной мышкой. Анна сжалась, забилась в угол. И больше не поднимала взгляд. Колымагу неимоверно трясло, вертелась тарантеллой паутина трещин на коже обивки. Плыли чёрные ветви за окном — назад и назад. Щипало в глазах — противно до холодного, липкого ужаса. А колымага неслась вперёд, унося Анну — куда? Ей не сказали...

— Куда унесли? — сердито рявкнул капитан Яков Лесли. Руки на эфесе, шляпа сбита на лоб, настроение далеко от благостного. Разведка шныряла по лесу битый день, ничего не нашла и только сейчас соизволила вернуться.

— Не сказали, — огрызнулся стрелок Ганс, сбил грязь с сапога, откашлялся и продолжил доклад, как ни в чем не бывало.

— В лесу куча следов, утренние. Больше никого. Следы звериные, человеческий — один. Девичий, Анны, судя по отпечатку. Идет до поляны на опушке. Потом прерывается, дальше — сплошная полоса — будто тащили её. Точнее тащил. Зверь, один, по лапам — вроде нашего, но куда больше. Потом ещё группа следов. От южного поста — на север, северо-запад. Один из них — наш, — капитан поднял бровь, Ганс кивнул, имя Рейнеке-юнкера предусмотрительно спряталось за кашлем, — видимо, парень учуял, кинулся в погоню. В лесу его перехватили. Трое, поменьше. Но тоже здоровые, белые, судя по шерсти.

— По шерсти? — уточнил капитан.

Ганс порылся в сумке, вытащил полосу меха. Хвост. Белый лохматый хвост. Капитан усмехнулся. Ганс кивнул и продолжил:

— И лужа крови, а больше от этих ничего не осталось. Хорошо их парень порвал, — тут стрелок кивнул, вполне одобрительно, — и продолжил погоню. Дальше, в лес, мы там без лыж пройти не смогли. Вот и все, капитан. Приказания?

Яков задумался, оглядел поляну вокруг.

"Поздравляю, — угрюмо подумал он, — увели девчонку у тебя, из-за тройной цепи патрулей, прямо из-под твоего, Яков, высокого капитанского носа. Сам виноват — приучил людей к тому что зверь в лесу — это повод ждать зайцев на кухне, а не кричать "караул". И что теперь?"

Мех в руках приятно щекотал кожу. Яков усмехнулся, поднял пушистый трофей:

— Приказания? Шапку хочу, стрелок. Новую, меховую, с ушами, вроде как на твоей жене. Как вы думаете, этого хватит?

Сержант за спиной засмеялся. Холодно и зло. Солдаты вокруг тоже оскалились, чувствуя потеху. Стрелок мотнул головой

— С ушами? Маловато будет...

За спиной предупреждая кашлянули. Кто — понятно, но Яков вначале договорил:

— Значит, добудем ещё, — и только после этого обернулся. Их светлость графиня

Амалия. Что-то хотела сказать, но Яков успел раньше:

— Ваша светлость, я думаю, вы знаете, где такие водятся?

"И где только такие водятся?" — угрюмо думала Анна, все так же трясясь в карете. Ехали весь день. Барон молчал да смотрел в окно, Анна тоже. Ветки за окном были и те более разговорчивы. Упала тьма. Сразу и вдруг. Пришла ночь — а похитили ее утром. Карету немилосердно трясло, желудок скручивало так, что Анна тихо радовалась, что не успела позавтракать утром. Ветви и кроны за окном замедлили бег, тоскливо захрапели кони снаружи. Барон крикнул в приоткрытую дверку. Колымага остановилась. Резко, Анну даже качнуло от неожиданности. Мир вокруг перестал трястись.

— Привал. Можешь размять ноги, — бросил ей барон, не повернув головы.

"Чертовы все, платье мне испоганили", — мельком подумала Анна, хватаясь за ручку двери.

Ноги гнулись плохо, свежий ночной воздух окружил голову. Вокруг тёмный лес, звезды вверху — холодные и близкие, казалось, стоит протянуть руку и уколешься об их сияние. Храпели во тьме усталые кони. Люди вокруг. Анна огляделась и вздрогнула, невольно шагнув назад. Руки дернулись к голове — натянуть платок пониже. Грубые лица, закрученные вверх усы, аляповатые яркие куртки и белые штаны. Гортанный говор. Вспомнился Мюльберг, кухня, Майерова кудрявая Катаржина и ее угрюмый мат.

— Кроаты, — прошептала она замершими враз губами, — о боже мой...

Наслышалась она историй об этих хмурых усачах. Коротких, длинных, слезных или с прибаутками. Но похожих, как две капли воды. Украли, потом потеряли или пропили. А между "украли" и "пропили" — много чего. Такого, что колени у Анны задрожали и сжались невольно. Рядом храпели и трясли гривами усталые кони. Люди разжигали костёр. Господин барон стоял у кареты, опираясь на длинную трость, смотрел в ночь, слушал. Один из кроатов подошёл — высокий, тонкий. В алой накидке, высокая меховая шапка небрежно сдвинута на одно ухо. Костер занялся, пламя рвануло вверх — сверкнули золотом шнуры на короткой куртке. Проходя смерил Анну глазами — снизу вверх, от пяток до шеи, присвистнул, подкрутил ус. По спине у Анны пробежал холодок. Такой, что девушка мельком порадовалась, что платье и лицо слишком грязное и взгляд не задержался на ней подольше.

— Майор Холле, — окликнул кроата барон. Тот обернулся, поднес тонкую руку к виску. Анна шагнула дальше, в тень. Ветер смешал и унес их слова, барон кивнул на Анну, майор рассмеялся. Так, что у Анны лязгнули зубы. И тут ветер от леса донес до них вой. Длинный, переливчатый вой, от которого враз дернулись, забили копытами кроатские кони. Майор развернулся, замер на полушаге — разлетелись крыльями полы его алой накидки. Люди вскочили на ноги, загомонили. Что-то коротко, зло приказал барон. Кроат махнул рукой. Котелок опрокинулся, зашипел, плюнул дымом залитый костёр. Анна рванулась бежать — слепо, не разбирая, куда.

"Что я делаю, вдруг это настоящие волки", — подумала было она, на бегу. Додумать не дали. Мужская рука схватила ее за плечо, рванула — резко, у Анны аж потемнело в глазах, закинула в карету. Как котёнка — за шкуру. Вой повторился вдали — глухой, еле слышный. Хлопнула дверь, кучер проорал лошадям, щелкнул бичом. Карета рванула в ночь. Кроаты, судя по крикам и лязгу подков, рванули следом.

"Что это было?" — невольно подумала Анна, — если там был простой волк, то спасибо ему. Десяток зайцев на обед, волчицу добрую и волчат послушных. Но вряд ли. Больно быстро кроаты сорвались с места. И ещё...

Тут Анна огляделась. Колымагу качало, барон сидел напротив — неподвижно, как памятник себе. Отчаянно ныло плечо. Снаружи — крики и стук копыт. Анна вдруг резко вспомнила всю короткую остановку. Лица, конские морды, глаза. Там, на привале лошадей было куда больше, чем всадников.

— А ведь вы бежите, милостивый господин. Удираете со всех ног, — проговорила она вдруг, сама дивясь собственной смелости.

Барон ударил ее. Не сдерживаясь, наотмашь. Голова мотнулась назад, затылок стукнул о дверь, во рту противно потянуло солёным. Неужели боится?

— Правильно делаете. Рейнеке вас убьет, — новый удар. Горячей струей — кровь, по подбородку вниз, на шею и грудь. Соленая. И слезы из глаз. Солёные тоже.

— Кто вы? И зачем Вам все это?

Барон только сейчас посмотрел на нее. Брезгливо вздернул губу, поднял руку — опять ударить, наверное. Анна выставила свою руку навстречу. И попала тому по запястью невзначай. Тонкой девичьей ладонью. Барон дернулся. Вдруг, будто его укололи иголкой. Убрал руку, шевельнул бородой, посмотрел на Анну. Внимательно так.

— Я Вольфхарт, барон фон Ринген, — сказал, наконец. Кратко, как выплюнул, — Рейнеке мой сын и будет делать, что я велю. Он тебе, что, не сказал? Я накажу его за это.

Вспомнился Мюльберг, рыночная площадь, солнечный день и Рейнеке, отправляющий в полёт господина помошника палача.

— Попробуй только, — прошептала Анна упрямо. Почти не разжимая губ, — эх, Рейнеке, где тебя носит...

— И куда моего юнкера занесло? Можете мне сказать? — говорил капитан Яков Лесли. Сердито, стуча кулаком по столу. Говорил и думал про себя — а не сошёл ли он с ума, орать на всесильную графиню Амалию? Но орал, напряжение требовало выхода. Благо часовые держали людей подальше от вновь раскинутого полога капитанской палатки.

— Вам не обязательно знать, капитан, — этот ответ Яков уже слышал раз десять. И он его категорически не устраивал. Аж сжимались до белизны кулаки.

— Ещё как обязательно... Рейнеке мой офицер, так что лучше Вам рассказать все по делу. А то..

— А то, что? — улыбнулась графиня, сверкнув брильянтами ему в лицо, — вернетесь в Мюльберг и попросите ключи от пыточной?

— Мы привыкли обходиться народными средствами. Курок пистолета или заженные фитили. Поверьте, совсем не хуже. Но я сделаю проще. Отправлю вас под конвоем подальше, а сам пройду по следам. Выручу юнкера, и — как все закончится — подарю вам шапку. меховую, с ушами, на русский манер. Судя по тому, что рассказал мой стрелок, там, в конце следа, материала на шапки достаточно.

Графиня засмеялась. Беззаботно, будто Яков только что уронил изысканный комплимент.

— Шапка — вещь, конечно, хорошая, капитан. Особенно русская, с ушами. Но лучше будет, если вы ее, как водится, в финском полку на бутылку сменяете. Не надо лезть не в свое дело капитан. Перебор.

— Как и в прошлый раз. Один раз я уже дал вам повод говорить, что мы переборщили. Графиня улыбнулась опять.

— А женщин, капитан, вы так же уговариваете? Тогда понятно, почему не женаты до сих пор.

Но вы правы. Вашего ... Ваша будущая шапка пока носит имя Вольфхарта, барона фон Ринген. И он генерал армии.

— Шапку из генерала мой сержант продаст за три цены. Пол-армии сложится. Но — во первых, я о таком генерале ни разу не слышал, во вторых — откуда о нем слышали вы?

— Генерала он получил совсем недавно. Вместе с должностью губернатора замка Гаунау. За заслуги, о которых вам, капитан, точно не надо знать. Такие знания старят ещё до рождения.

— Тогда откуда о нем знаете вы?

— Из книги. Той самой книги в красном переплете, которую украл ваш француз. Полный компедиум загадочных, необычных и сказочных существ, состоящих под опекой и защитой святой церкви и его величества императора. А теперь и под вашей, раз уж вы влезли в это дело.

— Но француз книгу украл.

Графиня улыбнулась. Ещё раз. Капитана начала не на шутку бесить эта спокойная улыбка.

— Я хорошо помню, что я в неё записывала. Барон фон Ринген, подданный империи, верный сын святой церкви, окрас — в "образе" белый, рост — два с половиной фута в холке, лохматость повышенная. Особо ценный, охраняется империей и *sanktorum officium*. То есть, сейчас, мною. Не надо шапки, капитан, пожалуйста, они, правда, редкие.

— Пусть вначале мне юнкера вернет. И рыжую, а то я от сухомятки отвык. А там посмотрим, — пробурчал под нос капитан, отворачиваясь. Мысли его уже убежали и далеко. Через лес, с южной опушки на северную. А там — прямая дорога. Но рота через чащу не пройдёт, придётся тащиться в обход, а это неделя, не меньше. Хорошо, если юнкер успел отбить свою рыжую. Тогда ничего кроме недели в лесу молодым не грозит. Скучно, но безопасно. Если же нет...

Капитан пожал плечами и начал изо всех сил надеяться на лучшее.

Надеяться у Анны ещё получалось. Вначале и ночью и на рассвете следующего дня. То ли на бога, то ли на вой вдалеке. Он повторялся ещё дважды. Слабее, так ей казалось. Но Анна лишь стиснула зубы и сказала, что уши ей врут. Не ввали — в третий раз вой донесся на рассвете, еле слышно, так, что обмануть себя уже не вышло. Барон распахнул дверцу, проорал что-то на ходу всадникам конвоя. Ветер съел слова, Анна не разобрала — что именно. Зато видела его лицо — довольное, аж сжалось сердце. А потом брызнул рассвет, лес расступился, чёрные ели разбежались, уплыли назад и надежда начала умирать. Между лесом и равниной стоял замок. Старинная башня, шпиль, а вокруг, звездой, невысокие, заросшие травой бастионы. Сизая и черная полоса воды — ров. И серой крышкой сверху — зимнее небо, низкое и равнодушное, как всегда. Карета прибавила ход, лес убежал вдали. Надежда умирала. Ещё казалось что вот, сейчас — и среди деревьев сверкнет рыжая вспышка выстрела, рванется к небу пороховой дымок. Придет помощь. Рейнеке, капитан, хмурый стрелок. Кто-нибудь. Хоть Майер с дружкой — сейчас она бы обрадовалась и этой, вечно небритой роже. Но лес вдали молчал, тряслась и качалась на ухабах карета.

— Как с тарелкой на кухню, так толпа, а как помочь, так некому, — вздохнула она. Вой прилетел ещё раз. Тихий, уже на пределе. Чёрная тень упала на лицо — карета въехала в тень бастиона. Гранитные, поросшие мхом валуны. Стук колёс прыгнул эхом от стен. Вытянулся в струну солдат в караулке. Стена убежала ввысь — тяжёлый гранит, серый и рыжий с седыми проплешинами. Солдаты наверху, угрюмые, в тяжёлых от грязи плащах. Много, больше, чем Анна видела за жизнь. Из бойниц — длинные, позеленевшие от времени рыла. Пушки. Затрубила труба. Солдаты торопливо бежали, строились в ряды, брали перед проезжающей мимо каретой "на караул". Барон, не повернув головы, махнул им рукой из окна. Опять вой вдалеке. Тихий, протяжный. Виноватый как будто.

— Нет, Рейнеке, поздно теперь. Вон камня сколько, да солдат, только зубы теперь обломаешь. Забудь, — тень от ворот упала, свернулась клубком на глазах.

— Эх, пропала я, — а позади глухо хлопнули, закрываясь, тяжелые крепостные ворота.

4-3

Кухня

Карета прогрохотала колёсами по мостовой, развернулась пару раз — круто, Анну на инерции бросило назад — и застыла. Лязгнула ручка, открылась дверь. Барон вышел, так и не повернув головы. Будто он один тут ехал. Выбралась и Анна, медленно и осторожно. Ноги гнулись плохо, кружилась голова, ивовый прут корсета лопнул и давил на ребра. Вздохнула пару раз, резко. Затхлый, ледяной воздух обжог горло. Зато чуть прочистилась голова. Анна открыла пошире глаза, огляделась — куда же её занесло. Это был внутренний двор, небольшой, затхлый, стиснутый со всех сторон кольцом стен. Здания вокруг — колодцем из серого камня, тянуло тьмой из узких стрельчатых окон. Кроаты конвоя остались за аркой, снаружи. Оттуда, из-за кованной чёрной решётки доносился их негромкий, гортанный говор и цокот копыт по бульжнику. Конюх с фореитором, негромко ругаясь, разворачивали карету — убрали в сарай. Все заняты, никому до Анны дела нет. Зачем хватали тогда? Впереди, где сходились углом две стены — лестница под остроконечной медной крышей. Дверь наверху. Видимо — парадный вход. У нижних ступенек стоял, опираясь на трость, господин барон — высокий, прямой, ветерок смял и взлохматил белую гриву. Стоял неподвижно, негромко переговариваясь с майором кроатов.

"Как там его, Холле?" — постаралась припомнить Анна, осторожно подбираясь поближе. О ней ведь, небось, разговаривают, раз утащили. Имеет право знать. Разукрашенный майор, по виду, нервничал. То и дело оглядывался, крутил зачем-то ус, поправлял шапку. Барон втолковывал ему что-то, то и дело стуча тяжёлой тростью по камню. Анна осторожно сделала пару шагов, стараясь держаться в тени. От стены тянуло сыростью. Анна подняла глаза — и замерла, сморгнув пару раз. Над входом, в окне застыла, обернув белый хвост вокруг лап, остроногая лиса, опустив вниз хитрую морду.

— Черт вас возьми, Холле, не будьте маменькиным сынком, — это барон, горячась, повысил голос. Эхо донесло хриплый голос и стук железа по камню — окованный конец трости выбил искры барону на сапоги. Барон не заметил, продолжая:

— Щенок измотал себя погоней вконец, вы легко его возьмёте, — тут барон стукнул тростью ещё раз. Оскалила клыки волчья пасть на белой рукояти.

— Если вы так уверены, идите и берите его сами, — огрызнулся Холле, поднимая глаза. На окно с белой лисицей.

"О ком это они? О Рейнеке? Это они его собрались ловить?" — подумала Анна осторожно подбираясь ещё ближе. Шаг, другой. Солнце помогло немножко, раздвинув тучи

и кинув солнечный зайчик барону в глаза. Тот поморщился, дёрнул острой бородкой вверх-вниз и ответил:

— Ещё чего. Много чести. Для меня все это и так позор, усугублять его ещё больше я не буду. Выполняйте, Холле. Говорю вам, парень вымотался.

"Пытаясь догнать карету... Прости, Рейнеке, я и тебя в беду завела", — подумала было Анна. Камень стены толкнулся в между лопаток. Холодный, Анну пробрала дрожь. А барон впереди продолжал отчитывать кроата:

— И не тряситесь вы так за свой хвост, все с ним будет в порядке.

"За хвост? Этот разряженный шут что, тоже, из этих..." — подумала было Анна, Но тут кроатский майор оглянулся и мысль умерла. Заметил Анну, смерил взглядом. Длинным таким, от лодыжек до шеи. Подкрутил ус и насмешливо бросил барону.

— Ладно, будет вам щенок, барон, — проворчал он, — даже забавно будет подарить его девке уши.

— Живым! — сердито рявкнул барон. Трость стукнула ещё раз. Лисица исчезла из окна наверху. Раз — и будто её и не было. Лишь тенью мелькнул белый хвост.

"Померещилось?" — подумала Анна и сморгнула. Новый голос хлестнул по ушам. Так, что вздрогнули все, не только Анна. Даже суровый барон.

— Не надо, милый. Эта девка твоих подарков ещё не заработала, — то-ли поговорили, то-ли посмеялись сверху.

"Сама ты девка", — опять подумала Анна, прикусив язык, чтобы не огрызнуться. Поискала взглядом владелицу голоса. И нашла в том же окне. Дама и дама, средних лет, ничем не примечательная на вид.

А майор Холле поклонился незнакомке в окне, козырнул барону, повернулся на каблуках и смерил Анну ещё одним взглядом напоследок. Опять с ног до головы. Анна поёжилась, позавидовала монахиням с их глухими рясами и мысленно пожелала Рейнеке приятного аппетита.

Барон тоже повернулся к ней. Стукнула трость. Анна мельком порадовалась, что стена за спиной. Камень вжимался в лопатки, держал, не давал упасть. Прикусила губу. Больно, до крови. Очень не хотелось свалиться в обморок, им всем на радость.

— Не дождётесь, — прошептала она, чувствуя, как растекается по рту тёплая, солёная кровь. Звук шагов. Опять. Приближаются. Барон все также буравил её взглядом из-под кустистых бровей. Все-таки она рискнула обернуться. Сердце ударило в грудь, забилося, стуча птицей о ребра грудной клетки. Знакомые лица, знакомые фигуры. Большая и маленькая. Французы, гости капитана в Мюльберге. Большого зовут деБрасье, вроде, и он на Анниной кухне ошивался частенько. Маленького она почти не видела, но все же. Вдруг помогут. Но французы прошли мимо неё. Только парой слов обменялись, на своём птичьем наречии.

— Добрый день, ваша милость, — учтиво поздоровался младший француз. С бароном, не с нею. Барон кивнул в ответ. Второй француз, здоровый и грузный, как башня, махнул майору рукой, сказал что-то. Опять по-своему, непонятно для Анны. Хорошо хоть спиной загородил, чертов кроат перестал раздевать глазами. А маленький — Анна внезапно вспомнила его имя, аббат Эрбле — снял шляпу, учтиво поклонился даме в окне, и вежливо спросил:

— А что здесь происходит?

— Не лезьте, Эрбле, это семейное дело, — довольно невежливо ответил барон, раздувая

ноздри.

— Семейное? — аббат говорил тихо, все так же держа шляпу у груди. Но грозный барон разом сник от его тихого голоса,

— Если дело ставит под удар Принца и королевство — это уже мало похоже на семейное дело, не правда ли? Скорее, на государственное.

Барон дёрнул бородой, раздувшиеся ноздри опали. Трость в руке замерла.

— Вы шутите, монсеньёр аббат. Щенок, да обозная девка помешать никому не могут.

— Надеюсь, ваша милость, очень надеюсь

Тут второй француз оскалил зубы и захохотал — гулко, эхом из бочки.

— Да просто до нашего уважаемого хозяина дошло, что кухня его могла быть и получше "Скотина, — равнодушно подумала Анна, — кадушка ходячая. Как с тарелкой, так белле мадмуазель"

— Ещё и повариха. Позорище... — прорычал барон, опять раздувая ноздри.

— И весьма искусная. Право же, барон...

Барон стукнул тростью ещё раз, мотнул головой. Проговорил раздражено.

— Не хочу ссориться с Вами, аббат, из-за такой мелочи. Девка больше не нужна, пусть валит на кухню. Хоть к дьяволу, лишь бы подальше с моих глаз. Майор, распорядитесь.

Анну опять рванули за плечо. Больно. Вначале, потом хватка ослабла. Это ДеБрасье щёлкнул костяшками пальцев. Медленно и громко, будто кулак разминал. Анна этого не увидела уже. Зато увидел кроат. В дверь чёрного хода её втолкнули быстро, но почти вежливо.

(Принц, без добавления каких-либо эпитетов — в данную эпоху принц Конде, бывший командующий французской армии, победитель при Рокруа. В настоящее время командует фрондой, гоняет по Франции кардинала Мазарини. Такие тонкости тогда были известны всем и в пояснениях не нуждались)

Распорядился майор Холле быстро — просто втолкнул Анну в дверь, рывкнул на караульного солдата — проводи, мол, и исчез. Анна мысленно пожелала Рейнеке приятного аппетита ещё раз и огляделась. Потёрла плечо. Болело оно после майоровых пальцев немилосердно. Потом выдохнула и высказала пару слов в пустоту. Не стесняясь, благо вокруг сплошной камень и никого. Щедро так высказала, на весь арсенал подслушанных у лагерных костров выражений. Про уродов и козлов в форме и сапогах с грязными голенищами. Грязными по самую шапку. Ибо слезать с коня в кусты — это господам кроатам некогда, надо честных девушек хватать, пугать, да тащить куда ни попадя. На душе стало легче, хоть и немного. Даже чуть прочистилась голова. Караульный в углу довольно присвистнул:

— Ну ты даёшь...

Анна огляделась — вокруг тёмный, сводчатый коридор. Пятна на стенах, свет — тусклый, откуда-то сверху. Капает вода. Вокруг, слава богу, никого. Только караульный, которому её с рук на руки чёртов кроат. Совсем парнишка ещё, смешной пшеничный чуб падает на глаза из-под рваной шляпы. Парень скосился на неё и спросил. Тихо и даже уважительно:

— Из каких будешь? По одежке не поймёшь, а ругаешься, вроде, на армейский манер, по-нашему. Душевно так...

— Полгода по лагерям. Рота Лесли... — когда выговаривала — кольнуло сердце. Даже дымом повеяло вдруг. Нет, показалось.

— Рота Лесли? Он жив ещё? — удивился солдат. Анна кивнула.

Солдат сдвинул шляпу на лоб и, для верности, тоже выругался.

— Совсем кроаты охамели, у своих воровать... А на обозную ты непохожа... Солдатка, офицерша?

Тут Анна даже не нашла что ответить. Не говорить же прямо — трофей. Да и, если начистоту — это сейчас она трофей, хоть голову над камином вешай. А там... Анна выдохнула и, больше чтоб скрыть смущение, огрызнулась на солдата:

— Ружье бы лучше вычистил, чем языком махать. И вообще — тебе сказали вести, так веди. Может накормят, — последнее Анна сказала уже не вслух.

— Ладно, как скажешь, — солдатик перекинул с руки на руку старенькое ружье. Сдул с носа чуб, пожал плечами, замялся. Но любопытство пересилило, спросил опять.

— А Рейнеке этот — он кто?

Анна хлопнула глазами от удивления, скосилась на дверь. Солдат улыбнулся.

— Да не бойсь, тут во дворе не слышно. Если, как господин барон изволит, не орать во всю дурь, — солдат улыбнулся. Ухо у него было запачкано рыжим. Ржавчина, что-ли? Видать, в замочную скважину подслушивал, как ругаются во дворе господа. Анна невольно улыбнулась в ответ:

— Юнкер наш. В смысле нашей роты юнкер...

На этих словах солдат вздрогнул. Выпрямился, опустил глаза.

— Ой... Прощенья прошу тогда. Сказали бы сразу...

— Чего — сразу? — Анна не поняла, солдат ещё больше замялся.

— Что офицерша, в смысле госпожа. А то я всё по простому — ты, да ты...

Смутился парень столь искренно, что Анна невольно улыбнулась и махнула рукой.

— Сейчас — и не поймёшь. Ладно, пошли, раз приказали

— Пошли, — солдатик открыл ей дверь, пробурчав что-то под нос. Что-то вроде: "Совсем озверели лошадики"...

Коридоры, коридоры крепости, серые, похожие один на другой. Низкие своды, крошащая извёстка, камень вокруг и кирпич — красный, выщербленный. Поначалу Анна ещё считала повороты, потом устала — все пути были похожи один на другой. Чертов лабиринт. Солдат впереди стучал сапогами, пыхтел и ругался под нос. Тоскливо, муторно, хорошо хоть негромко — слов не разобрать. Поднялись по лестнице наверх — здесь ходы были пошире, вода не капала, в стенах — окна. Неяркий, приятный для глаза свет. И можно идти не гуськом, дыша в спину сопровождающему. Откуда-то повеяло дымом — знакомым и вкусным запахом кухни. Солдат щёлкнул зубами, выругался опять. Лицо его вытянулось. "Он что, голодный?" — подумала Анна мельком. Спросила — больше чтоб поддержать разговор.

— Как служится тут, в крепости?

Солдат выругался в голос. Должно, залиvisto. Махнул рукой на окно — Анна взглянула невольно. Из окна открывался крепостной двор — не внутренний, где она уже побывала, а внешний. Крепостная стена, заросшая мхом, два луча звезды — крепостных бастиона. Узких, вытянутых. Лес вдаль, чёрной полосой у горизонта. Анна мысленно пожелала Рейнеке быть поосторожней с кроатами, а если не получится — то приятного аппетита ещё раз. Опустила глаза. Внизу, под стеной — виселица. Длинная, потемневшая, большой буквой П. И три тела на перекладине, ветер раскачивает и треплет обрывки одежды. Чёрный ворон хлопал крыльями, взлетел с одной из голов. До ушей Анны долетел скрип. Тонкий, чуть слышный скрип разошедшегося дерева. Анна вздрогнула, сделала шаг назад, поёжилась.

Солдат пояснил:

— Господин барон приказал. А были наши, с фузильерской роты парни. У кроатов коня увели.

— Зачем?

Солдат не ответил, лишь выругался ещё раз. Махнул рукой. Ещё пара шагов, подальше от окна с печальной картиной. Дверь впереди, знакомый запах кипящего варева сочится сквозь доски.

— Пришли, — махнул рукой солдат и почему-то добавил, — извини. Если что — рядом буду.

Кухня встретила Анну потоком вкусного, тёплого воздуха в лицо, чадом, гомоном, тысячью запахов, от которых моментально скрутило живот. Сколько она уже не ела? Со вчерашнего дня? Похоже на то. Голова закружилась.

На пороге Анна пошатнулась и, чтобы не упасть, вцепилась в дверной косяк намертво. Солдат протиснулся мимо, нырнул внутрь, прямо в середину чадного облака над плитой. И через секунду вылетел оттуда кубарем. А вслед за ним вышла тётка в переднике. Аннин глаз устало скользнул по ней — тётка и тётка, толстая, простоволосая. "Непорядок", — подумалось мельком. Но вокруг были не Мюльбергские казармы, и строгий выговор Анна оставила при себе. А тётка всплеснула руками, охнула, проворчала: "ну слава богу, совсем зашилась уже". Потом Анну ухватили за рукав, сказали что-то ласковое. Усадили. Слава богу, а то ноги не держали совсем.

Под нос шлёпнулась дымящаяся тарелка. И ложка. Немытая. Непорядок опять. Зато варево в тарелке вкусное, или это так Анне показалось, после голодного дня. С третьей ложки голова закружилась, повело в сон. Ложка мелко дрожала в руках. Повариха трещала что-то своё, ласково, громко, как сорока — не умолкая. Тянуло чадом от забытой плиты, слова упорно скользили мимо сознания. Из их потока Анна выхватила только "бедная" и «да не бойся».

— Господин барон — он не злой, иногда. Я в их семье уже сколько лет кашеварю.

С этого момента Анна встряхнула головой и, усилием воли, вернула уши в положение "на макушке". То есть начала слушать и очень внимательно. Но из потока кухаркиной болтовни узнать ничего нового не удалось. Почти. Ну кроме того, что звать толстую тётку Доротеей, что она на семью фон Рингенов работает уже много лет и её дочка тоже тут — горничной. Что Рейнеке мальчик славный, жаль что уехал, не сказав куда. А потом радость случилась, господина барона при дворе отметить изволили, замок под начало дали. Теперь надо ему стол держать, да господ кормить всяческих.

— Человек пятьдесят теперь вокруг того стола крутится. А как на такую прорву сготовить — ума не приложу, — добавляла кухарка, охая и всплёскивая руками. Булькал забытый на плите котелок. Зашипела, переливаясь через край, пена. Кухарка кинулась туда.

Анна вспомнила Мюльберг и улыбнулась. Забытый солдат проходя получил по шее от поварихи — нечего здесь ошиваться, мол. Пошел медленно к выходу. Лицо у паренька вытянулось и вид был столь жалобный, что Анна не удержалась, стащила кус хлеба со стола. И, когда парень проходил мимо — поймала, украдкой сунула в карман. Тот кивнул.

— Это что ещё такое? — заревел кто-то под ухом. Анна обернулась — что за беду принесло ещё на её голову. Опять. В виде господина, до того толстого и краснолицего, что Анна невольно вспомнила родную деревню. Вроде не к ночи будь помянутого трактирщика тип. Не он, но похож до ужаса. В другое время Анна с удовольствием испугалась бы, но сейчас часть души ответственная за страхи видимо ушла спать и просила больше не

беспокоить. Так что Анна спокойно поймала глазами взгляд кричавшего господина и чётко произнесла: «господин барон приказал». А мысленно пожелала Рейнеке приятного аппетита опять. Краснолицый заткнулся. Анна подумала и решила, что того стоит и пожалеть и мысленно сменила желания — пусть краснолицый лучше с рядовым Майером встретится. Пьяным, на тёмной улочке. Тут от плиты оторвалась повариха, поймала господина за рукав и сердито спросила — а не сошёл ли он с ума... Дальнейший разговор у них проходил в углу, тихо и шёпотом. Но косились на Анну выразительно. Настолько, что Анна напряглась и ухватила-таки их слова краем уха:

— Ты что, господин управляющий, совсем из ума выжил? Должность есть — ума не надо? Не слышал, что кричали во дворе? — сердито шептала повариха, тыкая красномордого в грудь толстым пальцем. Тот терпел, видимо лапа у поварихи была цепкая. А та продолжала:

— Больно нам надо в господскую драку лезть. Щас молодой старого порвёт, или хуже — возьмут они, да помирятся? Отец с сыном, как никак. А потом сын спустится сюда, возьмёт тебя за шкуру и спросит за полубовницу?

«Если бы», — угрюмо подумала Анна. Но не кидаться же к этим двоим с разьяснениями. Тем более, что господин управляющий проникся, да так, что побледнел и даже поклонился Анне украдкой.

«Так-то лучше», — и Анна даже улыбнулась в ответ. Показать, что зла не держит. Повариха меж тем итог подвела:

— Пусть поживёт пока. Так мы и приказ выполним и не обидим. Господа разбираются, наше дело сторона. Да и помощь мне тут ой, как надобна.

Тут варево опять убежало из котла, огонь зашипел. Повариха кинулась туда, отпустив господина управляющего на покаяние. Тот, поклонившись, сбежал и Анна, впервые за день, осталась одна. Надо было встать, предложить помощь — но картину перед глазами вдруг повело, ложка, обиженно звякнув, выпала из руки, и Анна заснула. Прямо сидя, уронив голову на руки.

4-4

Западня

Проснулась Анна резко и вдруг. Болела голова, противно ныло в затылке, перетекая в затекшую шею. Рядом кто-то плакал. Жалобно так. "Майер, урод, опять свою обидел, — подумала Анна сквозь ломоту и сонную одурь, — Ой, напляшется он у меня". Потом вспомнила, где она, а где теперь рота, урод-Майер и его кудрявая остались. Сон мигом слетел. Анна распанула глаза, повела головой, стряхивая одурь с сознания. Боль куда-то ушла, забилась в уголок испуганной мышкой. По кухне плыл чад, тлели багровым угли в огромной, отслужившей на сегодня свое печке. Темнела ночь за окном. В углу разговаривали. Несколько человек, тихо, сбившись в тесный кружок. Давешний краснолицый — господин управляющий. Даже похож на человека сейчас. Уже не громогласный, уверенный и наглый господин, а человек — испуганный и как будто в чем-то виноватый. Разговаривает с девушкой — куда ниже себя, в чёрном, глухом платье горничной. Чепец сполз с головы, волосы разметались. Слёзы текут из глаз в три ручья — вниз по курносому, шмыгающему носу.

— Не пойду. Вот как хотите, не пойду больше... Страшно, — шептала девица, утирая передником поток из глаз.

— Ну Мари, ну... — управляющий пытался дать платок. Неумело, неловко, но бережно.

Странно было видеть нежность на лице этого громогласного недавно господина.

От попытки утешить слезы пошли ещё пуще. Анна пригляделась — вроде, они похожи. Отец и дочка? А девушка молодая совсем, даже моложе Анны. И напугана всерьёз, вон, как глазами хлопает. Почти как Анна с полгода назад, очнувшись в лагере.

— Что случилось? — спросила она осторожно. Поток слов в ответ. Бессвязный, прерываемый то и дело всхлипываниями. И осторожные комментарии господина управляющего. Девушка — его дочка, оказывается. А заодно горничная здесь, в крепости. Недавно приехали, вместе с бароном. И попали — место оказалось гиблое, а уехать — не выедешь уже. На дорогах волки, снег и кроаты, неизвестно, что хуже. А в самой крепости поначалу было ещё ничего, а потом к барону приехали гости. Высокие гости. И один из таких гостей Мари, дочку управляющего пугал до ужаса. Точнее — одна из гостей. Фрау Холле. Анна вздрогнула, услышав знакомую фамилию. Кроатский майор и ее пугал. Но — Мари была чуть младше, и на ее простом круглом лице плескался такой ужас, что Анна предложила раньше, чем подумала:

— Давайте я схожу вместо вас...

На неё уставились четыре удивленных глаза, два совсем юных, широко распахнутых. С надеждой. И два взрослых, мужских — с недоверием. Анна подумала. И махнула рукой:

— Мне-то уже нечего бояться. Все худшее со мной уже случилось, — впрочем, тут она вспомнила, что уже говорила это однажды. Полгода назад, очнувшись в лагере роты. Ошиблась, как выяснилось потом. Анна заколебалась было, но тут на неё налетели с такими благодарностями, что передумывать стало неловко. Так что через час, переодевшись и убрав потуже волосы под чепец, Анна бодро шагала по темному замковому коридору. Бодро — это на вид. Сердце в груди билось и стучало о ребра. Казалось, сейчас проломит корсет. Одежка на теле — не своя. Платье чёрное, глухое. Сидит — как на пугале.

— И слава богу, — подумала Анна мельком, вспомнив сальный взгляд кроатского майора. Нужная дверь — по коридору вперёд. Третий этаж замка, господское крыло, здесь ходы широкие. Но темно, плещутся в углах тяжелые тени. Глухо лязгнула медная ручка. Анна вошла, огляделась. Комната и комната, ничего особенного. Господская, богатая, с узорными коврами на стенах. Кровать за пологом, в углу, напротив — широкий стол с резными ящиками. Ящиков много, целая горка. Стул рядом. Змеиным манером извиваются ножки, золотая вязь на коврах. У Анны на миг заболела голова от сплетения этих узоров. По ногам полоснул холодной рукой сквозняк, налетел, дернул тяжелые чёрные юбки.

"Фрау Холле, — подумала Анна, вспомнив кроатского майора ещё раз, — интересно, кто она майору? Жена, мать?" На одной из стен, на коврах — картина. Портрет. Парадный, в золоченой раме. Яркие краски, солнце, улыбка во весь рот. Мальчишка в нарядном камзоле, кормит с руки белую лису и улыбается. Анна пригляделась, подумала: "Наверное, мать все-таки, — тут она вспомнила кроата и поежилась ещё раз, — эх, а мальчишкой хорошеньким был. Как из него такое только выросло?"

За спиной глухо захлопнулась дверь. Резануло холодом по ногам и горлу. Сквозняк, ледяной ветер тянул сквозь щели на окне. Анна вздрогнула. Встряхнулась, приказала себе собраться.

— Это всего лишь уборка, — напомнила она себе, шагнув в угол, к занавешенной пологом кровати. Подушки разобрать, перины взбить. Раньше начнёшь, раньше закончишь, и пусть им всем кошмары приснятся на тех перинах. За спиной — глухое ворчанье. Резко и вдруг. Скрежет — противный, до дрожи в ушах лязг кости по камню. Анна вздрогнула и,

подавив в груди вскрик, обернулась. Лиса. Огромная белая лиса, сидит, скаля на Анну острые зубы. Шагнула вперед. Проскрежетала когтями по камню пола. Острыми, кривыми. Скрежет пробирал до костей. Да уж, бедной Мари, дочке управляющего, было чего пугаться. Ощерилась пасть, полная желтых клыков. Один, верхний, обломан до середины. Ещё один шаг. Белый хвост вверх — трубой. Анна прискусила губу. Застыла, скосила глаза на окно — высокое стрельчатое окно в деревянной раме. Вроде, то самое из которого утром окликнули майора Холле. "Совсем оборотни охамели, и не прячутся даже, — думала Анна, стараясь держаться ровно, — а чего им бояться, они здесь власть". Зверь меж тем подошёл вплотную, замер, раздувая ноздри. Хлестнул по ногам белый хвост. Задрожал. Пополз по лодыжке, вверх, щекоча кожу. Анна закусил губу, изо всех сил пытаюсь думать о чем-нибудь хорошем. Например о том, что Рейнеке "в образе" куда зубастей и выше в холке. Если наглый кроат пошел в маму ростом — пусть и дальше боится, правильно делает.

— Ну, фрау Холле, ну я же просил, — резкий голос от двери. Господин барон, только его не хватало. Анна застыла, что жена Лота — соляным столбом. Глаза в пол, перечитывать трещины в камне. В ушах шелест, лязг застежки. Потом равнодушный смешок.

— Ну Вольфхарт, не будь занудой. Эти люди так забавно пугаются.

— Забавно, забавно, — отозвался у Анны в ушах сердитый рык барона. — Вы меня с такими забавами без прислуги оставите, мадам. Не то, чтобы я возражаю, но нам здесь ещё месяц сидеть, по меньшей мере. И то если француз не наврал.

"Интересно, а господин барон умеет не орать?" — подумалось мельком. Анна застыла, так и не поднимая глаз. На неё не обращали внимания. Как будто чёрные тряпки прислуги сделали ее невидимой. Ещё один смешок. Низкий, грудной.

— Ладно, Вольфхарт, тем более, что эта ... — тут Анна рискнула поднять глаза. Напоролась взглядом на взгляд этой фрау. Ледяной, издевательский. Вздогнула и опустила глаза опять.

— Как и ты шуток не понимает.

Новый окрик протянул хлыстом по ушам:

— Чего стоишь, помоги мне одеться, — с Анной фрау Холле не ворковала — приказывала. Анна помогла, изо всех сил стараясь держать глаза ниже, а руки — ровно. И не дрожать. Хорошо хоть господин барон решил держаться в рамках. То есть за закрытой дверью, снаружи. И без него это было настоящей пыткой. Наконец последняя застежка щелкнула у чертовой фрау на шее. За дверью сердито стукнула трость. Терпеньем господин барон явно не отличался. Фрау напоследок погрозила Анне пальцем. Поймала за воротник — жалобно треснули ветхие нитки — притянула к себе, проговорила на ухо:

— Будешь болтать — высеку, — Анна дернулась, чужое дыхание обожгло углями по коже, — и смотри, перины мне взбей на совесть.

Анну передернуло ещё раз. А фрау уже ушла, бросив напоследок взгляд в зеркало. Поправила волосы, сама себе улыбнулась, промурлыкала под нос:

— Ещё хороша.

— Ничего особенного, — выдохнула Анна ей в спину. В уже закрытую дверь. Встряхнулась, пожелала чертовой фрау-лисе встретить еще много нового и интересного в жизни. Например рядового Майера. Пьяного, с дружками и в тёмном углу. И дверь за ней подпереть, чтоб прочувствовала, что такое хорошая шутка. Потом отдышалась и решила, что остолопа — Майера надо и пожалеть. А вот майстер Фрашвольф для фрау будет в самый раз. Пусть на нем свой юмор оттачивает, до посинения. Точнее, до хрустящей корочки.

Последнее Анна подумала уже гораздо спокойнее. Дело не ждёт. Хорошо хоть благородные господа не узнали ее в чужих тряпках. Повезло. Но управляющего подставлять не надо. А значит уборку надо закончить и быстро, пока фрау не вернулась. Что Анна и сделала, благо работа пыльная. Постель, шкафы, одежда. Женские платья. Отдельно — цветастый кроатский мундир. Не удержалась, проверила карманы. Нехорошо, конечно. Но в Аннинном положении позволительно.

— Вполне, — подумала она, шаря руками по складкам. В карманах — пусто. Только тут и там белые пряди — то ли шерсти, то ли волос. Анна вытащила одну такую, повертела в руках. Вроде бы у Рейнеке в карманах тоже вечно валялись клочья шерсти. Его собственной. Один раз она их чуть не выкинула, парень смешно ругался тогда и просил больше этого не делать. Жалобно так. Анна невольно улыбнулась, вспомнив эту сцену. Давно ещё, в Мюльберге. Эх. Шаги за стеной. Мимо. Анна ойкнула, быстро убрала прядку в карман и вернулась к работе.

Напоследок Анна прошлась влажной тряпкой по столу. Ровная поверхность, пятна чернил и духов. Ящички, ящички, шкатулки. Во весь стол. Одна на другой, ровными рядами.

— Что в них? — время поджимало, уборка закончена, фрау могла вернуться в любой момент. Но все же... Лакированная крышка щелкнула в пальцах. Одна, другая, третья. Бумаги, бумаги. Тонкие и толстые, шелестящие листы, бисерный почерк, пятна сургуча, пыль и лавандовый запах духов... Анну так и тянуло покопаться в них. Будь больше света и времени. Но оно как раз поджимало. Шаги за стеной, сердце Анны в груди глухо стукнуло. Девушка замерла на миг, перевела дух. Затихло, вроде. "Пора уходить", — подумала она. И все же любопытство пересилило. Еще одна крышка, щелкнув, откинулась в ее пальцах. Внутри, на бархатной подушке два предмета. Желтая кость и белое серебро. Обломок клыка и монета. Крест на боку, крейцер, старинной чеканки. Толстый, блестящий кругляш. Сплющенный, с пятнами по краям.

"Что такое?" — вздрогнув, подумала Анна. Шкатулка захлопнулась. Шаги за стеной — опять. Анна подобралась, огляделась — все, вроде, в порядке — и пулей выскочила из комнаты. Тонким звоном в ушах — каблуки. Собственные каблуки. Жаль, что стучат так быстро. Надо бы спокойно, помедленнее, — не получалось, хоть Анна старалась изо всех сил. Конец коридора, поворот, лестница вниз. Все хорошо, здесь, далеко от господских покоев она в относительной безопасности. Еще поворот. А вот и кухня, знакомая дверь, кухарка и управляющий с дочкой. Похоже, уже не ждали ее обратно живой. Господин даже на спасибо расщедрился. И на комнату заодно. Точнее, приказал кухарке поставить Анне кровать, выдать белье и уложить, как следует. После лагеря, похищения и всех ужасов — даже неплохо. Они ещё посидели, поболтали перед сном. В каморке, под треск сальной свечки. Кое как привели в порядок тряпки, одолженные Анне в одежду. Собственное, пошитое в Мюльберге платье Анна свернула и спрятала. Аккуратно, бережно, так, чтобы никто не видел — где. Не для местных, сальных глаз она его шила. А кухарка вздохнула, прочла молитву и, охнув, задула свечу. Пора спать. Ночь на дворе. Спать Анне хотелось ужасно. Но кухарка храпела, как рядовой Майер со всеми его приятелями, хватал за ноги противный сквозняк, а в голове табунами бродили испуганные мысли.

"Что же делать?" — эта мысль упрямо билась в ее голове. Анна повернулась с боку набок раз, другой. Сон не пришёл, зато пить захотелось. Анна встала. Оделась — на ощупь, тихо, стараясь лишний раз не шуметь и тихо выскочила из их каморки. Зашла на кухню, напилась, поперекладывала на полках банки и склянки. Бездумно, от нечего делать. Уж

очень раздражал Анну здешний бардак. Все тихо, лишь таракан в углу шуршит. Заболела голова. Девушка поморщилась, накинула на плечи чей-то халат и выскользнула через заднюю дверь на улицу. Там падал снег — белой, слепящей завесой. Падал, ложился пеленой на чёрные камни, играл желтыми бликами в свете фонарей и маслянных ламп. Бастион вдали — приземистый гранитный исполин обзавелся поверх кокетливой белой шапкой. И косичками, там где ветер сдувал снег вниз, во двор. Это было красиво. Очень. Анна невольно сделала пару шагов.

— Стой, кто идет, — окликнули ее часовые...

— Свои, — отозвалась она машинально. И только потом вспомнила, что свои далеко. Обернулась — в карауле пара солдат. Один высокий, замотанный в какие-то тряпки до глаз, другой поменьше. Высокий дернул лицом, оскалился. Так, что Анна невольно шагнула назад, гадая, успеет ли добежать до кухонной двери. По оскалу длинного выходило, что нет. Но другой солдат сдул с носа светлый чуб, улыбнулся и толкнул в бок приятеля.

— Отстань от человека. И впрямь своя. С роты Лесли, — теперь Анна узнала его. Тот самый паренек, что привёл ее на кухню. Разговорились. Вначале осторожно, потом нашлись общие знакомые, и разговор потек веселей. Высокий передавал приветы, спрашивал про друзей-приятелей. Когда-то он служил вместе с Майером, Донахью и всей его бандой и искренне радовался, узнав, что его дружки пока на этом свете. Говорили долго. Высокий — его звали Генрихом, а маленького Роном — беспрестанно дергал лицом, всякий раз пугая Анну зверским оскалом. Пугал, пока Анна не спросила напрямик — что с ним? Оказалось все просто. Зуб у бедолаги болел. "Хоть вешайся," — пробурчал солдат и скорчил гримасу страшную до того, что Анне стало его жалко.

— Подожди, я сейчас, — сказала она ему и кинулась обратно, на кухню. Вроде бы в куче банок она видела корень валерианы.

— Должно помочь, тряпку и на зуб, — сказала она, прибежав назад со склянкой. Солдат поблагодарил. Долго и с чувством. Заодно Анна спросила, как тут служится, в крепости?

— Небось, под крышей легче, чем в поле?

В ответ тоскливый, затейливый мат с пожеланиями всем подряд провалиться на месте.

— В поле хорошо, только зимой холодно, — объяснил длинный, отдышавшись, — зато всегда можно найти что-нибудь на зуб. А тут, в крепости с едой — хоть вешайся. С голодухи. Одни кроаты жрут в три горла, да господа, а на пехоту их баронская милость плевать хотели. И сидят они тут, как в тюрьме. Раньше, хоть за стены можно было выйти, силки поставить, наловить кого, благо лес рядом. А теперь и то боязно. В лесу третий день...

Из-за стен донесся вой — тоскливый, длинный, переливающийся. Волчий вой. Солдат вздрогнул, развел руками.

— Страх смертный в лесу второй день. Волк, да лисы, да огромные все. Кувыркком, все друг за другом гоняются. Во рту пена, пасти — во, — развел руками солдат, — мы уж и за стены ходить боимся.

Вой долетел ещё раз. Солдаты вздрогнули разом. А Анна пошла спать, пожелав перед сном Рейнеке приятного аппетита. Спалось, правда, плохо. Холодом несло от стен, щипал ноги сквозняк из разошедшей рамы. А руки привычно искали что-то пушистое и мягкое, но находили лишь камень стены. А потом в крепость пришёл новый день. Как и в роте — под бой барабанов.

Утром местная кухня показалась Анне ещё неприглядней, чем вечером. Грязь, бардак, в углах — тараканы. "Безобразия!" — Последнее Анна, не подумав, сказала вслух. Но кухарка

не обиделась, лишь поддакнула, — "Бардак и есть, только как ей одной с этим справиться?"

— А почему одной? — спросила Анна, выслушала порцию охов и жалоб, вспомнила ночной разговор и выскочила за дверь. Поймала пару солдат и вежливо спросила — не хотят ли благородные господа солдаты поесть на халяву. Халява, в Аннином толковании — это тряпку в зубы и все-все-все перемыть. Должно быть, пехоту допекло крепостное сидение — перемыли, как миленькие, хоть и ворча. Но, зато и наелись от пуза. Кухарка тоже ворчала, ну и пусть ее. Так думала Анна, смотря, как кухня превращается в нечто, на вид приличное. А потом как бы невзначай зашёл еще один солдат и спросил — а что здесь, собственно, происходит? Солдат, как солдат, на вид ничего особенного. Маленький, старый — лет сорок на вид — горбоносый. Но, судя по тому, как резко пехота собралась и ушла — непростой. Да и кухню вошедший осмотрел цепко, но так ласково, что Анна невольно вспомнила ротного сержанта. А господин управляющий слегка побледнел и быстро нашёл себе работу подалее отсюда. А Анна от нечего делать изобразила самую милую из улыбок и предложила новому гостю поесть, раз зашёл. Тот улыбнулся ещё раз, опять напомнив Анне старого сержанта. Потом назвал свое имя.

— Корвин я буду, вахтмайстер тугошней, — а Анна это имя слышала. Вот только где? Потом вспомнила...

— Ой, а мне о Вас рассказывали, — выпалила она, не подумав.

— Интересно, — протянул новый гость, сверкнув на Анну цепкими, черными, как уголь, глазами. — А кто, если не секрет?

— Да в роте нашей. То есть моей бывшей. Пауль Мюллер, майстер-сержант.

— Да? И что же он про меня говорил?

А вот тут Анна замерла. Сержант действительно упоминал это имя, когда, под звон тарелок и ложек, трепался на Мюльбергской кухне о былых делах и старых приятелях. И имя Корвина в его рассказах звучало иногда. Вот только иначе чем "старым козлом" он нынешнего вахтмейстера крепости не называл. Говорить такое прямо в эти внимательные чёрные глаза было страшно. Но и наврать тоже — решила Анна и сказала, как есть. Сердце забилося — птичкой о прутья, но Корвин засмеялся в усы и сказал:

— Вижу, не врешь. Встретитесь — передавай привет. Ну и "сам козёл" тоже. Последнее — обязательно. А сюда как попала?

Анна рассказала. Ветеран щелкнул костяшками, проговорил под нос, протяжно, задумчиво:

— Ну и дела, — Анна замерла. Замерло все, даже тараканы под полом. А вахтмейстер огладил усы, махнул рукой.

— Ладно. Раз такое дело — от моих беды не жди, — и слегка стукнул кулаком по столу, — а вот господ опасайся. Дела тут творятся, ой дела... — Махнул он напоследок рукой, встал и вышел.

От сердца слегка отлегло. Да и остальные, включая господина управляющего выглядели довольными. Видимо, известен был в крепости этот черноглазый старик. Впрочем, абы о ком ротный сержант не трепался бы долго. А кухня после солдатского наряда заблестела — любо дорого взглянуть. Даже капитана кормить не стыдно. Даже Рейнеке. Анна пригорюнилась, вспомнив, что кормить тут придётся совсем не их. Но грустные мысли прервал шум со двора и короткие возгласы.

— Слав тебе господи, обоз приехал, — окликнула Анну кухарка, — с провизией. Помоги проследить, а?

Анна кивнула, накинута на голову платок, завязала потуже и пошла во двор вслед за толстой Доротеей.

Крепостной двор встретил ее ударом ветра в лицо, людским гамом и сыростью. Ногу повело, подошва скользнула по мокрому камню. Анна схватилась за стену, чтобы не упасть, и развернулась. По двору бежали люди — мимо нее, за угол, к воротам. Кто-то крикнул, потом — лязг копыт, мат и ругань. Анна замерла. В глаза бросилась вспененная конская морда, всадник в алой накидке. Кроаты вернулись. Их кони столкнулись в воротах с обозом. Майор Холле, мать его, впереди — с плеткой в руках прокладывает своим путь, орет на обозных, ругаясь, требуя посторониться. Чёрный конь под ним плясал и бил копытами, высекая искры из мостовой. Сердце ударило раз, другой. Перед глазами плыли лошадиные морды, усталые лица, опущенные усы. И еще кони: один, два, три... без всадников, в поводу. Серые тюки поперёк седел. Анна пересчитала взглядом кроатов. Потом взглянула на майора ещё раз. У того голова вниз и плечи опущены. Сердце рванулось из груди прочь — беззвучным радостным воплем.

— Не взяли! — Анна прикусила губу, чтобы не прокричать это вслух, во все горло. Кинуть клич вверх, ввысь, туда, где над тучами плещется синее небо, — не взяли.

Кроат как почувствовал Аннин взгляд, дернулся, махнул плетью — наугад, слепо. Кто-то закричал. Стук в ушах. Сердитый, требовательный. Анна вздрогнула. Нет, не показалось. На крыльцо вышел господин барон. Это его трость, белая, с волчьей головой сердито ударила в камень. Анну дернули за рукав. Кухарка, причитая, потащила ее прочь, от баронского взгляда подальше. Она шла медленно, на заплетающихся ногах, а сердце в груди звенело и билось в такт — не взяли...

А за ее спиной их милость господин барон Вольфхарт фон Ринген выслушал доклад, кивнул, оскалив жёлтые зубы:

— Как сквозь землю провалился, говорите? — и майору в лицо оскалилась хищная пасть на оголовье трости. Тот лишь кивнул:

— Да, экселенц.

— Хорошо, майор, хорошо, — задумчиво проговорил барон, провожая взглядом тянувшиеся по мостовой повозки обоза, — хорошо.

И замер на миг, втянув носом воздух. Ноздри его раздулись, затрепетали. Стукнула трость в руках.

— Идите за мной.

— Но, ваша милость, кони...

Барон в гневе махнул тростью. Куда-то попал, за спиной вскрикнул кто-то. Барон не обернулся — посмотреть, кто. Просто махнул ещё раз и шагнул вперёд, увлекая за собой майора. По плацу, за угол, от парадного входа — к заднему. Туда, где ругаясь и лязгая крючьями, возчики разгружали провиантский обоз. Стучали о камень дубовые обручи, глухо шмякались в грязь ветхие мешки. Хлопотала, разводя руками, кухарка.

— Все обнюхали, говорите, господин майор? — барон раздул ноздри. От повозок тянуло запахом резким и противным. Даже для людей, для таких как барон — и подавно.

— А глазами посмотреть? Пощупать? По-моему... По-моему, Холле, вы идиот, — рывкнул барон и ткнул тростью вперёд. Туда, где из-под повозки выпал вдруг грязный меховой клубок. На руки девушки. На руки Анны, замершей было от радости, когда серый, лохматый зверь ткнулся мордой ей в ладони. Стук трости в ушах. Радость умерла — вмиг, с коротким вскриком. Рейнеке развернулся, загораживая ее. Лапы его подгибались, сваялась

и сбилась клоками серая шерсть. Кровавым клоком — оборванное ухо. Барон усмехнулся. Рейнеке ощерил клыки. И чёрными, пустыми глазами им в лицо уставились дула коротких кроатских ружей.

— Возьмите их, — приказал барон. Холле взял под козырёк. Анна вскрикнула, проклиная себя. Так некстати дрогнули и подогнулись колени.

4-5

трансформа

Их привели в залу на третьем этаже замка, в господском крыле. Анну — под руки. Вначале грубо, потом Рейнеке обернулся и коротко рявкнул майору Холле в лицо. Тот дернулся, слегка разжал хватку..

— Бойтся, даже сейчас, — подумала Анна, глядя, как ходит вверх-вниз чёрная лента галстука на майорской шее. Болело плечо, стиснутое чужими пальцами. Рейнеке шёл рядом, шатаясь. Подгибаются, хромают мощные лапы, на боку — шрам. Кровавая каша вместо левого уха. Один из кроатов хотел взять его за шкуру и едва успел одёрнуть руку. Так быстро клацнули у запястья клыки. Холле дёрнул Анну — больно, до вскрика. Зверь поник.

— Боишься, — прошипела Анна, выплёскивая боль и страх майору в лицо, — боишься. Правильно делаешь...

Майор замер, дёрнул лицом. Всем, от жил на лбу до точёного подбородка. Стукнула трость в баронских руках — сердито, негодующе. Нашли, дескать, время. Их втолкнули в зал, барон вошёл следом, оглянулся — прислуга бросилась врассыпную от его взгляда. Глаза под кустистыми бровями обежали взглядом каменную коробку. Потом — команда, короткая как лай собаки:

— Все вон. Двери запереть. Майор Холле, останьтесь. И ... — тут барон замер, трость в его руках описала в воздухе петлю. Набалдашник с волчьей головой уставился Анне в лицо костяными, незрячими глазами.

— Преврати его...

Барон молчал, сверля Анну злым взглядом из под бровей. Молчала и Анна.

"Превратить ... Его — это Рейнеке. Вон, еле на лапах держится, но как? Я же не могу... "

— Быстрее, девка. Мой сын не может оставаться в таком виде.

"Я же не..." — мелькнула мысль. Мелькнула и умерла. Зверь дрогнул и осел на бок — лапы его не держали больше. Вдобавок к оторванному уху — рана в плече, шерсть на боку свалилась и набухла алым.

"Он же умрёт, если сейчас не обернётся"

— Быстрее, девка, — рык барона отозвался звоном в ушах. Далёким и нестрашным, как звон надоедливой мухи. Зверь кивнул ей, медленно. Поднял голову, посмотрел в глаза. Подмигнул. Словно хотел сказать — давай, ты можешь. Анна решила. Шагнула вперёд, присела, погладила серую шерсть. Замерла, обняв руками звериную шею. "А дальше что?" — подумала было она. Под ладонями — дрожь мощных мышц. Ребра ходят в груди тяжело, дыхание обожгло шею. Тяжёлое, хриплое дыхание. "Бедный, ему же больно, — подумала Анна, удерживая эту голову в руках, — превратись, пожалуйста, я ж не знаю, как тебя лечить в таком виде" . Капнула слеза — с её щеки на чёрный нос. По лохматой шерсти прошла дрожь — мелкая острая дрожь волной, отозвалась в ладонях уколом иголки. Похоже, это оно, Анна закрыла глаза, прикусила губу и, усилием воли, заставила себя не разжимать рук. Кольнуло в носу. Мягкая шерсть ручьём вытекла из ладоней. И шёпот в уши — ласково:

— Все хорошо. Спасибо, — Анна открыла глаза. Рейнеке в руках. Уже человек. Живой.

Уши на месте. Она почему-то протянулась ладонью к его голове — проверить.

Уколола пальцы о ёжик волос и улыбнулась.

— Все хорошо, — повторил он. И глухим, яростным стуком в ушах — удар по полу баронской трости.

— Холле, отдайте щенку свой плащ. Прикрыться. И уведите... — Анна обернулась, глядя в белые от бешенства глаза старого барона, — уведите её...

Анну опять рванули за плечо. Люто, не жалея, аж потемнело в глазах. Рейнеке рванулся было за ней. Барон преградил ему путь. В глазах колесом — серые стены и глухие окна. Чёрная дверь впереди. Два голоса, больше похожих на рык — сзади. Анна услышала своё имя в одной из фраз, рванулась из чужих рук — истово. Кроатский майор не ожидал такого рывка, покачнулся, выпустил её. Она обернулась, сделала пару шагов назад, глядя во все глаза на разыгрывавшуюся сцену. Отец с сыном — друг напротив друга, глаза в глаза. Казалось, сейчас вцепятся в глотку друг другу.

— Хорош, хорош, — рычал сыну в лицо старый барон. Трость в руках, пыльный луч света пляшет на бороде и седой, всклокоченной гриве.

— Я не верил, хоть и говорили. Не верил глазам. Отдать власть над собой... Какой-то, — барон рычал, с трудом выглатывая слова из горла, — отдать власть ...

"Какую власть?" — подумала Анна, на миг споткнувшись. Пальцы Холле вновь схватили её плечо. Она не заметила.

— Отдать власть, — хрипел барон впереди, — обозной шлюхе...

Холле рванул её за плечо. Анна даже не обернулась. Впереди, на её глазах Рейнеке молча шагнул вперёд, повернулся и выбросил руку. Сжатый до белизны в костяшках кулак ударил барона в лицо. В челюсть, под вздёрнутую бородку. Старого бросило назад — только стена за спиной удержала его от падения. Ответный удар — тростью наотмашь. Тоже в лицо. Рейнеке упал — навзничь. Потом встал, глухо рыча. Пошатнулся. Кровавая полоса растекалась по лицу — через щеку, от виска — к подбородку.

Холле схватил Анну опять, потянул. Старый барон засмеялся — по-птичьи, клёкотом то-ли орла то-ли сытой вороны.

— Давай, щенок, топчи свою честь. Привыкай, теперь тапочки за ней носить будешь.

Рейнеке утёр с лица кровь, выругался — по-солдатски грязно. Барон дёрнул лицом — ответ ударил его как стеклом — наотмашь:

— Почему бы и не принести. Если есть, кому...

— Может, ещё и женишься? Барон фон Ринген, волк, рыцарь, потомок крестоносцев — на обозной шлюхе?

Рейнеке засмеялся отцу в лицо. Вдруг. Анна замерла, даже чужие пальцы на плече — застыли. Парень утёр кровь с уголка губ, дёрнул кадыком — вверх-вниз, резко, и выдохнул

— Не могу. Уже... — сердце в её груди замерло, пропуская удар. Мир в глазах Анны посерел, сузился в точку. Малую, по размеру губ Рейнеке-юнкера. Эти губы разошлись и выпустили на волю два слова:

— Уже женат.

И мир почернел, перевернулся и упал. С звоном в ушах, как небо — на землю.

**

— Очнулась, — проскрежетал в голове чужой голос. Анна открыла глаза. С трудом, не хотели они открываться. Давило на грудь, воздух с трудом протискивался в лёгкие. Корсет, не свой, да ещё затянула его Анна с утра потуже.

"Немудрено, что свалилась", — оглядываясь, подумала она. Болело плечо, голова кружилась и шла ходуном, немилосердно ныли затёкшие ноги. Вокруг — полутьма и кирпичные стены сходятся над головой аркой. Солдат впереди, стоит, опираясь на ружье. Незнакомый, вроде. Посмотрел на Анну, усмехнулся так, что дёрнулись длинные усы и повторил:

— Ты как, очнулась?

— Да, — кивнула Анна в ответ, — долго я здесь?

— Не знаю, — пожал плечами солдат, — часов тут не слышно. Но солнце уже к вечеру идёт. Кроат тебя притащил да бросил. А зачем — не сказал ни черта, — проворчал солдат, помянув вполголоса "грязные голенища".

Теперь Анна огляделась ясней. Все то же господское крыло вокруг, дверь зала, где Рейнеке разговаривал с отцом — вон она, совсем рядом. А угол, где она валяется — каморка для часовых под лестницей. Майору Холле приказали убрать её с глаз, вот он и убрал. Как ненужную вещь, в первый же тёмный угол. Под пальцами — грубая ткань. Солдатский плащ, мятый весь и с прорехами.

— Извиняюсь. Я прикрыл, а то на камнях холодно, — кивнул ей солдат.

— Спасибо, — Анна встала, собралась. Ноги уже почти не дрожали.

— А парня увели, под охраной. Кроатской, нам не доверили. Руки за спиной, — проворчал солдат. Кивнул Анне, будто сочувственно, помялся, потом добавил, — а парень не местный. Твой, что — ли?

Опять трудно дышать. Чертов корсет

— Нет. Муж чей-то, — огрызнулась Анна, вскакивая на ноги.

— Куда ты? — окликнул ее солдат.

"Если бы знать, — подумала Анна, уходя, — просто подальше отсюда". На лестнице вниз — голоса. Незнакомый, гортанный говор. Кроаты. Анна развернулась. В другую сторону. Ещё одна лестница за углом. Витая, узкая. Уже вверх, а не вниз. Там было тихо, и Анна пошла туда — наверх, оскальзываясь на стёртых годами камнях и судорожно хватаясь рукой за перила. Так поднялась на этаж, огляделась — все тот же камень вокруг, холодный да серый, неприветливый. А справа по коридору знакомая дверь. Фрау Холле.

"Нет, мне сюда не надо" — кольнула мысль. Анна дёрнулась, поспешно свернула за угол. Серый свет струится сквозь окна, чёрные двери и глухая стена впереди. Тупик. Снизу — опять голоса и шорох шагов по ступеням. Сердце забило в груди. Рванулась вперёд — без мысли, на голом инстинкте. Так ищет лёжку раненный зверь. Одна дверь, вторая. Заперта, заперта. Открыта. Скользнула отполированная медная ручка, закрипело дерево. Захлопнулось за спиной. Ногу повело, рука, не найдя опоры, провалилась в пустоту.

— Нет, когда мне на руки падают прекрасные незнакомки — это, конечно, хорошо. Но почему в полумертвом виде? — это было сказано по-французски. Анна ничего не поняла. Просто почувствовала, что упасть не дали. Подхватили — опять за плечо, больно. Анна невольно вскрикнула. Незнакомец убрал руку и что-то произнёс, опять на незнакомом языке. Извинился, судя по тону. Потом Анну аккуратно усадили. В кресло. Мягкое. Сразу загудели, заныли ноги, уставшие за день вконец. Анна встряхнула головой, перевела дух и огляделась.

Комната, куда её занесло, была большая, светлая, убранная по-господски. С мебелью и коврами на стенах. На коврах — шпаги и пистолеты, россыпи книг на столах. Две кровати. И два владельца — большой и маленький. Знакомые — Анна пригляделась — знакомые по Мюльбергу французы. Большой и маленький. Беседуют друг с другом на своём журчащем

наречии. Большой шумит, горячится. Анна расслышала "Мюльберг", потом фамилию Холле, а дальше жест, столь выразительный, что Анна мигом простила французу все грехи, включая любовь к лягушкам на кухне. Второй отвечал тихо, примирительно. По его лицу — не поймёшь, согласен он с гигантом или нет. Заколото ногу, Анна дёрнулась, садясь поудобнее. Маленький уловил ее движение, кивнул гиганту и слегка поклонился. Анне, вежливо. Это было странно, по меньшей мере.

— Друг мой, дама очнулась. Говорить в её присутствии на незнакомом языке — неприлично, по меньшей мере.

"Ничего себе", — удивилась Анна такой галантностью. После старого барона и Холле — странно и удивительно. При мысли о Холле сразу заныло плечо. Анна поморщилась. Невольно.

— О, кого я вижу! — пророкотал большой. Громко и весело, как эхо из бочки. — Белле мадмуазель. А мы вас совсем недавно вспоминали.

"За обедом, небось", — довольно невежливо подумала Анна.

— За обедом, — пробасил гигант в тон мыслям.

— Боюсь, следующий обед не будет таким запоминающимся, — перебил его второй, мягко, но безоговорочно, — что случилось?

— Они... — начала Анна, — Поймали...

И не закончила, дыхание прервалось. Француз мягко улыбнулся.

— Господин барон решил своё семейное дело. Сочувствую. Как парня взяли — человеком или ... Или в образе?

"Похоже, он знает все... Все всё знают, кроме меня", — обида кольнула виски. Анна кивнула:

— В образе. То есть...

— То есть на четырех лапах, с хвостом. Я в курсе, можете не таится. Но в таком виде много отец с сыном не наговорят.

— Уже наговорили. Достаточно... — ответила Анна. И мысленно попросила прощения — с её стороны невежливо так отвечать. Но уж очень тяжело скользили слова по горлу.

— Наговорили? То есть юный Рейнеке сумел обернуться? Но как? Ключа здесь взять негде...

Анна собралась. Резко, на одной воле, прогнала из глаз пелену. И заговорила, осторожно подбирая слова. Очень осторожно:

— Ключа? Я не понимаю вас, господин.

Француз улыбнулся ещё раз. Развёл руками

— Таким, как барон, нужно что-то, чтобы сменить облик. Что-то, что помнит их прежнее состояние. Клок шерсти, чтобы уйти туда, шарф или рубашку, бывшую на теле — чтобы вернуться обратно.

Анна вспомнила Мюльберг, первое превращение юнкера и кивнула. Да, тогда помог шарф. Золотой офицерский шарф, полинявший и колкий.

— Но здесь ничего подобного взять негде. Тогда... — проговорил француз медленно, больше собственным мыслям, — разве что...

— А что стало ключом в этот раз?

— Ничего. Барон просто приказал ...

— Приказал — кому? Вам?

Анна невольно кивнула. Француз внимательно посмотрел на неё и, как показалось на

миг, поклонился.

" Не может того быть. Показалась" — оборвала себя Анна.

А француз сменил тему:

— И много отец с сыном наговорили?

— Подрались, — честно ответила Анна. Даже с улыбкой. Вспомнила, как летел барон, получив от юнкера в челюсть. "Хорошо летел", — подумала Анна и улыбнулась опять.

— Потом долго орали друг на друга. Что-то про власть, кто-то кому-то отдал... — тут француз щёлкнул пальцами и улыбнулся. И слегка дёрнул губами, будто понял, о чем речь.

— Господин... — Анна чуть замялась. На миг стало страшно спрашивать в лоб. Но ... Анна вначале спросила себя — а чего ей бояться? Потом француз, прямо в его внимательно прищуренные глаза.

— Господин, что все это значит?

— Обычно, такой властью обладает его жена. Его — в смысле зверя, прошу прощения, мадам.

Небо за сегодня явно устало крутиться и куда-то падать. В Анниных, по крайней мере, глазах. Ответила она почти спокойно.

— Я мадмуазель, прошу прощения. И если юный Рейнеке на ком-то женат, то не на мне.

— А его ключ у вас. Это странно... — произнёс француз, сцепив пальцы, — очень странно. В любом случае, кроме него пояснить ситуацию некому.

— Но он в тюрьме.

— Жаль.... — Из коридора донёсся шум и пьяная песня. Переливчатая, угрюмая и протяжная, как волчий вой. Анна вздрогнула, узнав голос старого барона. Одинокий. Французы переглянулись и разразились потоком фраз между собой. Забыв про вежливость — на французском. Анна уловила имя "Вольфхарт", потом пару фраз — звучных, как отборное ругательство. И Ле Принс — дважды. Все остальное утонуло в потоке незнакомой речи, журчащей, как ручеёк по весне. Француз кивнул Анне. Даже не кивнул — слегка поклонился.

— Подождите нас, мадам. Дела вынуждают нас уйти, но ненадолго. Можете отдохнуть здесь, майор Холле сюда не войдёт.

— А если войдёт — то обратно его вынесут, — хохотнул в тон маленькому французскому гиганту и они оба исчезли за дверью.

Анна осталась одна. Совсем одна в чужой, холодной комнате. Огляделась, обошла по кругу четыре стены. Несколько минут бездумно смотрела в окно. За стеклом хмарь — серый камень, белый снег, чёрная громада бастиона. На ближней стороне, у горжи, там где толстые стены сходятся почти вплотную — яркие красные и жёлтые точки. Кроатские плащи. Патруль. Точнее, пост.

— А ведь "грязные голенища" в караулы не ходят. Это для пехоты работа, не для этих важных господ, разряженных, что твои попугаи. Разве что особо важный караул. Разве что... Так вот, где они держат Рейнеке, — подумала Анна и отвернулась. Северо-западный бастион, прямоугольная груда камня, тёмная и вытянутая, как крышка гроба.

— Выстыл за зиму, наверное, — подумала Анна, поёжившись. Отвернулась, поворошила книги на столе. Пролиставала одну — большую, старинную, в толстом, красном переплёте. Лениво вначале, потом увидела на гравюре знакомую пасть. Заинтересовалась. Увы, большая часть текста шла на латыни, которую Анна не понимала. Меньшая — на немецком, но высоким, готическим шрифтом, которого Анна не могла разобрать. Понятными оказались

всего пара вклеенных страниц — неизвестно, чья рукопись.

"...Жена же, которой господин барон очевидно наскучил, дождалась его еженочного выхода на волю в волчьем образе. После чего приказала запереть замок, а одежду мужа собрать и сжечь..." и так далее. Бегал благородный предок Рейнеке-юнкера на четырёх лапах по лесу долго, очень долго. Едва охотникам не попался, хорошо хоть сменила гнев на милость жена. Анна вспомнила свою шуточную угрозу — ещё давно, в ротном лагере — выгнать балбеса спать в сугроб. "А я ведь и в самом деле могла это сделать", — пробежала колючая мысль. Как кошка, на мягких лапах. А значит... Анна сама не понимала, что это значит. Концы с концами вязаться не хотели, хоть плачь. И француз прав. Кроме Рейнеке никто ничего толком не скажет. А значит... Анна остановилась, задумавшись. Пальцы пробарабанили по столу. Раз, другой.

— Я просто хочу спросить, — проговорила она. Медленно. Вздогнула, словно её испугал собственный голос. "Я" обожгло небо, выстрелило иглой в висок. "Хочу" — алой волной от щёк, через руки и в низ живота... "Спросить" — отозвалось тьмою и шелестом змеи в мокрой траве. И холодом.

"Господи, это много?" — прошептала она. Небо молчало. Даже не небо, а белёный потолок. Анна бросила взгляд в окно — на сером снегу пятна, алое на сером. Пригляделась — на дворе стояли фрау Холле и майор. Разговаривали о чем-то, Анна сверху видела движения губ. Майор показал рукой на бастион. Его мать кивнула и засмеялась. Золотые волосы рассыпались по плечам. У Анны кольнуло сердце.

— Мне лучше поторопиться, — сверху угрюмая песня. Опять. Пока барон пьян, Холле и его мать в крепости за главных, — лучше поторопиться. А то эти Холле сделают так, что спрашивать будет некого.

Анна подобралась, отряхнулась и выскользнула за дверь. Осторожно, стараясь без нужды не стучать каблуками.

4-6

чистосердечное

Половицы не скрипнули, каблуки простучали тихо, не выдав Анну, когда она спустилась вниз. Винтовая, истертая временем лестница, коридор, потом другая — прямая, широкая, продуваемая холодными сквозняками. В углах и сχροнах каменной громады плескались тени, тесня и окружая редкие в ночное время огни. Анна скользила от тени к тени вниз, к знакомой кухне. Очень громко, как ей казалось. Но, видимо, бог услышал ее сквозь груды камня и серую хмарь зимних небес — вплоть до кухни Анну никто не увидел. Так и скользнула девушка невидимкой, к своему углу в кухарской каморке. Она была пуста — толстая Доротея где-то возилась. Анна быстро переделась. Почему — то сейчас это казалось ей важным. Зайти к Рейнеке на в тряпках с чужого плеча, а в своём... Да и, во-первых, чужой тесный корсет замучил вконец, во-вторых — что еще делать она не знала. В складке юбки пальцы нащупали тонкую шерсть. Анна достала прядки на свет, пригляделась — клоки шерсти, белый и рыжий, огненный.

— Откуда? — подумала она, потом вспомнила — вытащила из карманов, убираясь у фрау Холле

— Белый — от мамы, получается. А сынок рыжий, не в масть, — усмехнулась Анна, наматывая прядки на палец. Вспомнила рассказ француза. Получается, они там не просто так лежали. Важная вещь. Интересно... В коридоре за дверью затопали сапоги. Громко, по-хозяйски громко. Сердце Анны оглушительно ударило в такт. Грубый голос, женский визг.

От кухни. Анна вздрогнула, узнав в мужском, лающем рыке голос майора Холле. Последний шнур на платье затянулся как-то сам собой, моментально. Бесшумно открыть дверь, выскользнуть, надеясь, проскочить за спиной кроата. Почти получилось. Почти. Из дверей кухни — сдавленный писк, стук и — басом — грубое ругательство. Анна обернулась, невольно. Громадный Холле спрашивал о чем — то Мари, дочку управляющего. Схватив за воротник. Та жалобно пискнула и закатила глаза — вот-вот в обморок грохнется.

Анна споткнулась на ходу, ее передернуло.

— Что он делает, зверь, — прошептала она. Слишком громко. Майор Холле развернулся — рывком, выпустив Мари. Та свалилась, осела на пол. Мешком, без вскрика. Анна — откуда храбрость взялась — шагнула вперед, навстречу майору. Холле оскалился, рывнул ей глухо:

— Собирайся. Пойдешь со мной. Моя мать хочет тебя...

— А я не хочу, — ответила Анна, дивясь, как просто звучат эти слова. Холле зарычал. На звериный манер, глухо и яростно.

И тут Анна, с лёгким, отстраненным удивлением, услышала собственный, ровный голос. Два слова:

— Пошёл вон.

Майора Холле, видимо, ещё ни разу в жизни не посылали. Он споткнулся, застыл на ходу, на его красивом, тонком лице растеклось удивленно-детское выражение. А Анна — волосы вразлет, плащ в сторону крыльями птицы — шагнула еще раз, выбросив вперед тонкую руку. Майор дернулся. На инстинкте. Ладонь Анны поймала его запястье...

— А если не работает? — забились мысль в углу сознания, — тогда тебя пропьют в Мюльберге, дорогая.

Но ладонь не дрогнула и губы выплюнули слова в лицо майору Холле:

— Пошёл вон. Чудовище. Зверь.

Холле дернулся. В глазах под тонкими бровями — удивление и бешенная злоба. И вдруг по ладони уколы иголок — волной. И — внезапно — по лицу и рукам майора пробежала рыжая шерсть, задрожало, забилось тело. Плащ и кафтан — пустые — осели на кухонный пол. А то, что только что было майором Холле упало вниз, на все четыре лапы. Огромная, огненно-рыжая лиса.

— Сработало, — мысль в голове уже не билась — ползла лениво. Анна прижалась к стене. Хлестнул по ноге рыжий хвост...

— И что мне теперь с ним делать?

Но Холле решил не искушать судьбу. Лиса захлопнула алую пасть, развернулась, и бросилась вон, в окно. Сквозь раму, лишь брызнули дождём оконные стёкла. Холодный ветер ударил в лицо.

Зверь исчез. Анна выдохнула. Посмотрела себе на руку — долго, внимательно. Смотала и спрятала в карман волоски. Похлопала по щекам Мари. Та дышит, но без сознания. И к лучшему, нечего ей тут видеть. Остальные тоже попрятались, кухня пуста.

— Это хорошо, — подумала она. Потом поворошила груды одежды на полу. Кафтан, плащ, сапоги, куртка. Чёрный галстук — вот и все, что осталось от майора Холле. Анну передернуло на миг — вспомнила как кривились тонкие губы на его лице. В кармане штанов — толстый, звенящий кошелек. И шелест бумаги. Плотный серый лист, небрежно сложенный вчетверо.

— Удача, — подумала было Анна, развернув лист, и тут же понравилась, — господи

боже, спасибо тебе.

Господину барону было некогда или лень писать приказ. Он просто взял печать и приложил его к пустому листку бумаги. Анна сложила лист, поцеловала и аккуратно спрятала. За рукав, трижды проверив, чтобы не вывалился. Не удержалась, ощупала рукав ещё раз. Хруст бумаги — музыкой в ушах. Смутная, но надежда.

Она выскользнула из кухни спустя четверть часа. В руках — корзинка. На дне — свёрнутые в тугой узел мужские вещи с майора, сверху, для отвода глаз, щедро навалены утащенные с кухни пироги и горшок масла. Авось голодная пехота на караулах стащит пирог и не полезет проверять дальше. И пистолет. Изящный, точный ствол из хольстера майора Холле. Авось не пригодится, но чем чёрт не шутит. Анна прикрыла корзинку тряпкой, улыбнулась, вспомнила сказку — старую сказку про внучку, бабушку и пирожки. Улыбнулась еще раз и подумала, кто тут, в крепости, годится на роль бабушки. Разве что фрау Холле — но Анне сейчас в другую сторону.

— Совсем. И вообще, сама их пекла, куда хочу, туда и ношу, — подумала Анна, поправляя под плащом купленную в Мюльберге маленькую красную шапочку. А потом она свернула за угол. Холодный ветер ударил в лицо. Холодный, сырой ветер, разогнавшийся по ровному месту крепостной эспанды. Тёмной громадой впереди — бастион. Северо — западный бастион, куда, по ее догадке, засунули Рейнеке. Гранитные стены, башня со шпилем, проход в горже — чёрный, бездонный провал. И небо над ним — беззвездное, глухое зимнее небо. Как крышка над сковородкой. Площадь между стенами — десять шагов. Желтое пятно впереди — трепещущий свет казенной масляной лампы. Девять. Из далека пахло дымком. Анна обернулась, невольно. Ветер рванул капюшон с головы. Багровый огонь и звон молотков. Знакомый, родной по деревенской жизни звук — работала кузница.

— Может, ну его, — пробежала мысль. Скользнула по копчику вниз, упала, запутала ноги, — развернуться сейчас, исчезнуть.

Восемь шагов. Теперь слева видна россыпь огней. Маленький городишко под стенами.

— Там меня никто не догадается искать. Найти хорошего человека... Родить ему десяток детей и забыть про волков с их тайнами.

Семь шагов. Анна поправила капюшон. Неловко, ударила по ногам тяжёлая корзина. Тёмная стена впереди.

— Одного хорошего человека я уже нашла, — сказала она упрямо. Сама себе. Ветер унялся.

Еще шаг. Шесть шагов.

— Да и поздно, — подумала она. Караульный ее заметил. Высокий, длинный солдат с ружьем, при полном параде. Увидел Анну, вскинулся, свирепо дернул лицом.

— Привет, Генрих, — Анна улыбнулась, — как твои зубы?

— Лучше, госпожа, — улыбнулся солдат в ответ. Анна помнила — она болтала с ним вчера ночью. Солдат кашлянул.

— Приказ генерала. Узнику поесть несуг. Новому...

За спиной, в замке со звоном разбилось окно. Осколки стекла посыпались дождём на каменную мостовую. Пьяный в хлам голос проорал что-то сверху. Что-то про наглого щенка, его маму и водолаза. Солдат дернул лицом ещё раз — страшно, своротив набок челюсть. И показал на дверь за спиной.

— В эту дверь, наверх и направо, на галерею. Потом опять вниз.

— Спасибо, — ответила Анна ему со всей серьёзностью. Путь, что показал ей солдат,

был куда длиннее — но в обход охраняемой кроатами горжи.

Наверху, в длинной, тесной галерее, у пушек — новый караул. Трое, во главе с длинноусым капралом. Эти осмотрели пропуск. Длинноусый посмотрел на печать, потом на Анну, оскалился — разом напомнив Анне сержанта — щерил он зубы в улыбке так ласково, как тот перед ударом. И Рейнеке — когда ловко вынул у Анны из корзинки пирог и сжевал во мгновение ока.

— Это для... — проговорила Анна, почему-то запнувшись... — приказ.

— Приказ, это хорошо. Иди, девка, с богом, — пробасил капрал, показав Анне на дверь за спиной. Анна исчезла. Длинноусый усмехнулся в усы. Его сменщик, молодой солдат, проводил Анну взглядом и протянул — неуверенно:

— А разве пленному не кроаты еду носят?

— А нам что, на построении думать приказывали? Или я оглох с утра? По моему — наоборот. Их милость "не рассуждать" велел, когда по роже тебя в последний раз съездил. Вот приказал — не рассуждать — мы и не рассуждаем.

Капрал договорил, отвернулся, опершись плечом на длинный зев медной пушки. Посмотрел вниз. Там, на плацу по-прежнему скрипела виселица. И третий слева висельник был, при жизни, должен капралу денег.

— И теперь уже не вернет, вот засада, — лениво думал капрал, провожая взглядом качающееся на ветру тело. Потом оглянулся на дверь, вспомнил Анну, барона и усмехнулся в усы.

Анна всего этого уже не слышала. Ветер унес слова, захлопнулась дверь за спиной, скушав, под чавканье засова, звуки и запахи ночи. Вокруг неё опять тьма и тишь подземелья. Мертвая, лишь капель воды с низких сводов. Лестница вниз — тридцать скользких, крутых ступенек. Расшатанные перила под рукой. Анна оскользнулась — дважды, с трудом устояла на ногах. Огонёк впереди — желтый, мерцающий огонёк то ли плохо заправленного фонаря, то ли лучины. Сердце укололо — опять. Корзинка в руке отяжелела, вдруг, едва не оторвав Анне руки.

— Похоже, последний пост, — медленно, как во сне думала Анна, пока ноги несли ее сквозь тьму коридора вперёд — к этому огоньку, — пока мне везло. Пока. А если удача закончится — там, за поворотом?

Казалось, тьма вокруг ответила ей шорохом, похожим на издевательский смех:

— Тогда, дорогая, кроаты пропьют тебя в Мюльберге или ещё где.

Анна тряхнула головой, сказала себе — это просто песок шуршит по стенам.

Последние несколько шагов. Из тьмы к свету. Караульщик — один. Увидев ее — встрепенулся, вскочил. Анна подняла на него глаза, руки дрогнули, не зная за что хвататься — то ли за фигов листок приказа, то ли сразу — за пистолет. А солдат сдул с носа пшеничный чуб, увидел Анну и улыбнулся, как старой знакомой.

— Добрый вечер, госпожа. Вы... — Анна узнала его. Этот невысокий, совсем ещё молодой парень вел ее на кухню в первый день. Солдат замялся. Анна тоже. Предъявлять приказ бесполезно — он явно вспомнил ее.

— Вы тут... — начал он, и скоился на дверь за спиной. Анна кивнула. Слова не нужны. Ладонь скользнула в корзинку, нащупала полированную рукоять. Орленый курок обжег холодом пальцы. Но солдат не протянулся к ружью. Лишь сдул длинный чуб с лица и сказал, слегка запинаясь:

— Вы только там вместо него не оставайтесь, хорошо? А то нам попадёт... Лучше

вашему парню скажите, чтоб по голове меня дал, когда вы с ним уходите будете. Тока несильно, и так болит.

Парень улыбнулся вдруг. Анна — ошеломленно — улыбнулась в ответ, сказав лишь: — Спасибо.

— Да не за что, — парень усмехнулся опять, пояснил, слегка запинаясь:

— Пост кроатский, но господам кавалерии на часах стоять неместно... Анна пригляделась к нему — мальчишка, совсем. До сих пор верит в сказки. Но, спасибо ему.

— Третья дверь слева, — крикнул ей в спину солдат. Анна скользнула вперед. Короткий, пустой коридор. Третья дверь. Черное, потемневшее от времени дерево. Без замка. Лишь засов, упрямый, как одна лохматая сволочь.

— Ну Рейнеке, — подумала она, наваливаясь всем весом на чугунную ручку, — ну сукин ты сын...

Засов поддался. Оглушительно стукнула дверь, заскрипели, поворачиваясь, ржавые петли. Сверкнули, Анне навстречу, плеснули огнём черные, ставшие родными глаза. Ногу повело, мир в глазах покачнулся. Но устоял. Просто руки придержали ее за плечи. Бережно, не дали упасть.

— Ты? — удивление плавало в глазах Рейнеке, удивление в смеси с чем-то другим, тёплым, родным, пусть пока неведомым, — ты ... Как?

— Так, — Анна вспомнила вдруг, зачем шла. Мягко скинула чужую руку с плеча. Посмотрела в глаза. Внимательно.

— Рейнеке фон Ринген, по кличке НеЛис, юнкер, — голос ее чуть дрогнул. И дрогнули, опустились вниз чёрные глаза. Стукнуло сердце — глухо, словно все знало уже. Но она все равно спросила:

— Скажи мне правду, пожалуйста. Ты женат?

Короткое, резкое фырканье в ушах. Словно — ответ. Словно — насмешка.

— Спроси только — на ком?

— На ком? — машинально повторила она за ним. Как будто, это что-то меняло.

— На тебе.

Небо опять качнулось, будто сегодня ему понравилось вертеться и падать. Не дали. Придержали рукой за плечо, мягко так, бережно.

— Это как? — прошептала она. Потом вспомнила. Ночь, плац. Бой барабанов, факелы и вздернутые вверх руки латинского чёрного попа. Слова, падающие вниз, медленно и торжественно, как заклинания. Непонятный вопрос. Его ответ.

— Мюльберг, да? — прошептала она

— Правильно. Первый день. Ночь, точнее, — кивнул он.

— Та церемония...

— Была свадьбой. Военно-полевой, ускоренной, но свадьбой. На Магдебургский манер...

— Почему ты... — Сорвалось. Слова сорвались, упали, потерялись куда-то.

— Почему ты молчал?

— А что я должен был сказать? Что это приказ и возражения не принимаются? Или просто постоять в стороне, посмотреть, как тебе ломают дверь? Или мне надо было самому ее выломать?

Она ударила его. Раскрытой ладонью, наотмашь, сильно. Так, что слегка мотнулась вбок голова, а на щеке расплылся след от пяти маленьких пальцев. Парень лишь усмехнулся —

вздернул губы в улыбке. Заболела рука.

— Дурак ты, серый, — выдохнула она, жалобно, как-то по-детски шмыгнув носом, — зачем ломать? Открыто ж было...

— Дурак и есть, — кивнул он. Seriously так. И обнял... Так, что мир закачался опять. Закачался, поплыл, схлопнулся в точку. В две — в его два больших чёрных глаза. А его мир — схлопнулся, сошелся тоже. До двух глаз цвета огненного опала. До губ, пахнущих дымом и солью от крови и слез. До плеч, дрожащих в ладонях — свечой на ветру...

— Господа хорошие, может вы все-таки свалите отсюда? Не дай бог кроаты вернутся, — окликнул их от входа солдат, одним словом вернув на законные места небо и землю.

4-7

На рывок

Они все-таки опоздали. Чуть-чуть. Сверху затопали сапоги и добродушный голос, путая слова, с гортанным кроатским акцентом спросил охранника, все ли в порядке.

— Все в порядке, — ответил за чубарого паренька Рейнеке. Лязгнула дверь, плеснул кроату в глаза алым плащ майора Холле. Лицо юнкера пряталось в тени, кроат сперва ничего не заметил. Вытянулся, отдал честь, отчаянно гадая, как в эту глушь занесло офицера. Чубарый паренек тоже отдал честь, аккуратно ступив в тень, кроату за спину. Рейнеке шагнул вперед, поймал взгляд кроата глазами, вспомнил капитана и ткнул пальцем, показывая на дверь, себе за спину

— Узник со мной. Приказ... — взмах руки был ошибкой. Юнкер был куда крупнее майора Холле, кафтан на плечах оглушительно затрещал и лопнул по шву. Плащ съехал с плеча. Кроат раздул ноздри, оскалился, хватаясь за ножны. Рейнеке был быстрее. Удар — один, короткий, в челюсть. Кроат упал, ударившись головой о стену. Рейнеке подошёл к нему — неловко, каблук повело, нагнулся, ощупал жилу на шее. Обернулся — вначале назад, на дверь. Анна замерла на пороге — бледная, но пистолет в руке не дрожит. Юнкер мимолетно провёл языком по губам, помнящим недавнее, улыбнулся и обругал себя идиотом. Потом выпрямился и мигнул караульному.

— Это кто? — спросил юнкер, кивнув на кроата.

— Начальник караула. Был, — кивнул чубарый в ответ.

— Неудачно вышло... — извиняясь, протянул Рейнеке. Подумал немного, вспомнил рассказанный капитаном анекдот. Сорвал у кроата с пояса жалобно звякнувший кошелек, кинул парню:

— Давай так. Он только что тебя за водкой послал. Как вернешься — поднимай тревогу.

Упрашивать парня дважды не пришлось. Чубарый исчез, будто его тут и не было. А Рейнеке вдруг побледнел, качнулся. Стена подперла, не дала упасть. На землистом лице чудовищно заострились широкие, обтянутые кожей скулы. Анна охнула. Шрам на его лице — багровый след от баронской трости. Рейнеке улыбнулся ей. Точнее, попытался.

— Как ты? — спросила она. Шагнула к нему. Лиловым по чёрному — шрам выглядел плохо, очень плохо. Стукнула по ногам корзинка, забытая на полу.

— Все в порядке, — ответил он быстро. По лицу видно было, что врёт.

— Шрам так и не затянулся.

— Это ерунда, вот перекинусь, и следа не останется, — сказал он и подал ей руку. Галантно. Анна подхватила корзинку.

— Давай подмогу, — улыбнулся он ей, перехватывая ручку. И они пошли — под руку, вверх, к свету поближе. Хотя какой ночью свет.

— Ух, ты, вкусно, — лязгнул зубами юнкер, на ходу вытащив из корзины пирожок. Потом второй, а потом пустая корзина полетела в угол, за ненадобностью. Анна улыбнулась — аппетитом парень явно пошёл в свою волчью половину. Зато шагать куда бодрее стал. По каменному коридору тянули холодные сквозняки, крутили, сдирали со стен штукатурку. Дверь впереди — полуоткрыта, сквозь щель — мерцание, мягкий свет — выход наружу.

— Дошли, — выдохнула Анна, придержала Рейнеке рукой и улыбнулась.

С караулом у горжи повторилась та же история, что у камеры. Резкий окрик, алый плащ ослепил, блеснул золотом шнуров в глаза караульным. И, прежде чем кроаты опомнились и сообразили, что офицеру тут делать нечего — два коротких удара. Рейнеке прислонил оглушенных к стене — так, чтоб хватились не сразу. И долго переводил дух, опершись ладонью о стену.

— Давай, пойдём, к теплу поближе, — сказала Анна, мягко перехватив его под руку.

Потом — эспланада, ровная площадь, десять шагов мостовой между стенами. Камень крошится и скользит под ногой. Из-за угла — лязг стали и стук каблуков по камню. Патруль. Серые и черные потрепанные плащи, обвислые шляпы, начищенное до блеска оружие — не кроаты, пехота. Пяток солдат с капралом во главе. Анна ойкнула. Рейнеке подхватил ее, вжал в стену — в пятно глухой тьмы в углу меж массивными камнями контрфорса. Прикрыл спиной. Алый плащ упал тряпкой ей под ноги. Глухо стучали по брусчатке подкованные солдатские сапоги. Глухо, тревожно билось у Анны сердце. Два — юнкер прижал ее к груди, его сердце стучало и билось ей в пальцы. А потом они заметили, что патруль прошел и все тихо. То ли миг, то ли вечность спустя.

— Слава богу, не заметили, — подумала Анна, выбираясь из-за его спины.

— Во даёт молодежь, — усмехнулся в усы начальник патруля, оглянувшись и украдкой провожая их взглядом.

— Куда теперь? — украдкой прошептал Рейнеке, осторожно оглядывая каменную громаду вокруг. Анна на мгновение задумалась. Тащить юнкера на разгромленную кухню было страшно, а других безопасных мест здесь она не знала. Потом вспомнила, схватила его за руку, потащила вперед. За угол, в тень, к низкому подвальному окну, забитому тяжёлой ставней.

— Ой, — сказала она, увидев под ставней витую решетку.

— Ой, — жалобно звякнула решетка, когда пальцы Рейнеке в одно движение вырвали ее из пазов. Зашуршала осыпающаяся по стене известка. Треснула рама. Коротким, оглушительным для ушей Анны, щелчком. Оба замерли на миг, осторожно огляделись. Вокруг — тишина, лишь стук шагов и лязг за углом — но далеко, безопасно.

— Не услышали, вроде, — прошептала Анна. А потом они оба нырнули в окно. Окно маленькой кладовки в полуподвале. Там было темно и тихо. Оглушительно тихо, камень стен хорошо прятал лишние звуки. Юнкер поставил ставню на место. Анна, постучав кресалом, зажгла лучину. Трепещущий жёлтый огонь пробежал по стенам и низкому, сводчатому потолку, пузатым бочкам в углу, кадкам и россыпи горшков на полках.

— Это мы удачно зашли, — щёлкнул зубами Рейнеке. Парня стукнула по лбу подвешенная к потолку палка колбасы. Лицо его вытянулось, на лице вздулись, затрепетали ноздри.

Анна улыбнулась. Она-то знала, куда его вести. Кладовка при кухне. Тысяча запахов щекотала ноздри даже ей, что уж говорить об оголодавшем в тюрьме Рейнеке.

— Налетай, — улыбнулась она ему. Юнкер замялся.

— А нож есть? Хотя бы... — сказал он, неуверенно. Даже руки за спину убрал, хотя видно было невооружённым глазом, как его трясёт с голодухи.

Нож нашёлся. Старый тесак, заткнутый в нишу стены на всякий случай. Юнкер в два взмаха располовинил каравай, приспособил длинный ломоть вместо тарелки. И еще один галантно предложил Анне. Сорвал палку колбасы с потолка и начал есть. Быстро, но аккуратно, старательно держась в рамках приличий. Даже получалось. В начале — с трудом, потом — все лучше и лучше.

— Спасибо, — церемонно кивнул он, наевшись. Теперь парень выглядел гораздо живее. Вот только шрам на лице выглядел совсем плохо, куда хуже, чем в ночной тьме. Лиловый, раздувшейся лентой.

Они разговорились. Негромко, стараясь не шуметь без нужды. Но долго. Анна рассказала, как сидела тут в крепости без него. Как есть. Про майора Холле, про его мамашу, про то, как ходила Анна к ней в виде горничной. Щека Рейнеке дёрнулась, парень пробормотал что-то вроде: "чертовы лисы, опять за своё". Анна перескочила во времени, рассказала, как столкнулась с майором Холле на кухне. Как в её руках обернулся лисом кроатский майор.

Рейнеке выслушал, кивнул задумчиво:

— Да, зверем быть просто. Вот человеком сложнее — тут навык нужен. Бедная ты, сколько натерпелась.

— Да все хорошо уже, — улыбнулась она ему и подумала: "теперь понятно, почему он рычал и кидался, когда его в лагере лисом обозвали".

И пошла рассказывать дальше. Про то, как встретила тут, в крепости, сержантского приятеля. Юнкер дёрнул щекой ещё раз и опять улыбнулся, сказал:

— Повезло. У старого вояки даже в аду знакомые найдутся.

— А потом они тебя ... нас поймали, — закончила она рассказ, — и отец твой велел тебя обернуть. До сих пор не пойму, как это у меня получилось.

Юнкер убрал глаза в пол. Даже покраснел, как будто. Налился лиловым шрам на лице.

"Гноиться бы только не начал", — подумала Анна и осторожно сказала:

— Перекинулся бы ты. Сейчас. А то на шрам смотреть страшно.

— Не могу, — пожав плечами, ответил ей Рейнеке. Просто, как будто не о себе, — сейчас не могу. Понимаешь — ключ нужен. Что-то... Или кто-то, кто помнит твой иной облик. Как у тебя с этим Холле получилось — клок шерсти там... А у меня все забрали при аресте. До лагеря теперь, надеюсь, мои вещи ещё не пропали.

— Нет, так не пойдёт. До лагеря долго, загноится, точно. И потом... — тут в голову Анне пришла мысль. Такая, что щеки огнём вспыхнули, — а как же мне удалось тебя обернуть тогда? Ключа-то не было?

Вот теперь Рейнеке точно покраснел.

— Скотина, — выдохнула Анна разом, чувствуя, как вспыхивают алым щеки. Не просто так были Мюльбергские сны. Обозвала скотиной в третий раз, легко, больше в шутку стукнула по загривку. И почувствовала в ладонях знакомый укол — тысячью острых иголок враз по подушечкам пальцев. Вздрогнула, зажмурилась, но руку не убрала.

— Ой, — серый лохматый зверь краснеть не мог, но вид у него был куда более виноватый.

— Ой, — растерянно повторила она, изумлённо хлопнув глазами, — как же так?

Зверь встряхнулся, встал на лапы, подошёл и ткнулся Анне серой, с пятнами, лохматой

головой в руки. Наклонил голову, посмотрел в глаза, кротко, так, что Анна забыла про злость, умилилась и почесала за ушами.

— Скотина ты, серый. Но красивая. И что мне теперь делать с тобой?

Анна выдохнула. Встряхнулась, подумала ещё раз. Сама тоже хороша, могла его из койки и выселить. Но забыла, точнее — чего себе врать — сделала вид. Ладно, все могло быть и хуже.

"Гораздо хуже", — подумала она, протянула руку, игриво взъерошила на загривке шелковистую шерсть.

— Нет уж, ты, конечно, красивый, но давай обратно, — прошептала она. И опять, по пальцам — знакомая дрожь. Россыпь уколов. Заслезилась, сморгнули глаза, будто в них пушинка попала. Открылись, когда рассерженный голос Рейнеке ударил в уши:

— Может, всё-таки уйдём отсюда?

Анна открыла глаза. Теперь на неё смотрел человек. Под ладонью — колючий ежик волос. И шрама больше нет, как не было.

— Слава богу, — подумала Анна. И покраснела — невольно вспомнились Магдины шутки насчёт "повезло тебе, подруга". Да уж. Щёлкнула пряжка ремня. Юнкер встряхнулся — рассержено, на собачий манер, и спросил:

— Так как выбираться будем?

— Ой, — вопрос вернул девушку на землю. А не подумала про это она, собираясь. Настолько была уверена, что не получится. А теперь... Но юнкер уже думал сам — вслух.

— Через стену не пройдём, во-первых, сторожат, во-вторых — круто, ноги поломаем, в-третьих — в лесу кроаты нас с тобой поймают вмиг. На это они мастера, — тут юнкер зло дёрнул щекой, будто у него болели зубы...

— Ворота, — вообще-то Анна хотела сказать, что "через ворота не пройдём тем более". Но юнкер просиял и поцеловал её в щеку.

— Умница. Остаются ворота. Значит, идём через них, — тут Рейнеке на секунду задумался, оглядел Анну. Чуть прищурившись, изучая. Потом, одним жестом накинул ей на плечи алый кроатский плащ. Сделал шаг назад, улыбнулся:

— Их милость, баронесса Анна фон Ринген имеют каприз прокатиться в сани по ночному лесу. Надеюсь, отец, с его характером, загонял слуг так, что ещё одна господская причуда никого не удивит.

— Сам ты милость, — огрызнулась Анна. Невольно. Но больше порядка для. На эти большие, черные и честные глаза сложно было долго злиться. Вместо этого Анна кивнула юнкеру на его сапоги:

— А ты тогда кто? — действительно, сейчас, без трофейного плаща Рейнеке был похож то ли на беглого — кем и был — то ли на пугало огородное.

— Ты всерьёз полагаешь, что рядом с тобой меня кто-то заметит?

Комплимент был столь неожиданен, сколь и нелеп. Но произнесён был искренне, так, что Анна всерьёз улыбнулась. И толкнула входную дверь.

— Ой, — испуганно проговорила она. План юнкера провалился в самом начале. Дверь заперта. Точно, толстая Доротея все боялась воров и таскала все ключи у себя, ближе к телу.

— Ой, и что же теперь, — начала было Анна. Закончить не успела. Затрещали доски, прозвенели, выворачиваясь из гнёзд, кованые болты. Дверь распахнулась в одну сторону. В другую, прозвенев железом по камню упал замок. Рейнеке — юнкер придержал створку, галантно поклонился и сказал:

— Прошу Вас, — вежливо, да так, что Анна на миг почувствовала себя и впрямь "их милостью"

И они пошли. Служебными, продуваемыми всеми сквозняками коридорами, по лестницам — вверх, потом вниз. Замок был пуст, клубилась тьма под сводчатыми потолками. Редкие пятна света — солдаты на постах. Их проходили под руку, медленно. На первом Рейнеке пытался рассказать анекдот, запутался в словах, сбился с шага. Караульный недоверчиво скосился на них. Анна поняла, что к чему, погладила Рейнеке по руке, засмеялась. Караульный зевнул, проводил их ленивым взглядом — не спится, де, господам — и отвернулся. Они прошли. Потом второй пост и третий. Поворот, ещё один. Тихо вокруг, сквозняк гоняет углам пыль и мусор. Свернули за угол. Рейнеке оглянулся и шёпотом спросил Анну: "Куда дальше?"

Анна обругала себя раззявой — юнкер-то внутри в первый раз — и попыталась сориентироваться. Они где-то в господском крыле, коридор вокруг — широкий и чистый. Тихо вокруг, только откуда-то издали — пьяная песня. Господин барон горе заливает, небось. Рейнеке дёрнул лицом — коротко, будто у него болели зубы. Анна выглянула в окно. Где они — не поймёшь, тьма на дворе непроглядная. И стены вокруг — одинаковый, белёный камень. Показала рукой налево — туда, мол. Рейнеке кивнул, будто так и надо. За поворотом — тёмная, неподвижная фигура. Анна вздрогнула, Рейнеке, зарычав на ходу, шагнул вперёд, отодвинув Анну за спину. Но это была лишь статуя — пустые доспехи рыцаря старых времён. На кирасе плясал луч жёлтого света, мерцал на полировке лат, отражаясь тьмой на звездчатой, неровной дыре напротив сердца.

— Откуда, — Анна проследила глазами, откуда шёл луч. Скрипнула дверь. Луч расширился, лёг жёлтым полотном Анне под ноги. Та замерла. Навстречу — фигура, тёмный, мерцающий в свете фонаря за спиной силуэт. Анна сделала осторожный шаг назад, поймала рукой ладонь Рейнеке. Фигура обернулась на них, свет сместился — Анна узнала её. Фрау Холле. Высокая, луч света пляшет в волосах золотым ореолом. Заплаканное лицо.

— Сейчас она даже похожа на человека, — невольно подумала Анна, отступая в тень. Нога запнулась, шаркнула по камням. Фрау повернулась к ней. Медленно. Анна мигнула — жёлтый луч скользнул по глазам.

— Ах, да. Я велела тебе прийти. Но ты опоздала, — начала говорить фрау, смотря Анне в глаза. Равнодушно, невидяще. Потом, вдруг, глаза её расширились. Вспыхнули краской щеки, сузились глаза. Пробежали чувства — волной, корёжа тонкие черты. Узнавание. Удивление. Детское такое, искреннее. И бешеная, звериная ярость. Фрау узнала плащ на Аннинных плечах. Ярко-алый плащ кроатского майора.

— Ты, — прошипела она, раздувая ноздри. Как змея — балахон, — мой сын...

Фрау шагнула вперёд. Рыжая молния сверкнула у неё под ногам. Оскалила пасть в лицо Анне. Жёлтый огонь пробежал по алому языку и ряду мелких, острых зубов. Знакомая длинная морда. Майор Холле во всей своей лисьей красе.

"Зверем быть просто, обратно сложнее. Застрял", — вспомнила некстати Анна Рейнекину фразу. Под ухом — глухое рычание. Рейнеке-юнкер шагнул вперёд. Анна накрыла его руку своей и улыбнулась в лицо лисьей семейке.

— Ваш сын разучился быть человеком, фрау? Сочувствую, — сказала она медленно.

Фрау осеклась. Потом зарычала. Рука Анны дёрнулась, сдавила Рейнеке ладонь. По пальцам — уколы и знакомая дрожь. В уши ввинтилось низкое, глухое рычание. Его

рычание. Фрау Холле вздрогнула, отшатнулась назад. Огненно-рыжий лис, поджав хвост, метнулся ей под ноги.

— Трус, — бросила Анна прямо в лисью пасть. Спокойно — Юнкер стоял рядом, ладонь в ладонь. Она слышала его низкий, тяжёлый рык и чувствовала, как — иголкой по коже — бьются в ладонь знакомые разряды. Анна не видела, что творится с Рейнеке сейчас, она, не отрываясь, смотрела на фрау Холле. Уж больно выразительное у той было лицо. Страх. Ярость. Недоумение. Фрау зашипела, метнулась в сторону, резко, обходя Анну по дуге.

— Назад, — хлестнул по ушам голос Рейнеке. Больше рычание. Запястье Анны уколола шерсть.

" Не надо, — невольно подумала Анна, будто Рейнеке мог услышать её мысли, — одежду порвешь".

Фрау дрогнула, шарахнулась назад. Мелькнул рыжий хвост. Хлопнула дверь, лязгнули засовы. Анна выдохнула. Отпустила запястье Рейнеке — медленно, пальцы разжались с трудом и не сразу. И только потом обернулась, посмотрела ему в лицо. Рейнеке тряс головой и улыбался.

— В следующий раз — просто скажи: «Фас», — усмехнулся он, потирая запястье. Скулы втягивались, плыли, становясь знакомыми, черты лица. Тонкая шерсть таяла, исчезала с его рук.

— Ничего себе, — выдохнула Анна, переводя дух, — скажу, обязательно.

Юнкер шагнул к статуе, выдрал — вежливо извинившись перед истуканом — прямой клинок из латных перчаток. Сказал себе под нос что-то вроде: «посидите там, пока» и подпер им дверь, за которой скрылась фрау Холле.

Анна огляделась. На полу — брошенная сумка. Видимо, обронила фрау при стычке. Анна подняла, огляделась ещё раз и, наконец, догадалась, где они — по этому коридору она шла от француза вниз. Теперь понятно куда идти. Анна схватила сумку одной рукой — пригодится, другой — юнкера за руку и потащила за собой — скорее.

За угол, поворот, лестница вниз. Теперь они шли уверенно — Анна вспомнила дорогу. «Надеюсь, что, вспомнила, — тревожно думала она, — не дай бог проблуждать до утра». Толкнула дверь на ходу. Та открылась с протяжным скрипом.

— Нет, угадала я правильно, — подумала она, глядя на знакомые золотые обои.

— Где это мы? — спросил юнкер, оглядываясь...

— У фрау Холле. Я узнала дорогу. Они как раз от французов выходили. Помнишь, я рассказывала тебе, как у них пряталась?

Юнкер кивнул. Огляделся. Проговорил — зло, под нос:

— Чего им там понадобилось?

— Книга, очевидно. Младший Холле, похоже, застрял в лисах надолго. Странно, что мама не знает способа обратить.

— Это смотря какая мама. А теперь — пока французы не вернутся, оба Холле заперты там.

— Будет сюрприз господам лягушатникам. А мы пока здесь, — с этими словами Анна залезла в комод. По-хозяйски перевернула чужие платья.

— Зачем? — машинально спросил юнкер, перебирая бумаги на столе.

— Ну, тебе же надо одеться, — пояснила Анна, упоминая незлым словом майора Холле — чего таким мелким уродился майор, на широкие плечи Рейнеке ничего не лезет. Юнкер

стоял рядом и угрюмо молчал, не во что не вмещиваясь. Лязгнул сундук. На очередной полке — Куча вещей. Плащ, штаны, куртка — мужские, как ни странно, тёмных, непривычных для Холле цветов. И куда шире, чем нужно майору и даже юнкеру. Рейнеке, увидев это, выругался — страшно. Анна сморгнула — дико звучала в его устах грубая казарменная брань. А юнкер сморгнул, увидел Аннино удивление и извинился. Вежливо. И переоделся таки.

Пока переодевался — Анна достала подобранную в коридоре сумку и заглянула внутрь. Книга. Толстая, старинная книга в красном переплёте. Анна узнала её — та самая, что Анна листала у француза. "Ну, бог с ней", — подумала Анна, но сумку с книгой решила прихватить. Пригодится, раз уж попала в такой переплёт. Положила тяжёлый том на место, полезла дальше. Боковое отделение, плетёный хлястик, тугой узелок. Внутри — длинный, лакированный пенал с затейливой инкрустацией. Серебром по красному дереву — бегущая лиса. Красиво. Анна залюбовалась чудесной работой. Щелкнул под ее пальцами замок. Внутри, на бархатной подушке — пистолетная пара. Не дешевые рейтарские стволы, с которыми Анна тренировалась в роте. Те были тяжелые, грубые, оттягивали руку на ходу, при стрельбе — калечили и выбивали из суставов запястье. А тут два длинных, тонких ствола, резные ложа, изящные, под дамскую руку, рукояти. Замки — старинные, колесцовые, с вязью по медному боку. Слоновая кость, дерево, тёмный отлив латуни. Навершья у рукоятки — резное, в виде замотанной в тюрбан головы. И изящный ключик из гнутой проволоки — возводить пружину.

Анна заворожено тронула гладкую рукоять, взяла в руку. Проверила заряд — пусто. Нашла пороховницу, шомпол, зарядила — чётко, в роте сам Ганс Флайберг учил на стоянках. Порох, потом пыж, пуля. Прибить шомполом — он тоже богатый, медный, с ручкой в виде виноградной лозы. Открыть полку, насыпать чутку пороха для затравки, закрыть. Поворот ключа, щелчок — пружина взвелась. Спусти собачку — и пойдёт кружиться колесо, выбивая жадные искры прямо на полку. Осторожный кашель кольнул в уши. Рейнеке переоделся уже и внимательно смотрит.

— Пошли? — окликнул он ее от дверей.

— Сейчас, — отозвалась она. Было немного неловко за устроенный разгром. Анна замерла на мгновение, порылась в карманах и складках плаща. Вытащила чёрную, шёлковую ленту, положила на стол.

— Может, поможет, — прошептала под нос. Подобранный в кухне галстук майора Холле. Судя по тому, как Анна поняла всю эту магию — должно помочь.

— Куда теперь? — спросила она, беря юнкера под руку.

— По плану, — угрюмо ответил тот, — конюшня, потом ворота.

Парень помолчал немного и добавил:

— Как однажды сказал капитан: это достаточно безумно, чтобы сработать.

— Надеюсь, — отозвалась Анна, прихватывая его руку покрепче. Достаточно безумно... Но они уже так далеко зашли. Может, добрый бог все-таки присмотрит за ними ещё немного? Замок был тёмен и пуст, лишь сверху длилась, ввинчиваясь в уши похабная, пьяная песня.

Рейнеке дёрнул лицом на ходу. Сверху — звон разбитого стекла. Песня стала чуть громче. Анна вздрогнула, юнкер погладил ей запястье на ходу. И ускорил шаг. Поворот. Дверь. Охранник сделал вид, что не видит их. Офицер под руку со смеющейся дамой, ночью — лучше не дёргать, себе дороже. Внутренний двор. Вышла луна, замерцала бледным огнём

по брусчатке и острым крышам. Решетка. Мрачное витое железо. Открыта, часовой отлучился. И, сразу направо — деревянный, низкий навес. Каретный сарай. Рейнеке спросил, не разжимая губ — туда? Анна кивнула. Сквозь щели — трепещущий, жёлтый огонь.

Внутри не спали ещё. Слева, вдали — тёмные стены и громада ворот. Шаг, другой. По позвоночнику лизнул холодной, липкой волной зимний ветер. По ладони, уколом — мягкое тепло. Рейнеке, украдкой, погладил ей руку.

— Все будет хорошо, — шепнул он ей. Сарай уже был совсем рядом.

— Как говорил отец, — усмехнулся Рейнеке, берясь за ручку, — слуг и холопов следует держать в состоянии непреходящего изумления. Дабы дурным мыслям не осталось места в пустой голове. Посмотрим, как это у него получилось, — добавил он, с треском распахивая дверь.

— А получилось, — с изумлением подумала Анна минуты спустя. Видимо, старый барон зашколил слуг насмерть — когда в три часа ночи в конюшне с треском распахнулась дверь и высокий, рычащий от ярости офицер потребовал немедленно запрягать — у не доигравших в кости конюхов в ответ нашлось лишь угрюмое "будет исполнено" в глаза и глухое ворчание — в спины. Ну и пара недоуменных взглядов от двух парней помоложе. Анна перехватила их, улыбнулась и выдала короткий смешок, стараясь держать голос ниже, томней, как у Мюльбергских девок при виде рядового Майера и его кошелька. Недоумение из чужих глаз разом исчезло. Конюхи разбежались — одни выводить коней, другие — осматривать стоящие в ряд кареты да сани. Анна, вжившись, ткнула пальцем в одну — чёрную, ладную, маленькую, с тонкими полозьями и серебряным гербом на боку. Рейнеке чуть пожал ей пальцы — молодец, мол.

Старший из конюхов поклонился — десять, де, минут, господа. Мы мигом. Анна усмехнулась и, мельком, подумала, что господин барон, так вышколив слуг, их сейчас сильно выручил. Даже короткий приказ — закинуть в повозку мешок овса — удивления не вызвал. А если и вызвал, то немое — слышать в ответ хамское "не рассуждать" никому не хотелось. Захрапел чёрный конь, лязгнули на упряжи медные кольца. Конюхи суетились, стараясь без нужды по сторонам не смотреть. Терпкий запах бил в нос, кружил Анне голову. Рейнеке замер вдруг. Развернулся. Анна вздрогнула, увидев — внезапно — как каменеет его лицо, раздуваются, трепещут ноздри.

— Подожди здесь, — шепнул он, чуть — чуть — пальцами погладив ей руку. И шагнул за дверь. Резко, край плаща хлестнул Анне в лицо.

— Куда это он? — подумала было она. Кольнула тревога, остро, иголкой в сердце. Мальчишка — конюх скосился на неё одним глазом. Анна собралась и выскочила за дверь, напрочь позабыв Рейнекину просьбу. Рейнеке не спеша шёл обратно — к решётке под аркой. Двор был пуст, ветер выл меж каменных стен, гонял снежные шары по острым крышам. Звякнула, обломилась и упала на камень сосулька. Пусто. Только... Анна запнулась на миг... Лишь пьяная песня в вышине затихла. Лишь стук по брусчатке. Короткий, ритмичный стук. Будто сухое дерево об камень. Анна рванулась, догнала Рейнеке, пошла рядом. Край юбки прошелестел по камням. Рейнеке протянул руку на ходу, чуть придержал, не пустил вперёд. Анна увидела его лицо — собранное, холодное. Камнями вздулись желваки на скулах.

— Тебя обратить? — шепнула она. Тихо, касаясь рукой его рукава.

— Не надо, — так же тихо шепнул он, — он больше...

— Кто он? — шепнула она в ответ. И поняла. Стук впереди. Дерево по камню. Тяжёлая

трость с набалдашником в виде волчьей головы. Их милость, барон Вольфхарт фон Ринген шел им навстречу.

— Вряд ли пожелать счастливой дороги, — шепнула себе Анна, скользнув вбок, в тень, под стену. Рейнеке шагнул вперед, на его лицо упала тень от решётки. Стук впереди. Белым облаком — волосы вокруг головы, оскаленная пасть на набалдашнике трости. Господин барон. Один.

"И трезвый, собака, на вид, не шатается", — мельком подумала Анна. В спину уперся камень стены, руки дернули завязки на сумке. Скользнула в ладонь рукоять в виде турецкой головы. Барон шел вперед, стучала по камню трость. Лунный свет упал ему на лицо, показал багровые щеки, скривившийся рот и дрожащую от ярости бороду.

— Щенок, — прошипел он на ходу, кривя губы. И — резко, щелчком хлыста:

— Платц ! (место)

Рейнеке расхохотался. Вдруг, запрокинув голову в низкое небо. Сверкнули белым зубы во рту. Трость с волчьей головой пропустила удар. Старый барон дрогнул от удивления, сбился с шага.

— Доброй ночи, папа, — ответил юнкер. Неожиданно серьезно. Так, что барон невольно кивнул.

А Рейнеке поймал его взгляд, дернул лицом и сказал:

— Команды разучиваешь? Пригодится... Тебе, папа, раз связался с этими Холле. Да и с французами заодно. "Аппорт", как, уже выучил?

Барон дернулся. Задрожала, заходила ходуном борода — как от удара. Рейнеке усмехнулся:

— А со мной ты ошибся. Я человек...

— Щенок ты, мать твою сенбернар... Наследства лишу, — барон зарычал. Глухо, неразборчиво. Сунул руки в карман...

Анна напряглась, Рейнеке опять усмехнулся, кивнул в сторону Анны. И в уши барону, добивающим ударом, скользнули его слова:

— Кстати, с невесткой поздоровайся.

Последняя капля. Рык старого барона стал нестерпим. Шерсть побежала волной, черты лица дрогнули, поплыли. Плащ, колет, короткие штаны — ворохом, на брусчатку. Барон попер на них — уже не человек, волк, огромное, белое чудовище.

Сумка упала у Анны из рук. Лязгнули, вырываясь на волю, граненые дула. Два ствола — зверю в лицо, прямо в пасть, два указательных пальца легли на курки. Зверь замер.

"На что я заряжала? — успела подумать Анна, лоя барона в прицел. — Вроде, правый на пулю, левый — картечь".

Зверь дрогнул, сделал шаг назад. И еще.

— Даже не сомневайся, папа, попадёт, — усмехнулся Рейнеке. Ещё шаг. Решетка. Рейнеке вдруг прыгнул, схватил кованые створки, потянул. Решетка захлопнулась с глухим лязгом. Белый зверь взвыл. Тоскливо так. По ту сторону, во тьме внутреннего двора. Теперь их разделяла сталь — толстая, кованая. Волку не по зубам.

Анна убрала в сумку стволы и, мстительно усмехнувшись под нос, сгребла в кучу оставшуюся на брусчатке одежду. Свернула в узел.

"Пусть теперь старый на четырех ногах побегает, — думала она, переводя дух, — полезно. Тоже мне выдумал. Место ему. Мне лучше знать, где кому место".

Рейнеке подобрал трость с волчьей пастью на набалдашнике. Повертел, взял двумя

руками, размахнулся — обломки разлетелись вокруг с сухим, жалобным треском. За решеткой взвыл белый зверь — протяжно, тоскливо так.

За спиной — стук копыт, лязг и легкий скрип деревянных, хорошо смазанных полозьев.

— Карета подана, ваша милость, — улыбнулся Рейнеке и подал ей руку. Вежливо, так что Анна опять почувствовала себя Их милостью...

Ворота. Последний шаг. Тёмная громада — уже близко, впереди. Низкие, гранитные стены сходятся над головой, отрезая людей от света и воздуха. Огонёк впереди — пост стражи. Последний на их пути. Ладони Анны невольно сжались на полированных рукоятях.

— Нет, — шепнула она себе, с усилием убирая руки подальше, — нельзя. Сила здесь не поможет. Надо смеяться, делать глупый вид и пытаться подыграть Рейнеке, когда он будет дурить голову охране. Может получиться. Добрый боже, мы зашли так далеко...

Створки впереди дрогнули и закрипели. Протяжно. Лунная полоса — тонкая, потом все шире — между ними. Луч бледного света лёг дорожкой под ноги коню, заплясал в волосах сидящего на козлах Рейнеке.

— Так не должно быть, — вздрогнула Анна, — не положено.

Рейнеке решил не гадать. Присвистнул, щелкнул вожжами — кони ускорили бег. Охрана ворот взяла "на караул". Сани качнулись. Громадные створки плыли мимо неё — уже не впереди, а сбоку.

Рейнеке внимательно посмотрел на караул, повернулся к Анне, спросил:

— Посмотри на их старшего, это, случайно, не тот сержантский приятель?

Анна присмотрелась и кивнула — да, он. Горбоносый старый солдат сидел на бочке, смотрел на бегущую вдаль карету и откровенно скалился вслед.

— А шрам на лице у него был, когда ты с ним разговаривала?

— Нет, — покачала Анна головой.

— Ну, значит, он его уже позже получил. И, судя по тому, как мы лихо отсюда выехали — папиной трости работа. Зря это папа сделал, ой, зря.

Горбоносый махнул им рукой и прокричал вслед что-то. Анна расслышала только «старый козел» и решила, что это привет для сержанта из роты.

Рейнеке повернулся на козлах и по форме отдал честь караулу. Увидел усмешку в ответ, оскалил зубы, зарычал — кони заржали и рванули вперёд, унося Анну из волчьей крепости прочь, в чистое, залитое лунным светом поле.

4-8

Лесная дорога

Они бежали. Они — Рейнеке и Анна. Чёрный конь, запряженный в маленькую, ладную повозку. Скрипел под полозьями снег, черный конь мерно цокал копытами. Скорой рысью, вперед, сквозь высеребренную луной равнину. Чёрная громада крепости убегала назад, за спины, прочь с глаз. Долой, все дальше и дальше. Там, на покатых, приземистых бастионах тихо — на вид, пока. Ветер бил Анне в лицо, уносил прочь все звуки. Лунный свет играл на снегу, красил державшему поводья Рейнеке белым руки и волосы, стелил под ноги коню мерцающие, колдовские дорожки. Небо и горизонт тонули во мгле. Зубчатой чёрной стеной впереди — кромка леса. Рейнеке на козлах молчал, молчала и Анна позади него, кутаясь от ветра под двумя плащами. Просто сидела, слушала скрип полозьев и стук копыт, шелест ветра, клонящего книзу тяжелые кроны. Смотрела вокруг — вперёд, на гриву коня, в стороны, лоя взглядом ковыль, снег и переливы лунного света. Смотреть назад Анна себе запретила. Руки Рейнеке держали поводья, глаза смотрели вдаль — вперёд, по ходу дороги.

Белый снег разбрасывал искры, трясся и таял на его ладонях и чёрных волосах.

— Тебе не холодно? — спросила она вдруг, глядя, как скользят по его руке маленькие искристые снежинки.

Он улыбнулся ей вдруг. Просто, по-детски

— Есть немного.

Анна дернула плащ с плеча — большой, чёрный. Рейнеке укрыл ее вторым, перед побегом. Запуталась в рукаве, потянула, выругалась мысленно.

— Не надо, — он помотал головой и улыбнулся ещё раз, — я — то не простужусь. Да и лес скоро.

Чёрная стена деревьев приближалась на глазах. Видно было, как кланяются ветру могучие ели, как пляшет луна на их чёрных ветвях. Конь захрапел, затряс ушами — сердито, негодуя. Рейнеке раздул ноздри и обернулся — резко, щеку Анны уколола снежинка. Она пригляделась и сердце тревожно стукнуло в груди. Белые тени скользили позади, на искрящимся лунном поле. Три быстрые, лохматые тени. Снег взлетал из-под лап, взлетал, брызгал в стороны, мерцал в лунном свете и оседал вниз — медленно, полосами. Тремя жадными, тянущимися к саням ледяными дорожками.

— Лисы, — оскалил зубы Рейнеке. Его руки начали натягивать повод. Конь замедлил шаг.

— Погоня? — спросила Анна. Ветер съел слова, забил их обратно в глотку. Рейнеке мотнул головой, кивнул — успокаивающе.

— Нет, просто патруль. Я разберусь, — его рука протянулась к ее. Анна огляделась, мотнула головой. Сейчас он остановит сани, перекинется и ... Один против троих... Он, конечно, куда крупнее, но.. Да и время потеряем, — мысли пробежали вмиг. Пробежали, построились.

— Не нужно. Гони, не останавливайся, — прошептала она, раскрывая походную сумку.

Рукоять с головой турка легла ей в ладонь. Пальцы огладили собачку. Анна обернулась, положила запястье на резную спинку, прицелилась — осторожно, как учил Ганс Флайберг, прищурив один глаз. Поймала серебристый вихрь урезом ствола и мягко спустила курок. Колесо провернулось, брызнув потоком искр на полку. Отдача мягко толкнула в плечо. Было не понять — попала Анна или нет, но серебристые молнии дрогнули, потеряли разбег и брызнули в разные стороны. Рейнеке зарычал, хлопнул поводьями, подгоняя коня. Чёрная тень упала ему на лицо и плечи. Ветер стих.

— Прорвались, — крикнул он, обернувшись к ней, когда сани скрылись под пологом леса.

— Прорвались, — выдохнула Анна, убирая прочь пистолет, — что дальше?

Конь сбавил шаг, над головой — пологом тёмные ветви. Луна серебрила кроны над головой, все, что ниже — тонуло во мгле. Конь, сани, дорога, лицо Рейнеке. И тихо, лишь цоканье копыт да скрип полозьев — мерные, спокойные звуки. Она спросила ещё раз:

— Что будем делать?

— Догонять роту, — ответил он. Луна на миг выхватила из тьмы его лицо. Напряжённое и какое-то детское одновременно, — этот лес, если я правильно помню капитанские карты, неширокий, но вытянутый. Насквозь не проедем, придется огибать. Рота с юга, мы с севера. Если повезёт — встретим их на перекрестке, тут дня два пути. Там ещё деревня, вроде бы есть.

Луна скрылась. Серdito клацнули подковы по камню. Сани качнуло. Анну вцепилась

Рейнеке в плечо. И почувствовала, как оно дрожит под ее ладонью.

— А потом? — спросила она. Осторожно. Словно Рейнеке был птицей, которую можно спугнуть.

Его плечо дернулось под ладонью, потом замерло. Юнкер полез по карманам, долго искал что-то там, вежливо чертыхаясь. Потом нашёл. Простое железное кольцо, потертое, со сколами на гранях.

— Откуда? — оторопело подумала Анна. Потом подумала — снял с одного из кроатов, вместе с тяжёлой саблей. Парень опустил глаза.

— В роте я и нормальное припас. На случай, если проговорюсь или случится чудо и меня в настоящие офицеры повысят. Вот... — юнкер на миг замялся. Потом поднял глаза и сказал, твердо: — Сейчас, конечно, принимать не советую. В ротном листе я " жатийом а драпо", парень на побегушках, при знамени. С честью, но без жалования. То есть партия неподходящая. С любой стороны...

Закончил он. Глухо, но твердо. Так, что Анна не удержалась, протянула руку. Взьерошила парню волосы слегка. Очень хотелось — то ли рассмеяться, то ли сказать честно, что он дурак. Но Анна не сказала ничего. Просто прижалась к плечу. А трофейное кольцо было велико, но железные пальцы юнкера быстро исправили этот недостаток.

Юнкер погнал коня. В ночь, через лес, луна играла в прятки с кронами елей. Подковы лязгали, скрипел под полозьями снег. Мерно так, убаюкивающе. Анна бездумно смотрела вперед, туда, где полозья завивались наверх, скрещивались, держа резную фигурку чёрного орла. Будто птица империи несёт их на крыльях. Девушка и не заметила, как задремала.

Ей снился прошлый год, лето — тёплое и ласковое, с ветром в лицо и птичьим щебетом. Щебетом и свистом одинокой птицы. Она — Анна из сна — замерла на пороге, шарит взглядом по зеленым ветвям, ищет притаившуюся певунью. За спиной — маленький домик с белой трубой на опушке. Их с мамой маленький домик оставленный за спиной вечность назад.

"Я ж даже убраться там не успела", — сердце кольнуло даже сквозь сон.

Анна обернулась. Не та, что спала сейчас, а та, что во сне. Девчонка, на год — или на вечность моложе. И почувствовала вдруг ласковое касание на волосах. Мама. Она сильно сдала за тот год, волосы поседели, а на лице поселилась грустная улыбка.

— А ты выросла, дочка. Скоро замуж пойдешь.

Анна — та, что во сне, девочка, миг назад мечтавшая подманить себе на окно певчую птицу соловья — обернулась. Уперлась взглядом в мамины глаза и вздрогнула — столько там плескалось безнадежной тоски.

— А...куда.. и за кого? — прошептала она. Растерянно. Не думала она так о себе.

Мама улыбнулась лишь. Грустно.

— Какая разница. Все равно ведь не спросят...

— Мама, это как? — прошептала, охнув, та Анна — из сна.

Сани трянуло на повороте. Ветер забрался под плащ. Железное кольцо врезалось в палец.

— Уже никак, — прошептала Анна, встряхнувшись. Словно ответила. Себе самой, той девушке из сна. Алый и розовый, первый рассветный луч пробежал по дороге, снегу и кронам над головой. Коснулся саней, выхватил у тьмы лицо и руки Рейнеке — юнкера, смотрящего на дорогу. Пророчество не сбылось. Анна повернулась, зевнула и постаралась заснуть опять, ибо бог знает, когда в следующий раз заснуть получится.

Проснулась опять через пару часов — теперь сани летели по берегу неширокого озёра. Густой лес тянулся по обеим берегам, чернели камни, шумели на ветру заснеженные высокие ели и тонкие сосны. Ветер, разогнавшись, над сизым, подтаявшим льдом бил и трепал волосы, шумел и стряхивал за шиворот снег с веток. Между лесом и берегом — гладкая полоса льда и землистого снега. Рейнеке гнал, коняга, почуяв простор, бежала резво, снег так и летел во все стороны из-под копыт. Ветер бил в лицо, заворачивая назад капюшон. Рейнеке почувствовал с козёл, что Анна проснулась — обернулся к ней, улыбнулся, крикнул:

— Немного срежем, тут дорога ровная, — а глаза у него так и горели.

Анна кивнула. Сани, накренившись на повороте, объехали высокий, поросший мхом камень и свернули обратно в лес. Сразу стих ветер, стало темно. Надвинулись, сомкнулись над головой черные ели. Скамью под Анной начало трясти и бросать из стороны в сторону — путь был неровный, перевитый весь ямами и длинными, узловатыми корнями. Конь перешёл на шаг без команды — ломать ноги животному явно не хотелось. Рейнеке присвистнул и хлопнул вожжами — вперёд, мол. Конь протестующе заржал. Анна пригляделась — и вздрогнула. У Рейнеке на бледном, как снег, лице огнём горели глаза и щеки. Лихорадочным, нездоровым огнём. Таким, что Анна встrepенулась, потянулась вперед и схватила его за руку.

— Останови, подожди немного, — попросила она.

— Сейчас, на большую дорогу выедем, — не поворачиваясь, ответил тот, но поводья все-таки бросил. Конь тут же перешел на шаг, радуясь, что глупые люди наконец отстали. Анна протянулась, ощупала юнкеров лоб. Так и есть.

— Ох, серый, — выдохнула она, — Ты же горишь весь.

— Ерунда, — попробовал тот отмахнуться, — сейчас перекинусь — туда, обратно и опять, как господь создал, здоровым буду. Не в первый раз.

Парень улыбался и пытался шутить, но Анне смешно не было — уж очень нехорошо блестели его глаза. Слюдяным, лихорадочным блеском. Сани сбавили ход, конь еле плелся. Рейнеке прихватил повод. Анна потянулась, удержала его руку своей.

— Тогда, давай лечиться, — сказала она. Строго. И добавила, — а то сознание мне потеряешь.

Юнкер пытался возразить. Но из глотки рванулся рык. Поползла шерсть по рукам, дрогнули, меняясь, скулы. И тут заржал их конь — истошно, дико.

— Ой, — только и смогла вымолвить Анна, когда бешенный рывок бросил ее назад на резную спинку. Рейнеке, конечно, был потомок рыцарей и человек *in tam imaginibus* (в обеих образах), как гласила выданная его предкам папская булла — но вот коню об этом сказать забыли. Почуяв сзади волка, бедное животное истошно заржало и рвануло со всех ног, не разбирая дороги. Анна отлетела назад. Сани качнулись, налетели на корень, дернулись. Рейнеке схватил ее — за шкурку, как придётся. Одной рукой ее — другой козлы. Удержал, хотя Анне на миг показалось, что она сейчас вылетит. Конь заржал ещё раз, громко, жалобно, как раненный ребёнок. И остановился. Анна опять почувствовала, что летит — головой вперед, через дугу, коню под копыта. Ладонь юнкера поймала ее в воздухе, развернула, посадила назад, на скамью. Мягко, бережно. Небо и елки встали на привычные им места. Сани остановились.

— Ох ты, что же это, — ошеломленно выдохнула Анна, трясая головой. Потом сообразила, добавила:

— Ой, я дура...

— Ой, я дурак, — в тон ей протянул юнкер, оглядываясь. Повернулся к ней:

— Ты не ушиблась?

Опять заржал конь. Тихо, жалобно. Повернул голову, затряс гривой, кося на людей большим, полным боли глазом.

Анна и Рейнеке разом спрыгнули, подошли у нему. Коняга стояла неподвижно, на трёх ногах, подогнув под себя четвертую. Рейнеке подошел к нему, нагнулся посмотреть. Лошадь косила на него глазами, храпела, но стояла неподвижно. Потом заржала — как Анне показалось вдруг с благодарностью. Юнкер чертыхнулся — от души, не выбирая выражений.

— Что там? — осторожно спросила Анна, подходя.

— Вон, посмотри, — зло ответил юнкер, протягивая выдернутую из копыта занозу. Старый, противокавалерийский еж. Четыре ржавых гвоздя, скрученных и скованных вместе, так чтобы вверх всегда торчало хищное жало.

— И вот на эту гадость мы и нарвались, — проворчал под нос Рейнеке, выкидывая прочь перекрученную железяку, — хорошо хоть ржавое...

Конь проводил ее полёт злым взглядом, всхрапнул.

— Ты как? Идти можешь? — на полном серьезе спросил лошадь Рейнеке. И Анне на миг показалось, что лошадь кивнула в ответ, вполне осмысленно. И пошла, точнее поковыляла, осторожно ставя раненное копыто на землю. Рейнеке погладил гриву, взял повод, кивнул Анне:

— Пошли.

— Куда? — спросила она.

Юнкер показал рукой — вбок, на темную, прячущуюся среди древесных стволов, тропинку.

— Туда, — вдохнул, раздувая ноздри, помолчал и добавил, — там жильё, вроде.

4-9

Исполнение

Учужное юнкером жильё оказалось придорожным трактиром — приземистым тёмным строением о двух этажах с соломенной, прогнувшейся крышей. Лениво дымила труба, скрипела на ветру закопченная вывеска.

Дверь заперта, на стук ответили изнутри площадной бранью. Хрустнул засов, заскрипели жалобно петли. Рейнеке вошел, увлекая за собой Анну — высокий, прямой. Щеки горят, лицо бледное. Парень чуть шатался на ходу, но никому этого видно не было. Никому, кроме Анны, державшей юнкера под руку. Рука чуть, но дрожала под ее ладонью. На шум высунулся владелец, сходу рявкнув — кого, мол, черти принесли на ночь глядя. Юнкер сделал неумовимое движение, прокатилась, мелодично звеня, по столу монета. Владелец тут же сменил выражение лица на профессионально-угодливое и спросил:

— Чего изволят милостивые господа?

"Волшебство", — подумал Рейнеке а вслух, кратко, стараясь не сорваться на рык, сказал, что случилось с их лошадьёю. В ответ услышал, что беспокоится не о чем, конюх у них опытный и кузнец есть недалеко, в деревне. Так что пусть господа не беспокоятся, к утру все будет.

— Все есть. Удивительно, — пробурчал под нос Рейнеке.

— Ничего удивительного, — осторожно подумала Анна, приглядевшись к кабачнику пристальнее. Роба красная, руки толстые. Больно уж он напоминал Анне своего коллегу из ее родной деревни. А кабачник тем временем спросил — чего желают господа, пока слуги

занимаются их лошадыю. Анна оглянулась. Мельком. Прокопченные столы и низкие балки общего зала доверия не внушали.

— Комната есть? — спросила она.

— Наверху, — трактирщик кивнул, — есть где будете?

Рейнеке качнулся. Чуть, но Анна решила поторопиться.

— Туда принесите. И бадью воды, побольше да погорячее, — нехорошо, конечно, но и смыть с себя память о волчьей крепости хотелось. Нестерпимо, до зуда в спине и между лопаток.

— Сделаем, — кивнул трактирщик и пошёл распоряжаться.

Анна с Рейнеке тоже пошли — наверх, по скрипучей леснице. Дверь впереди. Дубовая, надежная на вид. Внутри — тоже. Анна осторожно шагнула через порог, огляделась. Окно, камин, сундук. Все, на вид, крепкое. И широкая кровать. Одна. "И что с этим делать?" — Анна мысленно пожала плечами и положилась на судьбу. Рейнеке был совсем плох, хоть и бодрился. А с остальным можно было решить и потом.

До остального дошло небыстро. Анна, не слушая возражений, взяла юнкера за шкуру, пощупала лоб — горячий, что печка. Но парень был прав — человечья зараза в волчьем теле не выжила. Туда, обратно, человек, волк, опять человек. С третьего оборота Рейнеке стал куда бодрее на вид. Только голодный... Но тут как раз еду принесли. И воду. Служка ворчал и ругался, таща наверх тяжеленное ведро. Выдумали де, блажь, господа, нет, чтоб в Баден — Баден съездить. Служку выставили, загородили дверь — на засов и еще на сундук, для верности. Потом Рейнеке огляделся и, как-то резко, сказал, что пойдет прогуляться. В волчьем теле, через окно. Когда вернулся — была уже ночь. Холодная, беззвездная ночь, в которую так хорошо сидеть у камина. Что они и делали, вдвоём, бездумно глядя на озорное, рыжее пламя.

Анна сидела на кровати, полусидя, откинув голову назад. Шевелились лишь руки — тонкие ладони, скользили вокруг, машинально разглаживая складки на простыне. Глаза скользили тоже — от трепещущего пламени к Рейнеке-юнкеру, разлегшемуся перед очагом. Парень так и не перекинулся обратно, лежал у огня в лохматом, зверином образе. Четыре мощные лапы, спокойно лежит на них вытянутая, лобастая голова. Серый хвост крутился туда-сюда, словно подметал пол. Иногда зверь шевелился — переводил взгляд с огня на сидящую Анну. Тогда Анна, не отрывая глаз, смотрела как играют и ходят волной мышцы по его загривку.

И раньше было так — в Мюльберге, когда они оставались вдвоём.

"Как будто он прячется так, за серой шкурой, — подумалось вдруг, — от меня."

Почему-то вдруг стало смешно. Огромный клыкастый зверь боится Анну, такую хрупкую, маленькую. Юнкер будто почувствовал, повернул лохматую голову к ней — уши торчком, добрые внимательные глаза посмотрели в глаза. Знакомый взгляд. Теперь она словно купалась в нем — теплом, надёжном, словно крепкие руки.

— Милый ангел, — прошептала она. Ладони пробежались вокруг, разгладили на простыне невидную складку.

— Милый ангел, что нам теперь делать? — подумалось вдруг. Зверь молчал. Мысли плыли, качались в ее голове.

— Не так. Милый ангел, что мне с тобой делать?

Анна качнула ногой, чуть пнула ножку кровати. Откинула голову, поморщилась — натер затылок дурацкий платок. Анна протянула руку, закинула назад. И огненной, рыжей

волной растеклись по плечам сорвавшиеся с поводка волосы.

"Стой на месте, лапа, не ходи туда.

Может будет радость, может и беда.

Сердце пусть заткнется, мысли — ни о чем,

Не таятся тени за твоим плечом.

Не щебечут птицы, не звенит вода.

Только стой на месте, не ходи туда."

Старая считалка больше не помогала. Словно Рейнеке-юнкеру незачем больше держать себя на цепи. Долг куда-то спрятался, разум нашел нору, зарылся и просил больше не беспокоить. Внутри Рейнеке человек и зверь словно сговорившись, тянули голову от огня прочь. Налево, туда, где, откинувшись на кровати, сидела Анна. Сидела, слегка качая ногой, зелёная верхняя юбка, серая средняя и белая нижняя мерно шуршали и колыхались. Так, что звериная голова невольно покачивалась в такт. А глаза смотрели дальше и выше по девичьей фигурке. На талию, где вил кольца широкий алый пояс кушак. Завязан сбоку, расшитые концы свиваются и скользят вниз по крутому бедру. Лохматый хвост взвился в воздух, описал дугу, невольно следуя их прихотливым изгибам. Еще выше — белая рубашка, и — поверх неё — зеленый, шитый корсет, стянутый шнуровкой. В узел — бабочку на высокой груди. Пасть невольно дернулась, щелкнули острые зубы. Анна улыбнулась. Словно поманила. Рыжим, ласковым золотом — огонь в ее волосах.

Зверь протянулся. Сразу всеми четырьмя мощными, заросшими шерстью лапами.

"Если ты ошибся — так и будешь бегать на них до конца своих дней" — ожил вдруг разом. Подал голос вдруг, осторожно, из тихого убежища.

Зверь мотнул головой.

"Может будет радость, может и беда.... Но, не проверишь — не узнаешь..." .

Рейнеке— серый, пушистый зверь оттолкнулся и встал. Вмиг, резко, на все четыре лапы. Махнул в воздухе пушистый хвост, зверь развернулся на месте. Черные глаза застыли на уровне Аннинных глаз. И утонули, захлебнулись в море огненного опала. А зверь, подошел, уткнулся лохматым лбом в протянутые навстречу ладони.

Руки накрыли голову, погладили. Тонкие пальцы утонули, зарывшись в шелковистую шерсть. Зверь заурчал, задрожжали на голове широкие треугольные уши. Анна, невольно почесала и их, улыбнувшись.

"И зачем тебе, бабушка, такие большие уши?" — вспомнилась старая сказка.

— и в самом деле, зачем? — улыбаясь проговорила она, игриво щелкнув зверя по уху. Пальцы взъерошили шерсть.

Хлестнул по ногам серый хвост — не больно, ласково пощекотав кожу. Зверь повернул голову, подставляя Аннинным пальцам высокую холку. Анна чуть наклонилась. Узел шнуровки качнулся, задев чёрный нос. Оскалилась пасть, обнажив жёлтые клыки.

— И зубы, — улыбаясь, добавила она. Клыки лязгнули вдруг. Анна не успела испугаться — просто внезапно стало куда легче дышать. А тугой узел упал с груди, распоротый корсет задрожал, расходясь на две половинки. Зверь мотнул головой — уколола в нос купленная в Мюльберге ива.

"Эй, а он меня не съест? " — побежала запоздалая мысль по задворкам Аннинного сознания. Февральский ветер взвыл за окном. Анна поежилась вдруг, поняв, до чего ей это сейчас неважно.

В отличие от черных глаз. На вытянутой, клыкастой морде. Зверя, ласково урчащего под

ее рукой.

— Не балуй, мне, — шутливо погрозила она. Погладила шерсть ещё раз. По пальцам — внезапной, острой волной пробежали знакомые искры. Анна вздрогнула. Ее руки застыли, обняв лохматую голову. Зверь зарычал, оскалив клыки ей в лицо. Но, на этот раз — неуверенно.

Словно хотел сказать: испугайся меня, если хочешь...

Анна улыбнулась вдруг. И покачала головой:

— Серый. Не рычи на меня.

Наклонилась, взяла лохматую голову в руки и поцеловала. Прямо в черный, шелковый нос. По рукам огнём пробежали знакомые уколы. Как уголья с костра. По запястьям, росышью — мелкие, жадные искры. Анна вздрогнула, но рук не убрала. И глаз не закрыла, смотрела заворуженно, как тает под пальцами серая шерсть, плавится, стекает с человеческого лица оскаленная волчья морда. Загривок под рукой стал шейей, когтистые лапы — руками. Нежными и горячими ладонями на плечах. Вот они потянулись, обняли, подхватили за плечи и талию. Его чёрные глаза смотрели на неё — и в их взгляде утонули ее, цвета огненного опала. Поцелуй обжег губы, дыхание перехватило на долгий, как вечность, миг. Мир в Анниных распахнутых глазах сузился, свернулся в точку. Завертелся вокруг, будто вселенная назначила ее своей осью сейчас. И ласково ткнулась в спину загодя расстеленная простыня.

— Я... — прошептал Рейнеке. Глаза в глаза. Зеленая, в цвет весенней травы юбка смялась и уползла вверх под его ладонью.

— ... тебя ... — Узел на поясе не выдержал, распустился, распались с шелестом вышитые концы.

— ... Люблю ... — его губы накрыли ее, впились, поцеловали. До звона в ушах, заглушившего треск нижней рубашки. Ненужная ткань выскользнула из под ее спины, улетела, смятая сильными руками. В сторону, прочь. Тряпки опали, комната схлопнулась вокруг неё. Мир померк, опал с шелестом выброшенной кожуры. Осталась она. Ее кожа — цвета утра и летнего дня. Ее запах — дым от костров, пот, мед и корица. И огонь, жгучее пламя. Там, где скользили его ладони. Медленно. Нежно. Воздух рванулся из ее груди прочь, сквозь алые, закушенные губы — коротким, резким выдохом. Почти стон. Еще раз, волшебной, для его ушей, музыкой. И еще. Все короче и чаще. Скользит по телу его ладонь. Медленно, кругами. От бедра, вверх по животу, к ложбинке меж высокой грудью. Острый сосок трепещет под его языком и губами. Ещё один стон. И ее руки вдруг поднялись, обвили его за шею, притянули к себе. Прямо меж двух, ждущих его коленей.

Короткий вскрик. Резкий — боли, не наслаждения. Капелька крови на закушенной губе. Рейнеке замер на миг, застыл. Наклонился, слизал каплю крови с ее губы. Прошептал ей на ухо: "Больше не будет". И мир пошёл качаться по новой. Вначале медленно. Осторожно. Пока стон не рванул небо опять — отрывистый хриплый стон. В такт. Рванул ввысь, ударил, пробил небосвод и вернулся назад — уже криком. Запрокинулась назад голова, рыжие кудри смялись и легли на лоб — короной червонного золота. Распахнутый алый рот, в линию — ровные, белые зубы. И пальцы, впившиеся в его плечи — истово, ногтями, до кровавых полос. Крик рванул небо опять. И еще. А потом она задрожжала под ним, вздрогнула — и замерла, обвив, стиснув его руками и коленями. Мир перевернулся в глазах. Один на двоих. Завертелся, схлопнулся на миг в одну горячую, рвущуюся жизнью точку. Одну, по имени Рейнеке и Анна. А потом развернулся вновь. И твердь отделилась от хляби, вселенная

перестала кружиться и плясать в их глазах. Небо и земля устало легли на свои законные места и кто-то, то ли на небесах, то ли пониже — хрипло, на выдохе — сказал, что это... Это хорошо.

— Я тебя люблю, — выдохнула Анна, медленно, откидываясь назад, на смятую подушку. Рейнеке не ответил. Просто лежал и смотрел. Как колышется грудь, поднимаясь в такт дыханию. В ложбинке — деревянный крестик. На белой коже — розовый след. И мелкие, блестящие и переливающиеся в полумраке огоньки. Капельки пота. Будто небо уронило ей звезды на грудь — щедро, пригоршней. А потом Рейнеке заснул. И Анна, его жена, заснула с ним рядом.

Рейнеке снилась старая сказка, про дракона, пещеру, сокровище. Во сне у дракона были четыре лапы, клыки и лохматый хвост метелкой. И сокровище — оно лежало рядом, положив тонкие ладони на грудь. Там, во сне — шла гроза, черные тучи накатывались — строем, грозные, как рыцари в вороненой броне. Зверь во сне почуял угрозу, оскалил хищную пасть. Сверкнули клыки — грозо, как вызов хмурому небу. Зверь зарычал. Рейнеке проснулся.

Было уже светло. Сочилось сквозь ставни туманное, серое утро. Анна сидела рядом. Неподвижно, лишь рука медленно поднималась и опускалась. На коленях — серый, пушистый лен. Рейнеке лежал, бездумно скользя взглядом — по крутому изгибу бедра — вверх, на тонкие плечи. Рыжие волосы — между лопаток, волной.. Рука Анны опять поднялась, сверкнула в пальцах иголка. Колыхнулась высокая грудь. Анна обернулась и, заметив, что Рейнеке проснулся — улыбнулась ему.

— Доброе утро.

— Доброе... — улыбнулся он в ответ. Повернулся на бок. Медленно. Улыбнулся ещё раз, мечтательно, — как спалось Вашей милости?

— Мало, — она зевнула. Сладко, прикрыв рот тонкой ладонью. Показала ему язык:

— сам ты "милость".

— Ага. Самая настоящая. Их милость барон фон Ринген и его законная жена.

— Скажешь тоже... — протянула она.

— Скажу, — Рейнеке посуровел. Разом и вдруг. Улыбка исчезла, кожа вокруг скул собралась, стянулась в упрямую складку, — скажу. А кто скажет поперёк — пусть идёт... Куда нибудь. К Папе римскому, за разъяснениями.

— Но...

— Никаких но. И вообще... Как там сказано жена да убоится мужа своего...

На этих словах Анна вдруг улыбнулась

— Ага. Сейчас, дорогой, вот рубашку дошью — и попробую... — Анна сделала стежок, наклонилась, перекусила зубами нитку. Рейнеке опять расплылся в улыбке — широкой, до ушей. Рубашка скользнула, обнимая тело. Потом юбки. Измятый корсет. То, что от него осталось. Анна лишь вздохнула.

— Ах ты, кобель...

— Он самый... — ответил Рейнеке. Анна улыбнулась опять, ловко щелкнула Рейнеке по руке, чтоб не тянулась куда не надо. Кое-как затянула узел на высокой груди. Улыбнулась ещё раз и опять щелкнула Рейнеке — по задранному вверх носу.

— Погоди. Жрать, небось, хочешь?

Юнкер кивнул. Анна накинула плащ.

— Тогда жди, спущусь, поговорю насчёт завтрака.

Улыбка сползла с его лица. Вдруг. Вспомнился сегодняшней, грозовой сон. Явственно,

до глухого рыка.

— Подожди, — проговорил он, вставая на ноги — одним коротким рывком, — подожди, пойдём вместе.

4-10

Перекресток

В таверне царила тишина. Мёртвая, лишь снизу, из общей залы доносился приглушённый гул. Негромкий, смятый стенами гул, голоса звенят и жужжат словно осы. Анна споткнулась на полушаге, дёрнула юнкера за рукав. Сделала шаг назад, осторожно глянула вниз, в щель, сквозь тёмные балки. Виден был кусок от кухни — угол закопчённого очага, лавка, каменная плита — кривая и грязная. И никого внизу, как вымерло.

— Странно, — подумала Анна вдруг, — в этот час должно быть куда больше народу.

Её тревога передалась юнкеру. Рейнеке огляделся раз, другой. Поморщился, втянул ноздрями чадный воздух.

— Ты когда вчера на разведку бегал — ничего не видел? — спросила его Анна. Осторожно, голос упал до шёпота. Парень задумался. Крепко, до складки на лбу. Видно было — совсем не до того ему было тогда. Как и ей, впрочем.

— Вроде нет, — сказал юнкер наконец, пожав плечами, — служба трактирный куда-то в лес ходил, в остальном ничего.

— Хорошо, — кивнула она ему, улыбнувшись, — пошли, чего стоять.

И поправила на плече украденную в волчьей крепости сумку. Приятным холодом по пальцам — медная, литая застёжка.

Гул в зале затих. Заскрипела лестница под их сапогами. Вниз — десять шагов, десять ступенек, десять быстрых, выверенных точно взглядов из под Аннинных длинных ресниц. В зале — народ, сплошь мужики. Один у дверей, высокий, борода торчком, под рукой — старинная, с раструбом, аркебуза. Грубые сапоги и тяжёлая шапка. Должно быть охотник. Ещё трое — за столом. У окон, по одному на каждое. Серые крестьянские тряпки, обвислые шляпы сняты и брошены на стол. Одна с пером. Ножи у каждого, сталь тускло мерцает на поясах. Ещё несколько — у камина. Переговариваются. Их не видно, почти. Это плохо — когда Анна спустится — эти окажутся за их спиной. Трактирщик за стойкой. Вежлив, улыбчив и краснолиц как вчера. Услышал скрип лестницы, поднял голову, увидел их, поздоровался. У него за спиной, прислонённая к стойке стояла здоровая палка, суковатая, что дубина. Рейнеке дёрнул лицом. Рука его напряглась — слегка, но так, что почувствовали Аннины пальцы. Последняя ступенька. Скрипнули под тяжёлым сапогом половицы.

— Доброе утро, любезный, — обратился Рейнеке к трактирщику. Вежливо, с коротким кивком, — как наша лошадь?

— Уже никак, — неприятный хохоток из-за спины. Анна быстро обернулась — смеялся один из тех что стоял у камина. Тоже крестьянин по виду. Вытертые до плечи волосы, сальные глаза. Анна поёжилась. Трактирщик кивнул.

— Боюсь, вам придётся задержаться господа. Надолго.

— С чего бы? — начал кипятиться Рейнеке, но Анна накрыла его руку ладонью. Парень замолк.

— С того, господа хорошие, с того, — кто-то откровенно заржал за спиной. Неприятно, до ужаса, — завидно нам, господин хороший, усю ночь как завидно...

— Рейнеке, ты чем расплатился? — шепнула Анна чуть слышно.

Рейнеке услышал, шепнул ответ, наклонившись к ее уху губами:

— Рейхсталер. В плаще был, за подкладкой, а что?

— Ничего, милый, — ответила Анна, глядя как сужается кольцо.

— Похоже, нас собрались убивать.

Лязгнули подковами сапоги. Кто-то выкрикнул похабную шутку. Из-за спины. Рейнеке зарычал. Голова закружилась. Чуть-чуть. Анна встряхнулась, убирая прядку волос с лица, улыбнулась — прямо в чью-то оскаленную рожу.

— Господа, давайте мы просто уйдём отсюда, — сказала она, сама удивляясь своему спокойствию.

Грязный хохот в ответ. Мужик с ружьём оскалился им в лицо. Криво, с глумливым сочувствием:

— Куда ж ты, детка, по лесу пойдёшь? Здесь волки водятся...

— Вы правы... — ответила Анна прямо в эти оскаленные в похабной улыбке зубы. Помедлила чуть и добавила. Медленно выговаривая слова:

— Вы правы, здесь водятся волки.

Пальцы правой руки нащупали застёжку на сумке. А левая накрыла ладонь Рейнеке. Коснулась подушечками пальцев, замерла, погладила запястье. Нежно.

Знакомый укол.

Они вышли через полчаса. Анна, с закушенной губой, бледная. Глядела во все глаза, изо всех сил стараясь не отворачиваться. Рейнеке — высокий, прямой. Голая грудь — пуговицы на кафтане оторвались с мясом. Парень тряс головой, шептал под нос ругательства и поминутно прикладывался к кувшину с пивом. Набирал мутную жидкость, долго полоскал рот, сплёвывал, оставляя на белом снегу грязные жёлтые полосы. За их спиной остались разгромленная таверна и десяток трупов. Двое — с аккуратными дырками от пуль. Охотник, почти успевший взвести курки и трактирщик, почти успевший обрушить дубину на юнкеру на затылок. Остальные... остальные лучше всего описывались словами "кровоавое месиво". На что способен ее "милый ангел" Анна уже видела. В Мольберге, ночью третьего дня. Но тогда было темно, а сейчас день безжалостно высветил все подробности. Анна потрясла головой, закрыла глаза на секунду. Перед глазами — красномордый и его банда, ещё живые. Смеющиеся, оскаленные лица. Завидно им было... Анна поёжилась ещё раз и крепче взяла Рейнеке под руку.

— Я дурак, — шепнул юнкер ей, отбрасывая кувшин, — извини.

Не согласится было сложно. Глупо было бросать на стол монету, ценой в четверть гостиницы. Трактирщик посмотрел на юнкера, прикинул, решил, что один не справится да и послал службу в лес, за подкреплением. Которое и прибыло. Ему и себе на беду. Ладно...

Треск, стук копыт, крики. — Анна обернулась — тот самый трактирный служба удирал со всех ног. Точнее копыт — их с Рейнеке лошади. Анна вскинула ствол, поймала в прицел качающуюся спину в серой рубашке. И, с проклятьем, опустила руку.

— Теперь я дура, — прошептала она. Перезарядить стволы после выстрела Анна напрочь забыла.

— Ладно, живые — значит умнее будем. Впредь. Пошли отсюда, — прошептал юнкер. Анна кивнула. Холодный ветер лизнул по ногам, бросил в лицо снежную крошку. Плечи накрыло неожиданной тяжестью. И теплом.

— Не надо. Опять простудишься.

Прошептала Анна, дёрнув плечом. Юнкер кивнул, развернулся и исчез в проёме двери за спиной. Вынырнул через пару минут обратно. С плащом для себя. Внизу по краю —

красная полоса.

— Пойдёт, — кивнул он ей. Анна взяла его под руку. Было холодно. Падал снег — мелкой, холодной крупкой. Оседал на плечах, хрустел под ногами, просачивался за воротник — противной до дрожи стружкой.

Конюшня была пуста — других лошадей, кроме угнанной, в хозяйстве не водилось. Уходить пришлось на своих двоих, бросив сани. Позади догорал трактир, плюясь в небо клубами тёмного дыма. Крепкого строения было немного жалко, но надо. Нечего людям знать, что стало с красномордым и его бандой.

"Только очередной охоты на ведьм нам не хватало", — угрюмо думала Анна пробираясь вслед за юнкером через лес. Под ногами — узкая полоса земли, перебитая вся узловатыми корнями. Чёрные лапы елей над головой. Рейнеке шёл впереди, раздвигая перед ней низкие ветки. Парень то и дело оглядывался и втягивал ноздрями воздух. Потом расслабился — должно быть, они уже ушли далеко. Во всяком случае, дыма за спиной больше не видно. Ноги у Анны начали болеть. И промёрзли на снегу насквозь сквозь тонкие подошвы. Рейнеке будто почувствовал, придержал за руку. И лес пошёл чище, светлее — вместо тёмных елей, высокая, прямая сосна. Можно идти не гуськом, а рядом, за руку. А потом Рейнеке скомандовал привал — сразу же, как только нашлась укрытая от ветра полянка. Затрещал хворост, ломаясь в руках юнкера. Щёлкнуло огниво в руках у Анны. Пробежало по ветвям, задымилось, пахло теплом робкое пламя. Анна присела, с наслаждением вытянув ноги. На упавший ствол, заботливо подтянутый юнкером к огню поближе.

Рейнеке сел напротив, поворошил палкой огонь. Посмотрел на неё. Долго, мечтательно, улыбка расплзлась до ушей. Анна сунулась в сумки — посмотреть, что у них есть с собой. Не так много. Украденная у француза книга, бережно завернутая в платок. Аннины пистолеты — те самые, с головой турка на рукоятях. Мелочи, вроде ножа, иголки и шила. Прихвачены Анной, когда убегали из крепости. Отдельно — тряпочка, куда Анна завернула пару медных крейцеров, снятых с оглушённого кроата..

— Черт, — выругалась Анна. От души. Тряпочка размоталась, медяки рассыпались. Один почерневший от времени фюнфер — пятак, нашёлся за подкладкой, остальные... Остальное, видимо, скользнуло в прореху и осталось где-то позади. На тропинке валяется, под снегом.

— Рейнеке, у нас деньги есть? — спросила она.

Парень порылся в карманах. Достал большой серебряный кругляш. Покачал на ладони.

— Тот самый, — сказал он, отдавая Анне монету. Та усмехнулась, грустно. Серебрянный имперский рейсталер. В ее руках лежал целое состояние. И, при этом — все равно, что ничего. Разве что бандитов ловить на такое серебро. Как щуку — на блесну.

Сказала и выругала сама себя. У красномордого наверняка что-то было. Но и задерживаться им тоже не с руки. Пожала плечами, убрала монету в карман, спросила:

— Посмотри, может там ещё что завалилось?

Парень мотнул головой — отрицательно, справа налево. Вид у него был — будто это он во всем виноват.

— Кстати, не помнишь, чей это плащ был? — спросила она, больше чтобы отвлечь парня от дурных мыслей. Но Рейнеке лишь ещё больше помрачнел.

— Отцовский, — проговорил он, после долгого раздумья.

— Ты не говорил, что он генерал.

— Я и сам не знал. Он не рассказывал о своих делах. Никогда. Просто пропадал на

полгода, потом возвращался. Приезжал неизвестно откуда, садился за стол и начинал учить всех жизни. Но в армии он не служил. Это точно. Я не видел его в форме ни разу. И о службе всегда отзывался презрительно. Свысока так, через губу. А потом ... А потом я взял рекомендательное письмо и уехал. С полгода назад. Его не было дома тогда. У нас крыша текла и шаром покати на полках. А теперь... А теперь он генерал и за подкладкой у него серебряные талеры валяются. Нечисто тут...

Рейнеке помолчал, проката по скулам упрямые желваки. Продолжил, отвечая больше своим мыслям:

— И эти Холле вокруг него вертятся. Не к добру. Странно, наши роды тысячу лет как враждуют. Ещё с Ливонии.

Анна улыбнулась — невольно, вспомнилась старая сказка.

— Что рыбу ловили вместе?

Неожиданно для неё, Рейнеке кивнул. На полном серьёзе:

— Да. Старинная, теперь, история

— Разберёмся, — сказала она. Аккуратно, чтоб ещё больше не задеть парня.

— Придётся разобраться. Времени не много.

— До чего? — Недоуменно спросила Анна. Парень не ответил, задумался. Крепко задумался, до сладки на лбу и упрямых желваков на скулах. Сидел, бормотал что-то под нос, разгибая пальцы на правой ладони. Будто что-то считал. Анне стало интересно — что, она подседа ещё поближе, прислушалась.

— Февраль, март... — считал парень, разгибая первый и второй пальцы. Досчитал до девятого и остановился. Махнул рукой, обозвал сам себя "щенком без жалования". Анна не удержалась, взъерошила ему волосы.

— Эх глупый, — нежно подумала она, поняв что именно он считает, — нашёл о чем думать. Нам бы день прожить...

Живот бурчал, жалуясь на недополученный завтрак. Анна порылась в сумке, достала хлеб, две чёрных горбушки, больше ничего не осталось. Юнкер отстранил руку, поднялся.

— Я на разведку. Подождёшь?

Анна кивнула. По лицу юнкера пошла рябь. Серый хвост махнул ей и исчез за кустами. Анна огляделась — шелестел вокруг тёмный лес. Достала, почистила, перезарядила пистолеты. Костяные рукояти приятно холодили ладонь, глухо шумели в вышине заснеженные, тёмные кроны. Завела пружины и отложила — но так, чтобы лежали под рукой. Перерыла сумку опять. Юнкер, если чего принесёт, то зайца. А готовить его...

— А я умная, — похвалила она сама себя. За дело и от души. Соль она захватить не забыла.

Затрещали кусты. Мелькнула в воздухе серая тень. Анна обернулась — резко, выдохнула и отложила пистолет. Рейнеке вернулся. Хвост трубой. И курица в оскаленной пасти.

— Ах ты лохматый ты мой, — невольно улыбнулась она, проводя ладонью по подставленному загривку. В запястье, россыпью — резкий укол.

— И жаль, что сейчас не лето, — быстро подумала она, глядя как тает серая шерсть и на глазах ее муж превращается в человека. Оделся — быстро, парой коротких движений. Накинул плащ. И коротко бросил.

— Тут деревня рядом. И...

Анна кивнула, непонимающе. Конечно, рядом должно быть что-то. Откуда-то брал продукты красномордый.

... И в деревне — Холле и его кроаты.

Анна вздрогнула при этих словах. Забыла она уже про майора, его мамашу и всю лисью банду. Забыла, зачеркнула в памяти, стряхнула, как кожу, и оставила за спиной. И вот опять... Анна вздрогнула и спросила, беспомощно:

— Как?

— Не знаю. Я, вроде, хорошо путал следы... — недоуменно протянул парень. Анна встряхнулась и сообразила. Да, все правильно. Рейнеке петлял, путал следы. А кроаты проскочили напрямик, развернулись и теперь идут им навстречу. Все правильно — кто же невод от берега тащит ...

— А роты не видно? — спросила Анна. Отчаянно хотелось надеяться. Хоть на чтонибудь. Упрямый капитан был как раз подходящим поводом для надежды. Рейнеке задумался. Начертил что-то на снегу, подсчитал на пальцах.

— Нет. Но не уверен, ветер слабый был. По моим расчетам — наши должны быть где-то рядом.

Анна пригляделась к тому, что юнкер чертил на снегу. Длинный, вытянутый контур — будто огурец. Протянулся с востока на запад. На северном краю — будто замок с зубчатой башней. "Волчья крепость" — подумала Анна. Поежилась. Поглядела опять. На южном — рядок треугольников. Ровный, как лагерные палатки. Линии — стрелки. Толстая шла от лагеря, вдоль края леса на восток. Тонкая, извилистая — от крепости к юго-востоку.

— Это мы? — спросила Анна, осторожно ткнув пальцем в тонкую линию. Юнкер кивнул. Анна пригляделась. Подсчитала сама. Сходилось. Тонкой и толстой линии осталось совсем немного, чтобы пересечься. Перекресток. У него домик и крест. Видимо, церковь или колокольня. Всего-ничего. И, поверх креста — оскаленная лисья морда.

— Что делать будем? — выдохнула она. Потом сообразила, что спрашивает глупость. Надо пройти. Там будет видно — как. А пока...

На голодный желудок курица пошла хорошо. Даже просто так, с углями костра и солью. Начало темнеть. Тени удлиннились, легли поперек поляны — на серый снег и их с юнкером лица. Прокричала птица в ночи. Сквозь сосновые стволы мелькнул отсвет. Багровым. Анна было подумала — закат, но солнце по небу катилось в другую сторону. Совсем. Рейнеке встрепенулся. Втянул носом воздух, принюхался.

— Что такое? — спросила она. И вдруг поняла, что это за отсвет — пожар. Там, вдалеке что-то горит. Багровым, рвущимся пламенем. В воздухе — словно какой-то стук. Резкий и частый, съеденный расстоянием. Будто выстрелы.

— Та самая деревня, — угрюмо бросил Рейнкеке, вставая.

4-11

Случайный огонь

Капитан Яков Лесли был зол. Настолько, что рота сильно жалела, что вокруг мир и никакого врага поблизости. Все равно — хоть большого, хоть завалящего, лишь бы отвести душу хорошей дракой. Оно способствует — и для сугрева хорошо, измотал роту марш по холодному снегу.

Злы были все: капитан хмурился, молчал и делал вид что он, как и все шотландцы, дальний родственник валунам у дороги. Сержант тряс бородой, ворчал про старые времена и улыбался ласковой обычного. Потирая кулаки так, что шарахались даже лошади а рядовые прятали глаза и держали строй вдвое ровнее. Даже итальянец насвистывать прекратил. Шагал себе и шагал у знамени, хмуро, как мокрая курица. Только их светлость, графиня

Амалия молчала и улыбалась. С видом царственным, то есть как всегда. Впрочем, она-то в карете ехала.

Дороги замело. Потеряли день — утром роту своротил в снег строгий приказ. От целого рейтарского полковника — Яков смотрел снизу вверх на его полированную броню, стальной шлем с перьями и глухим забралом. " При закрытом — господин хороший будет неотличим от рака или лобстера", — угрюмо думал Яков, слушая приказ освободить дорогу. Немедленно. По делу не требующему отлагательств. Делать было нечего — кроме громкого голоса и смешного шлема у кавалерии был и строгий приказ, за внушающими уважение печатями.

"Делать нечего", — напомнил себе капитан, глядя как тянутся мимо лошади, повозки и всадники в броне. Люди Лесли провожали их взглядами, устало опёршись на стволы. Кто-то крикнул вслед. Старую пехотную дразнилку про грязные голенища. Обидную, но лениво, без энтузиазма. Шутника никто не поддержал, настолько все устали. Конвой тоже промолчал — важно, не снисходя с высоты седел до пехоты. И скрылся за поворотом. Две повозки, сорок человек.

— Интересно, что везут? — кивнул вслед мастер сержант, запустив руку в обвисшую бороду.

— Не наше дело, — отрезал Яков и махнул рукой — продолжаем марш. Люди, ругая налипший на сапоги снег, выбирались из сугробов на дорогу обратно. Начинался день — серый февральский день. Серое небо, серый снег. Чёрные, суровые ёлки вдоль дороги, по обеим сторонам. Где-то вдали, над их кронами стелется тёмный дымок. Яков задумался, провожая тёмные клубы глазами. Хлюпнул в мокром снегу сапог. С хвоста колонны долетела хриплая ругань, залязгали оси. Яков открыл было рот — послать Рейнеке юнкера разобраться. И закрыл, вспомнив, что парень пропал бесследно неделю назад.

— Эх, оболтус, где тебя носит, — прошептал капитан под нос, провожая тёмные клубы взглядом.

Если бы он мог бросить все, свернуть и пройти напрямик на этот дым — через полдня упёрся бы в придорожный трактир. Точнее, в его обгорелые остатки. Тот самый трактир, из которого утром того же дня ушли Рейнеке и Анна. Пол-дня пути. Но капитан не мог — в лесу, без дороги ротная колонна далеко бы не ушла. Оставалось тащиться вдоль чёрной лесной стены по занесённой дороге. И надеяться успеть к развилке до темноты. Карты говорили — там кончается надоевший лес. И там, на перекрёстке дорог — деревня.

— Хорошо бы до ночи успеть. Обогреться, — угрюмо думал капитан. Под ногами мерзко захлюпал снег, разбитый колёсами в грязную жижу. Из рядов кто-то закашлял. Надрывным, лихорадочным кашлем. Яков выругался и приказал ускорить шаг. Хотелось до темноты найти крышу.

— А вот хрен нам, — угрюмо выругался сержант вечером, когда до заветной деревни осталось всего ничего. Так, что защекотал нос, сводя измученных людей с ума, запах дыма, тепла и хлеба.

— А хрен. Всем. Прямо с грядки. Ядрёный. В обе руки, — угрюмо ругался ветеран сплёвывая в снег себе под ноги. Издалека, там где тянулась к небу тонкая деревянная колокольня доносилось ржание коней, сутились деловитые люди в потрепанных алых плащах. Клибился тонкий дымок фитилей. Несся лязг и приглушённые крики. Команды. Знакомые Якову с сержантом с малых лет. Развод караула. Деревню заняли раньше них.

— Чертова кавалерия, вечно они... — выругался сержант, углядев вдалеке алые плащи.

Ветер донес конское ржание. Словно в ответ.

— Вообще-то их здесь быть не должно, — пожал плечами капитан. Вообще-то это было правдой. Места зимних квартир и пути до них командование старалась разносить как можно дальше между мелкими ротами и эскадронами, чтобы не разорить страну вконец. Бумага на эту дорогу у Якова была. Может быть, ошибка, — подумал он, пожал плечами и пошёл к деревне разбираться. В тесной компании сержанта, Ганса Флайберга и двух мушкетёрских капральств. Для солидности. Фитили на рукавах горели, тянясь в небо тонкими стебельками сизого дыма. Просто так. Хлюпала под ногами жидкая грязь. С неба падала серая, ледяная крошка. Летела, кружилась, норовя забраться в глаза и за воротник.

— Просто так, — думал рядовой Майер, осторожно раздувая на рукаве трепещущий алый огонёк. От деревни несло дымом. Тёплым, "домашним" запахом печи и хорошо протопленного жилища.

Договорится не получилось. Командир кроатов — узкоплечий тонкий майор в щегольском плаще даже не попытался назваться. Небрежно махнул рукой, в ответ на церемонное приветствие, и сказал что правила постоя их легкоконного полка не касаются. На задании они.

— Впрочем, — проговорил он потом. Вежливо, будто делая Якову одолжение, — можете подождать. Завтра с утра мы, так и быть, освободим вам место.

Из окна показалась женщина. Неумесно и странно выглядевшая здесь дама, вся в белом, с красивым, тонким лицом. Вздернувшись при виде солдат в презрительной усмешке. Майор сразу, на полуфразе, потерял к гостю интерес, развернулся спиной, забыв о Якове и о манерах.

"Так и быть", — Сержант под ухом у Якова обиженно засопел. Капитан не обернулся — и так представил, как у старого волка сжимаются от обиды кулаки. "Завтра с утра" .

Яков было подумал обидеться, да вызвать майора на дуэль. Или просто дать в рожу, благо рожа у майора была тонкая, красивая, породистая — так и просила доброго кулака. Сзади прилетел медный звяк — по звуку, полка мушкета. Терпение теряли все, явно. Яков огляделся. Ветер встрепал плащ, завернул назад поля старой шляпы. Кроаты суетились вокруг, деловито таскали мешки — разгружали что — то. Вдали чёрнел лес. Яков усмехнулся. Вдруг, для своих совсем неожиданно.

— Делать нечего, сержант, ночуем в поле, — сказал он и, прежде чем тот успел издать протестующий крик ткнул пальцем назад, — разобьём лагерь вон там.

Сержант почесал бороду и вдруг усмехнулся тоже. Палец Якова описал в воздухе круг и показал прямо на дорогу из деревни. Чуть помедлил, дёрнулся. Перечеркнул её поперёк. Сержант кивнул.

— Ганс, — продолжил Яков, обращаясь уже к хмурому стрелку, — возьми десять человек, нарубите дров. Вон там.

Капитан ткнул пальцем ещё раз. В противоположную сторону. Туда, где скрывался за деревьями другой конец лесной дороги. Тащить оттуда дрова будет, конечно, очень неудобно, но...

Стрелок оскалился.

— И если дерево случайно упадёт не туда.... — протянул сержант

— То это не наша беда. Нам с вами, господа торопится некуда, — подхватил капитан, и оскалился. Довольно злобной улыбкой. Представил себе лицо кроатского майора, когда он выяснит, что пути из деревни перехвачены. Один — лагерь роты, другой — лесным

завалом. Впрочем, пусть его. Если хочет, пусть возмущается, шумит, может даже на дуэль вызвать. Яков совсем не спешил. В отличие от наглого кроата.

Эти мысли Якова грели ещё пару часов — пока солдаты разбивали лагерь. Деловито, организованно, под чётким командованием сержанта. Линия постов — все при мушкетах и шпагах, ружья, на всякий случай, заряжены и фитили зажжены — растянулась через поле. Смыкаясь с такой же линией кроатских патрулей в лесу. Издалека донёсся треск и шум падающего дерева. Потом ещё и ещё. При этих звуках Яков хищно усмехнулся. Загорелись огни, захлопали на ветру полинявшие крылья палаток. Солнце закатывалось за горизонт, вверху, на холме чернела деревня. Из труб ползли вверх столбы белого дыма. Капитан огляделся, подумал, что на ночь глядя кроаты точно никуда не уйдут и можно поспать, пока есть время. Что он и сделал, под ставший привычным в роте шум — рядовой Майер опять поцапался со своей кудрявой.

— Что-то они сегодня громче обычного, — лениво подумал капитан, засыпая.

** **

— Убью... Догоню — убью суку... — рычал рядовой Ханс Майер, задыхаясь от быстрого бега. Веткахватила по лицу, Нога в тяжёлом сапоге попала на наледь, поехала, сапог зарылся в снегу. Рядовой пошатнулся, но устоял. Тяжёлая веткахватила его ещё раз — по затылку. Майер потряс головой. Вокруг тянулся лес — тёмный еловый лес, истоптанный сапогами во всех направлениях.

— Неа, не убью, — прорычал он, встряхиваясь и втягивая носом морозный ночной воздух, — висеть потом за такую. На корявом суку. Но проучу на совесть, попадись только.

На лице рядового отливал лиловым роскошный синяк — след от прошлой попытки "проучить" упрямую Катаржину. Багровым, в пол-лица полукругом. Не то чтобы больно — за время службы рядовой Майер и не такое получал. Но обидно, до ужаса. И смеяться приятели будут. Опять. Лес молчал, лишь ветки шумели под ветром. Если и были в этом шуме следы беглянки — непонятно. Не разобрать. Рядовой шагнул вперёд, раздвигая кусты. Ещё одна ветка — длинный, тонкий ореховый прут хлестнул его по лицу. Тот зашипел и выругался — попало неудачно, как раз по синяку.

— Сам дурак, — прошипел он, потирая больное место.

Лес шумел ветками над головой, издеваясь. Рядовой выругался ещё раз, сплюнул и решительно зашагал вперёд, вертя головой и вглядываясь в стелющиеся по земле тени.

— Чёрт, куда же она подевалась? — шипел Майер под нос, проламывая себе путь. По тропе, что шла через лес от их лагеря к стоянке кроатов.

— Вот угораздило же, — шипела, тоже под нос Катаржина, унося ноги от своего благоверного. Ноги у неё были быстрые, стук сапог и ругательства оставались далеко позади. Лес шумел, скрадывая звуки.

— Говорили же дураку, не лезь, когда у меня руки заняты, — думала она на бегу, ловко проскальзывая под очередной веткой, — вот и получил.

Захрустела ветка под ногой. Донесли до ушей ругательства — сзади, из за спины. Корявый сук хватил по голове. Лесная стена перед глазами разорвалась, Катаржина вылетела на поляну. Сделала по инерции несколько шагов, не смотря по сторонам. За спиной забухали сапоги, донесли ругательства и тяжёлое дыхание — Майер догонял.

— Угораздило же его под утюг подвернуться, — выругалась Катаржина ещё раз, прибавляя ходу.

— Стой, кто идёт, — чужой окрик хлестнул по ушам. Гортанный, переливчатый голос.

Катаржина вздрогнула, обернулась. Ударил в глаза плащ — алым, кровавым отблеском. Кроатский часовой. Сизым, холодным огнем плеснула луна на стали ружейного дула. Шевельнулись вислые усы на лице.

Катаржина замерла, с лёгким удивлением услышав, как лязгнули во рту её собственные зубы.

— Мама, — прошептала она. Ногу повело, она пошатнулась. Осела на снег, прошептала, беспомощно шевельнув губами, — мама... Опять...

Запах ударил в нос. Немыслимый, невозможный здесь — лета и свежего сена. Дыма огня и соленой крови. Треск у ушах. Зацепилась за корень, затрещала по шву длинная юбка. Как тогда, три года назад. В ночь, когда такие же, как и этот часовой, усачи украли её из родной деревни.

Кроат оскалился. Дёрнулся на голове длинный, пшеничного цвета чуб, лязгнули зубы — по волчьи.

— Помогите, — прошептала Катаржина, твердо зная, что бесполезно. Тогда никто не помог.

Затрещали кусты за спиной. Кроат обернулся, в его руках глухо лязгнул, взлетая к плечу, короткий кавалерийский карабин. На поляну, стуча сапогами и ругаясь почём свет стоит вылетел Ханс Майер. Кроат увидел бегущего, дернулся, спустил курок. Выстрел прокатился громом по зимнему лесу. Пуля свистнула, рванув Майеру клочок волос с головы. Рядовой пошатнулся, взревел и прыгнул, сбив кроата с ног. Одним ударом, прежде чем тот успел опустить ствол. Поднялись и упали сложенные вместе кулаки. Майер встал, наклонился над телом. Потом выпрямился, мотая из стороны в сторону тяжёлой головой. Развел руки, обернулся, посмотрел вдруг на замершую Катаржину — прямо в глаза, смешно сморщив лоб. Будто что-то забыл и пытается вспомнить. И внезапно упал, как подкошенный. Кровь — под ноги, бьющейся алой струей. И только потом, сухим треском рванул в уши ружейный залп. Кроатский вахмистр услышал крик и послал на поляну патруль — проверить. Катаржина медленно, как во сне повернула голову, увидела в кустах их дымящиеся стволы, высокие шапки и усатые лица. Старший шагнул вперёд...

Новый выстрел.

Кроат дернулся и упал с дырой во лбу.

Френк Донахью опустил к ноге дымящийся ствол, сорвал с пояса новый заряд, скусил патрон, скрипнув белыми зубами. Его старый приятель, Ханс Майер, валялся убитый у него на глазах, кровь текла по земле, словно просила поторопиться.

Кроаты ответили залпом — вслепую, наугад, в сторону мелькнувшей вспышки. Пули пропели в воздухе, звякнули, сшибая на землю снег и ветки с кустов. И Катаржину Майер. Свинцовая оса слегка чиркнула ее по кудрявой голове. Сорвала с виска чёрную прядь. И бросила на колени, вниз, ничком на тело мужа.

Перестрелка вспыхнула как лесной пожар. Дымным, гремящим полукольцом вокруг двух лагерей. То тут, то там — тонущие в тенях, ослепленные багровым закатом, оглушенные громом и неизвестностью патрули лихорадочно скусывали патроны, заряжали и стреляли — в шорох ветвей, темноту и друг в друга.

Принесли первых убитых. В лагере Лесли поднялся крик. Многоголосый, бессмысленный и, от того, куда более страшный. Вспыхнули огни — без порядка, багровым заревом здесь и там. У себя в палатке Яков Лесли вскочил на ноги, выругался — страшно, поминая бога, мать и всех святых вместе взятых и приказал послать в лес дежурное

капральство. Потом опомнился, всунул ноги в сапоги и приказал бить общую тревогу. Он опоздал. Кроаты Холле успели раньше.

Алые всадники на огромных, храпящих конях уже гарцевали перед оградой. Внезапно, просто выплыли из заката на ослепленных багровым отблеском часовых. Их было немного — человек тридцать, но паника мгновенно умножила их число до тьмы — тьмущей. Что им приказал майор Холле — неизвестно, вряд-ли атаку, но крики и вид бегущих людей подействовали на них, как красная тряпка — на быка. В лагере кто-то спустил курок. Пуля взрыла землю под копытами. Кроаты завыли боевой клич и, обнажив кривые клинки наголо, кинулись в атаку. Под копыта упал человек, другой. Выпал из мертвых рук опрокинутый факел. Огонь вспыхнул, лизнул края одной палатки, потом другой, третьей. Черный дым клубами пополз вверх, мешаясь в небе с криками и пороховой гарью. Кроаты скакали сквозь дым, рубя бегущих. Развивающиеся за плечами плащи били людям в глаза ярко-алым, наводили ужас и панику. Дым кутал небо черной завесой. Тот самый дым, что видели Анна с Рейнеке в лесу.

Вдруг новый звук ворвался — словно прошил иглой — музыку боя. Бил барабан. Размеренно, часто. Привычный, хорошо знакомый людям звук. С него начиналось утро — всегда. Капитан Яков Лесли шел со шпагой в руке. Двое барабанщиков шли за ним следом, выбивая палочками сигнал "построение". Ему навстречу выбежал прапорщик Лоренцо. Маленький, взъерошенный, в одном сапоге. Второй — в зубах, в руках длинный шест и свёрток.

Один из кроатов кинулся к нему со спины, занося на скаку клинок. В руке Якова Лесли сухо рявкнул длинный пистолет. Кроат упал. Лоренцо, петляя, добежал до капитана, скрылся за его спину, кивнув на ходу. Спасибо, мол.

— Оденьте сапог, прапорщик, — не повернув головы бросил ему Яков. Лоренцо, не отвечая, содрал чехол, развернул шест вертикально. Над их головами в небе развернулся, захлопал крыльями черный имперский орёл. Ротное знамя. Яков перехватил древко одной рукой, повернулся, кивнул итальянцу:

— Спасибо. И наденьте сапог, не лето.

Хаос вокруг дрогнул и начал обретать форму на глазах. Люди Лесли бежали к знамени — храбрые искали врага и приказов, трусы — укрытия. Тридцать лет войны научили их, что безопасно только одно место — под знаменем, в строю, за спиной у товарищей. Кроаты, увидев в воздухе бьющий крыльями ценный трофей, развернули коней и, с кличем, похожим на лисий лай, кинулись в атаку. Дрогнула земля. Двое солдат, бежавших к знамени со всех ног, упали под копыта. Яков поправил шляпу и шагнул вперед, прямо на храпящие, вспененные морды. Всадник в алом плаще налетел на него. Яков вскинул над головой тяжёлый палаш. Удар, лязг стали о сталь. Кривая сабля отлетела назад. Рука занемела.

— Чёрт, зарубка будет, — подумал он мельком, уходя от нового удара. Кривая сабля проскрежетала по гарде, выбив сноп искр Якову в глаза. Внезапно — голос над ухом:

— Держитесь, герр капитан

Над плечом скользнуло ясеневое древко и длинное острие. И ещё одно. И еще. Кроат отбил удар пики саблей, развернул коня и исчез. Яков обернулся — старый сержант строил в ряд пикинеров. Кроатам в лица сверкнула сталь. Злыми, ждущими жалами на длинных древках. Ударил залп. Забил барабан. Кроаты развернули коней и исчезли. Вмиг, будто их тут и не было.

Яков перевёл дух. Поправил на голове шляпу. Подошёл сержант — взъерошенный, весь

белый от злости. Кивнул Якову на ходу. Ветер налетел, закрутил назад лохматую бороду.

— Сержант. Постройте людей. Запишите имена тех, кто пришел без оружия или зарядов. И...

Тут Яков оглядел царящий вокруг разгром. Палатки сбиты с опор и повалены, половина сгорела. В воздухе плыл острый дым пополам с чёрной пороховой гарью. Поправил шляпу, прошептал под нос: "раз пошла такая пьянка..."

Сержант проследил его взгляд, кивнул вполне одобрительно.

— Половина палаток сгорела, герр капитан. Холодно будет....

— Будет, но не нам, — отрезал Яков и махнул рукой. На закат, в сторону чернеющей на холме деревни.

Два строя сошлись в снегу, на середине поля. Ротная линия— две цепи мушкетеров по краям, сдвоенный ряд пикинеров в середине. И насущаяся на них волна всадников в алых плащах. В эту атаку Холле поднял всех. Дрожала под ногами земля, храпели бешенные кроатские кони, сверкали клинки. Вперед вырвался всадник на тонконогом коне — узкоплечий, высокий, стройный. Алый плащ — крылом ангела за его плечами. Всадник повернул голову, крича что-то. Высокая шапка слетела с его головы. Яков увидел в закатных лучах светлые длинные волосы.

«Майор Холле», — подумал он мельком. Уперся крепче ногами в землю.

— Сержант, запишите всех, кто выстрелит без команды.

Глухо бил барабан. Ротный строй замер, ловя момент. Черно-алый, бешенный вал катился на них — все ближе, ближе и ближе. С той стороны — клубы дыма и редкие хлопки. Кто-то из кроатов на ходу разряжал пистолеты.

— Зря, — подумал Яков, — ещё рано. Для них.

Развернулся и крикнул, резко, до боли в горле:

— Огонь.

Залп. Слитный, рвущий уши залп из полусотни мушкетов. Яков на миг ослеп и оглох — все затянуло едким, удушливым дымом. Жалобный, ввинчивающийся в уши протяжный крик — будто детский. Ржание раненной лошади. Сосредоточенный стук шомполов — мушкетеры слитно поставили ружья к ноге и забивали новый заряд, не дожидаясь команды. Ещё один залп. И ещё. С той стороны, сквозь гарь донеслись хлопки и короткие, злые вспышки. Солдат рядом с Яковым захрипел и осел на землю, так и не выпустив пики из рук. Дрогнула земля. Опять. Из дыма и чада впереди показались огромные, призрачные в тени лошадиные морды. Барабан забил частую дробь.

— Пики, к бою, — проорал, перекрывая шум схватки, сержант. Пикинеры первой линии упали на одно колено, упирая ясеновые древки в серую грязь. Пикинеры второй — замерли, развернув пики в обеих руках горизонтально, над головами товарищей. Жала — кроатам в лицо. Те развернули коней. На месте, с храпом, лязгом и истошным ржанием. Кто — то не совладал с лошадьё, подлетел слишком близко. Пики метнулись вперёд и отпрянули, алые от крови. Ещё один залп. Ещё. Бились в грязи и кричали человеческими голосами раненные кроатские лошади. Бешеный Холле летел вдоль рядов, отбивая в сторону тянущиеся к нему пики. Кривая восточная сабля вертелась и пела в его руках. В одном месте строй разорвался. Слегка. Дрогнул слишком молодой пикинер или подвернулась на камне нога ветерана. Но кроат ворвался в щель, кривая сабля упала вниз и взлетела — алая от крови. Стрелки дали залп. Конь Холле шарахнулся в сторону, строй сомкнулся опять.

— Парни, нажми, ночлег совсем рядом, — проорал сержант из задних рядов. Забил

барабан. Кроаты развернули коней и, завывая на звериный манер, пошли в новую атаку. Внезапно, среди алых — теперь уже серо — бурых от грязи — кроатских плащей — словно мелькнуло белое. Белый всадник на белом коне. Скакал галопом, разворачивая всадников на новую атаку. Яков шагнул вперёд, поднимая пистолет. Поймал фигуру урезом ствола... И увидел, как бьются на ветру юбка и длинные, золотистые волосы.

— Чёрт. Баба, — палец Якова замер на курке. А всадница подлетела, развернула коня. И в упор, Якову в лицо, выстрелила из двух пистолетов. Вспышка, под ухом у Якова — словно ветерок. Одна пуля сбила шляпу с его головы, вторая прошла мимо, убив наповал мальчишку — ротного барабанщика. Второй лишь стиснул зубы — истово, до крови на губах. И палочки в его руках замелькали чаще.

Внезапно — Яков услышал опытным ухом — рисунок боя поплыл, поменялся. Справа, от леса долетел гул команд и частые, точные выстрелы. Кроаты на поле заметались, попав в два огня. Ганс Флайберг собрал в лесу патрули и накрыл убийственным огнем их фланги. Падали люди, падали кони. Яков увидел майора Холле — тот скакал через поле к своим, размахивал саблей, кричал, поднимая людей в новую атаку. Мелькнула белая всадница. Опять. Яков поднял пистолет, прицелился и спустил курок. Белый конь упал. С седла — словно скатилась молния. Мелькнула и исчезла в тенью снегу.

— Что за чёрт, — прошептал себе Яков. И тут бешенный Холле развернул коня и, бросив людей, поскакал прочь, вслед белой тени. Окруженные и потерявшие командира кроаты дрогнули и брызнули кто куда.

Никто не успел опомниться, как поле опустело.

— Что за чёрт, — ошеломленно шептал капитан, пытаюсь найти в снегу свою шляпу, — что это было?

— Поразил бог пастыря и рассеялись овцы, — ответил ему мерный голос. Ганс Флайберг подошёл. И сержант, этот успел где-то найти и подобрать капитанскую шляпу.

— Не знаю что произошло, герр капитан, — ответил сержант, протягивая ему трофей, — но ночлег у нас теперь есть.

— Хоть что — то, да радуется, — криво улыбнулся капитан, оглядел поле и длинно, витиевато выругался.

Мимо Якова пробежал солдат, размахивая в воздухе желто-черной, изорванной тряпкой. Добежал до капитана, протянул — нашли мол. С улыбкой. Яков пригляделся. Знамя. Брошенное на поле знамя кроатского полка. Желтое, с черным орлом, родным братом того, что веял сейчас над их ротой. Яков стряхнул с нее грязь. Бережно сложил. И ещё раз длинно выругался:

— Сержант. Мы только что героически победили его величества кроатский легкоконный полк.

А если два полка одного императора стреляют друг в друга, сержант. То это может значить две вещи. Или один из командиров — предатель, либо оба — дурни, которым место на суку а не в армии. Сержант, мы с вами их величество на этой неделе предавали?

Сержант похлопал себя по карманам, словно убедившись в отсутствии тридцати нелишних в ротном хозяйстве серебрянников, развел руками и дернул бородой

— Нет, герр капитан, вы бы знали.

— А тогда... — Яков промедлил, набрал воздуха в рот. И выговорил, чётко, насколько возможно, — тогда возьмите людей. Разместите их в деревне. И выясните, вашу мать, из-за чего стреляли...

— Эй, ты живой? — окликнула рядового Майера Катаржина, очнувшись. Вокруг ночь, лесная поляна и кровь. Вокруг все в крови, чёрной при свете белой луны. И никого. Отчаянно болела голова. По виску и ниже, на шее — все липкое. Рядовой Майер валялся рядом. Изломанной, грузной фигурой, чёрной на чёрном снегу. Неподвижно и весь в крови тоже. Катаржина осторожно протянула руку, коснулась его груди — нет, вроде живой, дышит. Вдруг Майер дернулся под ее пальцами. Открыл глаза. И долго смотрел неподвижным взглядом вверх, в чёрное небо.

— Не помню, — прошептал он вдруг, сосредоточенно шевеля губами, — не помню.

— Чего?

— Из-за чего мы подрались? — Майер сморгнул раз, другой. Дернулся, попытался подняться. Упал, зашедшись страшным, тяжёлым кашлем. Потом замолчал. Катаржина дернулась, подумав что он умер. "Опять все сначала" — кольнула вдруг злая, обидная мысль. Но Майер открыл глаза.

— Не помню... — прошептал он вновь высокому небу... — дурак...

Захрипел и потерял сознание. Но грудь шевелилась, вроде дышит.

— Дурак и есть, — медленно, как во сне прошептала замершая Катаржина, — Как мне теперь такую тушу вытаскивать?

4-12

Ценные грузы

Анна с Рейнеке шли долго. Медленно — под ногами узкая тропа, ветви елей теснились, загораживали путь, норовили схватить острыми сучьями Анну за подол или Рейнеке — за волосы. Кололи руки острые сосновые иглы. Ноги взяли в снегу. Рейнеке шёл впереди, прокладывая Анне дорогу. Сухие ветви трещали и ломались в его руках. При каждом звуке юнкер морщился, иногда замирал, приносясь — Анна видела, как трепещут, втягивая воздух тонкие ноздри. Слева, над кронами — багровый, тусклый закат. С правой стороны струилось меж веток дымное зарево. Доносились залпы — иногда длинный, протяжный звук, будто рвётся рубашка на локте. И короткое, злобное тьяканье в промежутках. Очередной раскатистый треск. Опять.

— Залпами бьют. Регулярная армия, — шепнул Рейнеке Анне, наклонившись ей к уху.

— Может, наши?

Юнкер втянул носом воздух. Замер. И огорчённо вздохнул:

— Отсюда не понять. Пошли дальше.

И шагнул вперёд, раздвинув перед Анной очередную ветку. Стрельба гремела вдали. Звуки то шли громче, то тише — еле слышно. Зарево оставалось по правую руку. Юнкер вёл их в обход. Анна кивнула про себя. Правильно, от стрельбы лучше держаться подальше. Издалека долетел лязг и протяжные крики.

— Дошло до пик, — прошептал юнкер и вдруг остановился. Резко, Анна не рассчитала шаги, ткнулась носом в широкую спину. Посмотрела под ноги — туда же куда и он. И негромко ойкнула.

По их ногам, в яме, слегка присыпанные снегом и серой землёй вповалку валялись трупы. Анна ойкнула ещё раз. Человек десять, друг на друге, вповалку, кто-то навзничь, кто то ничком. Снег кружился, падал на лица. Заносил мертвецам глаза. Юнкер шагнул вперёд, наклонился. Под его ногой звякнул, отлетая в сторону брошенный шлем. Смешной, похожий на голову — толи лобстера, толи огромного рака. Анна выругала себя, наклонилась и

внимательнее пригляделась к лежащим. Мужчины. Военные. Грубые лица, длинные усы. Прорубленные, смятые пулями рейтарские латы. Рейнеке пригляделся к одному, поглядел на раны. Дёрнул лицом, прошипел коротко:

— Чертовы лисы, — слова прошли сквозь зубы одним выдохом, резким, как выстрел в упор.

Короткий стон из под ног. Анна вздрогнула. Нагнулась над одним

— Слушай, а этот живой ещё, — прошептала она, осторожно ощупывая лежащее у ног тело. Тучный, краснолицый рейтар ещё дышал. Дёргался, хрипел, бледные губы шептали что-то. Анна прислушалась — бессвязный бред. Мужик был ещё жив, но, судя по виду — это ненадолго.

Рейнеке подошёл, наклонился тоже.

— Надо помочь, — шепнула Анна.

Рейнеке хлопнул глазами, посмотрел на нее:

— Чем? Не жилец, а нам бежать надо.

— Хотя бы на дорогу вынесем.

Рейнеке задумался. По нынешним временам — на дороге можно дожидаться не помощи а — в лучшем случае — удара в спину. В худшем — затопчут и не заметят. Но ... Рейнеке пожал плечами, легко — на вид, рейтар был грузен и тяжел, да и кираса весила немало — поднял тело и пошёл. Анна за ним. Теперь они шли направо, сквозь лес, прямо на зарево.

Так они шли с пол-часа. Треск вдали то затихал, то разгорелся. Зарево бледнело вдали. Закат догорел, сквозь кроны ветвей кололи глаза первые звезды. Тьма упала вокруг — глухая, плотная, хоть ножом её режь. И тишина — до звона в ушах. Будто они с юнкером одни в целом мире.

— Похоже, бой кончился, — прошептал юнкер. Ошибся. Под ногами слегка задрожала земля. Новый залп равнул молнией уши. Сорвалась, забила крыльями испуганная птица над головой. Раненный дёрнулся, захрипел и затих на руках у Рейнеке.

" Не дышит", — сказал Рейнеке, осторожно кладя на землю уже мёртвое тело. Издали долетел новый залп и злобный лязг железа о железо. Как раз в этот момент, вдали от них, на поле перед безымянной деревней кроатская волна ударила в сомкнутые ряды роты капитана Лесли. Анна поежилась. Рейнеке огляделся — вокруг тьма да шелест ветвей.

— Похоже, я заблудился, — прошептал юнкер, вертя головой из стороны в сторону. Ночная птица кричала и била крыльями над головой, вверху в темноте. Анна шагнула вперед, поймала Рейнеке за руку. Стало спокойнее — как-то сразу и вдруг. Глаза привыкли ко тьме. Вдруг среди чёрных ветвей, в самом переплетении — пятно жёлтого света. Огонёк костра. Ветер подул с той стороны, качнув ветви над их головами. Рейнеке втянул носом воздух, принюхался... И выдохнул — радостно:

— Пошли, это наши...

— Точно? Откуда ... — Анна обругала себя ещё раз. Ветер донёс запах дыма даже до неё. Рейнеке он, разумеется, сказал куда больше.

** **

Френк Донахью, рядовой мушкетер пятого капральства, оставленный вечно хмурым Гансом в лесу за старшего — сторожить завал, пока остальные выручают роту — разрывался между двумя противоречивыми чувствами. С одной стороны — стрельба вдали и неизвестность пугала до дрожи, десяток новобранцев под командой доверия не внушал и, будь его воля, он бы здесь не остался. Черт с ним, с постом, сам Френк, старый браконьер по

лесу пройдёт, а остальные — нет, нечего и думать. А вернуться одному — ни хмурый Ганс ни сержант ни капитан за такое по головке не погладят. Да и, к тому же, с час назад на их пост вышла из леса кудрявая Катаржина. И мужа своего притащила, израненного всего. Как доволокла — бог весть, но справилась, хоть и сама шаталась, раненная — случайная пуля чиркнула по голове. Теперь сидят оба у костра, все перемотанные. Тащить глупо, а бросить — бросить старого собутыльника было немного, но неприятно. А стоять, слушать ночь, рвущуюся на части стрельбой и криками, ждать неизвестно чего — тоже страшно, до дрожи.

— Черт, я ж даже не капрал, зачем мне все это, — ругался вполголоса Френк Донахью по вспышкам в ночи пытаюсь угадать — что же там, вдали, на поле, делается.

— Вольно, рядовой, — окликнули вдруг из-за спины. Звякнул о камень мушкет. Донахью вздрогнул всем телом и обернулся. Медленно. Он совсем забыл про лес за спиной. А оттуда, прямо к костру вышли двое. Высокий — судя по выправке — офицер рука об руку с фигурой в длинном платье. Костёр затрещал, плюнул вверх язык пламени, короткая вспышка выхватила у одного круглое лицо и, у другой — рыжие волосы. От сердца слегка отлегло, рядовой выдохнул и отругал сам себя идиотом. Пропавший с неделю назад Рейнеке — юнкер. И Анна с обоза с ним под руку. Рыжеволосая, оглядевшись, мигом оставила мужнину руку и под села к костру. Теперь над валявшимся без сознания Майером возились уже двое. Рядовой усмехнулся в усы и с чистой совестью отдал честь Рейнеке:

— С возвращением, герр юнкер, — вполне искренне. Теперь можно выдохнуть и подумать о себе, офицер здесь, пост, вроде как, сдан, с солдатской головы одной бедой меньше. Юнкер огляделся — вначале на солдат, потом — внимательно — на гремящее залпами поле. Стрельба прогремела раскатами — длинный, протяжный звук пробежал от края до края, ударил, отразился эхом от черных крон. Раз, другой...

— Капитан — там? — спросил юнкер, кивая в гремящую тьму.

— Да, — шепнул рядовой, невольно втягивая голову. Новый залп ударил громче, по звуку — ближе, чем раньше. Над головами прозвенела ударила о древесный ствол случайная пуля. Посыпался снег — с ветвей, тонкой струйкой на головы людям. Еще залп. Стеной — серый дым, россыпь вспышек и гул вдали. Рейнеке оглянулся...

— Рядовой, давайте ... — начал он. И не договорил. С поля, с гремящей тьмы на них кинулась белая молния. Прямо в лицо. Донахью увидел летящую пасть, в облаке белого меха. Алую, полную жадных клыков. Ствол замер в его руках. Рейнеке шагнул вперёд, замахиваясь саблей. Зверь — Донахью присмотрелся и ахнул — по виду лиса, но огромная, белая как снег влетела к костру и развернулась, угрожая людям оскаленной пастью. Клыки — жёлтые, кривые, страшные в неровном свете костра. Кто-то уронил ружье. Рейнеке ударил саблей наотмашь и промахнулся. Анна с места ткнула в пасть головней с костра. Попала в морду. Рдеющей багровым огнём головней. Запахло палёной шерстью. Донахью вскинул ружье. Зверь поджал хвост, заскулил и исчез.

— Вашу мать, рядовой, — выругался юнкер, — мимо вас шуба бежит а вы ворон считаете.

Донахью усмехнулся в ответ, встряхнулся, сбрасывая напряжение. Шуба, как же. А что, зверюга огромная, вполне пойдёт. Не шуба, но воротник точно. Гул на поле затих. Как-то вдруг, внезапно до дрожи. Смолкла стрельба, лишь пороховая чёрная гарь плыла с поля клубами дыма.

— Что за... — прошептали все. Под ногами дрогнула земля. Чуть-чуть. Рейнеке вслушался, втянул воздух. И выдохнул краткую, не ждущую возражений команду.

— Все в лес. Фитили зажечь. У кого есть лишние — зажечь тоже, развесить по кустам. На высоте человеческого роста. Быстро.

Донахью кивнул. Старый трюк — люди с поля, из тьмы увидят лишь дым и мерцающие огоньки — грозной, для понимающих, линией, где каждая точка — мушкет, заряженный круглой, тяжёлой пулей. И точек будет много, парни постараются. Может, пронесет. Может. Задрожала земля. По ушам, мелким звоном — стук копыт. Всадник вылетел из пороховой гари и проскакал мимо них, не оглядываясь. Потом еще и еще.

— Что происходит? — Анна подошла, схватила за руку.

— Мы победили, — шепнул ей Рейнеке, — все хорошо.

Вторая часть фразы была ложью. С поля впереди, из пороховой гари прямо на солдат повалили всадники — без порядка и строя, поодиночке и мелкими группами. Потом толпой. Страшной, гремящей сталью и медью толпой, кашей пенных, оскаленных морд, усатых лиц и плащей, бывших алыми совсем недавно. Рейнеке вздрогнул, но остался стоять, лишь украдкой бросил взгляд в сторону — Донахью не подвёл, огоньки фитилей протянулись в стороны от него длинной, дымной цепочкой. Встряхнул головой, решительно, не слушая возражений отодвинул Анну за спину. Взглянул опять на надвигающуюся на него толпу и понял, что не ошибся в первой части. Кроаты не шли — бежали, в беспорядке, без строя. Среди толпы — много лошадей без всадников. Миг, другой... Рейнеке застыл, обнаженный клинок в руке — сейчас парень надеялся, что он не дрожит. Но лишь надеялся. Оглушительный удар в груди — сердце. Вал приближался. Защекотало в носу — острый, режущий нутро запах конского пота. Рейнеке поднял руку. Замер, внимательно, как перед командой, хотя приказ отдать некому — за спиной лишь десяток человек. Вдруг головной всадник крикнул, развернул коня — и вся толпа по дуге прошла мимо Рейнеке. Развеялся дым, ветер налетел, сдул с поля гарь и пороховую копоть. Утихла под ногами дрожь. Рейнеке выдохнул, опустил руку — похоже, на сегодня все. Но, нет — пропустив беглецов, на костер из тьмы вышла новая группа.

Всего с десятков но эти не бежали, шли медленно, организовано. Похоже, даже держали строй. Сверкали клинки — серебристыми полосами лунного света. До слуха долетел скрип колес, Рейнеке пригляделся — да, точно, эти что-то везли в середине строя. Повозка, одна, запряжённая парой мокрых от усталости лошадей. Широкие колеса, в лунном огне — тонкие спицы. Везёт что-то тяжёлое. Всадники тоже заметили Рейнеке, взяли дальше, обходя группу солдат по дуге. Разумнее было бы пропустить, но... Рейнеке сжал кулак, поёжился и медленно, разгибая пальцы пересчитал — февраль, март... А на девятом загнутом пальце поднял руку и махнул своим — огонь.

Мушкеты рывкнули слитно, прокуренным басом. Один всадник вылетел из седла, обиженно заржала раненная лошадь. Повозку повело, опрокинуло набок. С треском лопнула ось. Всадники развернулись и — клинки наголо, плащи крыльями за спиной. Под ухом хлопнул пистолетный выстрел, сердитый шёпот коснулся ушей. Аннин яростный шёпот, одно имя — «Холле». Рейнеке весь подобрался и зарычал — так, что шарахнулись лошади. Всадники развернулись, обходя их группу кольцом. Близко, совсем. Рейнеке поднял руку. Вдруг — из за спин, справа, по тёмному полю пробежала россыпь огоньков. Будто звезды в ночи — злые, короткие вспышки. Двое всадников вылетели из седла. Холле поднял коня на дыбы, развернулся. Пуля выбила саблю из рук. Новый выстрел — Анна под ухом невольно вскрикнула, увидев пустое седло. Но майор крутанулся под брюхом у лошади, выпрямился и, послав солдатам на прощание издевательский жест, исчез во тьме.

— Рад вас видеть, ребята, — Ганс Флайберг, хмурый стрелок кивнул так, как будто Анна с Рейнеке отлучались на всего минуту — другую. Рейнеке кивнул в ответ, чуя как уходит из пальцев нервная дрожь. Анна радостно вскрикула, увидев Магду за плечем у мужа.

— Как наши? — спросил Рейнеке. Стрелок пожал плечами в ответ:

— Живы. Все. Пошли, доложишь.

— Непременно. Вот только... — Рейнеке огляделся и увидел перевернутую кроатскую повозку невдалеке. Наверное, что — то важное, раз Холле ее защищали. Колесо сорвалось, повозка покосилась, длинный, продолговатый ящик выпал наружу. Тяжёлый, аж сумел проломить борт. Ганс поймал его взгляд, кивнул и сказал:

— Похоже на гроб.

К повозке уже подходили солдаты. Медленно, тяжёлой походкой смертельно усталых людей. Один из них — Донахью, судя по рыжей шевелюре — оперся на колесо, лениво постучал сапогом по стенке. Ушиб ногу, приглушенно выругался. "Тяжёлый, зараза"

— Назад, — крикнул Рейнеке вдруг, сам себе удивляясь, — назад, быстро.

Рядовой отдернул руку и отступил. Ганс и Рейнеке заспешили к нему. Быстро. Ганс перекинул мушкет на руку. Рядовой вздрогнул и сделал еще шаг назад. Ганс, не замечая его, присел, нагнулся над ящиком. Лязгнул замок. Ганс приподнял крышку. И быстро опустил, прежде чем внутрь успел заглянуть кто-то из любопытных.

— Донахью, в деревню, за капитаном. Пусть придёт сюда. Сейчас, это важно, — сказал хмурый стрелок, спокойно, будто за пивом посылал. Рядовой замаялся.

— Марш, — бросил ему в лицо Ганс. Сердито лязгнул мушкет. Рядового как ветром сдуло.

— Чего там? — осторожно спросил Рейнеке. Ганс приоткрыл крышку на миг. Внутри — россыпь монет, вроде той, что у них. Тяжелые, толстые кругляши, с профилем их величества на боку. Серебро, сверкнувшее им в глаза мертвенным лунным светом.

4-13

Задание

Мог бы капитан Яков Лесли убивать взглядом — убил бы. Всех. И завалился бы спать посреди выжженной собственноручно пустыни. Но, увы, испепеляющего взгляда, бог Якову не дал. Как и рогов — бодливой корове. "А жалко", — думал тот, слушая доклад угрюмого стрелка. Как всегда — бесстрастный. Будто о будничных делах Ганс Флайберг рассказывал капитану в духоте и полумраке отбитого у кроатов деревенского дома. В углу шипела и дымилась старая печь, растопленная ещё майором Холле. Трещала лучина, бросая на стены пятна тусклого света. Влага капала с потолка. Чуть слышно звенели капли. Скрипела кожа, иногда мерцала тусклая сталь — сержант так и не снял шлем и кирасу. Капитан сидел у стола. Ганс рассказывал. Простыми словами, будто в том ящике дрова нашли или корову солдаты угнали.

— А тут не корова, совсем, — угрюмо думал капитан, пиная сапогом окованный ящик, — серебро, мать его за ногу. Только из казначейства. Знать бы ещё, чьё это серебро. Последнюю фразу Яков, не подумав, сказал вслух.

— Теперь уже наше, — ухмыльнулся сержант, важно подняв палец. Будто новобранцев учил, — по обычаю. Ибо с возу упало.

— Теперь уже, понятно, наше. А раньше — чьё? Судя по чеканке — только из казначейства. Похоже, чертов кроат не врал насчёт задания и прочего. Которое мы успешно сорвали, получается. И кто за него теперь висеть будет, не скажете, сержант?

— Да какая теперь разница, Яков, — улыбка исчезла, сержант нахмурился, дёрнул защёлку шлема под подбородком. Затряслась сердито широкая борода, — лишь бы не мы. Нас пусть догонят сперва.

Яков наклонился вперёд, доски стола дрогнули под ладонью. Заскрипели ремни:

— Вас — не догонят, сержант. А я сроду ни от кого не бегал. Ни от французов, ни от начальства. Так что, разница есть. Когда я буду смотреть в глаза военному трибуналу — я хочу честно и подробно рассказать, в чем я прав а эти кроаты виновны перед богом и кайзером. Честно, сержант.

Упрямые желваки прокатились волной по сержантским скулам. Дрогнула борода. Яков выдохнул, откинул тело назад, протянул — ладонями вверх — усталые руки. Зазвенела медь. Яков рывком обернулся — стоящий как столб у порога хмурый стрелок перекинул ствол из руки в руку.

— Тут все не просто, капитан, — вставил Ганс Флайберг, — помнишь, вчера — рейтарский конвой нас с дороги согнал?

Яков кивнул — вспомнил вчерашнее утро, повозки, чёрных рейтар и полковника, похожего в шлеме то ли на лобстера, то ли на рака. Стрелок тоже кивнул и продолжил, устало, опёршись на мушкет:

— парень говорит — в лесу он их видел сегодня ночью. Мёртвых. Людей Холле работа. Должно быть и серебро к ним тоже...

— С возу упало, — сверкнув зубами, добавил сержант и сам засмеялся жестокой шутке. Капитан прервал его взмахом руки.

— погоди. Откуда знаешь, что Холле? И какой парень?

— Рейнеке — юнкер, с женой вышли из леса. Думал, вы уже слышали, капитан.

Капитан разом подобрался. Пальцы пробежали по столу, волной, в ритме походного марша.

— Нет. Зови сюда, послушаем.

Ганс открыл дверь и коротко свистнул. Потом позвал. Лязгнула дверь. Яков невольно сморгнул — с удивлением понял, что рад видеть эту высокую, слегка нескладную фигуру. Рейнеке вошёл, отдал честь, вытянувшись, как перед строем. Плащ на парне с чужого плеча, на боку сабля — тоже чужая, изогнутая, но висит ровно, как уставом предписано.

"Вот охламон", — подумал про себя капитан.

— Вольно, юнкер, не в строю, — улыбнулся Яков. Улыбка невольно получилась шире обычного, — рассказывай, где тебя носило?

Парень помешкал немного, оглядел присутствующих. Капитан, Сержант, хмурый Ганс, дремлющий в углу Лоренцо. Больше никого. Скопился на окно — закрыто. Убедился, что лишних ушей нет и начал рассказывать. Чётко, иногда путаясь в словах. Старался быть кратким, получалось лучше чем раньше, но далеко не всегда. Рассказ тёк, Яков хмурился, задумчиво теревил бороду старый сержант. Шипели дрова в печи. Вспыхивала, мигала жёлтым светом в лицо воткнутая в угол лучина. Серебром по чёрным доскам стола прозвенел орлёный кругляш. Это Рейнеке выложил на стол монету. Ту самую, найденную в крепости, из-за которой их чуть не убили вчера, в придорожном кабаке. Яков глянул на свет, повертел, передал сержанту. На вид — родная сестра монетам из ящика.

"Что за чертовщина, — устало думал капитан, — волки, французы, лисы, кроаты эти бешеные. Крепость. Змеиное, мать его, гнездо. Точнее — волчье. Нерушимого волко-лисье-французского альянса, уж не знаешь, кого больше бояться. Бастионы — звездой, пять

гранитных лучей на стороны света, пушки, подвалы, что запросто обернутся могилой неосторожному. И внутри — заговор и тайна. Тайна, черт её побери, опять мы в неё вляпались. Любит она нас... Эх, если бы нас так жалование да квартиры любили.

Сержант вполголоса усмехнулся. Яков опустил глаза, сообразив, что уже сколько-то времени думает вслух. Ганс молчал, Рейнеке тоже молча сверлил Якова глазами. Лицо у парня — не поймёшь, то ли радуется то ли совсем наоборот. От робкой надежды к упрямой решимости — полный оборот, как стрелка часов но куда быстрее. Ладно.... Пальцы капитана пробили марш по столу — будто команду "стройсь" бегущим вразнобой мыслям. Мысли путались и ходили гурьбой, как по плацу — новобранцы. "Сено-солома" — обругал сам себя Яков. Не помогло.

— Теперь сходится. Насчёт "перед богом и кайзером" . Вот тебе и пошутил. Эх, знать бы ещё, чьё это серебро... — проговорил он, медленно, давая ещё шанс своим мыслям.

— Вы удивитесь, капитан, но — ваше, — новый голос, дребезжащий надтреснувшим колоколом от двери. Яков машинально бросил короткое:

— Не смешно, — и только потом обернулся. Их светлость, графиня Амалия. Прямая и царственная, то есть как всегда. "Какого черта, — прошипел Яков, медленно закипая, — какой кретин заснул на посту?"

— Не ругайте солдат, капитан, у них приказ меня не задерживать, — проговоила их светлость с лукавой улыбкой, выходя на середину комнаты. Ласково кивнула всем. Рейнеке — отдельный кивок и добрая улыбка. Парень поклонился в ответ, лицо — камень. Могильный, без надписи. Факел плюнул огнём — в короткой вспышке Яков увидел, как побледнела ладонь юнкера, сжимаясь в кулак. Новый кивок. Их светлость прошла по земляному полу, гладко, скользя, как по паркету, улыбнулась и пояснила:

— Это ваши деньги капитан.

— В смысле? Ваша светлость, не понимаю вас

— Ваши, в смысле армии. В Вене решили — миру быть. Деньги нашли. В Швейцарии, у тамошних банкиров.

— Вы хотели сказать — в Италии, ваша светлость? — удивился Яков, твёрдо уверенный, что в швейцарских горах ничего нет, кроме коров, пик, наёмников и отморозков.

— Благодарите короля Филиппа испанского и друзей вашего сержанта по фландрской арми, капитан — в Италии больше нет банкиров. Разорились.

— А в Швейцарии?

— Благодарите вашего сержанта — теперь есть... Эти чертовы козопасы озолотились в войну, давая немецким городам деньги на выплату контрибуций — Тилли, Валленштейну, Мансфельду, Густаву-Адольфу, Пикколомини — всем... Под проценты, естественно, и проценты эти платить всем и ещё не одно столетие. А теперь казна их величества пошла туда же с протянутой рукой — воевать больше сил нет, а без денег вы, господа, не разойдетесь.

— Сочти силы свои, дабы с двумя тысячами не пойти войной на ведущего десять, — за спиной их светлости хищно лязгнула мушкетная полка. Оскалил зубы в усмешке сержант.

— Вы не кайзер, стрелок, — оборвала его графиня. Стрелок дёрнул подбородком. Прищурил глаз. Левый, будто прицел брал

— Езус-Мария, покарай еретиков. Ибо целуют книгу святую, но не читают, — прошептал тот. Графиня вздрогнула. Но тут же овладела собой. Кивнула, возвращая назад дежурную царственную улыбку.

Мы отвлеклись, господа. Серебро и золото идёт из Швейцарии — через Вену и Прагу далее, с сильными конvoями — по гарнизонам и военным лагерям. Один из таких конвоев вы видели вчера. А сегодня его видел Рейнеке — порванным в клочья. И это уже третий такой, пропавший без вести в лесах восточнее Эльбы...

— Дела... — задумчиво протянул сержант, хрустнув костяшками пальцев.

— Вот именно, сержант, дела. Государственной важности. Можно даже сказать — всемирной. Если деньги не дойдут....

" То их величествам останется только собрать ветеранов, выдать порцию макарон на уши — так, кажется, говорят в итальянских ротах — и послать строем на запад или ещё куда. Навстречу таким же бедолагам под французскими лилиями или шведским львами. Авось поубивают друг друга господа кредиторы. А те тоже не идиоты и будут не сколько воевать, сколько ходить кругами туда-сюда, разоряя страну постоем и контрибуциями. Ну уж...

Почему то вспомнился Мюльберг. Ратуша, башня с часами. Вежливый писарь. Разлетевшиеся по столу оловянные, литые фигурки. Шлюха и мертвец.

— Черта с два, — Яков встряхнул головой и подумал, что за десять лет такая круговерть надоела до чертиков. Ему лично. А остальным? Огляделся. Минутная вспышка прошла, стрелок Ганс статуей подпирает стену, едва не царапая потолок головой. Итальянец дремал, сержант все считал на пальцах и ругался вполголоса. Понятно ребёнку — что он считал, а ругательства ветеран загибал такие, что лучше бы заговорщикам на свет не рождаться. И Рейнеке посреди комнаты — этот тоже задумался. Крепко так, а потом на лице вспыхнула, заиграла вдруг звериная усмешка. "Чего это он? " — подумалось вдруг. Потом сообразил. И резко стукнул ладонью по столу.

— Итак, господа, поздравляю — наше жалование ждёт нас в крепости Гаунау. Жалование, враги и благодарность империи за раскрытие этого чертового заговора. Предлагаю зайти и забрать. Что скажете?

— Дело говоришь, капитан, — откликнулись сержант и хмурый стрелок — почти хором.

— Ваша светлость? — та кивнула.

— На благодарность империи можете смело рассчитывать. Но, поскольку в дело замешаны... мои подопечные, настоятельно прошу вас, капитан, соблюдать секретность...

Пауза, взятая графиней была красноречива настолько, что Яков продолжил мысль без труда

— А то благодарность империи будет столь велика, что нас всех, как щенят, раздавит. Поняли, Ваша Светлость, не в первый раз.

Пальцы Якова задумчиво пробежали по столу. В ритме сигнала: "Атака. Пики, в бой". Легко сказать. Крепость Гаунау — из новых, недавно построена. Бастионы — на все стороны, пятью лучами звезды гранитные стены, пушки и гарнизона — под тысячу человек. А просьба графини означает одно — подмоги не будет. Извольте, господин капитан, справится сами. Тем, что есть под рукой, то есть сотней пик, из них половина сегодня в ночь перераненные. Весело. Перед глазами искрой пробежала картина — крепостной парапет, мшистые камни, серое небо и серый снег. И чёрные, длинные дула крепостных пушек с ободками на стволах — пасти драконов, что спят и во сне видят шанс взречь и выпустить пламя.

"Ладно, на месте осмотримся, придумаем что-нибудь" — подумал капитан и махнул рукой — все, мол, свободны. Подхватил шляпу и рывком встал — захотелось выйти в ночь с

духоты, проверить голову.

Ночь встретила капитана ветром в лицо и терпким духом гари и дыма — с поля ещё несло запахом недавнего боя. Холод схватил за уши, протёк змейкой под воротник. Зато звезды на небе — россыпью льда. Ясные и большие, как перед рассветом. "Скоро уже, — невольно подумал капитан, — и рассвет и весна. Скоро". Вокруг плескалась тьма — густая и, как всегда в этот час, непроглядная. Противно хлюпнул мокрый снег под ногой. Грязный серый снег, надоевший капитану до чёртиков. Скорей бы весна. Осторожный кашель под ухом.

— Разрешите обратиться, герр капитан.

Яков обернулся — Рейнеке-юнкер. Высокий, в струнку — прямой, немудрящая одёжка почищена кое-как и уставно застёгнута на все пуговицы. Серьёзный до ужаса, на широком лице камнями — вытянутые упрямые скулы.

— А парень изменился за эту зиму, — чуть отстранённо подумал Яков, смотря на это широкое лицо. Вспомнилась осень, лагерь у городских стен и наивный до неприличия парнишка с удивлением в глазах и письмом, завалившимся за подкладку. Теперь удивление исчезло с лица и скулы сжало в кулак. Смотрит прямо. Уже не щенок.

— Герр капитан, — парень сделал паузу. Просто набрать воздуха в рот, — если крепость будут брать штурмом — прошу разрешения возглавить флорин хоффнунг (*передовой отряд из добровольцев).

Яков сморгнул: флорин хоффнунг, передовой отряд из сорвиголов. Застрельщики боя, лезут впереди всех, будто им жизнь не дорога. В отличие от тех флоринов, от которых отряд ведет название.

— Окстись, парень, это же верная смерть?

— Я знаю. Но и оставаться джентельменом без жалования тоже уже не могу. А идёт мир, другого шанса отличиться может и не представится.

— Будет и другая война на нашу голову.

— Может быть. Но не в этом году. А мне к ноябрю надо.... — лицо парня дрогнуло вдруг. Рейнеке сморгнул, на миг вернулось прежнее, детское выражение. В доме напротив хлопнула дверь, через улицу легла слепящая полоса жёлтого света. Юнкеру на лицо, плечи и рукава куртки. На ладонь, с прядью волос, обмотанных вокруг безымянного пальца. Длинных рыжих волос. Вроде кольца. "Рейнеке — юнкер с женой вышли из леса" — докладывал только что угрюмый стрелок. Капитан сложил в уме два и два и от души улыбнулся.

— Поздравляю, юнкер. Уже? — вырвалось само собой. Глупо до ужаса. Рейнеке пожал плечами в ответ:

— Не знаю. Рассчитывать надо на худшее, сами учили, капитан. Возможно. Но хочу быть готовым.

— Похвально... — капитан задумался. Крепко, — флорин хоффнунга тут точно не будет. Нас всего сотня, для лобовой атаки мало. Чертова крепость, не представляю пока, как мы в неё войдём.

— Раз мы с Анной вышли — значит вы сумеете войти, капитан.

— И то правда. Слушай, расскажи ещё раз, как вы вышли?

Парень улыбнулся вдруг. Долго так.

— Если быть точным, вышел не я. Меня вывели. Анна — может вам спросить её?

— Верно, чёрт меня побери, — прошептал капитан, гадая, почему такая простая мысль

не пришла в голову раньше.

— Тогда.. Тогда, парень, ноги в руки и бегом — попроси жену придти сюда. Вежливо. Поговорить надо.

— Хорошо, — Рейнеке отдал честь, развернулся и пошёл прочь. Твёрдо и плевать на лёд и липкую грязь под сапогами.

— А парень изменился, — подумал Яков, смотря ему вслед.

**

— А ты изменилась, подруга, — фраза Магды застала Анну врасплох. Она разбиралась по хозяйству как раз. И своему и юнкеровому, все попеременно. Пока их с Рейнеке не было в роте — Магда успела свалить все в кучу и перемешать. Раскладывай теперь, как надо, да не так, как было. Хорошо хоть не потеряли почти ничего. «Почти, — ругнулась Анна, но тут же поправила себя, — спасибо Магде, сохранила. А могли бы и пропить. Вполне. И кукуй тогда. Спасибо Магде»

Оная Магда сидела рядом, смотря как перебирает вещи вернувшаяся из ниоткуда подруга. Деловито. Свои разложила, за юнкеровы принялась. Помянула «одного хвостатого обормота» разок-другой незлым словом, разложила всё по порядку — чулки к чулкам и так далее. Завёлся порядок — даже приятно посмотреть. Это так Анна себе под нос пробормотала, выпрямляясь и оглядывая результат — руки в бока, из под платка вьётся и падает на нос игривая рыжая прядка. Четкие, плавные движения рук. Спокойный взгляд. Больше не испуганная девочка, не понимающая что, где и куда попала. Человек на своём месте. Стоит прочно, уверенно, как гвоздь в пазу.

Магда при виде всего этого откровенно рассмеялась:

— Быстро вы...

Анна кивнула, развела руками в ответ — ни к чему отрицать очевидное. Ладонь — на стол. Железное кольцо глухо стукнуло о доску. Магда потрепала ее по плечу и вышла, оставив Анну одну в тёмной комнате.

— Мой до утра в карауле, — бросила на прощание она. Простучали каблуки по неструганным доскам. Хлопнула дверь. Задрожал, склонился ветру, огонек сальной свечи в углу. Клубилась ночь за тёмными ставнями. Анна присела на лавку, огляделась, вытянула усталые ноги. Рейнеке задерживался — войдя в деревню они разделились с ним, парень пошёл на доклад к капитану, Анна — к Магде, разбираться. Разобралась. Все в порядке. Тока серого нет — носит где-то. Анна достала утаченную из крепости сумку, разобрала. Протерла, почистила, зарядила оба пистолета. Полюбовалась минуту тонкой работой, завернула в тряпку и убрала. Потом достала книгу — фолиант в переплёте из красной, тонко выделанной кожи. «Зачем я ее тащила?» — подумала вдруг, взвешивая в ладони тяжеленный том. Распахнула страницы. С конца.

Ровные строки, четким, витиеватым почерком.

«Рейнеке, сын Вольфхарда, барон фон Ринген. Род — волчак, Окрас — серый, рост — в холке два фута... («уже два с половиной будет, — подумала Анна потом скосила глаза вниз, на дату. Давняя, лет пять назад, — вырос серый») ... Характер спокойный, дисциплинированный. Обучение прошёл, отклонений в повадках не замечено. К участию допущен, ответственность — обычная» внизу — дата и подпись. Размашистая загогулина. М. Становой, доктор медицины...

— Интересно, — подумала Анна, подвинула ближе свечу и начала сосредоточенно перелистывать страницы. Ещё и ещё. За окном — темнота и ставшие родными звуки

засыпающего лагеря.

Осторожный стук.

Анна подняла голову, сообразив, что зачиталась. Мигала, плевалась удушливым дымом свеча, трещали поленья в печи. Хлопнула дверь. Рейнеке вернулся.

— Анна, привет. Капитан просит, — тут Рейнеке сморгнул и замялся, не зная как сложить мысли в слова.

— Один раз он уже просил. В Мюльберге, на стоянке.

Анна вспомнила, что было потом и невольно улыбнулась. Рейнеке тоже. И посуровел опять:

— В этот раз, действительно, просит. Важно.

— Ну, раз важно, тогда пошли. — сказала Анна вставая. К счастью, оказалось недалеко. Через заставленную обозными телегами улицу. Капитан улыбнулся и галантно подал ей руку. Как даме.

— Впрочем, я теперь и есть дама, — подумала Анна, вежливо здороваясь.

Потом пошли вопросы. Про крепость, старого барона, обеих Холле, французов — про все. Анна отвечала, осторожно подбирая слова. Чуть кружилась голова от свежего воздуха. Анна рассказала про похищение, побег, охрану. Вспомнила расположение пушек — как запомнила, разговоры солдат. Посты, попускавшие их по фиктивной бумаге. Капитан усмехнулся, кивнул и попросил продолжать. Анна порылась в памяти. Про украденную у французов книгу рассказывать почему-то не хотелось. Рассказала про кухню — просто, чтобы забить словами неловкую паузу. Помянула сержанта — их ротного сержанта, вспомнился он ей почему-то. Здесь Яков осторожно прервал её, переспросил. Потом ещё пара вопросов и еще. Анна чуть удивилась — офицер вежливо спрашивал её про еду, кухню, работавших там солдат. Мимо шёл по своим делам сержант, скрипя и хлюпая по грязи сапогами. Яков окрикнул его, попросил подойти. Они с капитаном обменялись парой слов. Сержант вдруг захохотал, сдвинув назад широкую шляпу.

А утром Яков дал сигнал — выступать. Люди выскакивали из протопленных за ночь домов, шурясь на серое, туманное небо. Скрипели повозки, хрипели и били копытами ширококостные обозные лошади. Разворачивали обоз — с главной дороги на боковую, что вела к крепости Гаунау. Люди строились — сотня, без малого осталась в строю. Ещё несколько — ранеными в обозных повозках. Забил барабан. Лоренцо тащил чехол со знаменем в голову колонны, смешно прыгая по лужам дырявыми сапогами. Яков зевнул, подумал:

«Отрадно, конечно, что молодые взялись за ум, но...» — оборвал мысль, обозвал сам себя старым дедом и обернулся — их светлость графиня Амалия шла к нему, явно намереваясь поговорить:

— Доброе утро, капитан, — кивнула она, оглядывая царящий вокруг хаос.

— Доброе, ваше светлость, — кивнул Яков в ответ, — только могло быть и попозже... Последнее, из соображений благоразумия, было сказано не вслух.

— Что надумали с крепостью, капитан?

— Возьмем.

— Как?

— Просто. Считайте, взяли уже, — ответил Яков походя, отвлекаясь на сцепившиеся осями повозки — кидаться с разносом или погодить, разберутся сами? Разобрались. Яков помолчал и добавил.

— Вы, Ваша светлость, лучше подумайте — что дальше делать? — похоже, тут Якову удалось их светлость изрядно удивить. Даже сменила тему:

— А где мой крестник? Рейнеке? Хотела бы с ним поговорить.

— Не получится. На задании он. Отбыли на заре, до подъема.

Чисто формально, капитан немного напугал. Рейнеке с Анной были ещё у себя. Задание им обоим поручено было важное, выходить следовало в чистом, при параде. А найти что-нибудь в наведённом Анной порядке было для юнкера задачей непростой. Куда сложнее чем то, что им поручил капитан — крепость Гаунау взять, об исполнении доложить. Не больше, ни меньше.

4-14

Дело

С неба на мир падал снег. Серыми, липкими хлопьями летел, кружился, падал сверху на этот мир — на поле, лес и тёмные камни крепости Гаунау. Ложился вниз — мокрой жижей днём, серым саваном — ночью. Крепость спала. Небо — тёмное, сырое небо смотрело на неё вниз, на бастионы звездой, высокую башню, длинные пушки и жмущихся к стенам людей. Тоже серых, в цвет камня и снега, угрюмых солдат, прячущихся от снега и тоски по казармам, караулкам и кабакам. Впрочем, не все. Как раз сейчас, на третьем бастионе, внизу, у калитки тайного выхода угрюмый черноусый вахмистр как раз подписал Рону, рядовому егерей, пропуск на выход. За взятку, естественно. Но малую. Чубарый Рон был хороший стрелком а, стараниями их милости коменданта, жрать в крепости было совершенно нечего.

— А ты ж мать твою ети, — от души выругался чубарый егерь час спустя. Поскользнулся, нога поехала по снегу. А под снегом — лёд и чёрная грязь, дырявый сапог хлопнул. По ноге потекла ледяная вода — противной холодной струйкой. Лязгнуло ружьё на плече. Рядовой пошатнулся, но устоял. Огляделся — вокруг снег и лес, серая волна падает с неба, кружится, замечает следы. Пропаханное сапогом чёрное пятно затягивалось на глазах. Шумел лес. Сквозь деревья — черные пятна вдали. Валы бастионов, гранит в снегу, как в тёплой овчине. Белой, пушистой, мехом наружу. Издалека донёсся чуть слышный, тоскливый вой. От стен.

— Дожили, в лесу и то теперь спокойней, — выругался парень ещё раз, поправил ладонью пшеничный чуб и зашагал прочь. Хорошо хоть, унёс черт кроатов, теперь можно без опаски выходить. Вчера парень поставил в чаще силки — может попадётся что к ужину.

— Вот черт, — выругался он ещё раз, когда дошёл до знакомого по прежним выходам места. Ставил там парень силки вчера, поперек звериной тропки. Хорошо ставил, на совесть, добротнo. Вот только... Рядовой повертел озадаченно повертел обрывок верёвки в руках.

— что за шутки? — прошептал он, морща лоб и оглядываясь. Петля срезана. Ровно, будто ножом. Если бы заяц вырвался — разрыв был бы другой, лохматый. А так, будто подшутил кто. Рядовой огляделся еще раз, словно пытаясь углядеть шутника между ёлок. С мягким шелестом осыпался снег. Задрожали, качнули иглами еловые ветви. И вдруг — ещё раз, тихим шорохом из-за спины. Парень вздрогнул — вдруг, холодный снег пробежал по позвоночнику тонкой струйкой. Обернулся — резко, на каблуках и облегчённо выдохнул, сдув с носа пшеничный чуб — показалось. Просто ветка под ветром дрожит и звенят — качаются намёрзшие на иглы ледышки. Вдруг в уши прокрался рык. Низкий, чуть слышный рык. Будто на мягких лапах. Парень вздрогнул и обернулся опять. Быстро — аж слетела с головы шапка. В углу глаза — движение и серая тень. И тут же — пара красных, горящих

глаз. Рука потянулась, рванула ремень на плече. Приклад ударил по ногам, зазвенела, зацепившись за пояс, ружейная полка. Захрустел под лапами снег. Сверкнули клыки — жёлтые, кривые клыки в полумраке. На Рона шла серая тень, сминая снег и лёд кривыми когтями. Лохматая шерсть — на загривке дыбом. Волк. Огромный серый волк. Сердце пропустило удар. Приклад упёрся в плечо. Зверь мотнул головой, подбирая для прыжка лапы.

— Господи, помилуй, — прошептал рядовой. Лязгнув, откинулась на винтах ружейная полка. Кремень пошёл вниз. Зверь прыгнул. Вдруг, распластав в полете мощные лапы. Пальцы мягко потянули курок. И удар в грудь бросил рядового на землю. Рон упал, сжавшись и закрывая горло руками. Мягкий шлепок — рядом, полкой на грязь упало ружье. Извернулся кошкой — встал. Вначале — на колени. Зверь стоял рядом, в воздухе — флагом реял пушистый хвост. Но не нападал, лишь скалил в лицо клыки, как показалось Рону — насмешливо. Выбитое из рук ружье лежало рядом. Совсем. Протяни руку... Рон и протянул. Медленно, по долям дюйма. Зверь мотнул головой — справа налево, как человек. Оскалил пасть — не пытайся, мол, даже. Зря. Рон уже и сам понял, что зря — полка открыта, запал в снегу и грязи, слипся в кашу затравочный порох. А зверь встал на лапы и махнул головой ещё раз. Будто идти приглашал. Рон встал. Дрожала земля под ногой. Да нет — это ноги дрожали у рядового. Сделал шаг. Другой. Голова кружилась.

— Куда идти? — спросил он вдруг, неожиданно для сам для себя. Зверь зарычал, отпрыгнул, мотнул головой. Словно показал — куда. Во тьму, меж еловых стволов. Рон моргнул раз, другой. Вроде бы — да, там огонёк. Рыжий, тёплый огонь костра. И, у огня — словно белая тень. Сверкающе-белая, у рядового на миг заслезились глаза. Нет, рыжая — Рон увидел тонкий стан, плечи, красную шапку и сверкающие огненно-льдыстым блеском в ночи волосы. Тень улыбнулась, протянула руки — к нему. Ладонями вверх.

— Здравствуй Рон. Есть будешь? — рядовой пошатнулся, схватился за ствол. Сморгнул раз, потом другой — узнал. Странно было увидеть её здесь, в лесу у огня. Неделю назад он вёл её на кухню. Растерянную, потерянно оглядывающуюся по сторонам. А сейчас... Анна улыбнулась ещё раз, приглашающе махнула рукой — садись, мол, парень. Поговорим. На огне — котелок, щекоют нос вкусные запахи. Анна протянула ему ложку. Вежливо, тонкой рукой. Серый зверь прошёл мимо, потянулся и лёг Анне у ног. Ложка так и осталась висеть. Рядовой застыл с протянутой рукой, оторопело смотря на то, как Анна ласкает и чешет огромного зверя за ухом.

** **

— Я бы все-таки хотела поговорить со своим крестником, — этот вопрос оказался для капитана Якова Лесли очень не вовремя. Как и все в последние дни. Колонна растянулась, звенели оружием и ругались первые ряды, в хвосте — тархтели и скрипели осями повозки. Шли к крепости, по следам кроатов — загнанным, мёртвым коням на обочине, расстрелянным зарядным ящикам, брошенным сумкам, окровавленным тряпкам в придорожных кустах. Раненные в обозе кричали и ругались на чем свет стоит. Капитан забегался весь, по десятку раз в час проходя с головы в хвост колонны и обратно — следил, подгонял, ругался — на Московитский манер, страшно, истово. Времени на разговоры у него не было. Совсем. Даже для их светлости, графини Амалии.

— Так где мой крестник, капитан? — графиня почему-то была уверена в обратном. Яков хотел было выругаться, но передумал. Снял шляпу, обмахнул запотевшее лицо и ответил.

— Прошу прощения, ваша светлость, но он на задании. Я же говорил.

— да... — графиня сделала вид, что удивилась. Как будто слышала эту фразу в первый, а не в десятый раз

— И что за задание, можно полюбопытствовать?

— Крепость взять, об исполнении доложить, — коротко бросил капитан. Уже через плечо срываясь с места. В обозе опять гам, крик — две повозки сцепились осями. Яков побежал туда. Утихла ругань, пара коротких команд — повозки растащили, порядок восстановился. Колонна продолжала путь. Яков вернулся к их светлости — вытирая на ходу руки. Скрипели и хлюпали по снегу разбитые сапоги. Графиня встретила его как всегда, невозмутимой улыбкой и вопросом:

— Целая крепость на одного маленького Рейнеке? Не многовато ли?

— И его рыжую. Итого двое, не забываете, — не поворачиваясь ответил капитан, и лишь потом вспомнил о манерах.

— Простите, Ваша светлость. Но сейчас мне, действительно, не до разговоров. Рота...

— Понимаю. Кстати, а где ваш сержант? Гляжу, вы бегаєте за двоих сразу.

Капитан развел руками и сердито вздохнул:

— Да уж, есть человек — не замечаешь, а стоит отлучится — хоть караул. Занят он.

— Тоже на задании? — спросила графиня улыбнувшись — лукаво, будто понимающе.

— Нет, свидание у него, — бросил Яков через плечо и побежал разнимать очередной затор. Не обернулся, а зря — в первый раз за жизнь увидел бы их светлость графиню Амалию в недоумении.

**

Корвин, вахтмейстер крепости Гаунау тоже пребывал в недоумении. Полном. "Эх судьба, шлюха старая, пошутила на старости лет, — сердито ворчал под нос ветеран, шаркая ногами по серому камню. — Нашла, понимаешь для юмора объект. Или над кем шутить, если попросту. Вначале в крепость загнала, в мешок каменный засунула и веревкой привязала. Потом их милость генерала послала — вовек бы той милости не видать. И ведь действительно — не видать. Уже с неделю как, аккуратно после той шутки с приبلудной девчонкой и ее милым дружкой из каземата". Тут Корвин невольно улыбнулся в усы. Дернулся болью шрам на лице — улыбка получилась злая, волчья. Хорошо его достал тогда господин комендант. Тростью, на площади. Хорошо. И даже не обернулся посмотреть, кого ударил. Вот и Корвин — ночью, когда беглецы уносили ноги — он тоже взял и не посмотрел. Ибо...Весёлая, словом, получилась шутка — усмехнулся вахтмистр ещё раз. Вот только господина коменданта после неё никто не видел. И внутренний двор закрыт на ключ, ржавеет в снегу заклепанная наглухо решетка. Стражу солдатскую сняли, кроатов поставили, внутрь запретили заходить. И воеет там что — то ночами, как волк на луну. Глухо, яростно. Так, что крестятся и бледнеют не только новички но и бывалые ветераны. Корвин, от греха подальше внутреннюю стражу вообще убрал, пехота днем жалась к стенам и обходила внутренний двор десятой дорогой. А ночью вообще... Хорошо хоть стены каменные, да решётки стальные. И то, пока заснешь — десять раз перекрестишься. А вчера чёрт опять обоих Холле обратно принёс. Битых — у старого Корвина на такое взгляд наметанный — но от этого вдвое надменных и злых. Начальство на его голову. И жрать нечего....

Тут старый вахтмейстер обернулся. Узкие коридоры, камень вокруг, тишина да вода со сводов каплет. Медленно, мерзко так. Никого. Впереди — тусклый свет. Очередной пост. Хриплый кашель — от сырости болели лёгкие. Пахнуло серой — вдруг. Вахтмайстер

поморщился — нет показалось. Память о давних днях. Фландрия, Бреда, подкоп. Еретики тогда достать не смогли — так сейчас крепость доконает. В бойнице — длинная серая тень. Северо-западный бастион, горжа. Пока все обойдешь — а обойти надо, на то Корвин здесь и вахтмайстер — главный по патрулям и прочей страже. Положено. И все равно — пока обойдешь — в животе кишки такое спляшут... А обойти надо, на то он и вахтмайстер тут. Даже не ради генерала или Холле — прорвались они пропадом — а просто, чтобы себя потом уважать. Ибо...

— Когда обойду — как раз Рон вернётся, — бурчал под нос ветеран, проходя очередную стражу, — парень справный, чего-нить да принесёт. И делится обучен...

Угол, пост, поворот. Камень вокруг — рыж и кроваво — красен. Серая известка, чёрная вода — полосами. Огонёк фонаря в руке колышется, бросает рыжие пятна. Все в порядке. Вроде. Коридор изгибается, уходит налево углом. И оттуда — голоса и негромкий шелест.

Вахтмайстер подобрался, отставил фонарь и — мягким шагом, тихо, скользнул вперёд, положив руки на эфесы клинков — шпаги и старой испанской даги. Голоса впереди стали четче, уверенней. Один он узнал. Рон, егерь, чубарый смешной паренек. Кто с ним? И Какого черта он вернулся?

**

— Так как же вы возьмете крепость, капитан?

— Просто, ваша светлость. Помните сказку — сезам, откройся? Как — то так. Подойдем, постучим, скажем волшебное слово.

— Какое?

**

— Старый козёл, — изумленно выдохнул вахтмайстер Корвин, узнав Рона и его спутников. Кухонная девчонка — та самая, ее милый из каземата и рядом — грузный, что твой медведь, здоровяк, заросший до глаз бороною.

Пауль Миллер, майстер-сержант, Корвинов старый, еще по осаде Бреды приятель.

— Сам козёл, — бросил тот. Улыбнулся и протянул руку, — привет. Рад, что живой. Есть дело...

4-15

Внутри

Следующий день. Уже, вечер, небо чистое, для разнообразия, без унылой серой пелены. Багровое, закатное, расчерченное на тонкие полосы облаками. Опять дорога, лес, и надоевший до чертиков снег. Мокрый, чернеющий снег, рассыпавшийся в в мокрую хлябь под сапогами. Рота шла — из последних сил. Шла... Капитан стоял, пропуская ряд за рядом мимо себя. Оглядывал хмурые лица, повозки, оружие в закутанных от мороза руках. Живым олицетворением порядка и дисциплины. Хотя, на самом деле — просто сухое место под сапогом, отдохнуть захотелось.

— Не пора ли командовать привал, капитан? — их светлость. Опять. Привык Яков слышать под ухом ее чуть надтреснутый, дребезжащий голос. Вечная загадка, с издевательством пополам. Даже не удивился. А вот она сейчас удивлена, похоже. Наверное, тоже привыкла, просчитала время, не хуже сержанта знает, что пора. Не раз шутила, что по Якову можно сверять часы. Но не сейчас. Сейчас — из-за поворота долетел свист и протяжные крики. Стена деревьев впереди поредела, распалась. Вместо елок пошли липы. Их тонкие стволы, словно скелеты с опавшей листвой. А сквозь них плещется багровое небо и поле. И длинные, седые от снега валы. Дозорная башня — тонкая, как палец грозящий

небу. Караульные башенки по углам — низкие под сводчатой крышей. Чёрная полоса воды. Ров. Крепость Гаунау.

— Дошли, — выдохнул капитан, тряхнув головой. Перед глазами — видением — чугунные тонкие стволы, змеиными, черными пастями — дула. Цепляются в землю лафеты — прочно, как лапами лев. Спят. Ждут. Капитан поежился ещё раз, проклиная себя за дурацкую мнительность.

— Будете разбивать лагерь, капитан?

— Зачем? — капитан поднял бровь вверх, надеясь, что жест сойдет за удивление

— Зачем ждать? За стенами нас ждут нормальные каменные казармы. Дрова и жалование. Я не медведь, чтобы спать под снегом, — упрямо повторил капитан. Стена выростала на глазах — укутанный снегом гранитный вал. Грязно бурые и серые камни. Мимо прошел сержант, махнул рукой. Поднял большой палец вверх — все нормально, мол. Над стеною — редкие дымки. Капитан тряхнул головой ещё раз, прогоняя с глаз ждущие команды "огонь" дула.

— Как вы думаете, их превосходительство, здешний комендант будет рад нас видеть? — усмехнулся Лесли, разгоняя дурман, — кстати, почему о таком генерале никто в армии никогда не слышал?

— Генерала он получил за совсем другие заслуги. Какие — Вам не обязательно знать... — ответ прозвучал так буднично, что взбесился бы и святой. Яков напомнил себе, что, по народному поверью, шотландцы произошли из камня и постарался ответить так, чтобы не поставить родственника:

— Почему же... Или ... — очевидно, в роду у капитана Якова Лесли были какие-то особо горячие камни. Ехидный шутка про усы, лапы, хвост и прочие достоинства коменданта родилась вмиг. И тут же умерла, не успев вырваться наружу. Редкий строй прорвался, на капитанских глазах и навстречу им шагнула высокая, прямая фигура.

Подошёл Рейнеке, в уставном приветствии вскинул руку к виску. Доложил — коротко, подчеркнуто игнорируя их светлость:

— Все в порядке, герр капитан. Приказ выполнен.

— Хорошо, поблагодари жену от моего имени.

Рейнеке кивнул. Графиня стояла у Якова за плечом, но даже отсюда капитан чувствовал ее удивление. Полный лютого любопытства взгляд сверлил то юнкера, то капитана. Рейнеке — тот тоже стоял статуей, делая вид, что никакой их светлости тут нет. Любимый крестник, мать его волкодав. "Какая кошка между этих двоих пробежала?"

— Рада вашему оптимизму, капитан, но для взятия такой крепости, по расчетам гофкригсрата нужно десять тысяч человек и осадный парк.

Капитан слегка ухмыльнулся — маленькая месть за бесчисленные "вам не обязательно знать" душу немного, но согрела.

— У нас есть Рейнеке и Анна. Сойдёт. Пойдемте, Ваша светлость, вам будет любопытно. Наверное.

**

За стенами — шум и глухой, притушенный валами и камнем ропот. От ворот — к валу, эхом от стен, от шепота — к сполошному крику. От поста к посту, от ушей в уши. Пролетел, обернулся в коридоре стуком сапог, тяжёлым дыханием и прилетел на обзорную площадь, прямо в уши майора Холле. Кроат дернулся на звук, обернулся — посыльный, невысокий, чубарый паренек в потрепанной накидке егерей, вскинул к виску ладонь, сделал пару вдохов,

по-рыбьи раскрывая рот — переводил от бега дыхание. Перевёл. И доложил.

— Герр майор. Там...

— Комендант, в отсутствие мастера Вольфхарда, — рывкнул Холле, оправляя плащ, — сколько вам, остолопам, говорить можно.

— Хорошо, герр комендант. Там у ворот... Парень замялся, сдул с носа длинный, пшеничного цвета, чуб. Холле повернулся. Вдали, за стенами — серая полоса. По полю от леса к воротам — длинная змея из людей и повозок. Пехота. Холле бросил лишь беглый взгляд.

— И что? Пусть себе идут... мимо. Чего хотят?

— Открыть ворота.

Холле замер на миг, пытаясь понять, как этот щенок смеет над ним издеваться.

— Ещё чего...

— Только они не просят, герр майор... Комендант, простите. Требуют. Именем императора.

— Какого... — начал было Холле и недоговорил. Ропот и гул голосов снизу стал глуше. И разом — отчетливей. Резче. Закричали в одной стороне, потом в другой. Крик пролетел по плацу, от стены до стены и замер, оборванный парой коротких, лающих звуков — команд. Холле — плащ крылом за спиной — кинулся от стены к стене. К той, что нависала над двором каменной галереей.

— Какая сволочь без приказа командует? — прошептал он, кривя губы. Пальцы впились в парапет. Истоиво, до белых костяшек.

Вахмайстер внизу строил почётный караул. Холле сверху видел, как дергаются его черные усы, взлетают и падают вниз руки.

— Какого черта? — рывкнул Холле. Ветер налетел, закрутил плащ, кинул майору в лицо снег и ледяную, мелкую крошку. Заслезились глаза. Майор отвернул голову. Орудийная площадка — внизу. Тонкие дула, лафеты, черные стволы глядят в поле, перед воротами. Как раз на ползущую по полю толпу. Один залп. Холле мысленно поблагодарил бога за удачу а себя — за предусмотрительность Час назад приказал зарядить картечью. Для учений. Один залп. Всего. Холле открыл было рот — скомандовать "огонь". И закрыл, молча, так ничего и не выговорив. Пушки стояли на дворе брошенные, одни, сиротливо щуря стволы в далекое небо. Пушкари, бросив орудия, спешили вниз. Без команды, без строя — толпой. Упал в снег, зашипел брошенный пальник. Плюнул сизым дымком и погас. Снизу — удар и протяжный скрип. И стук сапог. Ворота открылись.

Рука Холле дернулась в к поясу — судорожно. Схватила плетку. Потом пальцы опомнились — перепрыгнули рядом, на эфес. Двое рядовых пробежали мимо. При виде майора — не обернулись, лишь взяли правее, обогнув бледного от ярости Холле по широкой дуге. Даже не прервали разговор. «Жалование, — пролетело в уши майору короткое слово. И ещё, — тридцать лет. Надоело».

Майор Холле потянул саблю вон — судорожно, уже понимая, что не поможет.

— Какого черта? Я командную ..., — рывкнул Холле, раздувая ноздри. Крик взлетел, смялся и канул. В пустоту над крепостным плацем.

— Но платит — то император, — развел руками посыльный. Сдул с носа пшеничный чуб и ушел, удивляясь, что важный господин майор столь простых и очевидных вещей не понимает.

Снизу, со двора — опять стук сапог. Уже осмысленный. Потом лязг и отрывистый

голос:

— Майор Холле, сдайте оружие. Майор обернулся. Навстречу ему, из полутьмы крепостных коридоров шагнул человек. Холле его узнал. Яков Лесли, капитан пехотной роты. Той самой. Холле оскалил зубы: "Привет, капитан"

С тихим шелестом скользнула из ножен кривая турецкая сабля.

— Холле, не дурите, — бросил Яков, шагая вперёд. Ещё. Лицо у майора — белое от гнева и унижения. Пальцы на эфесе светло, сабля застыла, на половине длинны от свободы.

— Ваши далеко. Крепость взята. Вы не прорветесь, майор, — сказал Яков ещё раз прямо в это лицо. Не хотелось Якову устраивать драку сейчас. Уже после победы, так на потеху. Да и графиня просила этих Холле поберечь.

— Они редкие, — вспомнил вдруг капитан. Сделал ещё шаг, надеясь, что разум в майоре проснется. Вдруг, снизу, раскатом пролетел крик "ура". Ещё и ещё, эхом от валов, стен и башен. Холле вздрогнул, невольно бросив взгляд в ту сторону, через парапет. Яков — тоже. И даже сморгнул на миг. Вахтмайстер крепости решил слегка польстить въезжающим в крепость господам — или что там ему наговорили. Наскоро построил солдат, встретить криком "ура" въезжающую в крепость карету их светлости. Немного ошибся — торжественный крик достался обозной повозке с Анной на козлах. Рыжим пламенем — волосы по плечам. Холле обмяк. Как то сразу и вдруг. Зазвенела по камням брошенная Якову под ноги кривая восточная сабля.

— Ваша взяла, — прошептал он — в никуда, пустому серому небу. Огляделся — ещё раз, будто искал пути для бегства. Не нашел, поник, сунул руку в карман.

— чёрт возьми, а если сейчас перекинется? — спросил сам себя Яков, — у всех на глазах? Что тогда солдатам врать будем?

Из-за спины — опять стук сапог. Рейнеке — юнкер. Холле перевёл на него глаза, дернулся, руку из кармана убрал.

"Так-то лучше", — подумал Яков про себя, улыбнулся и сказал уже вслух:

— Ладно, Холле, подурили и будет. Скажите, где французы и серебро...

При слове серебро майор дернулся. Собрался, сощурил глаза. Оскалились зубы — хитрым, лисьим манером.

— Серебро, говорите... Пойдемте, господа, покажу...

С обзорной площадки бастиона спустились втроем — Холле впереди, руки за спину, Яков Лесли и Рейнеке — сзади. Вниз, через площадь, по сизым, скользким от снега камням — к внутреннему двору. Тому самому, за чёрной решеткой. По дороге к капитану за спину пристроился сержант, потом хмурый стрелок и Лоренцо. К решетке подошли уже хорошей толпой. Знакомый Анне каретный сарай, потом ворота во внутренний двор — козырек и арка серого камня. Витые столбы. Частый, переливчатый звон — на брусчатку вниз, с козырьков падали капли.

"Скоро весна", — подумал вдруг капитан и огляделся. Вокруг него — только свои, солдаты из роты. Люди вахтмайстера отстали и держались поодаль. Шум умолк, в спины его людям косились — опасно.

"Чего это они?" — подумал было Яков. Мысль умерла. Решетка впереди дрогнула и зашаталась. До Лесли донесся длинный, пронзительный звук. Оттуда, из тьмы за решеткой. Донесся, пробежал по ушам, отдаваясь в спине неприятной дрожью. Лязгнула сталь. Яков дернулся, потом сообразил, что это его собственный клинок звенит в ножнах. Рука дернулась, стиснула эфес. Спереди — опять удар и, тут же шелест песка. Яков невольно

сморгнул, увидев, как гнутся в пазах кованые прутья решётки.

— Что это? — прошептал он, отступая на шаг. Щелкнул курок. Резкий, лающий смех — это, прислонившись к стене, засмеялся майор Холле:

— Разрешите представить вам местного коменданта. Их милость барон Вольфхарт фон Ринген, собственной персоной.

Новый удар, решетка трясется и ходит в пазах. Ворота, арка, полутьма впереди, под козырьком. Глаза скользят, не в силах схватить контуры трясущей решетку фигуры. Тяжелые лапы, на загравке — клоками шерсть. Двумя угольками — глаза. Низкий рык рванул воздух опять, ввинтился винтом в уши.

— Похоже, он рад вас видеть, — засмеялся Холле. Якова передернуло — смех был похож на лай. Зверь взревел. За спиной — шепот и лязг. Мушкетер Ганс развернул стрелков в линию. Сошки уперлись в камень, полки открыты, в скобах зажаты тонкие, дымящиеся фитили.

— Стрелять по команде, — рывкнул Яков и шагнул вбок, освобождая мушкетам линию огня. Тень впереди почуяла дым, прыгнула в сторону. Задрожала решетка. Зверь исчез на глазах.

— Что у Вас тут, Холле, за чертовщина творится? — спросил капитан, переводя дыхание.

— Их милость, господин комендант. Немного не в себе, после общения с сыном, вы уж извините. Можно понять старика, молодежь нынче такая непочительная... — Холле отвечал, откровенно издеваясь, скалил зубы, глумливая улыбка плясала по лицу. Капитану очень захотелось его ударить. Но, вместо этого он огляделся — слава богу, чужих нет, только свои, посвящённые в тайну. Хорошо, не придётся лишний раз наводить тень на плетень. Рывкнул команду:

— Все оцепить, лишних не пускать

— Уже, — доложил сержант. Яков оглянулся — точно, парни из роты — тройным кольцом вокруг. Подумал ещё раз, пытаясь прикинуть, что делать дальше. Холле откровенно скалился, стоя у стены. Его все происходящее веселило.

— Рекомендую послать щенка вперед, — проговорил тот, — Они с папой в прошлый раз недоговорили слегка... Да и невестку для их милости было бы неплохо рассмотреть поближе.

Вперёд протолкался Рейнеке-юнкер. Прямой, собранный. Бледный немного, но — держится хорошо. Козырнул.

— Разрешите обратиться, герр капитан.

— Слушаю

— Чертов лис... Майор Холле прав. Извините, но это и впрямь семейное дело. Разрешите пройти вперёд...

Вот тут Яков разъярился не на шутку:

— Семейное дело? Три фута в холке, клыки, что рейтарская сабля и хвост — это у вас семейное, юноша, да? Нет уж, стойте здесь, ждите команды и не лезьте, куда не просят, — тут Яков заметил, как у парня дернулось лицо и сбавил тон. Слегка, — успеете гробануться, вы ж теперь женатый, юноша...

Заметил Анну, сосредоточенно пробирающуюся к решетке с какой-то тряпкой в руке и рывкнул опять:

— И жену держите, пока тоже не нарвалась. Я с вами скоро сам озвереею, хвост выращу

и загрызу кого-нибудь...

Тут Яков выдохнул и подумал. Туннель под аркой был тих, молчал внутренний двор, лишь гонял снег и след по камням зимний ветер. Зверь затих. Затаился должно быть. "Может, обойти?" — подумал Яков и отверг эту мысль. В замковых коридорах их капающая слюной милость куда опаснее, чем на плацу, под дулами мушкетов. Вообще, в предложении парня резон был — зверя спустить на зверя. Старый барон, на вид куда страшнее и больше, чем юнкер в образе, но тут Рейнеке и не надо побеждать — просто выманить на чистое место, под выстрел. И все же...

"Посылать сына против отца — грех будет на мою душу, — угрюмо подумал Яков, — А их там и так... Да и солдатский залп, скорее всего, убьет обоих. Нет, надо думать дальше"

Тут Яков огляделся ещё раз, заметил все так же скалящегося майора Холле. Из за решётки — новый рев. Зверь еще здесь, затаился. Ждёт. Капитан поймал глазами майоров взгляд и тоже оскалил зубы:

— А вперёд мы чертова лиса пустим, — улыбка майора пропала враз. Зато улыбнулся Яков. В ответ.

— В конце — концов, чье начальство озверело, майор? Надо было беречь...

И тут новый голос хлестнул по ушам. Резко, хлыстом — по нервам.

— Отойдите все.

Яков перевёл глаза. Их светлость. Ну, конечно. Мир трясется, чудеса бегают, начальники звереют — и все это вдруг без неё?

— Откройте решетку и уберите людей, капитан, — их светлость прошла вперёд. Все так же невозмутимо. Только...

"Только голос у неё какой-то не такой" — подумал Яков. Половиной мозга, вторая судорожно искала вежливую форму к словам "а в уме ли вы?".

Из полутьмы прилетел новый рык, ударил, отразился эхом от стен, скользнул людям в уши. Кто-то в ряду суетливо дернулся — перекрестился. Запутался в руках. Жестью по камням прозвенела упавшая сошка. Сержант выругался — страшно, не выбирая слов.

— Я знаю, что делаю, — добавила графиня, не повернув головы. Только дрогнула лента на шляпке. Вдруг. А потом она обернулась и добавила:

— Пожалуйста.

Для Якова Лесли это слово в ее устах было странно, настолько, что капитан с трудом открыл рот. И выговорил краткое: "выполнять".

Лязгнул замок. Потом скрип — протяжный, выворачивающий душу скрип ржавого железа в петлях. По брусчатке — мелкой дробью шаги. И навстречу — рык и клацанье когтей. Зверь вышел ей навстречу. Показался людям во всей красе — огромный, заросший шерстью от ушей до хвоста с пышной метелкой. Под шерстью вьются узлами мощные мышцы. Красные, злые глаза. Клыки — кривые, кроатской саблей. Яков с удивлением услышал, как лязгнули зубы во рту. Его собственные, капитанские, зубы.

За спиной — короткий стук, лязг курка и осторожный шепот: "освободите прицел, капитан". Мушкетёр Ганс.

И тут же другой:

"что же ты так, — капитан вдруг понял, что говорила их светлость. Не говорила — шептала и ласково. Зверю, застывшему перед ней, — что же ты так. Смотри, как похудел"

— Капитан, освободите прицел, — Ганс за спиной уже не кричал — орал в голос. Яков остался стоять. На его глазах фигура их светлости подошла к замершему статуей зверю.

Протянула руку. Тонкую, высохшую — веточкой на фоне дуба. Коснулась шерсти, погладила. Потрепала за ухом. Яков сморгнул — на миг показалось, что графиня собирается поцеловать зверя в нос. Нет, не показалось. Действительно поцеловала. И, под ее рукой поплыли, смялись на глазах контуры зверя. Яков на миг зажмурил глаза — не годится человеку видеть такое чудо.

— Как же так... как же так, — прошептал под ухом Рейнеке-юнкер. Парень смотрел на все это замерев и глаза у него были — ошалевшие даже больше капитанских.

— Как же...

— Не знаю, — прошептал ему Яков. Тряхнул головой, разгоняя из глаз муть и ошеломление. «Тяжелый сегодня день», — угрюмо подумал он. В оцепеневшей голове мысли ползли медленно. Устало, как пехота в снегу. Тяжелом и мокро в предчувствии лета.

— Не знаю. Жизнь длинная, парень, увидишь и не такие чудеса, — проговорил он еще раз, глядя на то, как Анна, жена Рейнеке протягивает свернутый плащ лежащему в снегу человеку. Вольфхарду, барону фон Ринген.

Постоял, посмотрел. Пожал плечами. Легонько толкнул парня в спину — иди, мол, туда. Разбирайся. Твоя семья, твое, теперь, дело. Семейное. С хвостом. А сам свистнул — легонько. Сержант подошел — сразу, будто команды ждал. Пара слов — и у решетки на всякий случай встал караул. Как бы случайно — с дымящимися фитилями и шпагами наголо.

А Яков с сержантом развернулись и пошли прочь — дела не ждали. Уже не семейные а их, роты, дела.

— Слушай, жалование найдем — что делать будешь? — спросил Яков, дергая за ручку тяжелую дверь внутренних покоев.

— Сапоги куплю. — Пробурчал сержант в бороду. Примерился, покачал головой, ударил с маха. Дверь дернулась и распахнулась. Сержант выругался, подогнул ногу и посмотрел на сапог. Так и есть, каблука больше нету,

— Сколько можно — трем королям служу и все в одних и тех же.**

Яков присвистнул, услышав эти слова:

— Да ладно, ты же не такой старый.

— Я — не старый. Это короли нынче дохлые.

(** Надеюсь Аарон Томас, моряк с HMS "Всплеск" не обидится на меня за покраденнук из его мемуаров фразу.)

Эпилог 1 - Расстановка

Крепость засыпала. Медленно, натужно, под звон стали, стук сапог и протяжные крики караульных. Черные пушки, башни и серые камни бастионов смотрели на людей свысока — бегают, суетятся. И пусть, лишь бы посты занимали вовремя, согласно приказу. И в кабинете коменданта, подмигивая, горел огонек — олицетворением порядка. Служба идет. То, что за отсутствием генерала фон Рингена и майора Холле, посаженных под арест, кабинет занял капитан Яков Лесли — камням плевать. Солдатам, в общем, тоже. Власть есть, жалование выдано, или будет выдано вскорости — значит, служба идёт своим чередом. Будто сегодняшний безумный день всем приснился.

А в кабинете — полированный стол, тяжёлый подсвечник. Витой, игривый. Отлитая в меди виноградная гроздь. Чернильница рядом — тоже литая, массивная, тонкой работы. Строгие грани, четкие линии. Вензель мастера на боку. Господин барон, бывший комендант

явно не любил себя ограничивать. Ну и бог с ним, придется этому великолепию ещё поработать. Яков вытянулся в кресле, протер слезящиеся глаза. Прокрутил ещё раз в голове сегодняшний день и все непростые разговоры. И улыбнулся — широко, во весь рот. Да, если бы мастера сержанта роты Пауля Мюллера не существовало — его стоило бы выдумать. Совершенная, в своём роде наглость — вежливо спросить их светлость, в каком направлении им с капитаном лучше бежать. С деньгами, разумеется.

— Что посоветуете, ваша милость? Куда честным воякам при добыче податься? До Турции аль до Московита? — вот так прямо и спросил, завалившись без стука к их светлости. В лоб. И лопату, ненароком прихваченную, в угол прислонил. Совершенно случайно. Свою роль намека железяка сыграла вполне. Графиня улыбнулась, будто ей рассказали анекдот и выложила на стол свои аргументы. Против железных — бумажные, хрустящие на сгибах, с печатями и закорючками вензелей. Сургуч печатей — багровым и алым. Приказы по армии. Бумаги ехали в сумке их светлости, очевидно в роли пряника для одного слишком умного капитана. "Интересно, что там ехало в качестве кнута?" — Яков потер затылок и решил, что лучше об этом не думать. Вместо этого достал бумаги, разложил и пробежал глазами ещё раз. Да, все правильно.

Первый лист. Приказ по армии. Подпись фельдмаршала Пикколомини, печать, дата.

Рота распускалась. С выплатой жалования, без претензий и на все четыре стороны.

Его, капитан Лесли пехотная рота.

Завитушка в конце — маршал благодарил капитана и его людей. Лично. Как будто было за что.

Второй лист. Тоже приказ, та же подпись, та же печать. Бумаги сшиты углами, суровой ниткой, чтобы не расцепились, не дай бог. Яков посмотрел на дату второго и улыбнулся. Намеренно, или ошибка писарей — но второй приказ на сутки раньше первого. Яков невольно улыбнулся. В самом деле — смешно. По бумагам битые сутки он, Яков Лесли, капитан был един в двух лицах. Капитан пехотной роты полка мушкетеров ОРейли. Распущенного теперь полка. И, одновременно, капитан отдельной роты при коменданте крепости Унгвар. (Ужгород теперь) Подъемные в размере... получить, роту сформировать, вооружить и представить на генеральский смотр не позднее осени. Подпись. Печать.

— Где этот Унгвар, интересно? — пробежала в голове ленивая мысль. И на что похож?

— Надеюсь, в тех краях для нас дело для нас найдётся, — подумал себе капитан, переворачивая лист. Ладно, как говорят еврейские менялы — будем смотреть. Крепость Унгвар — это восточная граница империи. С севера Польша, с востока Трансильвания и горы вокруг. Высокие, заросшие лесом. Горы, люди — люди в тех краях говорят на незнакомом языке, носят длинные усы, бараньи шапки и топоры за поясом. Снежные пики, зеленые долины. И турки. Эти приходят с юга, с дунайских равнин, неважно война или мир вокруг. Суровые ребята, говорят. Ладно, последние годы для Якова выродились в бесцельное хождение кругами по стране. Не армия, а вооруженный до зубов бродячий цирк в поисках жратвы и крыши. После такой круговерти — турки и горы даже радовали. Немного. Настоящее дело, как никак. Впрочем, их светлость прямо предупредила, что в новом качестве Яков будет подчиняться, не сколько коменданту, сколько ей. Что означало опять — неведомое и чудеса в ассортименте. Впрочем, тут Якову и его людям не привыкать. Лишь бы со снабжением не подвели, а чудо разное пусть само их боится.

Яков перевернул лист. Еще одна бумага. Третья по счету. Новый ротный лист, его еще

предстояло заполнить. Ряды букв, колонки, ровные, почерченные пером линии. Должность слева, место для имени — справа. Яков обмакнул в чернила перо. Вывел свою фамилию, напротив графы «Капитан». Потом, ниже строчкой вахтмайстер — теперь рота у Якова уже не островная, придется старине Паулю переименовываться на старости лет. Солдат и капралов всего шесть десятков. Хорошо, случайных и молодых можно разогнать по домам, оставить отборных и тех, кому из армии некуда податься. Вроде стрелка Ганса и его жены. Может дом себе заведет, освоится. Офицеры в помощь Якову — два лейтенанта. Куда столько? Впрочем, резон в генеральской мысли есть. Солдат найти можно, а вот офицеров толковых — а так ветераны под рукой, не надо искать, если француз или турок опять полезет. Первым номером Яков не моргнув глазом вписал Ганса Флайберга, плевать, пусть ворчит и ругается хмурый стрелок. К должности прилагалось жалование и квартира. Магда этому добру применение найдет, сколько кочевать можно. Вторым — рука разогнлась было вписать имя Рейнеке, барона Фон Ринген. И замерла. Их светлость вежливо попросила предоставить парню отпуск. По семейным обстоятельствам. И намекнула, что из отпуска парень уже не вернется. Черт. Перо в руке дрогнуло, клякса расплылась по бумаге. Некрасивым черным пятном. Черт.

Хоть и недолго ходил с ротой юнкер по кличке неЛис — но Яков успел привязаться к нескладному парню. Да и чудо ручное, как никак. Почти. Добрые глаза, серый хвост и зайцы на кухне.

— И вообще, — сурово подумал капитан, — что за дела? Как будто мастер в типографии напился. Взял две судьбы, как две книги и сшил в одну. Под один переплет ротного расписания. Перемешались страницы, переплелись, перепутались. И из двух историй сложилась третья, непохожая на первые две А теперь — заметили, вырвали лишнее. С мясом. Вот только люди не книги...

Яков обмакнул в чернильницу перо, стер лишнее и аккуратно вывел в пустой графе — второй лейтенант, Рейнеке, барон фон Ринген. Черт знает, как у серого сложатся его семейные дела — а должность его ждать будет. Нелишняя. Благо он женат, а Якову без него придется сидеть и жрать, что на кухне готовят. А без Анны там все будет плохо. Совсем. Яков вздохнул, посыпал чернила песком и потянулся к новому листу.

— Капитан, поспите. Ночь на дворе, — оборвал его женский голос. От двери. Яков сморгнул раз, другой. Огонек свечи в глазах дрожал и двоился. В глазах — полосы света, фигура у двери — темная, почти черная, лишь полосы света — короной вокруг головы. Яков сморгнул раз, потом другой. Глаза привыкли, Яков узнал фигуру. Выдохнул — легко, убрал руку с ножа на поясе. Всего лишь Элиза, безумная с опаленными волосами. Как пристала к роте в Мюльберге, так никуда и не ушла. Бог его знает, где спала, что ела — но не уходила, упорно. Люди постепенно привыкли к ней, перестали замечать ее холодную, вечно закутанную в плащ безмолвную фигуру. Яков понял, что удивился не сколько ей, а сколько тому что она заговорила вдруг. А потом тому, что веки стали тяжелыми. Яков выронил перо и заснул. Прямо в кресле. Снились лето, зеленые горы, звенящие ручьи. Старый замок, развалины, какая-то бледная клыкастая морда. Если бы не сон — можно было бы испугаться. Но там, во сне Яков лишь улыбнулся и спросил сержанта: "Не знает ли он, почему сейчас такие клыки?".

Но это во сне, а в реальности он просто повернулся, вытянув уставшие за день ноги. И, не открывая глаз, чихнул — промерз за день. Чужая рука потянулась, осторожно прикрыла его одеялом.

Эпилог 2 - Интрига

Коридоры внутри тихи и пустынные. Внутренний замок, господское крыло, беленые стены, сводчатые потолки, по углам — протечи воды тонкими грязными струйками. Чёрное на белом.

— Довел крепость господин тесть. Генерал, а в доме крыша, что решето, — ворчала себе Анна. Под нос, вполголоса, чтобы юнкер не услышал. Сердито огляделась вокруг. Коридоры пусты. Те самые коридоры господского крыла, по которым они с Рейнеке в ту ночь уносили ноги. Справа — распахнутая дверь, на полу вещи в беспорядке, опрокинутый — крышкой на пол — комод, желтыми блестками — осколки зеркала. Фрау Холле бежала. В последний миг, говорят — посты видели белый хвост в снегу на поле.

— Ну, пусть побеждает, — сказала Анна и обернулась. Рейнеке рядом, сосредоточенный, хмурый. Да уж. Вымотались все, а парень особенно. До сих пор не может отойти. Анна едва вытащила его в эту вылазку — осмотреть заброшенное по милости бывшего коменданта крыло. Может чего ценное попадется Анне под руку, точнее в сумку на плече. Да и комнату надо заранее забить, пока остальные не прочухались. Так они и шли по опустевшим коридорам. Она и Рейнеке. Парень смотрел больше под ноги, кривил губы, что — то шептал иногда. Анна прислушалась — ругательства. Грубые, солдатские ругательства, странные для его уст. Поворот. Неподвижная фигура в тених впереди. Рейнеке не обернулся. Анна вздрогнула, схватила его за руку. Потом выдохнула — тень впереди не человек, лишь пустые доспехи. Тот самый рыцарь с мечом. То есть уже без меча — вырванный из железных рук клинок сиротливо валялся на полу. Царапины на полу — длинные борозды в камне. Свежие. Анна невольно поежилась.

— Тише, это всего лишь статуя, — шепнул ей Рейнеке. Осторожно, боясь спугнуть тишину.

Анна кивнула. Схватила юнкера за руку. И вздрогнула опять. Рука под ладонью — камень и лед, будто вымороженная зимой перчатка.

— Что с тобой? — спросила она. Осторожно. Парень сам не свой с утра. Рейнеке дернул лицом. Собрал морщины на лице в мраморную холодную маску. То есть попытался. Анна даже испугалась на миг — того, что у него получится. Не получилось, прорвало — бессильными, злыми словами:

— Ничего. Поздравляю, милая. Достался тебе сукин сын, юнкер, без жалования, папа — изменник и так далее. Из роты переводят — как пса нашкодившего, за шкуру. Даже не сказали — куда. Не сочли нужным. Зато, уверен, шпионов их светлости там будет больше, чем людей. И сегодняшняя сцена вдобавок. Ты видела достаточно, понимаешь, что значило это все?

Анна выдохнула: "Так вот он о чем. Эх, серый, серый..."

— Что у меня неожиданно образовалась куча родственников. Титулованных, знатных, со скверным характером и — судя по утреннему представлению — кровных. Но если ты стесняешься меня в таком обществе...

Рейнеке дернулся. Будто она ударила его. Замотал головой:

— Я — тебя? Нет... — прошептал он тихо, одними губами, — нет...

— Тогда не дури... — она улыбнулась. Хотела добавить ласковое, — все остальное можно пережить". Не добавила. Не успела.

В уши скользнули шаги. И сухой, отрывистый лязг. Железо о сталь. Так возводятся курки рейтарского, длинного пистолета.

— Добрый вечер, мадмуазель.

Анна обернулась. Медленно, как во сне. Черное дуло пистолета — прямо в лицо. На рукояти — рука в тонкой перчатке. Маленькая фигура, лицо скрыто в тених. Но голос она узнала. Месье ДЭрбле, хитрый аббат, старший из французов.

"Откуда он здесь? Солдаты же обыскали. Все.." — забились мысль в голове, выброшенной на песок рыбкой. Истоиво, разбрасывая золотые блески чешуи. Поздно и глупо да ужаса.

Рейнеке шагнул вперед, загородив ее плечом. Задвинул Анну за спину в одно движение. Из горла рванул глухой, лютый рык. Пистолет в руке француза дрогнул, чуть опускаясь. Глаза под щегольской французской шляпой — спокойные и насмешливые. Чуть. И холодные, как ночь перед расстрелом. Не промахнется. Рейнеке сделал ещё шаг. Медленно, опустив руку в карман. Вытянулись скулы, поплыло, "меняясь" лицо. Дрогнул, пополз вниз медный орёл на курке пистолета.

Анна вздрогнула, схватила Рейнеке за руку. По пальцам — знакомый укол. Но рычание стало чуть тише.

— Добрый вечер, мадмуазель, — второй из французов тоже шагнул из тьмы вперед. Дорожкой света — клинок шпаги в руке. Улыбнулся, шагнул еще раз — вбок, заходя с фланга. Мертвенным лунным огнём вспыхнули завитки на эфесе. А улыбка на лице — добрая, будто и впрямь рад их видеть.

— Мадам, — огрызнулась Анна невольно, крепко держа юнкера за рукав. Против двоих — у Рейнеке нет шансов. Или есть? Нет, скорее в итоге будут три трупа. И ее пистолет с головой турка на рукояти — в сумке, далеко, не достать. Рейнеке замер, переводя глаза с одного из французов на другого. Замер, завис над полкой тяжёлый курок. Раскинув медные

крылья.

— О, поздравляю Вас, мадам, — поправился второй из французов. И улыбнулся.

— Выстрел услышат. Вас найдут, — проговорила Анна. Медленно, уже понимая, что горит что-то не то. Совсем не то. Слишком спокойны они оба.

— Не найдут. Но присоединяюсь к поздравлениям.

— Зачем Вы здесь? Холле в плену, серебро нашли. Ваша...

— Да, партия проиграна. Эта. Поздравляю мадмуазель. Простите, уже мадам. Ничего личного, просто каждый служит своему королю, как умеет. И словами тоже. Это была хорошая интрига и хороший план. Был, но вы его сломали. Походя, вовсе не желая того. Просто господин барон полез решать семейные дела, нарвался, а в результате — тут француз грустно улыбнулся. Чуть дрогнул в руке пистолет, — а в результате, здесь будет мир. И армия Тюренна вернётся во Францию. Принц Конде так надеялся, что этого не произойдет. Настолько, что послал меня сюда — зажечь эту войну по-новой.

— Зачем? Они же всегда были вместе... — это подал голос Рейнеке. Даже рычать забыл от удивления. Француз опустил руку. Слегка, вскинуть опять — недолго. Улыбнулся грустно и пояснил — как ментор школяру:

— Были. Маршал и его лейтенант. Бывшие. Нет худших врагов, чем бывшие друзья, юноша. Когда принц был в силе — рассыпал награды направо и налево, а про своего лейтенанта просто забыл. Зато Тюренн не забыл, обиделся, возлюбил королеву и Мазарини и теперь ведёт армию домой — гонять по Франции своего бывшего начальника. Зато в империи мир, месье и мадмуазель. Из-за вас двоих. Даже завидую.

Анна поежилась. Мир... Нет, война просто сменила адрес. Как знатная дама — села в карету и по магазинам, в Париж. Впрочем, пусть ее. Так французам и надо, — мстительно подумала она и спросила. Осторожно:

— Почему ...

— Почему я в это ввязался? Мне нужна книга, мадам. Та самая, в красном переплете. Вижу, вы знаете ее.

Анна мысленно выругала себя, на чем свет стоит. "Надо будет научиться держать лицо. У меня, небось, все щеки вспыхнули".

— В крепости ее нет, значит — у вас. Отдайте. Я за ней десять лет гонялся.

Лицо француза дрогнуло. Вдруг. Глаза зажглись словно — чем то тёплым, живым, человеческим. Странно, о принце и войне он говорил буднично. Насмешливо слегка. А сейчас... Анна вспомнила холодную издевку их светлости, бешенство Рейнеке, улыбнулась и скинула сумку с плеча.

— Возьмите, — тяжёлый том едва не вывернулся из рук. Рейнеке дернулся — подхватить. Анна сжала его пальцы. Не надо, мол.

— Спасибо, — Эрбле подхватил книгу, прижал к груди — бережно. Анна и не заметила, как из руки исчез пистолет. А потом оба поклонились ей и исчезли. Тихо, будто черт их унес. Или ещё колдовство какое. "Кто этих "непростых" господ знает", — устало подумала Анна, переводя дух. Кровь звенела и билась в ушах, нога скользнула по гладкому камню. Рейнеке подставил руку, не дал упасть. Хотя и у самого лицо — ошеломленное, не меньше, чем у неё.

— Подниму тревогу, — предложил он, оглядываясь на беленые, пустые коридоры. Полумрак, тени и сквозняки. Будто почудилась им недавняя схватка.

— Не надо, — почему-то Анне казалось, что это бесполезно. Совсем. Слишком спокоен был месье француз здесь, посреди занятой врагами крепости. Слишком. Да и лишнее это. Совсем.

"Потому что я молодец, Хватало ума прочитать, что можно. И даже переписать на память кое-что. Теперь только понять, что с этим делать".

Но этого Анна подумала не вслух. Даже в ответ на немой юнкеров вопрос. Вместо этого улыбнулась ему. Коснулась рукой лица, слегка взъерошила волосы.

— Знаешь, серый. Если я правильно поняла — мы только что спасли империю. Мы с тобой. Наверное, и с твоими родственниками справимся.

А Рейнеке вдруг улыбнулся. Встряхнул головой, разгоняя тоску:

— И с прочим, что судьба подкинет. Ты со мной?

Анна молча кивнула. Серый — чудак, нашёл, о чем спрашивать... По жестяному подоконнику — веселыми колокольчиками — перезвон. Ещё и ещё. Капли воды срывались с потолка, звеня, разтекались по полу.

— Это у вас, волков, родовое — крышу не чинить?

— Нет, просто... — юнкер замялся, серьёзный до ужаса. Или до улыбки на лице, — просто весна скоро. Или уже. Все тает.

Анна улыбнулась вдруг. Легко и свободно.

— Весна, — прошептала она, — зима кончилась...

Больше книг на сайте - Knigolub.net